КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXII. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Святой Владиміръ, благовѣрный и равноапост. кн. кіевскій.** П. Л. (1—15)

II. **Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города.** Хр. Ящуржинскаго (16—25).

III. **Болгары и хазары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ св.** П. Голубовскаго (26—68).

VI. **Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.** И. Каманина (69—78).

V. **Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго.** М. Владимірскаго-Буданова (79—116).

VI. **Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и въмюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра.** В. Антоновича (117—132).

VII. **Два замѣчательные предмета кіевскаго церковно-археологическаго музея.** Н. Бѣляшевскаго (133—135).

VIII. **Клады великокняжескй эпохи, найденные въ Кіевѣ.** Н. Бѣляшевскаго. (136—144).

IX. **Памятникъ Б. Хмельницкому** (145-156)

X. **Критика. Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси.** В. Науменка. **Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV ст.** П. Голубовскаго. **Завитневичъ. Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ.** П. Голубовскаго. **Н. П Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора.** Н. С. **Скиескіе древности. Изслѣдованія** С. Лаппо-Данилевскаго. В. Ястребова. **Soldy Bolesława z napisem sławianskim. Studium numizmatyczne K. Bolsunowskiego.** И. Каманина. **Юбилейныя изданія: а) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ профессоръ кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій. Изданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. b) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ протоіерей Г. С. Дебольскій. c) Е. Де-Витте. Равноапостольный князь Владиміръ святый.** П. Голубовскаго. **Разсказъ о святомъ равноапост. кн. Владимірѣ и о крещеніи русск. народа.** П. Голубовскаго.(1-34).

XI. **Документы извѣстія и замѣтки. Церковь св. Василія.** П. Л. **Десятинная церковь.** Н. Б. **Спасъ на Берестовѣ.** П. Л. **Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго.** Н. Стороженка. **Два памятника изъ эпохи Б. Хмельницкаго. О. Л. Новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ.** И. Каманина (1—24).

XII. **Для справокъ** (24—26).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Слово Ѳеофана Прокоповича.**
2) **Дума о Б. Хмельн. и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка.**
3) **Изображеніе св. Владиміра, по рис. худ. Васнецова.**
4) **Памятникъ Б. Хмельн. въ Кіевѣ по рис. Н. Н. Николаева.**
5) **Видъ Десятинной церкви, построенной П. Могилою.**

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

Въ редакціи Кіевской Старины продаются:

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (Выпускъ первый) Кіевъ. 1888. XVI+288 стр. Цѣна два рубля съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Описаніе пересопницкой рукописи XVI в. съ приложеніемъ текста евангелія отъ Луки, выдержекъ изъ другихъ евангелистовъ и 4-хъ страницъ снимковъ. Кіевъ. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

О. И. Левицкаго: Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XII—XVII вѣкахъ съ пер. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ пер. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ пер. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ пер. 55 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1. 1873—1877. Цѣна 2 р. За пересылку прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ XXII.

ІЮЛЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Іюня 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXII. Іюль, Августъ и Сентябрь 1888 г.

		стр.
I.	Св. Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный кн. кіевскій. **П. Л.**	1—15
II.	Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. **Хр. Ящуржинскаго**	16—25
III.	Болгары и хазары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ св. **П. Голубовскаго.**	26—68
IV.	Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. **И. Каманина**	69—78
V.	Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. **М. Владимірскаго-Буданова**	79—116
VI.	Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и въ мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра. **В. Антоновича**	117—132
VII.	Два замѣчательные предмета кіевскаго церковно-археологическаго музея. **Н. Бѣляшевскаго.**	133—135
VIII.	Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ. **Н. Бѣляшевскаго.**	136—144
IX.	Памятникъ Богдану Хмельницкому	145—156
X.	Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. **И. Каманина**	157—195, 597—621
XI.	„Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**	196—245
XII.	Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія **П. Житецкаго.**	246—288, 567—596
XIII.	Порченная. Бытовая повѣсть. **Ю. Левицкой-Пащенко**	289—314, 500—522

стр.

XIV. На рубежѣ. Повѣсть Равиты. Переводъ съ польскаго. **К. М.** . . . . . 315—348, 523—566

XV. Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченко.** . . . . . 349—380

XVI. Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго** . . . 381—394

XVII. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Н. Веселовскаго** . . . . . 395—414

XVIII. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введеніе Свода Законовъ. **И. Теличенка.** . . . . . 415—466

XIX. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ. **С Бершадскаго** . . 467—499

XX. Критика. Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. **В. Науменка.** Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. **П. Голубовскаго.** Завитневичъ. Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ. **П. Голубовскаго.** Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. **Н. С.** Скиѳскія древности. Изслѣдованія А. Лаппо-Данилевскаго. **В. Ястребова.** Solidy Bolesława z napisem sławiańskim. Studium numizmatyczne. K. Bołsunowskiego. **И. Каманина.** Юбилейныя изданія: a) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ профессоръ кіевской духовной академіи Н. И. Малышевскій. Изданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. b) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ протоіерей Г. С. Дебольскій. c) Е. Де-Витте. Равноапостольный князь Владиміръ святый. **П. Голубовскаго.** Разсказъ о святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. **П. Голубовскаго.** Труды Археологич. Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ II. **В. Ястребова.** Украинскіе народные разсказы на французскомъ языкѣ. **П. К—аго.** Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ В. Д. Бублика **И. Ж.** С. Р. Кіевъ и его прошлое. **И. Ж** Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ, или Патерикъ волыно-почаевскій, въ двухъ частяхъ съ изображеніями св. угодниковъ

СТР.

Волынскихъ, чудотворной иконы Божіей Матери Почаевской, видомъ Лавры Почаевской и пр. Протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго (съ портретомъ автора). Издано въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія его церковно-литературной дѣятельности. **И. Л.** Протопоповъ. Св. Владиміръ великій князь кіевскій и всея Руси. **П. Голубовскаго**. Юбилейныя изданія: 1) въ память празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Состав. В. Михайловъ. Москва. 1888 г.; 2) Св. Равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Составилъ В. Д. Синовскій. Спб. 1888 г. 3) „Родникъ". Журналъ для дѣтей. Іюль. 1888 г. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. **П. Голубовскаго.** Edv. Jelinek. Ukrajinské dumy. V Praze. 1888 года, ц. 30 кр. **А. Степовича.** Долопчевъ В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ южной Россіи). Одесса. 1886 г. **А. С—ча.** „Збирныкъ творивъ" и „Наймычка" Карпенка-Карого. **И. Ж.** Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей подъ редакціей Вс. Мамышева. **М.** „Зъ згадокъ про дитячи лита". Васыля Чайченка. **И. Ж.** . . . . . 1—70

XXI. Документы, извѣстія и замѣтки. Церковь св. Василія. **П. Л.** Десятинная церковь. **Н. Б.** Спасъ на Берестовѣ. **П. Л.** Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. **Н. Стороженка.** Два памятника Богдана Хмельницкаго. **О. Л.** Новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. **И. Каманина.** Кіевская Публичная Библіотека, **В. Г.** Новое пріобрѣтеніе Церковно - Археологическаго Музея. **В. Г.** Библіотека барона Шодуара и вновь открытое изображеніе св. Бориса и Глѣба и, можетъ быть, св. Владиміра. **Н. Петрова.** Приданое П. И. Шереметевой. **А. Востокова.** Рядная Клеопатры Ильиничны кн. Лобановой-Ростовской. Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ. Графа **Г. А. Милорадовича.** О богатыряхъ. **И. Манжуры.** Слѣды велико-княжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ. **Ник.**

стр.

Бѣляшевскаго. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ. Къ столѣтію новгородсѣверской гимназіи. **Сѣверянина.** Императоръ Александръ I и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ. Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ. **В. Ч.** Три лекціи Ал. Перовскаго. **В. Г.** Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ. **Н. Бѣляшевскаго.** . . . . . 1—78

XXIII. Для справокъ . . . . . 28—26, 78—82

XXIV. Библіографическій листокъ . . . . . 1—44

Приложенія: 1) Слово Ѳеофана Прокоповича.

2) Дума о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ.

3) Изображеніе св. Владиміра, по рис. Васнецова

4) Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ по рис. В. Н. Николаева.

5) Видъ Десятинной церкви, построенной П. Могилою.

6) Ноты къ думѣ о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ Н. В. Лисенка.

7) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

8) Словарь книжной малорусской рѣчи.

Желая выразить участіе свое въ кіевскомъ торжествѣ, соединяющемъ имена двухъ великихъ дѣятелей русской земли,

ВЛАДИМІРА СВЯТАГО

и

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО,

редакція „Кіевской Старины“ посвящаетъ іюльскую книгу журнала памяти равноапостольнаго князя и знаменитаго гетмана малороссійскаго.

ТИП. Г. Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО. СЪ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА В. М. ВАСНЕЦОВА.

Св. равноапостольный великій князь Владиміръ.

СВЯТЫЙ ВЛАДИМІРЪ,

благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій.

(*Лѣтописное сказаніе*).

Просвѣтитель земли русской, св. и равноапостольный Владиміръ былъ сынъ кіевскаго князя Святослава Игоревича и внукъ св. княгини Ольги, супруги кіевскаго князя Игоря Рюриковича. Матерью его была *Милуша*, родомъ изъ г. Любеча (нынѣ мѣстечко черниговской губерніи), дочь Малка, племянница Добрыни, одного изъ бояръ Святослава. Въ то время, когда родился Владиміръ, страна русская пребывала въ идольской прелести, не зная истиннаго Бога и Сына Его Іисуса Христа. Таковыми, невѣдущими истиннаго Бога были родители св. Владиміра и всѣ жители кіевской области. Богами у нихъ были идолы или истуканы, сдѣланные изъ дерева, серебра и золота; имъ воздавали предки наши божескую честь, имъ покланялись, имъ молились и приносили жертвы. Первымъ и главнымъ богомъ былъ у нихъ *Перунъ*, богъ грома и молніи, идолъ котораго, въ видѣ человѣка съ серебряною головою и золотыми усами, стоялъ въ Кіевѣ, на горѣ, надъ Боричевымъ взвозомъ, гдѣ теперь церковь св. Василія, иначе называемая Трехсвятительскою. Вторымъ богомъ былъ *Велесъ*, скотій богъ, котораго истуканъ стоялъ въ концѣ Кіево—Подола, на оболоньѣ Днѣпра. Третьимъ богомъ былъ *Ладо*, богъ веселія; четвертымъ богомъ—*Купало*, богъ земныхъ плодовъ, въ честь котораго язычники возжигали костры и скакали чрезъ

огонь съ пѣснями, въ вѣнкахъ изъ зелени. Много было и другихъ боговъ у нашихъ предковъ.

Но были въ то время въ русской землѣ и начатки христіанства; первѣе всего появилось оно въ Кіевѣ. Въ Кіевъ издавна приходили на судахъ по Днѣпру греки по торговымъ дѣламъ, и наши кіевскіе купцы, или гости ходили тѣмъ же путемъ въ греческія поселенія, бывшія въ Крыму и въ устьяхъ Днѣпра, для обмѣна произведеній своей страны на товары Востока, а по Черному морю доходили и до Царьграда, гдѣ, знакомясь съ христіанами, знакомились и съ христіанской вѣрой. Болѣе значительное обращеніе русскихъ въ христіанскую вѣру произошло за 100 лѣтъ до рожденія св. Владиміра, когда *Аскольдъ* и *Диръ*—предводители военной дружины, овладѣвши Кіевомъ и освободивши его отъ дани козарамъ, напали на Царьградъ съ многочисленною ратью, собранною въ Кіевѣ. Потерпѣвъ здѣсь чудесно пораженіе по молитвамъ грековъ въ Влахернскомъ храмѣ, многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ своими предводителями крестились тогда въ Царьградѣ и приняли пресвитеровъ и епископа отъ патріарха Фотія, съ которыми возвратились въ Кіевъ. Извѣстно также, что при Олегѣ, опекунѣ малолѣтняго князя Игоря, и при самомъ Игорѣ, дѣдѣ св. Владиміра, христіанамъ дозволено было въ Кіевѣ имѣть и свою церковь во имя св. пророка Иліи. Она стояла у днѣпровскаго берега на углу Хозарской и Пасѣнчиной улицъ, надъ ручьемъ Почайною, протекавшею тогда по восточной окраинѣ Подола, гдѣ нынѣ стоитъ каменный храмъ того же имени, на углу Ильинской и Почаевской улицъ. Еще свободнѣе стало христіанамъ въ Кіевѣ послѣ того, какъ увѣровала во Христа правительница русской земли, мудрая княгиня Ольга, бабка св. Владиміра, супруга кіевскаго князя Игоря. Для принятія св. крещенія она путешествовала по Черному морю въ Царьградъ съ значительною свитою, въ которой были ея родственницы и племянникъ, и удостоилась принять св. крещеніе въ храмѣ св. Софіи отъ патріарха, при чемъ воспріемникомъ ея отъ купѣли былъ самъ греческій императоръ Константинъ Порфирородный. Ея примѣру послѣдовали бывшіе съ нею въ Царьградѣ многіе изъ кіевлянъ, по возвра-

щеніи ея въ Кіевъ съ пресвитеромъ Григоріемъ. Св. княгиня Ольга была для Россіи зарею утреннею, предвѣстницей полнаго свѣта Христовой вѣры.

Но этотъ свѣтъ долженъ былъ еще нѣкоторое время бороться у насъ съ тмою идолослуженія и невѣрія. Большинство жителей Кіева продолжало оставаться въ язычествѣ. Языческую вѣру содержалъ и сынъ Ольги, воинственный князь Святославъ Игоревичъ. Ольга убѣждала Святослава принять христіанскую вѣру, но онъ не внималъ словамъ своей матери, потому что его военной дружинѣ не по душѣ было мирное евангельское ученіе. Вѣровать во Христа при Святославѣ не воспрещали, но ругались надъ принимавшими св. крещеніе. Въ этой же языческой вѣрѣ возрасли и оставались сыновья Святослава, внуки св. Ольги, Ярополкъ и Олегъ, княжившіе въ удѣлахъ. Такимъ же язычникомъ былъ и третій сынъ Святослава Владиміръ, доколѣ лучъ св. вѣры не проникъ въ его сердце. Къ обращенію въ христіанство не располагала его вначалѣ и самая жизнь, потому что еще юношей онъ посланъ былъ отцемъ своимъ на княженіе въ дальній отъ Кіева Новгородъ и послѣ того нѣсколько лѣтъ провелъ за моремъ, въ варяжской языческой землѣ, куда бѣжалъ изъ Новгорода, опасаясь за свою жизнь по убіенія Ярополкомъ брата Олега. Овладѣвши послѣ того Кіевомъ съ помощію приведенныхъ изъ-за моря варягъ-язычниковъ и сдѣлавшись самодержавнымъ обладателемъ всей русской земли по смерти брата Ярополка, коварно убитаго въ Роднѣ, Владиміръ не только не переставалъ жить по-языčески, но показалъ себя даже ревнителемъ язычества: ставилъ идоловъ, приносилъ имъ жертвы и осквернилъ землю пролитіемъ предъ ними крови. Послѣ побѣды надъ ятвягами онъ не страшился служить идоламъ принесеніемъ и человѣческихъ жертвъ. Жертвою идолослуженія тогда имѣли быть и пострадали за исповѣданіе Христа два варяга—христіане, отецъ и сынъ, прибывшіе къ намъ изъ Греціи, а жительствовавшіе тамъ гдѣ, нынѣ Десятинная церковь. Варягъ-сынъ былъ юноша, красивый лицемъ и прекрасный душею. И вотъ, когда Владиміръ приносилъ жертвы идоламъ за побѣду, одержанную надъ ятвягами, старики и вельможи сказали: „бросимъ жребій,

на юношу и на дѣвицу, и на кого падетъ жребій, того принесемъ въ жертву богамъ". По зависти злаго духа, жребій палъ на молодаго варяга, исповѣдовавшаго христіанскую вѣру. Посланные пришли къ его отцу и сказали: жребій палъ на твоего сына, полюбился онъ богамъ, мы и принесемъ его имъ въ жертву. Отецъ отвѣтилъ: „то не боги, а дерево; они не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, сдѣланы руками изъ дерева, а дерево сегодня существуетъ, а завтра сгніетъ. Единъ есть истинный Богъ, которому служатъ греки и покланяются. Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, луну, солнце и человѣка и далъ ему жить на землѣ, а эти боги что сдѣлали? Они сами сдѣланы. Не дамъ сына злымъ духамъ". Посланные пошли и передали гражданамъ отвѣтъ варяга. Язычники устремились къ нему съ оружіемъ и разобрали дворъ его дома. Варягъ спокойно стоялъ съ сыномъ въ крыльцѣ, на сѣняхъ. Ему кричали: „дай сына въ жертву богамъ!" Онъ отвѣчалъ: „если идолы дѣйствительно боги, то пусть пришлютъ одного изъ боговъ и возьмутъ моего сына, а вы зачѣмъ требуете его заранѣе? „Язычники бросились тогда на домъ варяга съ гнѣвомъ и крикомъ, подрубили сѣни и подъ развалинами дома пали мертвыми оба варяга—отецъ и сынъ. Неизвѣстно, гдѣ они схоронены, а Господь украсилъ ихъ мученическими вѣнцами. Такъ еще 7 лѣтъ прошли для Владиміра въ языческомъ нечестіи. Во все это время некогда было ему подумать о своей душѣ: онъ занятъ былъ мірскими дѣлами, а болѣе всего военными, ограждая свою страну отъ внѣшнихъ враговъ; ходилъ на ляховъ и занялъ ихъ города—Перемышль, Червень и другіе, которые долгое время потомъ находились подъ властію русскихъ князей; покорилъ вятичей и заставилъ ихъ платить дань отъ плуга; ходилъ и на болгаръ, жившихъ на срединной Волгѣ, и побѣдивши ихъ, заключилъ съ ними вѣчный миръ.

Возвратясь опять въ Кіевъ и успокоившись отъ военныхъ трудовъ, Владиміръ вспомнилъ о вѣрѣ, которую содержала его бабка Ольга, размыслилъ и о вѣрѣ языческой и созналъ тщету идоловъ. Въ то же время явились къ нему представители разныхъ народовъ, приглашая каждый въ свою вѣру. Поклонники Магомета—болгаре предлагали законъ Магометовъ, разрѣшающій всѣ

плотскія удовольствія здѣсь на землѣ и обѣщающій продолженіе ихъ въ будущей жизни, но воспрещающій пить вино. Нѣмцы отъ римскаго папы говорили Владиміру о единомъ, истинномъ Богѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшали по своему закону ѣсть и пить все, а поститься лишь сколько кто въ силахъ. И жрецы хозарскіе говорили Владиміру о своей вѣрѣ, выдавая ее за вѣру истинную, и по этой вѣрѣ требовали подвергнуться обрѣзанію и не ѣсть свинины. Владиміръ здравымъ своимъ умомъ отвергъ предложенія этихъ проповѣдниковъ. Болгарамъ отвѣтилъ: „мы—русскіе не можемъ обойтись безъ вина“. Нѣмцамъ сказалъ: „идите домой, отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Евреевъ спросилъ: „гдѣ ваша земля?“. Въ Іерусалимѣ—отвѣчали они, но Богъ разсѣялъ насъ по разнымъ странамъ за грѣхи нашихъ отцевъ.— „Какъ же вы, отверженные Богомъ, сказалъ имъ Владиміръ, хотите учить другихъ своей вѣрѣ? Не хотите ли, чтобы и насъ постигла та же участь?“ Наконецъ явились къ Владиміру посланные отъ грековъ. Мудрый греческій проповѣдникъ, философъ Кириллъ разсказалъ Владиміру о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхопаденіи прародителей и обѣтованномъ Спасителѣ, потомъ передалъ въ краткихъ словахъ всю исторію промышленія Божія о спасеніи рода человѣческаго и наконецъ изложилъ ученіе о пришествіи Господа Іисуса Христа на землю и спасеніи человѣковъ Его страданіями и смертію, о необходимости вѣры въ него и крещенія для полученія этого спасенія, о вѣчной жизни и воздаяніи въ ней каждому по дѣломъ Его, о блаженствѣ праведныхъ въ раю и мученіи во адѣ, которое постигнетъ грѣшниковъ и всѣхъ, кто не вѣруетъ во Іисуса Христа и не крестится въ Него. При этомъ въ заключеніе своей проповѣди, грекъ показалъ Владиміру картину страшнаго суда, на которой съ правой стороны отъ Сына Божія—Судіи вселенной, изображены праведники, радостно идущіе въ рай, а по лѣвую сторону—грѣшники, гонимые въ адъ. „Добро симъ одесную“, сказалъ со вздохомъ Владиміръ, „и горе симъ ошуюю“.—„Крестись, и ты будешь съ первыми“, отвѣтилъ ему философъ. Но Владиміръ рѣшился подождать еще немного съ перемѣной вѣры, а греческаго проповѣдника отпустилъ съ честью и богатыми дарами. Потомъ

Владиміръ созвалъ къ себѣ бояръ и стариковъ и сказалъ имъ: „приходили ко мнѣ болгаре, нѣмцы и греки; всѣ они хвалили свой законъ, а другихъ законъ хулили. Что вы скажете на это, какъ быть?“ Бояре и старики отвѣчали: „князь, ты знаешь, что всякій хвалитъ свою вѣру. Есть у тебя много умныхъ людей, пошли ихъ узнать на мѣстѣ, которая вѣра лучше.

Князю и всѣмъ людямъ угодно было это. Избрали тогда 10 мужей разумныхъ и надежныхъ и отправили ихъ въ чужія земли. Пошли они сначала въ землю болгарскую, потомъ къ нѣмцамъ, наконецъ пришли въ Царьградъ. Греческій царь принялъ ихъ съ великою почестью, а патріархъ приказалъ устроить по праздничному службу въ храмѣ св. Софіи—Премудрости Божіей, приготовить лучшіе церковные уборы и лучшее пѣніе и поставить русскихъ пословъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ, откуда можно было имъ видѣть всю красоту храма и службу Божію, архіерейскую и слышать пѣніе церковныхъ хоровъ. Приставленные къ нимъ изъ знающихъ русскую рѣчь объясняли значеніе богослуженія. Послы наши пришли въ умиленіе и изумленіе отъ всего видѣннаго въ этомъ великолѣпнѣйшемъ храмѣ [1]), и возвратясь въ Кіевъ, говорили князю, боярамъ и старикамъ такъ: „были мы въ землѣ болгаръ и смотрѣли, какъ они молятся въ своей ропатѣ (мечети). Нѣтъ у нихъ ничего веселящаго душу, но все печально и омерзительно; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы и въ землю нѣмцевъ; видѣли у нихъ много службъ церковныхъ, но красоты никакой не видѣли. Наконецъ пришли мы въ Царьградъ; греки повели насъ туда, гдѣ они служатъ своему Богу, и мы не знаемъ, на небѣ или на землѣ мы стояли. Нѣтъ нигдѣ на землѣ такой красоты. Трудно выразить то, что мы видѣли; знаемъ только, что тамъ Богъ обитаетъ среди людей и что служба грековъ лучше, чѣмъ служба всѣхъ другихъ странъ. Не можемъ мы забыть видѣнной красоты. Всякій человѣкъ, вкусившій сладкаго, не захочетъ горькаго. Такъ и мы не можемъ оставаться въ старой языческой вѣрѣ“. Бояре сказали:

---

[1]) Храмъ этотъ, построенный императоромъ Юстиніаномъ въ 6 вѣкѣ по Рожд. Хр., существуетъ донынѣ, но турками обращенъ въ главную ихъ мечеть.

„еслибъ греческій законъ былъ худъ, то не приняла бы его и бабка твоя Ольга, которая была мудрѣе всѣхъ людей".—Гдѣ же мы примемъ крещеніе, спросилъ тогда Владиміръ, который еще прежде увѣровалъ въ истиннаго Бога.—Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчали бояре.

Послѣ сего прошло лѣто, но не было еще рѣшено, гдѣ креститься Владиміру съ дружиной,—здѣсь ли въ Кіевѣ, или тамъ, гдѣ такъ хороша церковная служба,—въ греческой землѣ. Но вотъ самъ Богъ привелъ князя Владиміра и его бояръ въ эту землю. Случилась надобность князю Владиміру идти съ войскомъ въ греческій городъ Корсунь, который былъ въ Крыму, близъ нынѣшняго Севастополя. Жители этого города заперлись въ стѣнахъ и не хотѣли сдаться русскимъ; Владиміръ обложилъ городъ войскомъ и велѣлъ сыпать вокругъ него валъ, чтобы совсѣмъ запереть его; но корсунцы, сдѣлавъ подъ городскими стѣнами подкопъ, постоянно уносили насыпаемую землю и ссыпали ее посреди своего города. Долго потому, шесть мѣсяцевъ стоялъ Владиміръ съ войскомъ подъ Корсунемъ и не могъ его взять. Помогъ одинъ корсунецъ, по имени Анастасъ, пустивъ изъ города стрѣлу, на которой было написано: „перекопай и перехвати трубы, которыми вода изъ родниковъ проведена въ городъ, и городъ сдастся". Услышавъ объ этомъ, Владиміръ, поднявъ глаза къ небу, сказалъ: „если это сбудется, то я крещусь". По приказанію князя были тогда выкопаны трубы, вода перехвачена и жители г. Корсуня, оставшись безъ воды, должны были сдаться. Владиміръ, занявъ городъ, послалъ сказать греческимъ царямъ Василію и Константину: „слышу, что у васъ есть сестра дѣвица, отдайте ее за меня; если же не отдадите, то вашъ столичный городъ—Царьградъ постигнетъ та же участь, что и этотъ". Цари опечалились, получивши это требованіе, но, подумавъ, дали такой отвѣтъ Владиміру: „намъ христіанамъ не слѣдуетъ выдавать никого въ замужество за язычниковъ; если же ты крестишься, то получишь желаемую невѣсту и царствіе небесное наслѣдуешь, а если не хочешь принять крещеніе, то не можемъ выдать за тебя свою сестру". Тогда Владиміръ объявилъ посламъ греческихъ царей: „скажите царямъ, что я хочу кре-

ститься; вѣра ваша и ваша церковная служба мнѣ нравятся, я и прежде зналъ о вашемъ законѣ". Цари обрадовавшись сему, уговаривали свою сестру Анну идти за Владиміра и отправиться къ нему съ нѣсколькими вельможами своего двора и священниками. Неохотно согласилась Анна; „какъ въ плѣнъ иду, говорила она, лучше бы мнѣ здѣсь умереть". Но братья-цари сказали: „а можетъ быть чрезъ тебя Богъ обратитъ къ вѣрѣ Христовой всю русскую землю и избавитъ чрезъ то греческую землю отъ губительной войны. Развѣ ты не видишь, сколько бѣдъ надѣлали тамъ русскіе? То же сдѣлаютъ и намъ, если не пойдешь". Царевна простилась съ родными, сѣла на корабль и съ плачемъ отправилась въ море. По прибытіи корабля въ Корсунь, жители этого города встрѣтили свою царевну также со слезами, ввели въ городъ и поселили во дворцѣ. По Божію изволенію у Владиміра въ это время разболѣлись глаза такъ, что онъ ничего не могъ видѣть и отъ сего былъ въ большой скорби. Анна послала сказать ему: „крестись, и ты избавишься отъ этой болѣзни". Владиміръ отвѣчалъ: „если такъ сбудется, то великъ христіанскій Богъ", и велѣлъ крестить себя. Корсунскій епископъ немедленно крестилъ его, преподавъ предварительно наставленіе въ христіанской вѣрѣ, и какъ только возложилъ на него при крещеніи руку, Владиміръ прозрѣлъ глазами и прославилъ Бога, сказавъ: „теперь то позналъ я истиннаго Бога". Видя это чудо, тогда же крестились и многіе изъ дружины князя.

Крещеніе Владиміра совершилось въ церкви св. Василія, которая стояла на торговой площади посреди г. Корсуня. Дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, находился подлѣ этой церкви, а дворецъ царевны былъ позади алтаря. За крещеніемъ Владиміра послѣдовало бракосочетаніе его съ царевной Анной. Такъ крещеніе Владиміра совершено въ городѣ Корсунѣ, иначе Херсонесѣ. Только невѣжи, незнающіе ничего основательно, утверждаютъ, будто оно происходило въ Кіевѣ или въ Василевѣ или гдѣ индѣ. Въ Корсунѣ Владиміръ воздвигъ и церковь на холмѣ изъ кирпичей, выдѣланныхъ изъ глины, которую уносили жители съ валовъ во время осады Корсуня и ссыпали среди города; церковь эта стояла тамъ долгое время.

Городъ Корсунь Владиміръ возвратилъ грекамъ въ вѣно за ихъ царевну, а самъ пошелъ въ Кіевъ, взявъ съ собою жену свою, царевну Анну, Анастаса и корсунскихъ священниковъ. Онъ взялъ еще на благословеніе себѣ мощи св. Климента и Ѳирса, его ученика, много церковныхъ сосудовъ и иконъ, двѣ большихъ мѣдныхъ купѣли и 4 мѣдныхъ коня, которые поставлены въ Кіевѣ за церковью св. Богородицы. По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ, иныхъ разрубить и бросить въ огонь, а Перуна велѣлъ привязать къ конскому хвосту и волочить по Боричеву взвозу на ручай (Почайну), приставивъ 12 человѣкъ бить его палками. Это не для того, чтобы чувствительно было дереву, а на поруганіе бѣсу, который въ видѣ этого идола прельщалъ людей. Когда Перуна волокли по ручаю въ Днѣпръ, люди невѣрніи, еще не просвѣщенные св. крещеніемъ, плакали. Приволокши, бросили его въ Днѣпръ. Владиміръ послалъ еще нѣсколько человѣкъ сопровождать Перуна по теченію Днѣпра и приказалъ: „если гдѣ прибьетъ его къ берегу волною, отталкивайте его, пока пройдетъ пороги, а тамъ уже оставьте его“. Повелѣніе князя исполнено. Перуна пустили по Днѣпру, онъ прошелъ пороги, но тамъ выбросило его на берегъ, и отъ сего мѣсто сіе прозвано Перуновымъ. Послѣ этого Владиміръ послалъ объявить по всему городу: „кто не явится на рѣку—будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, тотъ мнѣ противенъ“. Слыша это, люди шли съ радостію и говорили: „еслибъ сіе не было добро, то его не приняли бы князь и бояре“. На другой день утромъ князь Владиміръ вышелъ на Днѣпръ съ попами царицыными и корсунскими, и сошлось людей безъ числа: одни, влѣзши въ воду, стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, малолѣтніе стояли ближе къ берегу, другіе держали малолѣтнихъ на рукахъ, возрастные вбрели совсѣмъ въ воду, а попы, стоя на берегу, совершали молитвы. И радовались небо и земля о спасеніи такого числа людей, а діаволъ, стеня, вопіялъ: „увы мнѣ, меня гонятъ и отсюда. Я думалъ имѣть здѣсь себѣ жилище на всегда, потому что здѣсь не было проповѣди апостольской и люди не знаютъ Бога; я радовался ихъ идолослуженію, которымъ чествовали меня; но вотъ я потерпѣлъ уже пораженіе и

не отъ апостоловъ или мучениковъ, а отъ простыхъ людей, и мнѣ уже не царствовать въ этихъ странахъ". По крещеніи люди пошли въ свои домы, а Владиміръ радовался, что и самъ онъ познался и люди познали Бога. „Боже, сотворивый небо и землю, сказалъ онъ, воззрѣвъ на небо, призри на новыя люди твоя и дай имъ, Господи, познать Тебе истиннаго Бога, какъ познали Тебя въ странахъ христіанскихъ; утверди въ нихъ вѣру праву и невозвратну, а мнѣ помоги на супротивныя враги, да надѣясь на Тебя и на Твою державу, побѣжду козни діавола". Произнесши эту молитву, Владиміръ приказалъ строить церкви и ставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы, и поставилъ церковь св. Василія на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ Перунъ, и другія церкви поставилъ тамъ, гдѣ князь и люди прежде совершали идольскія требы. Также приказалъ поставить церкви и поповъ по другимъ городамъ и приводить людей къ св. крещенію въ городахъ и селахъ. У знатныхъ людей онъ началъ чрезъ посланныхъ брать дѣтей и отдавать въ ученіе книжное, а матери плакались по тѣхъ дѣтяхъ, какъ по мертвыхъ, потому что они еще не утвердились въ вѣрѣ. Тогда сбылось надъ русскою землею пророчество: *въ оные дни услышатъ глухіи словеса книжная и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.* Предки наши не слышали прежде книжнаго слова, но по Божіему промыслу и по его милости дано имъ и это, какъ сказано у пророка: *помилую, его же аще милую.* Помиловалъ Богъ и насъ, даровалъ намъ баню пакибытія и обновленія св. Духа—по своему изволенію, а не ради нашихъ дѣлъ. Потому, павши предъ Нимъ, скажемъ: „благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, который возлюбилъ новую рускую землю и просвѣтилъ ее крещеніемъ. Господи, Іисусе Христе! что воздадимъ мы тебѣ за все, что ты сдѣлалъ для насъ грѣшниковъ? Недоумѣваемъ, чѣмъ возблагодарить Тебя за Твои дары. Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои; величію Твоему нѣтъ предѣла, роды родовъ восхвалятъ дѣла Твои. *Пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, предваримъ лице Его во исповѣданіи, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его,* потому что онъ избавилъ насъ отъ враговъ нашихъ, т. е. отъ идоловъ суетныхъ. Скажемъ еще съ

Давидомъ: *Воспойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля; воспойте Господеви, благословите имя Его, благовѣстите день отъ дне спасеніе Его, яко велій Господь и хваленъ зѣло и величію Его нѣсть конца.* О сколь велика наша радость! Господь сказалъ: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся, а здѣсь не одинъ, не два приступили ко Господу, а приступило къ Нему безчисленное множество людей, просвѣщенныхъ св. крещеніемъ, по сказанному у пророка: *воскроплю на вы воду чисту, и очиститеся отъ идолъ вашихъ и отъ грѣхъ вашихъ.* Апостолъ Павелъ говоритъ: *елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся. Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ. Ветхая мимоидоша, се вся нова быша; нынѣ приближися намъ спасеніе, нощь убо прейде, а день приближися.* Мы же возопіимъ ко Господу Богу нашему: *благословенъ Господь Богъ, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ; сѣть сокрушися, и мы избавлени быхомъ отъ прелести діаволи.* Погибла память его съ шумомъ, а Господь пребываетъ во вѣки, въ Тройцѣ святой прославляемый отъ сыновъ русскихъ, демоны же проклинаются благовѣрными мужами и вѣрными женами, принявшими святое крещеніе и покаяніе во отпущеніе грѣховъ, новыми людьми, христіанскими, избранными Богомъ. Просвѣтившись св. крещеніемъ, Владиміръ крестилъ и сыновей своихъ и всю землю свою, а у него было 12 сыновей: Вышеславъ отъ чехини, Изяславъ, Ярославъ и Всеволодъ отъ Рогнѣды, дочери Полоцкаго князя Рогволода, Святополкъ отъ гречанки, бывшей женой брата Владимірова Ярополка, Святославъ и Мстиславъ отъ другой гречанки, Борисъ и Глѣбъ отъ болгарки, Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ и двѣ дочери. Посадилъ Владиміръ на княженіе Вышеслава въ Новгородѣ, Изяслава въ Полотскѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ, а по смерти Вышеслава перевелъ его въ Новгородъ, Бориса въ Ростовѣ, Глѣба въ Муромѣ, Святослава у древлянъ, Всеволода въ Владимірѣ-Волынскомъ, Мстислава въ Тмуторокани. Сказалъ еще Владиміръ: мало городовъ подлѣ Кіева, и началъ строить города по

рѣкамъ—Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ, по Сулѣ и по Стугнѣ, и населилъ ихъ лучшими мужами, набранными изъ славянъ, кривичей, чуди и вятичей. Воевалъ онъ после сего съ Печенѣгами и побѣдилъ ихъ.

Живя свято въ христіанскомъ законѣ, Владиміръ въ 989 году задумалъ создать церковь во имя Пресвятыя Богородицы, а для сего послалъ призвать мастеровъ изъ числа грековъ. Окончивъ постройку этой церкви, онъ расписалъ стѣны иконными изображеніями и предоставилъ служить въ ней корсунскимъ священникамъ, отдавъ въ нее иконы, сосуды, кресты и все, что взялъ въ Корсунѣ. Окончена она въ 996 году. Радуясь окончанію ея, Владиміръ вошелъ въ нее и помолился Богу, говоря: „Господи Боже, призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ сей и доверши то, что насадила десница Твоя, содѣлай новыми этихъ людей, которыхъ сердца ты обратилъ къ себѣ и даровалъ имъ разумъ познать Тебе—истиннаго Бога. Призри на эту церковь, которую создалъ я, недостойный рабъ Твой, во имя родившей Тебя Матери, Приснодѣвы, Богородицы; ради молитвъ Пречистыя Богородицы услышь того, кто помолится въ этомъ храмѣ“. И помолившись, Владиміръ сказалъ: „даю сей церкви святой Богородицы десятую часть дохода отъ своего имѣнія и отъ городовъ моихъ“. И далъ о семъ запись въ церковь подъ клятвою, сказавши: „кто перемѣнитъ это, да будетъ проклятъ“. И выдалъ тогдаже десятину Анастасію Корсунянину, которому поручилъ эту церковь. Въ этотъ день сотворилъ онъ большой праздникъ боярамъ и старикамъ народнымъ, а бѣднымъ роздалъ много изъ своего имѣнія.

Пришли послѣ того печенѣги къ Василеву, Владиміръ выступилъ противъ нихъ съ малою дружиною; произошла битва, Владиміръ не могъ устоять, обратился въ бѣгство и едва спасся отъ враговъ, укрывшись подъ мостомъ. Тогда онъ далъ обѣщаніе построить въ Василевѣ церковь во имя Преображенія Господня, такъ какъ помянутая битва произошла въ день Преображенія Господня. По минованіи опасности отъ враговъ, Владиміръ поставилъ здѣсь церковь и сотворилъ большой праздникъ. Сваривъ 300 кадій меду, онъ звалъ своихъ бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ изъ всѣхъ городовъ и много людей, а бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ. Праздновалъ князь 8 дней и возвращался послѣ

того въ Кіевъ къ Успенію Богородицы, здѣсь опять устроялъ большой праздникъ, созывая безчисленное множество народа. Видя же, что люди живутъ истинно по-христіански, радовался душею и тѣломъ, и такъ дѣлалъ онъ каждое лѣто. Любилъ онъ чтеніе св. книгъ и, слыша однажды слова Евангелія: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ; продадите имѣнія ваша и дадите нищимъ; не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, но скрывайте себѣ сокровища на небеси, идѣже ни тля тлитъ, ни татье крадутъ*, слыша также слова Давида: *блаженъ мужъ милуяй и даяй*, дозволилъ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать все потребное—пищу и питье и деньгами изъ своей казны. Онъ сдѣлалъ и больше сего. Сказавши: „больніе и немощніе не могутъ дойти до моего двора“, приказалъ развозить по городу на возахъ хлѣбъ, мясо, рыбу и различную овощь, а въ бочкахъ медъ и квасъ и раздавать, распрашивая, гдѣ больніи и нищіи, которые не могутъ ходить. И вотъ еще что дѣлалъ онъ: установилъ приготовлять у себя на дворѣ, въ гридницѣ, пиръ каждую недѣлю, на который приходили бояре и гридни, составлявшіе княжескую охранную стражу, сотскіе, десятскіе и именитые мужи, при князѣ и безъ князя; всего было тамъ изобильно—мяса, скота, дичи всякой. Однажды подпивши, посѣтители этихъ пировъ стали роптать на князя, говоря: „бѣдныя наши головы! намъ даютъ ѣсть деревянными, а не серебряными ложками“. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ приказалъ сдѣлать для стола своей дружины сребряныя ложки, говоря: „сребромъ и золотомъ я не достану дружины, а дружиной достану золота и серебра“. Подобно своему отцу и дѣду, Владиміръ любилъ дружину и совѣщался съ нею о земскихъ порядкахъ, о военныхъ дѣлахъ и законахъ для своей страны. Съ сосѣдними князьями—Болеславомъ польскимъ, Стефаномъ венгерскимъ и съ Андреемъ чешскимъ жилъ онъ въ мирѣ и любви. Владиміръ, живя въ страхѣ Божіемъ, не хотѣлъ никого казнить смертію. Но умножились разбои, и епископы сказали ему: „зачѣмъ ты не казнишь разбойниковъ?“—„Боюсь грѣха“, сказалъ имъ, а они отвѣтили ему: „ты, князь, поставленъ отъ Бога для того, чтобы казнить злыхъ—порочныхъ, а награждать добрыхъ; слѣдуетъ казнить раз-

бойниковъ, но по надлежащемъ изслѣдованіи". Послѣ сего Владиміръ пересталъ уже брать денежные штрафы и началъ казнить разбойниковъ. Когда же епископы и старѣйшины сказали: „у тебя много войска, деньги нужны на покупку оружія и на лошадей", тогда Владиміръ сталъ брать опять и денежные штрафы. Жилъ Владиміръ, по примѣру отца своего и дѣда.

Были и печальныя для него событія: около 1000 года померли Мальфреда и Рогнѣда, бывшія его женами въ язычествѣ; въ 1001 г. умеръ старшій сынъ Изяславъ, въ 1003 г. умеръ внукъ Всеславъ, сынъ Изяслава, а въ 1011 году померла и законная супруга его, греческая царевна Анна. Не менѣе прискорбно было ему узнать, что посланный имъ на княженье въ Новгородъ сынъ Ярославъ отказался съ новгородцами вносить ему обычную дань. Въ то же время готовились напасть на Русь печенѣги. Владиміръ послалъ противъ печенѣговъ сына своего Бориса, а самъ хотѣлъ идти съ войскомъ на новгородцевъ, но разболѣлся очень и въ этой болѣзни скончался въ 15-й день іюля, 1015 г., на Берестовѣ, въ загородномъ своемъ дворцѣ, подлѣ нынѣшней Кіево-печерской Лавры. Ночью, проломавши полъ и обвернувши тѣло ковромъ, спустили его на землю изъ верхнихъ клѣтей и, положивши на сани, отвезли къ церкви Пресвятой Богородицы Десятинной, которую онъ создалъ, и въ ней положили его. Узнавши о семъ, сошлось безчисленное множество народа и плакали по немъ: бояре о защитникѣ русской земли, бѣдные о своемъ кормителѣ, и вложивши тѣло блаженнаго князя въ мраморную гробницу, похоронили его съ плачемъ великимъ. Это былъ Константинъ новаго Рима; подобно ему онъ крестился самъ и крестилъ свой народъ. Хотя прежде онъ предавался похотямъ плотскимъ, но въ послѣдствіи показалъ прилежное покаяніе, по Апостолу, который говоритъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать.* Прежде, во дни невѣдѣнія о Богѣ, были у него грѣхи, но потомъ онъ загладилъ ихъ покаяніемъ и милостынею. Есть много людей, которые, живя праведно, подъ конецъ жизни совращаются съ праваго пути и погибаютъ, а другіе, проведя жизнь во грѣхахъ, подъ конецъ жизни приходятъ въ сознаніе своей грѣховности и очищаютъ себя добрымъ покаяніемъ, какъ сказано у Пророка:

егда реку нечестивому: „смертію умреши“, и той обратится отъ пути своего и сотворитъ судъ и правду, вся грѣхи его, яже сотворилъ есть, не помянутся, яко судъ и правду сотворилъ есть, и живъ будетъ въ нихъ. А сей умеръ въ добромъ исповѣданіи, очистивъ грѣхи свои покаяніемъ и милостынями. Удивительно одно: сколько Владиміръ сдѣлалъ добра руской землѣ, просвѣтивъ ее св. крещеніемъ, а мы, ставши христіанами, не воздаемъ ему должной почести. Если бы онъ не крестилъ насъ, мы оставались бы въ идольскомъ нечестіи и погибли бы подобно нашимъ прародителямъ. Будемъ же приносить Богу молитвы и моленія въ день его преставленія! Богъ прославилъ его, а мы должны со тщаніемъ молиться и благодарить за него Господа, потому что чрезъ него мы познали Бога. Да дастъ Господь ему по сердцу его и да исполнитъ всѣ прошенія его. Благовѣрный княже! Ты желалъ царствія небеснаго, и Господь далъ тебѣ вѣнецъ праведныхъ и райское веселіе со Авраамомъ и съ прочими патріархами. Соломонъ сказалъ: *умершу мужу праведну, не погибнетъ его надежда,* и имя св. Владиміра да сохранятъ всегда въ памяти своей русскіе люди, воспоминая святое крещеніе, и да прославляютъ Бога въ молитвахъ, пѣсняхъ и псалмѣхъ, поюще Господеви, какъ новые люди, просвѣщенные святымъ Духомъ, въ надеждѣ, что великій Богъ и Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ даруетъ каждому, соотвѣтственно дѣламъ его, неизреченную радость, получить которую да сподобитъ Господь всѣхъ насъ, христіанъ.

ХЕРСОНЕСЪ ВО ВРЕМЯ КРЕЩЕНІЯ ВЪ НЕМЪ СВ. ВЛАДИМІРА И ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА ГОРОДА [1]).

Въ исторіи принятія Русью христіанства Херсонесъ игралъ очень важную роль. Можно смѣло сказать, что въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ второе мѣсто послѣ Византіи. Находясь въ сосѣдствѣ съ русскими владѣніями и обладая богатствами вслѣдствіе своей промышленности и торговли, Херсонесъ привлекаетъ вниманіе русскихъ князей уже вскорѣ послѣ основанія Русскаго государства. Такъ, въ договорахъ Игоря и Святослава поставлены условія, чтобы князья русскіе не завоевывали корсунской страны. Договоръ Игоря (945 г.) касательно Херсонеса гласитъ слѣдующее: „А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь Рускій да воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ“ [2]). Въ этомъ же договорѣ кн. Игорь обязывается удерживать черныхъ болгаръ отъ войны съ Херсонесомъ [3]). Въ договорѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ (971 г.) Святославъ даетъ слѣдующее обязательство: „Николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, *ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ*“ [4]).

---

[1]) Краткая исторія языческаго Херсонеса и христіанскаго—до X вѣка сообщена мною въ газетѣ „Крымъ“ подъ заглавіемъ: „*Херсонесъ, какъ купель св. Владиміра*“, *№№ 2, 4, 5, 9 и 10.*

[2]) Лаврент. Лѣт. стр. 21.

[3]) Ibid. стр. 22.

[4]) Лавр. Лѣт. 31.

Это обязательство вскорѣ было нарушено; сами греки первые давали примѣръ нарушенія договоровъ. Такъ, они тотчасъ послѣ заключенія договора съ Святославомъ, подняли противъ него печенѣговъ, которые и убили его у пороговъ днѣпровскихъ.

Изъ договоровъ этихъ видно, что Херсонесъ составлялъ предметъ особой заботливости для византійскихъ императоровъ; и не удивительно: Херсонесъ занималъ прекрасное мѣсто, находился въ сосѣдствѣ съ плодородными землями, велъ обширную торговлю, славился греческой цивилизаціей и искусствами, такъ что былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ византійской имперіи. Кромѣ того, Херсонесъ былъ важенъ и въ стратегическомъ отношеніи: онъ находился въ сосѣдствѣ съ хазарами, печенѣгами, русскими,—я беру эпоху времени крещенія Руси,—т. е. съ тѣми варварскими народами, которые безпокоили Византію. Византійскіе императоры въ отношеніи этихъ народовъ держались политики, начертанной въ наставленіи Константина Порфиророднаго [1]). Обыкновенно императоры заключали договоры съ этими народами и вооружали ихъ другъ противъ друга, дабы отвлечь отъ нападенія на имперію. Договоры велись при посредствѣ Херсонеса, и въ Херсонесѣ оставлялись заложники [2]). Когда императору Никифору Фокѣ понадобилась помощь Святослава, онъ заключилъ договоръ при посредствѣ Калокира, сына намѣстника херсонесскаго; по этому договору Святославъ обязался завоевать Болгарію.

Несмотря на всѣ договоры, Владиміръ рѣшается взять Херсонесъ. Событіе это Карамзинъ ставитъ въ связь съ крещеніемъ Владиміра и всей Руси, доказывая, что Владиміръ, отправляясь въ Херсонесъ, хотѣлъ, такъ сказать, *завоевать* себѣ новую вѣру [3]). Это положеніе оспаривается Голубинскимъ и вообще оно имѣетъ мало вѣроятія. Несомнѣнно, что поводомъ къ завоеванію Херсонеса были причины политическія. Владиміръ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ императоромъ Василіемъ II, которому по-

---

[1]) De administrando imperio, 947 г.

[2]) Кёне, Херсонисъ, 232.

[3]) ~~Нестор.~~ Госуд. Росс. Т. I, гл. 9.

могъ въ войнѣ противъ взбунтовавшихся полководцевъ Варды Фоки и Варды Склира. Приглашая Владиміра на помощь, императоръ обѣщалъ князю руку сестры своей Анны, но по миновании опасности онъ отказалъ, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что не принято выдавать порфирородную дочь за язычника. Оскорбленный этимъ, Владиміръ и рѣшился завоевать Херсонесъ.

Лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, какимъ путемъ отправился Владиміръ въ Херсонесъ; но то обстоятельство, что Владиміръ остановился въ заливѣ[1]) и что русскіе привыкли пользоваться воднымъ путемъ для походовъ въ Византію, можетъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что Владиміръ отправилъ войска къ Херсонесу по Днѣпру и Черному морю на ладьяхъ.

Чтобы сообразить обстоятельства осады Херсонеса, сообщаемыя въ лѣтописи, надобно установить точно топографію Херсонеса. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ осадилъ такъ называемый *новый* Херсонесъ, развалины котораго и часть стѣнъ сохранились до настоящаго времени. Древній же Херсонесъ, по описанію Страбона, находился верстахъ въ 12 отъ *новаго*, и въ первомъ уже вѣкѣ былъ въ развалинахъ[2]). Почти весь камень изъ зданій древняго города взятъ и перенесенъ для постройки новаго города; хотя слѣды построекъ, какъ свидѣтельствуютъ Палласъ, Сумароковъ и Аркасъ, сохранились и до нашего времени. Новый Херсонесъ лежалъ на сѣверо-восточномъ мысѣ Ираклейскаго полуострова, называемаго иначе Трахейскимъ (скалистымъ), или Херронейскимъ, между Херсонесской, нынѣ Карантинной, бухтой и Стрѣлецкой. Херсонесская бухта находится съ восточной стороны города; она очень удобна для стоянки судовъ: въ ней находилась главная гавань Херсонеса. Въ этой бухтѣ Владиміръ едва ли могъ высадиться, такъ какъ входъ въ нее сравнительно узокъ и флотъ херсонесскій могъ преградить входъ въ нее, какъ это уже одинъ разъ и случилось во время войны Митридата Эвпатора съ скиѳами (въ I в. до Р. Хр.), о чемъ упоминаетъ Страбонъ[3]). Владиміръ, вѣроятнѣе всего, осадилъ городъ съ за-

[1]) Лавр. лѣт. 46.

[2]) Страбонъ, кн. VII.

[3]) Страбонъ, кн. VII (Зап. Од. Общ. И. и Др., т. X, стр. 90).

падной стороны и остановился въ Стрѣлецкой бухтѣ, что согласно будетъ съ текстомъ лѣтописи: „И ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино“ [1]). Дѣйствительно, Стрѣлецкая бухта находится по ту сторону Херсонеса, если приближаться къ нему съ суши и съ моря отъ русскихъ владѣній, и находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города.

Обстоятельства осады, излагаемыя въ лѣтописи, почти всѣ подтверждаются археологическими раскопками и изслѣдованіями Херсонеса. Такъ, въ лѣтописи говорится, что Владиміръ осадилъ городъ и велѣлъ сдѣлать насыпь, чтобы съ высоты ея удобнѣе обстрѣливать осажденныхъ: „Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ присну сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ“ [2]). По взятіи Херсонеса, какъ сказано въ лѣтописи, Владиміръ построилъ церковь на этой насыпи, которая существовала еще во время лѣтописца: „Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще присну, яже церки стоить и до сего дне“ [3]). Теперь среди развалинъ Херсонеса видна еще земляная насыпь съ юго-восточной стороны города. Дюбуа и за нимъ Кёне согласны видѣть въ ней насыпь св. Владиміра. Г. Мурзакевичъ, изслѣдовавшій эту насыпь, отрицаетъ сооруженіе ея Владиміромъ, тѣмъ болѣе возведеніе церкви на ней. „Позволяю усомниться“, говоритъ онъ, „въ этомъ случаѣ, показанію г. Дюбуа. Нѣкогда я самъ такъ думалъ и вѣрилъ [4]), но посѣтивъ вновь классическія развалины Херсониса въ 1840, 45, 47 и 49 годахъ, по внимательномъ разсмотрѣніи мѣстности, я долженъ отказаться отъ перваго своего мнѣнія и убѣдиться въ томъ, что насыпь, которая и теперь видна среди слѣдовъ Херсониса, не можетъ быть тою, которая насыпана осажденными жителями во время осады Херсона Владиміромъ, поелику на ней, ни прежде ни послѣ, не было замѣ-

[1]) Лавр. лѣт., 46.

[2]) Лавр. лѣт., 46—47.

[3]) Ibid., 50.

[4]) Журналъ М. Н. Пр. 1837. кн. XIII, 648. „Поѣздка въ Крымъ въ 1836 г.“.

чено никакого фундамента зданія. Да и какъ можно строить зданіе, положимъ хотя и небольшую церковь, на свѣжей земляной насыпи, которая не токмо отъ давленія на нее сверху, но и сама собою должна была осѣсть, вскорѣ расплыться, и слѣд. подвергнуть церковь разрушенію" [1]).

Владиміръ, какъ извѣстно, имѣлъ трудную осаду, но ему помогъ монахъ Настасъ, который пустилъ въ станъ Владиміра стрѣлу съ слѣдующею надписью: „Кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавъ переими" [2]). Слѣды водопровода уже открыты и изслѣдованы и существуютъ до настоящаго времени.

По взятіи Херсонеса, Владиміръ потребовалъ отъ византійскихъ императоровъ Василія и Константина въ замужество сестру ихъ Анну, давши обязательство прежде креститься. Крестился же онъ, по сказанію лѣтописи, въ церкви св. Василія: „Крести же ся въ церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина палата за олтаремъ" [3]). Послѣ крещенія Владиміръ возвратилъ Херсонесъ византійскимъ императорамъ въ видѣ вѣна. Изъ Херсонеса онъ взялъ священниковъ, мощи, священные сосуды и нѣсколько памятниковъ искусства: „Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ... Взя же ида (идя) мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнять я мраморяны суща" [4]).

Послѣ возвращенія Херсонеса Византіи, въ немъ еще продолжаетъ процвѣтать торговля около столѣтія, но затѣмъ соперничество въ торговлѣ Судака и генуэзцевъ низводитъ его на одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Генуэзцы въ 1350 году заключили

---

[1]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. II, отд. 2 и 3. 708—709.

[2]) Лавр. лѣт., 47.

[3]) Ibidem.

[4]) Лавр. лѣт., 50.

договоръ съ греками, по которому запрещено было посылать грекамъ суда въ Херсонесъ. Херсонесъ утрачиваетъ даже свое имя и называется Zurzona и другими именами [1]). Наконецъ Херсонесъ испыталъ страшное разореніе со стороны литовскаго князя Ольгерда въ 1363 г., послѣ котораго онъ уже никогда не возставалъ. Въ 1475 г. Мухаммедъ II послалъ въ Крымъ войско, которое взяло Кафу, Мангубъ; но Херсонесъ былъ уже такъ бѣденъ, что не возбудилъ жадности побѣдителей: турки его не заняли и только увезли мраморныя колонны и многіе памятники искусства въ Константинополь. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, въ 1783 г. Херсонесу еще разъ пришлось испытать тяжелую судьбу: по приказанію Потемкина [2]), остатки стѣнъ и зданій пошли на постройку новаго города Севастополя, въ 1785 году. Но уже вскорѣ древній и новый Херсонесъ подвергаются обслѣдованіямъ ученыхъ путешественниковъ, къ которымъ принадлежатъ: Палласъ, путешествовавшій по Крыму въ 1793 и 1794 г. [3]), П. Сумароковъ („Досуги Крымскаго судьи", Спб. 1803 г.), И. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г."), Дюбуа, въ 1833 г. (Fr. Dubois de Montpéreux), академикъ П. Кеппенъ („Крымскій Сборникъ", Спб. 1837). Затѣмъ Херсонесъ дѣлается достояніемъ археологической науки. „Одесское Общество Исторіи и Древностей", учрежденное въ 1839 г., занимается изслѣдованіемъ и раскопками въ Херсонесѣ. Члены этого общества Мурзакевичъ и Юркевичъ особенно много потрудились для объясненія надписей и предметовъ, находимыхъ при археологическихъ разысканіяхъ. Затѣмъ графъ Ал. С. Уваровъ по именному императорскому указу явился для археологическихъ изслѣдованій въ Херсонесъ; онъ здѣсь встрѣтился съ знаменитымъ русскимъ іерархомъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ, и вмѣстѣ они открыли на городской площади нѣсколько церквей. Одну изъ нихъ, въ которой нашлись два углубленія—крещальни, они признали за церковь св. Василія, въ которой

[1]) Херсонисъ, Кёне. 256.

[2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XII, 321.

[3]) Bemerkungen auf einem Reise in die südlichen Stathalterschaften des Russichen Reiches. Leipzig, 1801.

крестился св. Владиміръ. На этомъ мѣстѣ теперь построенъ, но еще далеко не оконченъ, величественный храмъ св. Владиміра. Гр. Уваровъ открылъ въ одномъ изъ храмовъ великолѣпный мозаичный полъ и мраморную колонну съ барельефами; все это велѣно было перевезти въ Петербургъ въ Эрмитажъ, и на перевозку употреблено было 3364 р. 86½ коп.[1]). Затѣмъ гр. Уваровъ открылъ и изслѣдовалъ погребальные склепы—пещеры, которыя тянутся въ нѣсколько ярусовъ по восточной и юго-восточной окраинамъ города. Оказывается, что многіе семейные склепы носятъ въ себѣ слѣды погребенія языческаго, а затѣмъ христіанскаго[2]). Воспользовавшись надписями (псифизмами) въ честь Аристона, Агасикла, Димократа, г. Латышевъ изслѣдовалъ внутренній государственный бытъ Херсонеса въ статьѣ: „Этнографическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго“[3]). Въ настоящее время, подлѣ археологическаго музея и въ аллеѣ, ведущей къ новостроющемуся храму, находятся обломки колоннъ, капители іоническаго, коринѳскаго и византійскаго стилей, въ музеѣ же находятся барельефы, мозаики и другіе предметы, свидѣтельствующіе о процвѣтаніи искусства въ Херсонесѣ; самые же цѣнные предметы находятся въ императорскомъ Эрмитажѣ, въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и въ иностранныхъ британскомъ, парижскомъ и другихъ, такъ какъ иностранные агенты скупаютъ все, что попадается при случайныхъ находкахъ.

Ко дню 900-лѣтняго юбилея предстоитъ въ Херсонесѣ освященіе храма въ честь св. Владиміра. Вопросъ о постановкѣ памятника на знаменательномъ мѣстѣ крещенія Владиміра поднятъ морскимъ вѣдомствомъ, именно: адмиралъ Грейгъ показывалъ развалины Херсонеса Императору Александру Благословенному въ 1825 г. и Николаю I-му, и „по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія кн. Христофора Андресвича Ливена Его Императорское Величество повелѣть соизволили, чтобы на пер-

---

[1]) Дѣло № 7, 5 авг. 1854 г.

[2]) Разысканія близъ Симферополя и Севастополя. Прониленъ, кн IV, 525—537.

[3]) Журн. М. Н. Пр. 1884 г. Іюнь, 35—77.

вый случай былъ построенъ обелискъ по одному изъ чертежей члена Академіи Беретти, какой по смѣтѣ обойдется дешевлѣе“ [1]). Въ 1829 г. главное управленіе черноморскаго флота и портовъ открываетъ подписку на сооруженіе храма на развалинахъ Херсонеса въ память величайшаго въ отечествѣ нашемъ событія. Въ этомъ документѣ обращаетъ наше вниманіе по своему глубокому смыслу слѣдующее воззваніе: „*Что можетъ быть священнѣе для всякаго истиннаго сына Россіи и добраго христіанина воспоминанія о введеніи въ отечествѣ нашемъ ученія Христова, какъ источника славы и величія его, и о виновникѣ ихъ—нашемъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, память котораго, послѣ многихъ столѣтій, соизволилъ почтить нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ?*“

Поэтому приглашаются жертвовать на дѣло, „которое грядущимъ вѣкамъ могло бы свидѣтельствовать о нелицемѣрномъ въ Россіи чувствѣ религіи и народной признательности къ великому виновнику нашего христіанскаго просвѣщенія“ [2]). Военный николаевскій и севастопольскій губернаторъ, вице-адмиралъ Лазаревъ пишетъ, что ему Государь лично изволилъ дать согласіе на постройку храма не въ Херсонесѣ, а въ самомъ Севастополѣ [3]).

Такимъ образомъ, это дѣло не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ; но на помощь пришла мощная мысль преосвященнаго Иннокентія. По его иниціативѣ, послѣдовало прошеніе жителей Симферополя, Алушты и др. мѣстъ объ открытіи монастырей и киновій въ мѣстахъ, прославленныхъ греческими святынями. Преосвященный въ своей исторической запискѣ высказываетъ мысль сдѣлать Крымъ русскимъ Аѳономъ, такъ какъ здѣсь есть все, что возбуждаетъ богомысліе. На это предложеніе послѣдовалъ указъ св. синода (отъ 3 апр. 1853 г.) объ основаніи киновіи въ Херсонесѣ во имя св. Владимира [4]). Построенная здѣсь цер-

---

[1]) Дѣло № 229, 1829 г.

[2]) Дѣло № 54, 1848 г.

[3]) Дѣло № 49, 1843 г.

[4]) Дѣло № 196, 1849 г. Я пользуюсь архивными документами Таврической ученой архивной комиссіи.

ковь во имя св. Ольги, освященная въ 1853 г. 28 февр., вскорѣ была разрушена французскими войсками, которыя устроили въ киновіи пороховые склады и по древнему городу провели множество траншей. По окончаніи войны севастопольскіе купцы П. и М. Телятниковы построили (въ 1857 г.) новый храмъ во имя седми херсонесскихъ священномучениковъ. Въ 1858 г. въ память крещенія св. Владиміра и окончанія крымской кампаніи установленъ, по Высочайшему повелѣнію, крестный ходъ 15 іюля изъ севастопольскаго адмиралтейскаго собора въ Херсонесъ. 1861 г. 18 марта, по Высочайшему утвержденію, херсонесская киновія возведена на степень первокласснаго монастыря [1]).

Благодаря ходатайству преосвященнаго Иннокентія, земля Херсонеса перечислена отъ морскаго вѣдомства въ епархіальное и проектированъ храмъ на мѣстѣ купѣли св. Владиміра, въ которомъ соблюдены были бы архитектурные детали византійскихъ храмовъ IX вѣка. Въ 1858 г. 10 февр. послѣдовало Высочайшее повелѣніе построить храмъ по плану профессора архитектуры Д. И. Гримма. Наружный фасадъ и внутреннее расположеніе церкви заимствованы отъ константинопольской церкви святыхъ Сергія и Вакха, обращенной турками въ мечеть [2]). Храмъ этотъ двухъ-этажный; нижній храмъ, какъ въ футлярѣ, заключаетъ въ себѣ фундаментъ, часть алтарной абсиды древняго храма и купѣль св. Владиміра. При закладкѣ храма, 23 авг. 1861, присутствовалъ покойный Государь Императоръ Александръ II, Государыня и в. кн. Константинъ Николаевичъ. В. кн. Владиміръ Александровичъ, принявшій на себя званіе ктитора храма, положилъ (въ 1867 г. 15 авг.) первый камень на горнемъ мѣстѣ втораго этажа [3]). Величественный храмъ, отстроенный вчернѣ, долго не могъ быть конченъ, такъ какъ на внутреннюю отдѣлку его потребовались громадныя суммы, и только въ концѣ прошлаго года нынѣшній настоятель монастыря архимандритъ Иннокентій исходатайствовалъ на отдѣлку храма 300 тысячъ. Теперь профессоръ

[1]) Дѣло № 93, 1861 г.

[2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. V, 996—7.

[3]) „Таврическая епархія“ Гермогена, еп. псковскаго и порховскаго, бывшаго таврическаго и симферопольскаго. Псковъ, 1887. Стр. 464—367.

Гриммъ занятъ отдѣлкой нижняго храма во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, который предположено освятить 13 іюля. 14 и 15 іюля предполагается въ Херсонесѣ большое религіозное торжество, которымъ желаютъ почтить священное мѣсто, изъ котораго православная вѣра проникла въ Кіевъ, а оттуда распространилась по всей Руси.

Хр. Ящуржинскій.

БОЛГАРЫ и ХАЗАРЫ,

ВОСТОЧНЫЕ СОСѢДИ РУСИ ПРИ ВЛАДИМІРѢ СВ.

(Историко-этнографическій очеркъ).

Лѣтопись въ своемъ повѣствованіи о крещеніи русской земли разсказываетъ, что къ князю Владиміру приходили миссіонеры изъ Болгаріи волжской, изъ Хазаріи, отъ нѣмцевъ и грековъ[1]). До сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, дѣйствительно ли были присылаемы къ русскому князю посольства изъ этихъ странъ. Возможно, что представители всѣхъ этихъ народовъ, жившіе по торговымъ дѣламъ въ Кіевѣ, старались склонить князя къ принятію исповѣдываемой каждымъ изъ нихъ религіи, что, конечно, повлекло бы за собой значительныя выгоды и могло сильно послужить ихъ торговымъ интересамъ. Исторія русской земли весьма тѣсно связана съ исторіей двухъ восточныхъ народовъ, болгаръ и хазаръ, и попытка ихъ сдѣлать на Руси господствующей свою религію является вполнѣ естественной. Въ ту эпоху, когда только что начинается для насъ исторія русскаго государства, тѣсныя отношенія между Болгаріей, Хазаріей и Русью являются вполнѣ прочно установившимися, и если сильное культурное вліяніе распространялось на русскихъ славянъ съ незапамятныхъ временъ отъ грековъ, то не менѣе важное значеніе имѣли для Руси давнія сношенія наши съ Востокомъ, съ болгарами и хазарами, а чрезъ нихъ и съ странами передней и средней Азіи.

Первыя извѣстія о болгарахъ мы находимъ у армянскаго писателя, Моисея Хоренскаго. Приблизительно между 149—127 гг. до Р. Х. многочисленныя болгарскія колоніи, вслѣдствіе междоусобій на родинѣ, устремились въ Арменію и заняли тамъ земли. Отъ этихъ переселенцевъ стало извѣстно, что болгаре очень сильное племя, жи-

[1]) Лаврентьев. лѣтоп. изд., 1872 г., стр. 82—84.

вущее гдѣ-то очень далеко отъ Кавказа [1]). Отголосокъ преданій о о какой то внутренней борьбѣ среди болгаръ мы находимъ и у византійскихъ писателей [2]). По всей вѣроятности, движеніе изъ Азіи новыхъ кочевыхъ массъ дало толчокъ болгарамъ, которые принуждены были или покориться новымъ завоевателямъ, или покинуть свою родину. Начало движенія болгаръ въ разныя стороны относится къ концу V в. по Р. Х. Въ это время они жили по берегамъ Азовскаго моря и рѣкамъ Кубани, Дону и Волгѣ [3]). Прародиной болгарскаго народа признается мѣстность при сліяніи рѣкъ Камы и Волги [4]). Новый народъ, явившійся изъ Азіи и частью покорившій, частью вытѣснившій болгаръ на западъ или назадъ къ ихъ прародинѣ, были хазары. Произошло это приблизительно въ VII в., хотя первое движеніе болгаръ, какъ мы сказали, относится къ V в., а въ половинѣ VI в. они на нѣкоторое время подпали подъ власть аваръ [5]). Со времени окончательнаго утвержденія хазаръ по берегамъ Волги, Дона и Каспійскаго и Азовскаго морей, часть болгаръ, оставшаяся на своихъ мѣстахъ, по берегамъ Волги и Камы, пошла совершенно отдѣльнымъ историческимъ путемъ, и никогда уже не возстановляла никакой связи съ своими братьями, поселившимися на Дунаѣ. Къ какому племени принадлежитъ болгарскій народъ,—до сихъ поръ окончательно не рѣшено въ наукѣ. Нѣкоторые ученые считаютъ ихъ народомъ чудскаго, т. е., финско-угрскаго происхожденія [6]). Другіе не прочь видѣть въ нихъ славянъ [7]). Есть, наконецъ, мнѣніе, что болгары народъ тюркскаго племени [8]). Дѣло въ

---

[1]) Nouvelles Annales des voyages, 1851. v.v. II. и III.

[2]) Stritter. Memoriae populorum, Petr. 1774, v. II, p. 504—5.

[3]) Ibidem, p. 502—3.

[4]) Nouvelles Annales des voyages, 1851, v. II и III; Григорьевъ. „Волжскіе Булгары". Сборникъ „Россія и Азія." Спб. 1876 г. стр. 81. Neümann. Die Völker des südlichen Russland's in ihrer geschichtlichen Entwickelung Leipzig. 1847., s. 106.

[5]) Nouvelles Annales des voyages, 1850. v. II.

[6]) Neumann, Völker des südlichen Russland's, s. 107; Vivien de S Martin. Nouvelles Annales des voyages, Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succedès au nord du Caucase; Иречекъ. Исторія Булгаръ. Перев. съ нѣм. Яковлева. стр. 126—128. Указаніе и разборъ мнѣній другихъ ученыхъ, державшихся такого же взгляда на происхожденіе булгаръ см. у Vambèry, Der Ursprung der Magyaren. Leipzig 1882, erste Abtheilung, V, s. 50 etc.

[7]) S. Uvarov. De Bulgarorum utrorumque origine et sedibus antiquissimis. Dorpati 1853. См. особенно съ 80 стр. и далѣе. Къ этому же мнѣнію повидимому склоняется и Григорьевъ: „Россія и Азія," стр. 94—99. Въ послѣднее время сильнымъ защитникомъ славянскаго происхожденія болгаръ явился г. Иловайскій въ „Розысканіи о началѣ Руси" стр. 167 и слѣд.

[8]) Куникъ. Сначала въ III приложеніи къ сочиненію Дорна „Каспій" стр. 385—7, примѣч., а потомъ въ розысканіи „О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами

томъ, что для рѣшенія этого вопроса у насъ имѣется сравнительно мало данныхъ. Извѣстія средневѣковыхъ писателей отличаются неясностью, а сообщенія арабовъ, которые, какъ мы увидимъ ниже, не только путешествовали въ Болгарію и Хазарію, но жили тамъ, полны противорѣчій. Такъ, посолъ халифа Муктедира, Ибнъ-Фоцланъ, лично посѣтившій Болгарію въ 922 году, называетъ болгаръ славянами [1]). По другому арабскому извѣстію, болгарскіе богомольцы, пришедшіе вскорѣ послѣ принятія болгарами магометанства въ Мекку, на вопросъ о ихъ происхожденіи отвѣчали, что они происходятъ отъ смѣшанной расы турокъ и славянъ [2]). Знаменитый арабскій путешественникъ, Аль-Масуди, пріѣзжавшій въ Хазарію въ X в. и потому имѣвшій возможность лично наблюдать болгаръ, посѣщавшихъ Итиль, столицу хазаръ, для торговли, считаетъ ихъ народомъ тюркскаго племени [3]). Другой не менѣе извѣстный арабскій туристъ и ученый, писавшій во второй половинѣ X в., Ибнъ-Гаукаль, выражается очень темно, говоря, что „языкъ Булгаръ сходенъ съ языкомъ Хозаръ“ [4]). Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ говорили хазары, едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ и въ настоящее время, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Правда, въ распоряженіи ученыхъ имѣются остатки болгарскаго языка въ видѣ топографическихъ названій, нѣкоторыхъ именъ собственныхъ и нарицательныхъ. Кромѣ того до насъ дошелъ интересный памятникъ—именникъ *болгарскихъ* князей, въ которомъ находятся цѣлыя фразы на неизвѣстномъ языкѣ [5]). Анализъ помѣщенныхъ тутъ именъ болгарскихъ князей и другихъ словъ привелъ нѣкоторыхъ ученыхъ къ выводу, что болгары были народъ тюркскаго племени [6]), но и тутъ является разногласіе во мнѣніяхъ: одни считаютъ теперешній чувашскій языкъ за древне-болгарскій, но современемъ значительно измѣнившійся, другіе отрицаютъ всякое сходство между этими двумя

по славяно-болгарскому именнику,“ въ приложеніи къ „Извѣстіямъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ“ Спб. 1878 г. Vambéry. Op. cit.

[1]) Frähn. Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen (Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie, sciences polit, v. 1, livrais. 6, p. 566.

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris. 1828. p. 216.

[3]) Хвользонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста. Спб. 1869 г. стр. 81.

[4]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Спб. 1870 г. стр. 219.

[5]) Открытъ Поповымъ. Не имѣя подъ руками его „Обзора хронографовъ“, приводимъ двѣ фразы изъ „Именника“ по „Розысканію о началѣ Руси“ Иловайскаго, стр. 219, примѣч: „Авитохолъ жилъ лѣтъ 300. Родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ... Есперихъ князь 60 и едино лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему веренналемъ“... и т. д.

[6]) См. Куника, Вамбери и сюда, кажется, склоняется Березинъ въ статьѣ: „Булгаръ на Волгѣ“ въ „Учен. запискахъ казан. университета“ 1852 г. кн. III, стр, 74.

языками [1]). Какъ кажется, болѣе близкимъ къ истинѣ слѣдуетъ признать мнѣніе, что волжскіе болгары дѣйствительно представляли собою смѣсь чудскаго, тюркскаго и славянскаго элементовъ [2]). Въ вопросѣ о происхожденіи болгаръ можетъ нѣкоторую услугу оказать и антропологія. Найденные при раскопкахъ въ древнемъ Булгарѣ черепа оказываются длинноголовые; короткоголовыхъ всего 20%, слѣдовательно болгары представляютъ собою довольно чистый этнографическій типъ, лишь съ небольшою примѣсью тюркскаго или славянскаго элемента—короткоголоваго [3]). Первобытное длинноголовое племя, нѣкогда занимавшее почти всю территорію нынѣшней Россіи, есть племя угрское, къ которому принадлежало и племя мери и веси; къ нему-то, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и коренныхъ болгаръ [4]). Есть данныя, которыя позволяютъ отождествлять языкъ волжскихъ болгаръ съ языкомъ нынѣшнихъ чувашей. Такъ были открыты на надгробныхъ памятникахъ въ Булгарѣ надписи, которыя по изслѣдованіи ихъ оказались писанными на чувашскомъ языкѣ. Формы чувашскихъ словъ на этихъ надгробіяхъ представляютъ нѣчто среднее, переходное между тюркскимъ и нынѣшнимъ чувашскимъ [5]). Послѣднія изслѣдованія надъ чувашскимъ языкомъ показали также, что онъ, имѣя тюркское основаніе, заключаетъ въ себѣ элементы и нетюркскія [6]). Если мы обратимся къ

---

[1]) Первое мнѣніе принадлежитъ Радлову и Куник у (ссылка раньше), второе—Вамбери въ указанномъ „Ursprung der Madgyaren". Сбоевъ въ трудѣ „Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ" Москва, 1865 г. старается доказать, что болгары не чуваши, а послѣднихъ принимаетъ за буртасъ, (См. стр. 178 и слѣд.), о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Савельевъ, въ „Мухамеданской нумизматикѣ", Спб. 1846 г., кажется, также признавалъ чувашъ за потомковъ болгаръ (стр. 100 и слѣд). Френъ также. См. слѣд. ссылку.

[2]) Кепленъ. „О Волжскихъ Болгарахъ" въ Ж. М. Н. Пр. 1836 г. октябрь. Frähn. „Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen" въ Mémoires de l'Academie des Sciences de St-Pétersbourg. t. I, livraison 6, p. 549.

[3]) Богдановъ. „Жители древнихъ Болгаръ по краніологическимъ признакамъ".

[4]) Къ угрскому племени принадлежатъ и теперешніе венгры, родные братья нашихъ вогуловъ и остяковъ, предки которыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ назывались югра. См. Европеуса: „Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей". Спб. 1874 г. Антропологическія подтвержденія см. у Богданова въ статьяхъ: 1) „Доисторическіе Тверитяне по курганнымъ раскопкамъ", 2) „Курган. жители Сѣверянской земли по раскопкамъ въ Черниг. губ.", 3) „Меряне въ антропологич. отношеніи" и др.

[5]) Письмо Ильминскаго къ Григорьеву о фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскимъ языками (въ Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Общества, т. V, стр. 80—84).

[6]) Winkler „Uralaltaische Völker und Sprache". Berlin. 1884. s. 413—414.

этнографическимъ даннымъ о нынѣшнихъ чувашахъ, то должны будемъ придти къ твердому заключенію, что они финскаго происхожденія; ихъ вѣрованія, обычаи и нравы общи съ вѣрованіями, обычаями и нравами не только сосѣднихъ, но и далеко живущихъ отъ нихъ финскихъ племенъ [1]). Изъ всего сказаннаго возможно пока сдѣлать лишь предположеніе, что когда-то, въ очень отдаленныя времена, небольшая тюркская орда явилась среди поволжскихъ финско-угрскихъ племенъ, подчинила одно изъ нихъ своей власти, осѣлась среди него, затѣмъ смѣшалась съ нимъ, передавъ ему въ значительной степени свои этнографическія черты въ видѣ обычаевъ и языка, но и сама въ свою очередь усвоила, можетъ быть, отъ этого племени нѣкоторыя религіозныя вѣрованія. Антропологическій типъ угрскій сохранился, но языкъ этого угрскаго племени сохранилъ лишь немного своихъ первоначальныхъ чертъ [2]).

Центромъ волжскоболгарскаго царства была мѣстность, гдѣ рѣка Кама впадаетъ въ Волгу. Къ сѣверу и югу отъ устья Камы и вверхъ по самой Камѣ лежали главные болгарскіе города. Въ тридцати верстахъ ниже впаденія рѣки Камы въ Волгу, въ 6 верстахъ отъ послѣдней, лежала столица болгарскаго царства городъ Булгаръ, основаніе котораго теряется во мракѣ временъ. Бо́льшая часть построекъ этого города была выстроена изъ дерева [3]), но остатки зданій указываютъ также, что много было и каменныхъ сооруженій. Этотъ городъ былъ великъ и пользовался, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ связямъ, большою извѣстностью на всемъ Востокѣ [4]). Въ настоящее

[1]) См. Георги. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ". Спб. 1799 г., ч. I, стр. 35 и слѣд.; Сбоевъ „Чуваши", особенно глава VI, стр. 62 и слѣд.; Миллеръ „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ—яко-то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ, 1743 г.". Спб. 1791 г., Кастренъ: Vorlesungen über die finnische Mythologie, S. Petersbourg. 1853, ss. 107, 122, 178—179, 214—215.

[2]) Тюркская орда, явившись среди дунайскихъ славянъ, окончательно была поглощена ими и утеряла всѣ свои племенныя черты. Здѣсь она встрѣтилась съ племенемъ духовно болѣе сильнымъ, чѣмъ племена финско-угрскія, большая часть которыхъ на территоріи нынѣшней Россіи была поглощена славянскимъ племенемъ.

[3]) Березинъ. „Булгаръ на Волгѣ". Учен. записки казанскаго университета, 1852 т., ч. III, стр. 76; Шпилевскій, „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ казанской губерніи", Казань, 1877 г., стр. 1 и слѣд. и 195 и слѣд.; Невоструева: „О городищахъ древняго волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ", въ „Трудахъ I археолог. съѣзда въ Москвѣ, т. II, 1871 г., стр. 523. О деревян. постройкахъ говоритъ арабъ Якутъ. (Frähn.: „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen" въ Mémoires de l'Academie des Sciences, VI-e serie, sciences politiques, v. I, livr. 6, p. 565.

[4]) Ибнъ-Эль-Варди у Хвользона „Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абу-Али-Ахмеда Бенъ-Омаръ Ибнъ-Даста", Спб. 1869 г., стр. 89.

время сохранились развалины его укрѣпленій и каменныхъ зданій, которыя и даютъ намъ возможность представить хоть небольшое описаніе этого знаменитаго нѣкогда города. Онъ былъ расположенъ на горѣ и обведенъ валомъ и рвомъ; кромѣ того городъ окружала высокая дубовая стѣна [1]). Съ сѣверной стороны было природное укрѣпленіе въ видѣ горнаго обвала. Въ южномъ концѣ къ городскому валу примыкало другое укрѣпленіе, состоящее изъ невысокаго вала и неглубокаго рва, отдѣлявшееся отъ главнаго поселенія городскимъ валомъ и рвомъ. Это была цитадель города. Окружность собственно города, судя по длинѣ вала, простиралась до 9 верстъ. Въ этомъ пространствѣ, при скученности построекъ мусульманскихъ городовъ, помѣщалось до пятидесяти тысячъ жителей [2]). Внутри цитадели находился царскій дворецъ. Онъ занималъ почти средину ея и былъ обведенъ особеннымъ неглубокимъ рвомъ и имѣлъ два входа—сѣверный и южный, при которомъ находились четыреугольныя каменныя башни; у сѣвернаго входа стояло двѣ башни, у южнаго же только одна большая. Сѣверный входъ былъ обращенъ къ городу и считался главнымъ; здѣсь между двумя башнями были широкія ворота. Къ сѣверо-восточному углу дворца примыкалъ четыреугольникъ, обведенный валомъ; здѣсь по предположенію были дворцовыя службы [3]). Въ самомъ городѣ, какъ показываютъ развалины, существовало нѣсколько замѣчательныхъ зданій. Тутъ находилась одна изъ лучшихъ болгарскихъ мечетей. Можетъ быть, она была соборной царской мечетью, какъ можно предполагать по высотѣ и красотѣ зданія. Мечеть была построена изъ камней съ известью, снаружи обложена тесанными довольно большими камнями, а внутри вся выштукатурена. У нея былъ только одинъ ходъ съ сѣверо-восточной стороны, а на противоположной сторонѣ находился „михрабъ“—указаніе мекккской стороны. Разною фигурою кладки мечеть какъ бы дѣлится на четыре яруса, что составляло ея оригинальность. Окна съ овальными или острыми сводами, тонкіе пилястры съ длинными и многогранными капителями, большія звѣзды по бокамъ оконъ третьяго яруса, фальшивыя арки, переходъ изъ четыреугольнаго зданія въ круглое съ куполомъ—все это соотвѣтствуетъ вполнѣ условіямъ арабской архитектуры, притомъ месопотамской. Вокругъ мечети были пристроены къ ней такъ называемые „утаги“—комнаты для „хадамэ“—служителей мечети, а съ сѣ-

[1]) Березинъ: „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 82. Хвользонъ: „Извѣстія Ибнъ-Даста“, стр. 87.

[2]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 82—84.

[3]) Ibidem, стр. 97.

верной стороны примыкало къ ней особое строеніе, можетъ быть, что-нибудь въ родѣ „медресэ“ — духовнаго училища [1]). Но это былъ не единственный мусульманскій храмъ въ городѣ. Долгое время [2]) сохранялся въ цѣлости большой минаретъ, который формою своею походилъ на арабо-месопотамскіе и сирійскіе минареты небольшихъ мечетей. Минаретъ примыкалъ къ четыреугольнику стѣнъ съ четырмя башнями по угламъ, въ которыхъ, можетъ быть, помѣщалось духовенство; внутри этого четыреугольника стѣнъ помѣщалось, вѣроятно, собственно зданіе соборной мечети („джум'а джам'и“). На востокъ и на сѣверъ отъ мечети находились двѣ „тюрбэ“ — надгробныя молельни [3]). Наконецъ была еще третья такая же мечеть съ малымъ минаретомъ, на дворѣ которой было кладбище, гдѣ покоились какіе-нибудь болгарскіе чтимые мужи [4]). Трудно сказать, о какой изъ этихъ трехъ мечетей упоминаютъ арабскіе писатели Аль-Балхи и Мукадесси (оба X в.), какъ о главной [5]). Городъ Булгаръ славился на востокѣ также своими банями, которыхъ арабскій географъ Абульфеда насчитываетъ три [6]). Развалины одной изъ нихъ сохранились. Это зданіе состояло изъ главной четыреугольной большой залы съ куполомъ въ центрѣ, въ четырехъ углахъ которой находилось по квадратной комнатѣ. Такая форма постройки употребляется въ мусульманскихъ баняхъ: въ угольныхъ комнатахъ находятся бассейны съ водою разной температуры для ваннъ посѣтителей, а въ средней залѣ подъ куполомъ находится полокъ, на которомъ моютъ и растираютъ приходящихъ. Зданіе было построено изъ камня, но внутри былъ употребленъ кирпичъ; вся же сѣверная пристройка была сложена изъ большихъ кирпичей, форма которыхъ напоминаетъ большіе багдадскіе кирпичи, взятые изъ Вавилона. Залъ и угольныя комнаты были выштукатурены и украшены лѣпнымъ карнизомъ въ арабскомъ вкусѣ [7]). Сохранившіеся въ большомъ числѣ фундаменты каменныхъ построекъ, частью видимые, частью скрытые подъ буграми наносной земли, между большою мечетью и малымъ минаретомъ, показываютъ, что здѣсь былъ центръ города, тѣсно застроенный и густо заселеный. Судя по находимымъ въ развалинахъ

---

[1]) Ibidem, стр, 86—89,

[2]) Минаретъ еще стоялъ до 1841 г., когда развалился (Шпилевскій „Древніе города“ etc. стр. 204).

[3]) Березинъ: „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 89—92.

[4]) Ibidem, стр. 92—93).

[5]) Извѣстія Аль-Бальхи и Мукадесси приводитъ Хвользонъ „Извѣстія Ибнъ-Даста“, стр. 82 и 84.

[6]) Извѣстіе Абульфеды у Хвользона (ibidem, стр. 88).

[7]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 93—97.

Булгара и большимъ и малымъ водопроводнымъ трубамъ изъ красновато-желтой гончарной глины, можно думать, что въ городѣ были бассейны и фонтаны [1]). За городскимъ валомъ по самой горѣ и внизу ея находились торговыя предмѣстья [2]). Въ 6 верстахъ была пристань города Булгара на Волгѣ. Тутъ встрѣчаются при раскопкахъ остатки старинныхъ строеній [3]). Эти предмѣстья заселялись, по всей вѣроятности, пріѣзжими иностранцами, являвшимися въ Булгаръ для торговли [4]). Уцѣлѣли развалины бывшей въ нагорномъ предмѣстьи церкви, при которой было кладбище, вѣроятнѣе всего армянское, судя по могильнымъ камнямъ съ армянскими, какъ думаютъ, надписями [5]), хотя несомнѣнно, какъ мы увидимъ далѣе, что въ Булгарѣ жили и всякіе другіе иностранцы, въ числѣ которыхъ должны были быть и православные христіане. Городъ Булгаръ, извѣстный подъ такимъ именемъ на востокѣ, на Руси назывался Бряхимовъ съ приложеніемъ эпитета „славный“ [6]). Прямо на востокъ отъ столицы лежалъ, верстахъ въ 70 отъ нея, второй городъ государства, извѣстный на Руси подъ именемъ Великаго града [7]), городъ Бюларъ. Онъ стоялъ на берегу рѣки Малаго Черемшана и былъ сильно укрѣпленъ. Его окружали три высокихъ вала и три глубокихъ рва. Судя по каменнымъ развалинамъ, между наружнымъ валомъ и вторымъ были городскія строенія, а центральный валъ, болѣе всѣхъ укрѣпленный, заключалъ въ себѣ кремль города. Среди развалинъ кремля въ прошломъ столѣтіи возвышался еще каменный столпъ изъ краснаго кирпича и дикаго камня, имѣвшій въ окружности 24 аршина [8]). Въ X в. былъ въ болгарскомъ царствѣ еще третій важный городъ, Суваръ или Сиваръ. Арабскіе писатели говорятъ, что онъ лежалъ недалеко отъ города Булгара на Волгѣ; дома его были деревянные и въ немъ, какъ и въ столицѣ, была главная мечеть [9]).

---

[1]) Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 220 и 285.

[2]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 81.

[3]) Ibidem, стр. 80. Урочище, гдѣ была эта пристань, носитъ теперь названіе Ага-Базаръ.

[4]) Ibidem, стр. 81.

[5]) Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 225—229. Надгробные камни съ армянскими надписями найдены въ развалинахъ Булгара (Березинъ, ibidem, стр. 135—7).

[6]) Лаврент. Лѣт. изд. 1872 г., стр. 334.

[7]) Невоструевъ: „О городищахъ др. волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ“ въ „Трудахъ I археолог. съѣзда въ Москвѣ“, т. 2, стр. 543; Шпилевскій „Дредніе города“, стр. 138; Лаврентьев. лѣт., стр. 369—370 и 422.

[8]) Невоструевъ, ibidem. На мѣстѣ этого города стоитъ теперь пригородъ Билярскъ.

[9]) Извѣстія Аль-Балхи и Мукадесси у Хвользона („Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 82 и 84.

По всей вѣроятности, этотъ городъ игралъ весьма важную роль въ торговлѣ болгаръ, такъ какъ первая дошедшая до насъ монета болгарская чеканена въ Суварѣ [1]). Гдѣ находился этотъ городъ, съ точностью опредѣлить пока нѣтъ возможности. Можно съ нѣкоторою долею вѣроятности предполагать, что Суваръ стоялъ или тамъ, гдѣ теперь находится городище Балымеръ съ слѣдами довольно значительныхъ укрѣпленій, или на мѣстѣ Симбирскаго городища, на лѣвой стороны Волги, верстахъ въ 13 ниже нынѣшняго города Симбирска [2]). Но города болгарскіе существовали и на правой сторонѣ р. Волги. Къ числу ихъ принадлежалъ Ошелъ, находившійся ниже устья Камы, при впаденіи въ Волгу р. Кирелки. Онъ былъ сильно укрѣпленъ двойнымъ дубовымъ оплотомъ, валомъ и рвомъ [3]). Это были важнѣйшіе центры болгарской земли въ политическомъ или торгово-промышленномъ отношеніи. Но сохранилось очень много слѣдовъ другихъ поселеній въ видѣ развалинъ каменныхъ зданій, валовъ и рвовъ и пр. [4]). Большая часть этихъ поселеній намъ совершенно неизвѣстна по названіямъ. Есть однако и такіе города, имена которыхъ дошли до насъ, но опредѣлить ихъ мѣстонахожденіе нѣтъ никакой возможности. Такъ арабъ Мукадесси говоритъ о какомъ-то городѣ, лежавшемъ на берегу другой рѣки, который былъ больше Булгара и Сувара [5]). Имя этого города читаютъ Ходаръ [6]). Въ географіи арабскаго ученаго Эдриси между прочимъ разсказывается, что „въ странѣ Булгаръ существовалъ городъ по имени Табунъ (или Хамуни), котораго укрѣпленія, расположенныя на вершинѣ одной горы, окружены плодородными полями и поселеніями [7]). Къ числу такихъ же городовъ, мѣстность которыхъ не можетъ быть опредѣлена въ настоящее время, нужно отнести и упоминаемый въ нашей лѣтописи городъ Торческій [8]), который лежалъ, несомнѣнно, къ югу отъ рѣки Камы. Булгары, какъ народъ

---

[1]) См. ниже.

[2]) Различныя догадки о мѣстонахожденіи Сувара см. у Шпилевскаго: „Древніе города“, стр. 50—52. Предположеніе Невоструева („О городищахъ др. волжско-болгарскаго царства“, Труды I арх. с. т. 2, стр. 552), что этотъ городъ находился гдѣ-то въ воронежской или тамбовской губерніи, совершенно противорѣчитъ извѣстію Аль-Бальхи и Мукадесси. Что Суваръ находился южнѣе Булгара, доказывается обстоятельствами войнъ суздальцевъ съ болгарами.

[3]) Лаврент. лѣтоп. изд. 1872 г., стр. 422; Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 152.

[4]) См. указанныя выше работы Невоструева и Шпилевскаго passim.

[5]) Извѣстія Мукадесси у Хвользона („Извѣстія Ибнъ-Даста“, стр. 84).

[6]) Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 53, примѣч. 1.

[7]) Ibidem, стр. 53.

[8]) Ипатьев. лѣтоп. изд. 1871 г. стр. 423.

торговый, понимали значеніе рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія въ то отдаленное время. Такими торговыми путями являлись рѣки Волга и Кама. Послѣдняя кромѣ того протекала среди самаго болгарскаго царства, раздѣляя его на двѣ части, южную и сѣверную. Вотъ почему почти въ устьѣ Камы мы находимъ укрѣпленіе Тухчинъ [1]). Въ сѣверной части болгарской земли были города: Соба, Куль, Тямти, память о которыхъ сохранилась въ названіяхъ деревень лежащихъ къ сѣверу отъ р. Камы и, очевидно, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли нѣкогда указанные города [2]). О густотѣ населенія къ сѣверу отъ р. Камы свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ большомъ количествѣ городища [3]).

Опредѣлить политическую границу болгарскаго царства съ точностью нельзя. Въ эпоху процвѣтанія его, то есть съ X в. и до начала XIII столѣтія, южная граница его простиралась до рѣки Урала, на которой находилась постоянная болгарская стража [4]). Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что власть болгарскаго царя простиралась далеко на сѣверъ. По крайней мѣрѣ, есть основаніе думать, что берега рѣки Камы на всемъ почти ея теченіи съ сѣвера на югъ были заняты болгарскими городами [5]). Какъ далеко на западъ шли владѣнія болгаръ, возможно говорить только приблизительно. Вѣроятно, граница собственно болгарскаго царства доходила до р. Суры [6]). До XI в., т. е. до появленія въ южно-русскихъ степяхъ половцевъ, болгарское царство граничило съ юга съ Хазаріей, но затѣмъ массы кочевниковъ, не встрѣчая себѣ никакой задержки послѣ паденія хазарскаго каганата, придвинулись съ юга къ болгарской землѣ. На востокѣ и сѣверѣ жили угрскіе народы, частью находившіеся подъ властью болгаръ, частью сохранявшіе свою независимость. Это были пермь, югра, вотяки, черемиса. Всѣ эти народцы, даже признавая свою зависимость отъ болгаръ, сохраняли своихъ племенныхъ князьковъ и выражали свою покорность лишь платою дани, заключавшейся главнымъ обра-

---

[1]) Лаврентьев. лѣтоп. изд. 1872 г., стр. 369—370; Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 139.

[2]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 423; Шпилевскій „Древніе города“, стр. 144.

[3]) Шпилевскій и Невоструевъ—указанные труды. Мы указали лишь тѣ поселенія болгарской земли, которыя, по имѣющимся у насъ письменнымъ источникамъ, указываются какъ болгарскія, но археологическія данныя, какъ я уже сказалъ, указываютъ такихъ поселеній гораздо больше. Интересующихся отсылаемъ къ работамъ гг. Невоструева и Шпилевскаго.

[4]) Лаврентьев. лѣтоп., изд. 1872 г. стр. 430.

[5]) Воскресенская лѣтопись подъ 1220 г. (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 127).

[6]) Неретятковичъ. Поволжье. М. 1877 г., стр. 38.

зомъ въ мѣхахъ [1]). Между Волгою и Окою, по рѣкамъ Сурѣ, Мокшѣ съ ея притокомъ Цною и по верховьямъ Дона и его верхнихъ притоковъ жило сильное племя мордва, дѣлившаяся на два колѣна—мокшу и эрзу. Мокша занимала сѣверную часть этого пространства по р. Мокшѣ и сѣвернѣе ея по теченію рр. Оки и Волги. Мокша въ X в. была извѣстна у восточныхъ писателей подъ именемъ буртасъ, имя, подъ которымъ могло однако разумѣться и все племя мордвы [2]). До сихъ поръ еще въ области, занимаемой мокшей, сохранилось имя Буртасъ у одной рѣки и многихъ селеній и урочищъ. Но на востокѣ была извѣстна также и эрза [3]). Мордва принадлежала уже не къ угрскому, а финскому племени [4]). Сначала мордва находилась подъ властью хозарскаго каганата и зависимость ея выражалась въ доставленіи вспомогательныхъ отрядовъ кагану [5]). Оба колѣна, и мокша и эрза, управлялись своими князьями. У послѣдней былъ одинъ князь и существовалъ одинъ главный городъ [6]). Въ началѣ XIII ст. мы находимъ у мокши князей Пурейшу и Пургаса [7]). Кромѣ того въ каждомъ селеніи у нихъ было по одному или по двое старшинъ, обладавшихъ судебною властью [8]). Мордва жила въ деревянныхъ домахъ, имѣла укрѣпленія и, какъ сильное племя, само отбивалось отъ своихъ южныхъ сосѣдей, кочевниковъ [9]).

---

[1]) Барсовъ. „Очерки Рус. Ист. Географіи". Варшава 1885 г. стр. 55—57. Князья пермскія существовали и въ гораздо позднѣйшія времена. См. „Распространеніе христіанской вѣры въ предѣлахъ пермской губерніи" въ Ж. М. Н. Пр. . 93, отд. II, стр. 227. О вотякахъ см. Георги: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійской Имперіи народовъ", ч. I, тамъ же и о черемисахъ. О пермякахъ, какъ племени угрскомъ см. труды Европеуса, Шегрена и др. О землѣ Перми см. „Житіе св. Стефана пермскаго", (Памятники старин. рус. литературы, т. IV). О князьяхъ югорскихъ см. Лерберга „Изслѣдованія, служащія къ объясненію др. Рус. Исторіи", Спб. 1819 г. стр. 8, 14 и 15.

[2]) О буртасахъ сообщаютъ Аль-Масуди, Аль-Балхи и Ибнъ-Дастъ (Хвользонъ, „Извѣстія Ибнъ-Даста" стр. 19, 71 и 73). Мы основываемъ свое мнѣніе на извѣстіи Ибнъ-Даста, что буртасы жили между хазарской и болгарской землей, были подвластны Хазаріи и выставляли ей вспомогательныя войска, чего не могло быть, по географическому положенію, если бы дѣло шло объ одной только мокшѣ.

[3]) Савельевъ „Мухамеданская нумизматика, стр. LXV и CXIX. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 84.

[4]) Племя мордва сначала жили на западѣ въ сосѣдствѣ съ литвою, что доказывается многочисленностью литовскихъ словъ въ ихъ языкѣ. (Европеусъ „Объ Угорскомъ народѣ". Стр. 14). Краніологическія данныя подтверждаютъ мнѣніе Европеуса. См. Winkler. „Uralaltaische Völker und Sprachen". ss. 31—34.

[5]) Извѣстія Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 19).

[6]) Савельевъ „Мухамеданская нумизматика", стр. CXIX.

[7]) Лаврентьев. лѣтоп. подъ 1228 и 1229 годами.

[8]) Извѣстіе Ибнъ-Даста, у Хвользона, стр. 20.

[9]) Ibidem, и извѣстіе Аль Балхи (Хвользонъ, стр. 73), а также Лаврентьев. лѣтоп. подъ 1228 г.

Это финское племя играло важную роль въ исторіи болгарскаго царства, занимая области, лежавшія между послѣднимъ и русскою землею.

О политическомъ строѣ Болгаріи мы знаемъ, хотя и не особенно много, изъ записки арабскаго посланника Ибнъ-Фоцлана, ѣздившаго къ болгарскому царю Альмусу, по порученію халифа Муктедира въ 921—922 г. Власть въ Болгаріи была наслѣдственная, и престолъ переходилъ отъ отца къ сыну [1]). Царь пользовался такими же почестями какъ и всѣ азіатскіе государи. Никто не смѣлъ предъ нимъ сидѣть. Когда онъ выѣзжалъ изъ двора, то всѣ при встрѣчѣ съ нимъ вставали, снимали съ головы свои шапки и брали ихъ подъ мышку, оставаясь съ непокрытой головой, пока царь не проѣзжалъ. Входя во дворецъ, даже дѣти и братья царя обнажали свои головы, падали ницъ, затѣмъ поднимались и садились на колѣни [2]). Въ торжественныхъ случаяхъ, когда происходило, напр., принятіе особенно важныхъ посольствъ, царь возсѣдалъ на престолѣ, покрытомъ греческою парчей; рядомъ съ нимъ помѣщалась его супруга; дѣти его сидѣли предъ нимъ на отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; по правую сторону отъ престола занимали мѣста цари и вельможи болгарской земли. Въ такихъ случаяхъ происходило угощеніе пословъ. Царю приносили отдѣльный столъ, на которомъ было жареное мясо. Онъ бралъ ножъ, отрѣзывалъ имъ кусокъ и съѣдалъ; затѣмъ, съѣвъ нѣсколько кусковъ, онъ отрѣзывалъ одинъ и подавалъ почетному гостю или кому-нибудь изъ присутствовавшихъ тутъ знатныхъ особъ. Сейчасъ же получившему кусокъ мяса приносился отдѣльный столъ. Въ этой раздачѣ кушанья соблюдался, какъ видно, извѣстный порядокъ старшинства, да и вельможи сидѣли по степени ихъ важности, при чемъ первымъ мѣстомъ считалось ближайшее у царскаго трона. Остававшееся кушанье каждый уносилъ съ собою домой. По окончаніи стола, по приказанію царя, подавался медъ, который пили всѣ присутствующіе [3]). Какъ видно, болгарское царство дѣлилось на нѣсколько частей, во главѣ которыхъ стояли или туземные царьки, или намѣстники царя. Они играли важную роль и, можетъ быть, нѣсколько ограничивали власть болгарскаго владыки. Такъ Альмусъ отложилъ чтеніе письма халифа, пока не съѣдутся всѣ цари его земли и вельможи;

---

[1]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана у Френа: „Die ältesten Nachrichten über die Wolga—Bulgharen“ въ „Mémoires de l'Académie de S. Pétersbourg“, v. I, livrais. 6, p. 566. До насъ дошелъ списокъ болгарскихъ царей (Шпилевскій „Древніе города“, стр. 39), подверждающійся какъ запиской Ибнъ-Фоцлана, такъ и нумизматическими данными.

[2]) Ibid., p 575.

[3]) Ibidem, p. 569.

при заключеніи мира они также приносили присягу. Мы не знаемъ, какіе доходы получались болгарскимъ правительствомъ. По извѣстіямъ арабовъ, болгарскій царь въ видѣ подати получалъ съ каждаго двора по бычачьей шкурѣ, а также лошадей. Всякій вступающій въ бракъ долженъ былъ дать царю верховую лошадь. Со всѣхъ купеческихъ судовъ, приставшихъ къ гавани города Булгара, бралась пошлина въ видѣ десятины отъ всѣхъ товаровъ. Царь получалъ также часть добычи послѣ похода [1]). Вотъ и все, что мы можемъ сказать о политическомъ строѣ болгарскаго государства. Гораздобольше данныхъ имѣется у насъ для очерка торговли и промышленности болгарскаго народа.

Еще за долго до образованія болгарскаго государства населеніе областей по среднему теченію р. Волги, Камы и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ обладало значительно развитою культурою и имѣло довольно отдаленныя торговыя связи [2]). Болгарское царство, образовавшись въ самомъ центрѣ Поволжья, должно было унаслѣдовать и промышленность и торговыя связи, развившіяся и установившіяся въ тѣхъ мѣстностяхъ гораздо раньше.

Бо́льшая часть пространства, занимаего болгарскимъ царствомъ, покрыта толстымъ слоемъ чернозема, который представляетъ неоцѣненныя достоинства для земледѣлія; луговая сторона Волги и все

---

[1]) Ibidem, p. 568, 534 и 575. Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 24). Троицкая лѣтопись подъ 1230 г. у Карамзина. (Цитата у Шпилевскаго „Древніе города", стр. 156). Наша лѣтопись знаетъ серебряныхъ болгаръ и челматъ (Ипат. лѣтоп. изд. 1871 г., стр. 423). По объясненію Шпилевскаго, серебряные болгары имѣли городъ Бюларь, который стоялъ на р. Серебрянкѣ, а челмата=болгары прикамскіе, ибо Кама на татар. языкѣ называется Челманъ или Чулманъ (Древніе города", стр. 138 и 144).

[2]) О богатствѣ и торговлѣ Перми свидѣтельствуютъ скандинавскія саги, называя ее Біармією (см. соображеніе объ этомъ у Sjogren'a въ статьѣ: „Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolotschen Tschuden Russisch?" сначала въ „Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg", sciences politiques, v. I, livrais. 6, serie VI-e, p. 525 и слѣд., а потомъ въ „Gesammelte Schriften", Band. I). Затѣмъ для краткости укажемъ: Невоструева, „Ананьинскій могильникъ" съ замѣчательными предметами глубокой древности (въ „Трудахъ I археолог. съѣзда въ Москвѣ", т. II, стр. 595), Лихачева, „Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ" (въ „Трудахъ VI археологич. съѣзда въ Одессѣ", т. I, стр. 135) и др. Указаніемъ на давность торговыхъ сношеній съ отдаленными странами служатъ найденныя въ Булгарѣ монеты римскія императора Авреліана (270—275 г.) и другія римскія же III и IV в. (Лихачева, „Скиѳскіе элементы", „Труды VI а. с." стр. 170 и Шпилевскій, „Древніе города", стр. 258). Можетъ быть эти монеты дошли западнымъ путемъ, т. е. чрезъ Волгу и Зап. Двину; на это указываетъ, м. б., тотъ фактъ, что въ области Мери, т. е. суздальской, найдены были монеты Филиппа Македонскаго (361—336 г. до а масса римск. монетъ временъ императоровъ и греческихъ республикъ и Р. Х.), и императора Домиціана (81—86 г. по Р. Х.), царей была отыскана въ землѣ ливовъ и эстовъ (Kruse, „Necrolivonica". Dorpat.

пространство между рр. Камой и Самарой очень выгодны для скотоводства [1]). Болгарія отличалась богатствомъ естественныхъ произведеній. Въ ней росли березовые и орѣховые лѣса, а изъ фруктовыхъ деревьевъ—яблони [2]). Берега Волги изобиловали драгоцѣннымъ растеніемъ ревенемъ [3]). Изъ животнаго царства мы находимъ въ этой странѣ пчелъ, бобровъ, бѣлокъ, выдру, куницу [4]). Рѣки Волга и Кама изобиловали всевозможной рыбой [5]). Строительный матерьялъ доставляли лѣса, но также берега Камы и Волги доставляли камень; глина, известь, гипсъ, алебастръ и мѣлъ были также въ изобиліи [6]). И болгары воспользовались свойствами своей земли и ея естественными богатствами. Они занимались земледѣліемъ въ широкихъ размѣрахъ, воздѣлывая рожь, пшеницу, ячмень, просо [7]). Для внутренняго потребленія шло, главнымъ образомъ, просо [8]), а масса хлѣба вывозилась за границу. Такъ наша суздальская область и даже Новгородъ Великій получали хлѣбъ изъ Болгаріи, а въ неурожайные годы населеніе сѣверной Руси спасалось отъ голода именно только хлѣбомъ, привозимымъ изъ болгарской земли [9]). Болгары развили у себя скотоводство, и продукты, отъ него получаемые, составляли не маловажную статью ихъ торговли и промышлен-

---

1842. s, 19—24 и Уваровъ „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ („Труды I арх. с. въ Москвѣ“, т. II, стр. 659), въ настоящее же время много отыскано монетъ близъ г. Россіенъ, ковенской губерніи., консульскихъ и императорскихъ (Иверсенъ „О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ“, въ „Трудахъ VI арх. с. въ Одессѣ“, стр. 273). Могъ быть путь и по Днѣпру, такъ какъ въ Поднѣпровьи находили греческія и римскія монеты, напр. около др. Коростеня (Kruse, „Necrolivonica“, s. 19), а недавно въ обоянскомъ уѣздѣ курской губ. отысканъ былъ значительный кладъ такихъ монетъ (Иверсенъ, ibidem).

[1]) Перетятковичъ. Поволжье, стр. 38.

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie, sciences politiques, v. I, livrais. 6, p. 574).

[3]) Савельевъ. „Мухамеданская нумизматика“, стр. LXXXVII—LXXXVIII.

[4]) Пословъ угощали напиткомъ медомъ (см выше); извѣстіе Ибнъ-Гаукаля (Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, стр. 219), Ибнъ-Даста и Андалуси (Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 24 и 88).

[5]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen. Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie, v. I, livrais. 6, p. 575.

[6]) Березинъ, „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 85. и Шпилевскій. „Древніе города“, стр. 236—237 и 354.

[7]) Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 23) и Ибнъ-Фоцланъ (Frähn, Die ältesten Nachrichten, s. 575).

[8]) Ибнъ-Фоцланъ, ibidem.

[9]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 103, Лаврент. лѣтоп. стр. 144. О Новгородѣ, см. Борзаковскаго, „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876 г. стр. 61.

ности. Лошади были имъ необходимы, такъ какъ главныя военныя силы ихъ состояли изъ конницы [1]). Лошадиное мясо также употреблялось болгарами въ пищу [2]). Овцы и рогатый скотъ вывозились въ большомъ количествѣ въ Бухарію [3]). Кожи выдѣлывали въ самой Болгаріи, и въ обработанномъ видѣ онѣ шли на далекій востокъ, гдѣ славилась болгарская юфть, которая тамъ до настоящаго времени называется „булгари“ [4]). Но этотъ продуктъ обрабатывающей промышленности болгаръ шелъ въ значительномъ количествѣ на обувь мѣстному населенію: всѣ болгары были въ сапогахъ, что̀ такъ поразило нашу лапотную Русь въ X ст., почувствовавшую силу этого промышленнаго народа и выразившую свое сознаніе въ простодушныхъ словахъ Добрыни: „смотрѣлъ я плѣнныхъ (болгаръ); всѣ они въ сапогахъ: не будутъ они намъ дани платить, пойдемъ, поищемъ лапотниковъ“ [5]). Изъ продуктозъ растительнаго царства въ Ховарезмъ (нын. Бухарія) отправлялись въ значительномъ количествѣ дерево березы [6]) и орѣхи, послѣдніе и теперь еще въ Средней Азіи носятъ названіе болгарскихъ „гюзи булгаръ“ [7]). Береза и самимъ болгарамъ доставляла матеріалъ строевой, а кромѣ того они добывали изъ нея сокъ, который употреблялся, какъ напитокъ [8]). Но главнымъ предметомъ болгарской торговли съ востокомъ были мѣха. Не смотря на то, что Болгарія сама изобиловала мѣхами, въ Азіи лучшими признавались тѣ, которые приходили изъ Руси и страны Яджуджъ и Маджуджъ (Гога и Магога) [9]). Подъ послѣдними на востокѣ разумѣлись земли на далекомъ сѣверѣ, населенныя угрскими народами, югрой или угрой, живущей теперь подъ именемъ вогуловъ и остяковъ по ту сторону Уральскихъ горъ, а въ тѣ времена обитавшей по С. Двинѣ и Печорѣ; подъ этимъ же именемъ Гога и Магога разумѣлась, очевидно, и весь, жившая въ теперешней тверской губерніи и далѣе на востокъ, и пермь, сосѣдившая на на сѣверѣ съ югрой. Все это, въ представленіи арабовъ, была страна мрака.

---

[1]) Извѣстіе. Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 24).

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten, s. 575).

[3]) Извѣстіе Мукадесси (Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей“, стр. 282).

[4]) Frähn, Die ältesten Nachrichten, s. 542 и Савельевъ, „Мухамеданская нумизматика“, стр. LXXXIV.

[5]) Ипатьев. лѣтопись, изд. 1871 г. стр. 56.

[6]) Извѣстіе Мукадесси (Гаркави, „Сказанія мусульманск. писателей“, стр. 282).

[7]) Frähn, Die ältesten Nachrichten über din Wolga-Bulgharen, s. 542 и Савельевъ, Мухамедан. нумизматика, стр. LXXXIV—LXXXV.

[8]) Frähn, ibidem, p. 574—575.

[9]) Извѣстіе Ибнъ-Гаукаля (Гаркави, Сказанія мусульм. писателей, стр. 219).

Со всѣми этими странами болгары вели оживленную торговлю. Торговля съ весью и югрой была мѣновая и при томъ нѣмая. Когда болгары приходятъ въ землю веси, то раскладываютъ свои товары на одномъ мѣстѣ, гдѣ и оставляютъ ихъ на нѣкоторое время, потомъ приходятъ опять и подлѣ своихъ товаровъ находятъ то, что̀ жители хотятъ имъ за нихъ дать; если они довольны, то берутъ, а если нѣтъ, то оставляютъ, показывая этимъ, что желаютъ еще прибавки. Ни покупщикъ, ни продавецъ не видятъ другъ друга. Предметами сбыта со стороны болгаръ были, какъ произведенія ихъ собственной страны, такъ и восточныя, что̀ доказывается археологическими данными [1]). Также производилась торговля и съ отдаленной Угріей, куда болгары привозили гарпуны для ловли морскихъ рыбъ своей собственной выдѣлки, а въ замѣнъ получали моржовые клыки, весьма цѣнившіеся на востокѣ, куда они отправлялись [2]). Точно также мѣха получались изъ Руси [3]), хотя, какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе и сами ѣздили внизъ по Волгѣ въ Хазарію. Такимъ образомъ, въ Болгаріи скоплялось много пушнаго товара, который шелъ въ Бухарію. Вывозились мѣха выдры, собольи, горностаевые, бѣличьи, бобровые, но главное богатство составлялъ мѣхъ куній. Послѣдній замѣнялъ собою у болгаръ монету; сначала своей чеканенной монеты у нихъ не было, а серебряные диргемы приходили къ нимъ изъ мусульманскихъ странъ путемъ мѣны за ихъ товары; каждый куній мѣхъ равнялся по цѣнности $2\,^1/_2$ диргемамъ, что̀ составитъ на наши деньги, по нормальному курсу, 45 к. серебр. [4]). Изъ естественныхъ произведеній страны изъ Болгаръ чрезъ Хазарію на востокъ вывозился также медъ, а часть его шла для мѣстнаго потребленія [5]). Есть извѣстіе, дающее право предполагать, что изъ болгарской земли добывалась также мамонтова кость, которая шла въ Бухаріи на различныя подѣлки [6]). Кромѣ выдѣлки

[1]) Уваровъ. „Меряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ“ (Труды I арх. с. въ Москвѣ. т. II, начиная съ 633 стр. passim).

[2]) О торговлѣ съ весью и югрой: D'Ohsson, Les peuples du Caucase, Paris, 1828. pp. 81—83; Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, sciences politiques, VI serie, v. I, livr, 6, p. 573; Géographie d'Aboulfeda, traduite par Reinaud. Paris 1848. v. II, 284. Ср. Лерберга, „Изслѣдованія, служащія къ объясненію др. Русской исторіи“, Спб. 1819 г. стр. 38—41 и Савельева, „Мухамедан. нумизматика“, стр. LXXX, CXXII и слѣд.

[3]) „Ибнъ-Гаукаль (Гаркави, Сказанія мусульм. писателей“, стр. 219).

[4]) Извѣстія Ибнъ-Гаукаля и Мукадесси (ibidem, стр. 219 и 282). Извѣстія Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 24—25). О стоимости диргема см. тамже, стр. 101.

[5]) Извѣстіе Ибнъ Гаукаля (Гаркави, Сказанія Мусульм. писателей, стр. 219) и Андалуси (Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 88).

[6]) Савельевъ. „Мухамеданская нумизматика“, стр. CXXX и слѣд.; Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 88.

кожъ, кромѣ приготовленія гарпуновъ, въ Болгаріи дѣлались прекрасныя кольчуги. Образцы ихъ найдены: одна кольчуга очень тяжелая съ продольнымъ разрѣзомъ спереди; другая цѣльная и легкая, составленная изъ мелкихъ и тонкихъ колечекъ [1]). Онѣ частью шли для болгарскихъ войскъ [2]), частью вывозились на востокъ [3]). Нельзя утвердительно сказать, выдѣлывались ли въ Болгаріи мечи, хотя изъ Булгара они отправлялись въ Бухарію, а оттуда расходились по разнымъ странамъ Азіи [4]). Можетъ быть, это были мечи франкской работы и привозились въ Булгаръ руссами, такъ какъ, по сообщеніямъ арабовъ, именно такими мечами были вооружены руссы, да и наша лѣтопись свидѣтельствуетъ, что обоюдоострый мечъ былъ излюбленнымъ оружіемъ русскаго славянина. Нужно сказать еще, что восточные рынки снабжались изъ Булгара и живымъ товаромъ: на Востокъ шли чрезъ Болгарію и славянскіе невольники [5]). Въ замѣнъ всѣхъ этихъ произведеній съ Востока производились предметы роскоши: драгоцѣнныя каменья, бисеръ, золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, браслеты, кольца, булавки, рукоятки, шолковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино [6]). Нельзя не упомянуть еще о талисманахъ и круглыхъ металлическихъ зеркалахъ съ куфическими надписями [7]); такія же точно зеркала найдены были близъ Багдада. Интересно, что на берегу р. Оби, у остяковъ, потомковъ югры, найдено было въ прошломъ столѣтіи такое же самое зеркало, той же самой эпохи (X и XI ст), что̀ служитъ подтвержденіемъ сказаннаго раньше о торговыхъ связяхъ болгаръ съ отдаленнымъ сѣверомъ [8]). Всѣ эти товары расходились изъ Болгаріи на сѣверъ и западъ, къ сосѣднимъ племенамъ и Руси и даже въ з. Европу, что̀ доказывается находками всѣхъ этихъ издѣлій въ прибалтійскихъ странахъ [9]). Болгары были также посредниками въ

---

[1]) Коллекція Лихачева, у Шпилевскаго: „Древніе города“, стр. 279.

[2]) Извѣстія Ибнъ-Даста (Хвальзонъ, стр. 24).

[3]) Извѣстія Мукадесси (Гаркави, Сказанія мусульм. писателей стр. 282).

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem. Славянскихъ невольниковъ доставляли главнымъ образомъ руссы (Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 35). На привозъ изъ З. Европы мечей въ Булгаръ можетъ между прочимъ указывать и фактъ находки тамъ меча, имѣющаго насѣчки серебромъ и золотомъ въ видѣ рунъ, которыя отчасти походятъ на скандинавскія (Шпилевскій, „Древніе города“. стр. 279).

[6]) Савельевъ. Мухамеданская нумизматика, стр. LXXXIX–XC.

[7]) Шпилевскій, „Древніе города“. стр. 260 и слѣд.

[8]) Савельевъ. „О важности изученія восточной нумизматики“. Ж. М. Н. Пр. ч. LIII, 269—70.

[9]) См. описаніе кладовъ у Савельева въ „Мухамедан. нумизматикѣ“, стр. 55 и слѣд.

передачѣ издѣлій византійскихъ и западно-европейскихъ странамъ отдаленной Азіи. По всей вѣроятности, изъ з. Европы привозились въ Булгаръ мечи; кромѣ того изъ Византіи въ Булгарѣ получалась парча, извѣстная на Руси подъ именемъ паволоки. Торговля этимъ продуктомъ византійской обработывающей промышленности была на столько важна, что руссы старались обезпечить ее для себя договорами [1]). Парча на востокѣ была извѣстна подъ именемъ „румскаго дибаджа“ [2]). Въ Булгарѣ встрѣчаются также бусы изъ тонкаго стекла, покрытыя серебромъ и золотомъ, сверхъ которыхъ наведенъ опять тонкій слой стекла, имитирующія жемчугъ и напоминающія, по способу производства, извѣстную византійскую мозаику. По времени эти бусы относятъ къ X—XII ст. По всей вѣроятности, онѣ получались изъ Византіи. Однимъ изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній природы, вывозившихся чрезъ Булгаръ на востокъ, былъ янтарь, шедшій съ береговъ Нѣмецкаго моря [3]). Самыми вѣскими указателями обширности болгарской торговли являются сохранившіяся до нашего времени находимыя при раскопкахъ восточныя монеты. Онѣ находятся на всей территоріи нынѣшней Россіи по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей [4]). Онѣ даютъ возможность довольно точно опредѣлить и время, къ которому относится начало этихъ обширныхъ связей. Въ нынѣшней пермской губерніи, близъ береговъ р. Камы, найдены монеты сасанидскія и индо-бактріанскія V вѣка послѣ Р. Х. [5]), показывающія, что съ этого именно столѣтія и началась торговля прикамскихъ странъ съ отдаленнымъ востокомъ.

Болгары, держа въ своихъ рукахъ почти всю торговлю запада съ востокомъ, старались не допускать азіатскихъ купцовъ далѣе своей столицы. Какъ гораздо раньше финикійскіе купцы старались распространить самыя ужасные толки о посѣщаемыхъ ими отдаленныхъ странахъ, такъ и болгары пугали своихъ южныхъ гостей разными небылицами. Отсюда происходятъ разсказы, находимые у арабскихъ

---

[1]) См. договоръ Игоря съ греками 945 г. (Ипатьев. лѣтоп. стр. 30).

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Petersbourg, VI serie, sciences polit, v. I, livr. 6, p. 541 et 569).

[3]) Лихачевъ у Шпилевскаго (Древніе города, стр. 288—289). Савельевъ, „Мухамедан. нумизматика“, стр. LXXXIII.

[4]) Желающихъ ознакомиться ближе съ этими данными отсылаю къ трудамъ Савельева, „Мухамедан. нумизматика“ и Григорьева; „О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи“, въ сборникѣ „Россія и Азія“. Спб. 1876 г.

[5]) Археологич. находки въ пермской губерніи, Ж. М. Н. Пр. 1852 г. іюль. Смѣсь. стр. 25—26.

ученыхъ, о странѣ мрака, о томъ, что мордва убиваетъ всѣхъ иностранцевъ, попадающихъ въ ихъ страну [1]).

Благодаря торговымъ интересамъ, въ Булгарѣ постоянно жило много иностранцевъ. Туда часто путешествовали ховарезмійцы (жители нынѣшней Бухаріи) [2]). Въ Булгаръ пріѣзжали русскіе купцы [3]) и оставались тамъ по торговымъ дѣламъ [4]). Были тамъ и христіане. Есть указанія, что въ Булгарѣ, кромѣ армянъ, жили еще и греки. Эти иностранцы, какъ мы раньше видѣли, жили въ нагорномъ и подгорномъ предмѣстьяхъ Булгара. Тутъ, вѣроятно, было и то кладбище, гдѣ погребались христіане, о которомъ говорятъ намъ наши лѣтописи [5]). Предположеніе, что въ столицѣ Болгаріи былъ православный храмъ или монастырь, подтверждается археологическими данными. Такъ въ болгарскихъ развалинахъ найденъ былъ мѣдный вызолоченный образъ древней греческой работы; онъ имѣетъ около одного фута въ діаметрѣ и заключаетъ въ себѣ десять изображеній святыхъ ликовъ, написанныхъ золотомъ по красному полю; несмотря на то, что образъ долго находился въ землѣ, краски и позолота на немъ еще живы и довольно свѣжи; отысканъ и другой образъ—Божіей Матери, на четыреугольной пластинкѣ, переломленной на двое; сюда же нужно отнести и обломокъ мѣднаго креста [6]). Все это неопровержимо указываетъ, по крайней мѣрѣ, на пребываніе въ Булгарѣ православныхъ христіанъ. Этотъ фактъ подтверждается также находкой сабельнаго клинка, на которомъ находится изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и греческая надпись, насѣченныя золотомъ; по шрифту буквъ онъ можетъ быть отнесенъ къ X в. [7]).

Главнымъ торговымъ путемъ у болгаръ была р. Волга. Это та старая дорога на востокъ, о которой говоритъ наша древняя лѣтопись [8]). Волгой товары направлялись на западъ, затѣмъ переходили на З. Двину или на Днѣпръ, направляясь или въ прибалтійскія страны, или въ южную Русь. Этимъ путемъ могли ѣздить и мусульманскіе купцы изъ Булгара въ Кіевъ [9]). Но существовала

---

[1]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase". 84; Гаркави. „Сказанія мусульм. писателей", стр. 193.

[2]) Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 219 и D'Ohsson, „Les peuples du Caucase", pp. 79 et 80.

[3]) Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 219 и 130.

[4]) Frähn. Ibn-Foszland's und anderer Araber Berichte. S. Petb. 1823.

[5]) Воскресен. лѣтопись подъ 1229 г. (П. С. Р. Л. т. VII стр. 135).

[6]) Шпилевскій, „Древніе города", стр. 254, 266—7.

[7]) Ibidem, стр. 279.

[8]) Ипатьев. лѣтоп., стр. 4.

[9]) Извѣстія Аль-Масуди, (Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 137).

другая дорога, болѣе короткая. Она шла изъ Булгара сначала вверхъ по Волгѣ, потомъ по р. Окѣ до ея верховьевъ; тутъ товары волокомъ перетягивались въ р. Десну и по ней достигали Кіева [1]). Изъ столицы Булгаріи на югъ товары отправлялись двумя путями: воднымъ, или сухопутнымъ. Первый шелъ р. Волгой къ берегамъ Каспійскаго моря. Переволочивъ суда въ р. Донъ тамъ, гдѣ онъ сближается съ Волгой, можно было доставить товары на азовское побережье [2]). Второй совершался караванами изъ Булгара въ Хоразмъ и обратно [3]). Дорога водная была гораздо удобнѣе сухопутной во-первыхъ потому, что была открыта во все продолженіе весны, лѣта и части осени, а сухопутная чрезъ степи представляла удобства лишь въ весеннее время, когда степи, по которымъ приходилось двигаться караванамъ, изобиловали водой и травой [4]); а во-вторыхъ потому, что она была безопаснѣе степной, на которой караваны должны были опасаться нападенія кочевыхъ ордъ [5]). Впрочемъ, въ X в., когда хазарскій каганатъ былъ еще силенъ, для торговаго движенія по степямъ не представлялось особенныхъ препятствій, такъ что посолъ халифа Муктедира, Ибнъ-Фоцланъ, благополучно прибылъ изъ города Джурджаніи (въ Туркестанѣ) въ Булгаръ въ маѣ мѣсяцѣ 922 года, употребивъ на это путешествіе семьдесятъ дней [6]).

Мы видѣли уже, что въ Булгарѣ существовали нѣкоторые виды обработывающей промышленности. Можно предполагать, что нѣкоторые предметы роскоши, какъ кольца, серьги, цѣпочки, словомъ металлическія издѣлія приготовлялись и мѣстными мастерами. На это есть указанія въ находимыхъ среди булгарскихъ развалинъ вещахъ [7]). Результатомъ сношеній съ востокомъ явилось у болгаръ умѣнье чеканить монету. Восточныя монеты въ огромномъ количествѣ расходились изъ рукъ болгаръ къ сосѣднимъ народамъ въ обмѣнъ на товары. Въ X ст. сталъ ощущаться недостатокъ въ нихъ. По крайней мѣрѣ, до насъ дошло три монеты, чисто болгарскія, чека-

---

[1]) Объ этомъ пути ясно говоритъ наша лѣтопись подъ 964 и 965 гг. (Ипатьев. лѣтоп. стр. 41—42). Интересныя соображенія объ этомъ пути см. Савельева, „Мухаметданская нумизматика“, стр. CXLII—CXLIII.

[2]) Аль-Масуди (Гаркави. „Сказанія мусульман. писателей“, стр. 130 и слѣд). Этотъ путь перевозки товаровъ былъ столь обыкновененъ, что не только арабы, но и греки считали Волгу и Донъ за одну рѣку (См. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевъ. 1884 т. гл. I и II).

[3]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase“, p. 79.

[4]) Савельевъ „Мухаметданская нумизматика“, стр. XCIV и слѣд.

[5]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase“, p. 79.

[6]) Fräh, „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen (Mem. de l'Acad. de S. Pétersbourg, VI serie, sciences polit., v. I, livrais. 6, p. 568).

[7]) Шпилевскій, „Древніе города“, стр. 273, 281 и др.

ненныя въ Булгарѣ и Суварѣ, при царяхъ Талибѣ и Муминѣ [1]), и относящіяся къ 950 и 976 годамъ. Учителями болгаръ въ строительномъ искусствѣ явились также восточные зодчіе. Въ своемъ письмѣ къ халифу Муктедиру болгарскій царь Альмусъ просилъ прислать ему знающихъ людей, которые построили бы мечети и укрѣпленія [2]). Желаніе его было исполнено: „Всѣ каменныя зданія въ Булгарѣ построены по тому же простому способу, по которому строится почти весь мусульманскій Востокъ: кладутъ по краямъ большіе необдѣланные камни съ известью, а середину стѣны наполняютъ известью съ мелкими камнями и такимъ образомъ возводится любое зданіе. Лучшія постройки снаружи обкладываются гладко отесаннымъ камнемъ, а внутри штукатурятся; незначительные же дома обмазываются, впрочемъ не всегда, известью, для гладкости стѣнъ, изъ которыхъ все таки торчатъ острые углы камней. Въ большихъ зданіяхъ болгары употребляли постоянно круглый куполъ, сводя его большею частью одинаково, углубленіями въ углахъ четвероугольнаго корпуса“ [3]). Для насъ сохранились лучшіе образцы древней болгарской архитектуры — мечети и баня. Изъ нихъ видно, что болгары строили свои зданія по образцу месопотамо-арабскихъ, и что успѣхи архитектуры здѣсь были довольно значительны [4]). Строительное искуство послѣ X в. развилось въ Булгарѣ настолько, что на Руси болгарскіе архитекторы пользовались извѣстностью наравнѣ съ нѣмецкими. Такъ въ 1230 г. одинъ изъ князей суздальской земли, Святославъ Всеволодовичъ, пригласилъ болгарскаго архитектора для постройки церкви въ Юрьевѣ Польскомъ [5]). Строительный матерьялъ для каменныхъ зданій также привозился изъ Болгаріи [6]). Нужно сказать, что подъемъ болгарской культуры не есть результатъ именно факта принятія болгарами исламизма. Конечно, послѣдній связалъ болгарскую землю съ далекимъ Багдадомъ еще болѣе тѣсными дружественными узами, но главнымъ цивилизующимъ факторомъ явились торгово-промышленныя связи, начавшіяся съ V в., т. е., еще раньше появленія самаго ислама въ Аравіи. Магометанская религія, благодаря старымъ, уже установившимся сношеніямъ съ во-

---

[1]) Не имѣя подъ руками работы Фрэна „Drei Münzen der Wolga-Bulgharen“, ссылаемся на его трудъ: „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen“, p. 543.

[2]) Ibidem. 566.

[3]) Береэинъ „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 85.

[4]) Ibidem стр. 99.

[5]) Татищевъ „Исторія Россійская“, книга третья. 1774. стр. 456.

[6]) Рукописное житіе Андрея Боголюбскаго. (Доброхотовъ „Древній Боголюбовъ городъ“. Беремъ у Шпилевскаго „Древніе города“, стр. 114).

стокомъ, стала проникать въ болгарскую землю, несомнѣнно, еще до X в. А вмѣстѣ съ ней явилось въ Булгарѣ подражаніе арабской образованности и образу жизни. Это доказывается тѣмъ, что посольство халифа въ 922 г. нашло уже въ столицѣ болгарскаго царства мечети, магометанское духовенство; у царя придворный портной былъ изъ Багдада, этого центра цивилизаціи и моды на востокѣ въ то время; самъ царь Альмусъ зналъ арабскій языкъ, такъ какъ безъ переводчика прочелъ письмо халифа, въ присутствіи своихъ подручныхъ царей и вельможъ, что заставляетъ предполагать и съ ихъ стороны пониманіе арабскаго языка [1]). Послѣ принятія ислама у нихъ являются начальныя училища [2]). Обширныя торговыя связи вели къ тому, что люди разныхъ племенъ и религій стекались въ Булгаръ и даже жили тамъ. Мы видѣли тамъ хоразмійцевъ, хазаръ, руссовъ, армянъ, грековъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и среди самихъ болгаръ были послѣдователи разныхъ религій. Языческая религія, конечно, была еще до X ст. господствующей. О ней мы не знаемъ ровно ничего и можемъ только предполагать, что она мало чѣмъ отличалась отъ религіи другихъ финско-угрскихъ племенъ [3]). Но, по нашему мнѣнію, на основаніи приведенныхъ раньше фактовъ, вполнѣ достовѣрно сообщеніе одного изъ арабскихъ писателей, что болгарскіе пилигримы въ Меккѣ разсказывали, что они до принятія исламизма были христіанами [4]). Конечно, не всѣ болгары были раньше христіанами, а именно только эти, разсказывавшіе, которые могли съ утвержденіемъ ислама въ Болгаріи перейти въ магометанство. Нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что среди болгаръ были послѣдователи юдаизма. Самыя тѣсныя связи у Болгаріи были съ Хазаріей, а тамъ, какъ мы ниже увидимъ, юдаизмъ былъ довольно силенъ и даже является религіей правительства. Въ одномъ изъ болгарскихъ городовъ жители сначала были евреями, а потомъ сдѣлались мусульманами [5]). Такимъ образомъ, до окончательнаго утвержденія магометанства болгарскій народъ раздѣлялся между всѣми религіями.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько бытовыхъ чертъ, сохраненныхъ Ибнъ-Фоцланомъ въ его запискѣ. Въ Булгарѣ бывали видимы

---

[1]) Frähn. „Die ältesten arabischen Nachrichtsen über die Wolga-Bulgharen“ (Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg. VI serie, sc. polit., v. I, l. 6., pp. 568, 570—572).

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвольсонъ, стр. 23).

[3]) Очеркъ религіозн. вѣрованій финно-угрскихъ племенъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, а потому мы отсылаемъ интересующихся къ тѣмъ этнографическимъ матерьяламъ, которые указаны нами раньше.

[4]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase“, p. 216.

[5]) Аль-Мукадесси (Хвольсонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 84).

сѣверныя сіянія. Это явленіе показалось жителю средней Азіи чуднымъ, а южная фантазія заставила его видѣть въ облакахъ людей, сражающихся между собою. „Когда мы спрашивали, говоритъ онъ, объ этомъ царя, то онъ сказалъ, что его предки говорили, будто это сражаются поклонники и противники дьяволовъ древняго времени и дѣлаютъ это постоянно [1]). „Гроза тамъ бываетъ очень часто. Если молнія ударитъ въ домъ, то они (болгары) тотчасъ уходятъ изъ него и оставляютъ его, пока вѣтеръ и погода совсѣмъ не разрушатъ его, говоря, что на немъ гнѣвъ Божій“ [2]). За нарушеніе цѣломудрія и за воровство было одинаковое наказаніе—смертная казнь“ [3]). Интересенъ также обычай осыпать почетныхъ гостей серебряными монетами [4])

Начало политической исторіи болгаръ теряется для насъ во мракѣ древности. Мы можемъ считать ее достовѣрною лишь съ того времени, когда появляются о Болгаріи первыя извѣстія нашей лѣтописи и арабскихъ писателей. Мы начнемъ изложеніе внѣшней политической жизни болгарскаго народа съ первой половины X ст. [5]).

Какъ зарождалось болгарское государство, какъ происходило подчиненіе ему сосѣднихъ угрскихъ племенъ, мы не знаемъ. Мы лишь имѣемъ полное право думать, что ни съ сѣвера, ни съ востока болгарамъ не пришлось выдерживать серьезной борьбы и ждать какой-нибудь опасности: угрскіе народцы, при всей своей древней культурѣ, не могли бороться съ болгарскимъ государствомъ. Опасность могла угрожать только съ юга, гдѣ сосѣдями болгаръ были хазары и кочевыя орды, и съ запада, гдѣ съ IX ст. организуется сильное русское государство. Болгарія была по преимуществу государство торговое, промышленное. Интересами чисто промышленнаго характера объясняется и вся ея внѣшняя исторія. Первый разъ болгары приняли незначительное участіе въ политическихъ событіяхъ на югѣ въ 912—13 году, когда руссы, послѣ своего грабительскаго похода на востокъ, были на голову разбиты въ Хазаріи. Часть ихъ бросилась было въ Болгарію, но здѣсь всѣ они были перебиты [6]). На время спокойствіе, необходимое для развитія торговли и промыш-

---

[1]) Frähn. „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen“, Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg. VI serie, sc. polit., v. I, livr. 6, p. 571.

[2]) Ibidem, p. 576.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, p. 568.

[5]) Имѣя въ виду дать здѣсь лишь краткій очеркъ политической исторіи болгаръ, мы отсылаемъ за болѣе подробнымъ изложеніемъ фактовъ къ трудамъ Корсакова, „Меря и Ростовское княжество“ и Шпилевскаго „Древніе города Булгарскаго царства“.

[6]) Аль-Масуди (Гаркави. „Сказанія мусульм. писателей“, стр. 133).

ленности, возстановилось. Но въ 968 г. Болгаріи самой пришлось испытать богатырство кіевскихъ удальцовъ. Раньше руссы мирно пріѣзжали въ Булгаръ, жили тамъ, торговали, не встрѣчая никакихъ препятствій или притѣсненій [1]). Но въ этомъ году они напали на Булгаръ, страшно ограбили и разорили его [2]). Этотъ разгромъ былъ долго памятенъ на всемъ Востокѣ, гдѣ быстро разошлась вѣсть о постигшемъ Болгарію несчастіи. Современные арабскіе писатели говорятъ объ этомъ печальномъ фактѣ, а нѣкоторые думали даже, что Булгаръ послѣ этого обратился въ развалины [3]). Но Булгаръ скоро оправился. Послѣ окончательнаго паденія хазарскаго каганата въ въ началѣ XI ст., произошло, вѣроятно, присоединеніе къ Болгаріи сѣверныхъ его частей, такъ какъ въ XIII ст. болгарскимъ городомъ является Саксинъ, лежавшій на р. Уралѣ и прежде входившій въ составъ каганата [4]). Съ юга теперь придвинулись кочевые народцы, сначала печенѣги, потомъ торки и половцы. Обязанность охранять восточную торговлю отъ этихъ непріятныхъ сосѣдей выпадаетъ теперь всецѣло на долю болгарскаго царства. Мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ кочевникамъ, но, какъ видно, болгарское правительство круто расправлялось съ этими своими сосѣдями. Такъ въ 1117 г. въ Булгарѣ было отравлено нѣсколько половецкихъ князей, неизвѣстно для чего туда явившихся [5]). Кочевники могли однако играть очень непріятную для Булгара роль въ его отношеніяхъ къ Руси.

Набѣгъ на Болгарію, сдѣланный въ 968 г. Святославомъ мимоходомъ на пути въ Хазарію, могъ лишь на нѣкоторое время ослабить торговое движеніе по Волгѣ. Торговля, собственно говоря, и не прекращалась, что̀ доказывается цѣлыми кладами восточныхъ монетъ X в., находимыми у насъ въ Россіи и въ з. Европѣ. Въ это столѣтіе происходило подчиненіе власти кіевскихъ князей племенъ, обитавшихъ на территоріи теперешней Россіи, какъ славянскихъ, такъ и инородческихъ, и отыскиваніе, на кого бы можно было еще наложить дань. Булгаръ былъ черезчуръ извѣстенъ на Руси для того, чтобы кіевскіе князья не попытались заполучить дань и съ болгарскаго народа. Такая попытка и была сдѣлана въ 985 г. Владиміромъ, но, какъ видно, неудачно, хотя походъ былъ заду-

[1]) Ибнъ-Гаукаль (ibidem, стр. 219).

[2]) Ibidem.

[3]) Ибнъ-Саидъ (Charmoy. Relation de Mas'oudy. Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg, VI serie, sciences polit., v. II, livraison 4 et 5-e, p. 341). Объ этомъ походѣ см. ниже.

[4]) Лаврентьев. лѣтопись, стр. 430. Объ этомъ городѣ см. также ниже.

[5]) Ипат. лѣтоп., стр. 205.

манъ хорошо: князь кіевскій съ своимъ дядей Добрыней двинулись по Волгѣ, а съ юга направили на Булгаръ кочевниковъ—торковъ, занимавшихъ въ то время степи между Дономъ и Волгой. Безсиліе тогдашней, еще лапотной, Руси предъ этимъ воинственнымъ и промышленнымъ народомъ обнаруживается въ словахъ, сказанныхъ, по преданію, Добрыней Владиміру: „смотрѣлъ я плѣнныхъ, и всѣ они въ сапогахъ; имъ дани намъ не платить, пойдемъ искать лапотниковъ!“ Между двумя народами былъ заключенъ миръ, который могъ нарушиться лишь „когда камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть [1])“. Въ 1006 году мы видимъ подтвержденіе этого договора. Чрезъ пословъ своихъ, явившихся въ Кіевъ, болгары выговорили себѣ право свободной и безопасной торговли въ городахъ по Волгѣ и Окѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній болгарскіе купцы должны были являться съ особыми печатями отъ своего правительства; это правило относилось и къ русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Болгарію. Обычай снабжать купцовъ печатями, какъ паспортомъ, кіевскіе князья переняли изъ Византіи, гдѣ это постоянно практиковалось [2]). Эти печати съ одной стороны обезпечивали болгарскихъ купцовъ отъ грабежей, которымъ они, какъ увидимъ ниже, иногда подвергались въ русской землѣ, съ другой стороны предохраняли самый Булгаръ отъ появленія въ немъ подъ видомъ русскихъ купцовъ людей съ „богатырскими“ замашками. Интересно также условіе, по которому болгарскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ по мелочамъ въ селахъ и деревняхъ, а равно и скупать тамъ мѣстныя произведенія, но должны были вести торгъ только лишь съ русскими купцами [3]). Это постановленіе вполнѣ понятно: нужно было удержать внутреннюю торговлю въ своихъ рукахъ, что̀ являлось бы абсолютно невозможнымъ, если бы былъ допущенъ мелочной торгъ иностраннымъ купцамъ, съ которыми Русь не только въ то время, но и гораздо позже, не могла конкуррировать въ торговой опытности и ловкости [4]). Установившіяся мирныя торгово-промышленныя отношенія между Булгаромъ и Русью, обезпечившія свободное пребываніе русскихъ купцовъ въ Булгарѣ и болгарскихъ въ Кіевѣ, повлекли за собой тѣ возможныя попытки съ обѣихъ сторонъ обратить сосѣда въ свою

---

[1]) Ibidem, стр. 56.

[2]) См., напр., договоръ Игоря съ греками 945 г. (Ипат. лѣт. стр. 30), а также Эверса: „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“. Перев. съ нѣм. Платонова. Спб. 1835 г., стр. 220, 221, 223.

[3]) Татищевъ. Россійская исторія. 1773 г. стр. 88—89.

[4]) Это повторялось потомъ и въ московскій періодъ нашей исторіи постоянно въ отношеніи купцовъ западно-европейскихъ.

вѣру, о которыхъ говорятъ намъ наши лѣтописи[1]). Если даже разсматривать эти факты какъ легендарные, то и самая легенда отражаетъ здѣсь память народную о тѣсныхъ дружественныхъ связяхъ двухъ народовъ. Такія отношенія продолжались и далѣе. Мы уже видѣли, что въ 1024 г. болгары выручили Русь изъ бѣды, отпустивъ сюда значительное количество хлѣба[2]). Тоже самое случилось и въ началѣ XIII ст. Въ 1229 году по всей землѣ русской былъ страшный голодъ, сопровождавшійся моромъ. Болгары, возобновивши съ Русью торговый договоръ послѣ недавно бывшей войны, возили хлѣбъ по Волгѣ и по Окѣ. Царь болгарскій прислалъ въ даръ в. кн. суздальскому Юрію тридцать насадовъ съ житомъ, за что Юрій отблагодарилъ его посылкой суконъ, парчи, рыбьей кости и другихъ дорогихъ вещей[3]). Мы знаемъ уже, что изъ Болгаріи въ суздальскую землю приходили строительные матерьялы и вызывались архитекторы[4]). Но болгары жили въ русскихъ поволжскихъ городахъ не единицами, а, надо думать, въ весьма значительномъ количествѣ. Суздальско-владимірскіе князья, заботясь о заселеніи своей малолюдной области, приглашали между прочимъ переселяться къ нимъ и болгаръ, которые и селились тамъ по городамъ. Особенно Юрій Долгорукій старался привлекать къ себѣ переселенцевъ всевозможными льготами, выдачей пособій[5]). Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ и сынъ его, Андрей Боголюбскій, при которомъ болгары жили въ Владимірѣ. Онъ старался расположить ихъ къ принятію христіанства, приказывалъ водить ихъ въ церкви, показывать украшеніе церковное. Болгары наравнѣ съ другими жителями Владиміра выказывали горесть по случаю смерти Андрея[6]).

Но, несмотря на общность торговыхъ интересовъ, несмотря на такія дружественныя отношенія между двумя народами, миръ между ними не могъ быть прочень, и мы видимъ, что исторія Болгаріи наполнена войнами съ Русью. Та же самая торговля, которая связы-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 56—57. Никонов. лѣт. изд. Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1767 г., ч. 1, стр. 95, подъ 990 годомъ, гдѣ разсказывается, что Владиміръ св. посылалъ къ волжскимъ болгарамъ философа Марка Македонянина для обращенія ихъ въ христіанство, о неудачѣ этой миссіи, о пріѣздѣ затѣмъ въ Кіевъ четырехъ болгарскихъ князей и крещеніе ихъ здѣсь. Останавливаться надъ вопросомъ о степени достовѣрности этихъ извѣстій здѣсь не мѣсто.

[2]) См. выше.

[3]) Никонов. лѣт., ч. 2, стр. 362—363; Тверской Сборникъ, Спб. 1863 года, стр. 354 и слѣд.; Татищева. Исторія Россійская, ч. 3, стр. 76.

[4]) См. выше.

[5]) Ibidem.

[6]) Ипат. лѣт. изд. 1871 г., стр. 401.

вала оба народа, была причиной ихъ столкновеній. Иногда мелкія обстоятельства вызывали эти столкновенія. Какъ видно, напримѣръ, изъ договора, заключеннаго въ 1229 году между болгарами и суздальской землей, предшествовавшая ему война была вызвана недоразумѣніями, вышедшими между русскими и болгарскими рыболовами, можетъ быть, также какими-нибудь спорами изъ-за торговыхъ пошлинъ [1]). Несомнѣнно также и то, что среди Руси находились люди, которые не прочь были поживиться на счетъ иностранныхъ купцовъ и производили по Волгѣ и Окѣ разбои. Такъ, съ большою вѣроятностью, объясняется война между болгарами и Русью въ 1184 году. Какіе то вольные люди изъ рязанской земли начали грабить болгарскихъ купцовъ по Волгѣ и разорять по ея берегамъ болгарскія села и города. Болгарское правительство два раза жаловалось Всеволоду Суздальскому, который хотя и сдѣлалъ распоряженіе о поимкѣ разбойниковъ, но рѣшительнаго ничего не предпринялъ. Выведенные изъ терпѣнія болгары рѣшили сами дѣйствовать для защиты своихъ торговыхъ интересовъ и съ значительными силами чрезъ Волгу и Оку, а также сухимъ путемъ, явились въ области муромо-рязанскія и предали ихъ разоренію [2]). Нападеніе было на столько сильно, что Всеволодъ принужденъ былъ просить помощи черниговскаго князя Святослава Всеволодовича. Походъ, предпринятый соединенными силами нѣсколькихъ русскихъ князей, былъ удаченъ. Русскіе спустились по Волгѣ ниже впаденія въ нея Камы, высадились затѣмъ на берегъ и осадили Великій Городъ, подъ стѣнами котораго и былъ заключенъ миръ. Но не эти мелкіе случаи составляютъ суть борьбы между болгарами и Русью. Подобныя недоразумѣнія могли оканчиваться и мирнымъ путемъ. Надо думать, основаніемъ борьбы между болгарами и Русью была одинаковость преслѣдуемыхъ ими цѣлей. Булгару, и въ политическомъ, и въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ, важно было обладаніе устьями р. Камы и Оки. Первымъ они владѣли вполнѣ. Въ ихъ власти находилось и устье р. Вятки. Но вполнѣ безопасно могла существовать Болгарія лишь въ томъ случаѣ, если колонизація ея продвинулась бы какъ можно дальше по берегамъ этихъ рѣкъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Дѣло въ томъ, что верховья этихъ рѣкъ сближаются съ системой Сѣв. Двины, вслѣдствіе чего Болгарія могла всегда ожидать нападенія по Вяткѣ и Камѣ, такъ какъ Волга, сближаясь, въ свою очередь, съ С. Двиной, давала возможность Руси изъ земли новгородской и суздальской

---

[1]) Ссылку см. выше.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 423; Лавр. лѣт., стр. 369—370. Татищева, Ист. Рос., ч. III, стр. 248—249.

проникнуть въ самый центръ Болгаріи съ сѣвера. Не забудемъ, что торговый путь на югъ изъ болгарской земли, къ Кіеву и Византіи шелъ чрезъ Волгу, затѣмъ Оку до верховьевъ ея, потомъ р. Десной. Слѣд. для болгаръ мало было обладанія устьемъ Оки; въ ихъ торговыхъ интересахъ было продвинуть свою колонизацію какъ можно далѣе по берегамъ этой рѣки и, если можно, завладѣть областью верхней Десны. Но, въ свою очередь, и Русь, съ незапамятныхъ временъ начавъ свою колонизацію на востокъ по р. Волгѣ и изъ области р. Десны на сѣверо-востокъ по теченію р. Оки, стремилась захватить и закрѣпить за собою приволжскія страны. Чтобы болгарамъ и Руси можно было достигнуть этой цѣли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, имъ раньше необходимо было колонизовать, подчинить своей власти обитавшія по берегамъ Волги и Оки финско-угрскія племена.

Угрскія племена Веси и Мери въ отдаленное уже время подверглись значительному культурному вліянію русскихъ славянъ, и области ихъ были сильно колонизованы послѣдними. Болгары и Русь столкнулись въ земляхъ двухъ другихъ племенъ—Муромы и Мордвы. Племя Муромы жило по нижнему теченію р. Оки. Центромъ ея былъ городъ Муромъ. Славянская колонизація проникла сюда еще въ доисторическія времена, и въ народныхъ преданіяхъ сохранились глухіе поэтическіе отголоски борьбы между славянами и туземцами [1]). Въ началѣ нашей исторіи Мурома является племеменемъ вполнѣ подчиненнымъ Руси, и уже въ X ст. мы видимъ тамъ отдѣльнаго русскаго князя, Глѣба, сына Владиміра св. [2]). Археологическія данныя указываютъ, что это племя стояло на довольно значительной ступени культуры и было участникомъ торговли съ Востокомъ [3]). Эта то близость сосѣдняго болгарскаго царства и препятствовала прочно утвердиться въ муромской землѣ власти русскихъ князей почти до XII ст. Болгары оказывали сильное вліяніе на это племя. Есть основаніе думать, что болгары жили въ самомъ Муромѣ. Съ усиленіемъ русскаго государства власть кіевскихъ князей упрочивается у этого племени, но болгарское вліяніе остается еще сильнымъ. Въ 1088 году болгары сдѣлали попытку утвердиться на нижнемъ теченіи р. Оки, взяли городъ Муромъ, пользуясь сильными усобицами въ русской землѣ. Но, какъ видно, вскорѣ принуждены

---

[1]) См. Житіе свв. Петра и Февроніи Муромскихъ (въ Памятникахъ древн. рус. литературы, т. I).

[2]) Ипат. лѣт., стр. 83.

[3]) Мы пользовались дневникомъ раскопокъ въ муромской области В. Б. Антоновича въ рукописи, за что приносимъ ему глубокую благодарность.

были его оставить. Въ концѣ XI или началѣ XII в. происходитъ послѣдняя ожесточенная борьба въ муромской области. Князь Ярославъ, сынъ Святослава Черниговскаго, принужденъ былъ штурмомъ брать городъ Муромъ, въ которомъ ожесточенно защищали свою независимость туземцы. Городъ былъ взятъ [1]), и съ этого времени въ землѣ Муромы образуется отдѣльный княжескій удѣлъ муромо-рязанскій. Такимъ образомъ, Русь близко придвинулась къ устью р. Оки. Торговля по этой рѣкѣ должна была остаться во власти того, кто будетъ владѣть ея устьемъ. И вотъ съ обѣихъ сторонъ, и съ болгарской, и съ русской, мы видимъ стремленіе подчинить себѣ Мордву, занимавшую своими поселеніями и самыя принизовья Оки и берега Волги. Мы отчасти уже познакомились съ этимъ племенемъ, извѣстнымъ у восточныхъ писателей подъ именемъ Буртасъ. Они являются въ X в. племенемъ довольно культурнымъ и принимаютъ участіе въ торговлѣ съ Востокомъ, возя свои товары внизъ по Волгѣ [2]). Они имѣли верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду. Земля ихъ покрыта лѣсами, преимущественно березовыми. Главное ихъ богатство состояло въ куньихъ мѣхахъ. Занимались они также и земледѣліемъ [3]). Въ X в. Мордва была подъ властью хазарскаго каганата, но уже тогда болгары начали тревожить ее, дѣлая набѣги, производя грабежи и уводя народъ въ плѣнъ [4]). Съ паденіемъ хазарскаго каганата, Мордва начинаетъ подвергаться сильному давленію съ двухъ сторонъ: со стороны Руси и болгаръ. Первыя попытки русскихъ князей были неудачны. Такъ, князь муромскій Ярославъ въ 1103 году былъ разбитъ Мордвой [5]). За то успѣшнѣе, какъ видно, шли здѣсь дѣла болгаръ. Въ 1107 году они осадили самый городъ Суздаль, одинъ изъ главныхъ центровъ ростово-суздальской области, и только чудомъ онъ спасся отъ взятія [6]). Дѣла начинаютъ идти для Руси иначе, когда въ концѣ второй четверти XII ст. въ Суздалѣ образуется княжскій удѣлъ. Уже первый князь его, Юрій Долгорукій, наноситъ болгарамъ пораженіе въ 1120 г. [7]). Особенно учащенные походы на Мордву предпринимаются в. князьями суздальско-ростовскими съ конца XII и начала XIII ст. Въ то же

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 145; Лавр. лѣт., стр. 201. О введеніи христіанства въ Муромѣ см. Памятн. старин. рус. литер. т. I.

[2]) Объ Эрзѣ см. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 84.

[3]) О Буртасахъ см. Извѣстія Ибнъ-Даста. Хвользонъ, стр. 23.

[4]) Ibidem, стр. 24.

[5]) Лаврент. лѣт., стр. 269.

[6]) Изъ рукописной Ростовской лѣт. (Корсаковъ. Меря и Ростовское княжество, стр. 103).

[7]) Лаврент. лѣт., стр. 277.

время болѣе энергическая борьба завязывается между болгарами и Русью. Иногда мы видимъ со стороны Руси неожиданныя экспедиціи [1]), иногда вполнѣ правильные походы [2]). Въ началѣ XIII ст. русскимъ князьямъ удается утвердиться на устьѣ р. Оки, гдѣ князь суздальскій строитъ городъ и называетъ его Новгородъ-Нижній. Вслѣдъ затѣмъ этотъ пунктъ укрѣпляется русской колонизаціей [3]). Можно сказать, что болгары проиграли: теперь вся ихъ западная торговля была во власти Руси. Но Булгаръ сдѣлалъ попытку найти себѣ другой путь для сношенія съ Западомъ. Въ 1218 году болгары предприняли походъ на сѣверъ, взяли неожиданно Устюгъ, стоящій при сліяніи рѣкъ Сухоны и Юга, двинулись затѣмъ къ городу Унжѣ, осадили его, но взять не могли [4]). Фактъ весьма важный: завладѣвъ Устюгомъ, болгары могли свободно сноситься съ Новгородомъ Великимъ, а утвердившись въ Унжѣ, они имѣли возможность всегда угрожать русской торговлѣ на Волгѣ, по всему ея теченію вверхъ отъ впаденія р. Унжи. Но предпріятіе не удалось выполнить, и въ 1219 г. мы снова видимъ Устюгъ въ рукахъ Руси [5]). Послѣ этого борьба возгарается съ новой силой на побережьи Волги. Мордва теперь является раздѣленной по своимъ симпатіямъ: часть ея старается держаться Болгаріи, другая, видимо, стоитъ на сторонѣ князей русскихъ. Представителемъ первой является князь мордовскій Пургасъ, на сторонѣ Руси стоитъ князь Пурейша, который сдѣлался присяжникомъ суздальскаго князя Юрія. Обѣ стороны находятъ себѣ поддержку у сосѣдей. Въ началѣ XII ст. русскіе князья предприняли въ Болгарію походъ съ значительными силами и взяли болгарскій городъ Ошель, лежавшій, какъ мы видѣли, на правой сторонѣ Волги. Это было въ 1220 г. [6]). Но противная сторона дѣлаетъ еще разъ попытку оттѣснить Русь отъ устья Оки. Въ 1229 г. мордовскій князь Пургасъ явился къ Нижнему Новгороду. Но Мордва была разбита, и дѣло ограничилось сожженіемъ монастыря Пресвятыя Богородицы [7]). Въ самой мордовской землѣ въ 1228 г. начинается междоусобная борьба между Пургасомъ и Пурейшей. Юрій послалъ въ Мордву одного изъ своихъ подручныхъ князей, затѣмъ двинулся самъ, разорилъ волость Пур-

---

[1]) Наприм., въ 1173 г. (Ипат. лѣт., стр. 385).

[2]) Въ 1164 г. (Лаврент. лѣт., стр. 334—335).

[3]) Нижегородскій лѣтописецъ подъ 1212 г. (Древняя Россійская Вивліоѳика. М. 1791 г., ч. XVIII, стр. 72).

[4]) Никонов. лѣт. Спб. 1768 г., ч. II, стр. 340.

[5]) Лавр. лѣт., стр. 422.

[6]) Ibidem.

[7]) Никонов. лѣт. Спб. 1768 г., ч. II, стр. 362.

гаса. Царь болгарскій дѣйствовалъ нерѣшительно: явившись на русскаго присяжника Пурейшу, онъ быстро отступилъ назадъ. Въ слѣдующемъ году болгарской сторонѣ въ Мордвѣ было нанесено почти рѣшительное пораженіе. Сынъ Пурейши нанялъ половцевъ, разбилъ Пургаса и заставилъ его бѣжать [1]).

Въ 1229 году прибѣжала въ Булгаръ съ р. Урала пограничная болгарская стража и объявила о приближеніи татаръ къ границамъ этого государства [2]). Въ 1232 г. татары заняли южную часть земли болгарской, и остановились не дошедши до Великаго Города [3]). А подъ 1236 годомъ мы читаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ: „того же лѣта пришли безбожные Татары, попленили всю землю Булгарскую, и Городъ великій взяли, перебили и женъ и дѣтей, а другихъ въ пленъ увели“ [4]). Видно, что болгары выказали сильное сопротивленіе, судя по такому медленному движенію татаръ. Такъ закончилось самостоятельное существованіе болгарскаго царства.

Въ то время, когда Болгарія только что начала разцвѣтать, другое волжское государство, хазарскій каганатъ уже кончалъ свое политическое существованіе. „Когда величайшее безначаліе, фанатизмъ и глубокое невѣжество оспаривали другъ у друга владычество надъ западною Европою, держава хазарская славилась правосудіемъ и вѣротерпимостью, и гонимые за вѣру стекались въ нее отовсюду. Какъ свѣтлый метеоръ блистала она на мрачномъ горизонтѣ Европы и погасла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Оттого всѣ подвиги хазаровъ, народа, столь рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ сосѣдей своихъ, и во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнаго для историка, являются въ какомъ-то сумракѣ, подернутые туманомъ сбивчивыхъ извѣстій разныхъ иноземныхъ писателей, которые своими повѣствованіями дѣлаютъ еще болѣе невѣроятными иногда и безъ того странныя установленія хазаровъ [5])“. Дѣйствительно, при всемъ интересѣ исторіи этого замѣчательнаго народа, мы знаемъ о немъ очень немного. Кто-были хазары? Мнѣнія и здѣсь, какъ въ вопросѣ о болгарахъ, раздѣляются. Одни считаютъ ихъ тюрками [6]) другіе причисляютъ къ финско-угрскимъ племенамъ, думая, что одно изъ нихъ было покорено въ отдаленныя времена какимъ-нибудь

---

[1]) См. Лаврент. лѣт. подъ 1228 и 1229 г.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 430.

[3]) Ibidem., стр. 437.

[4]) Ibidem, стр. 486.

[5]) Григорьева, „О двойственности верховной власти у Хазаръ“. Сборникъ „Россія и Азія“, стр. 66.

[6]) Neumann. Die Völker des südlichen Russland's. s. 105; Wambery. Der Ursprung der Magyaren. s. 73 и слѣд.

тюркскимъ народцемъ, который далъ хазарамъ династію ихъ кагановъ[1]). О языкѣ хазаръ мы имѣемъ два сообщенія: во первыхъ, что онъ сходенъ съ языкомъ болгаръ[2]), и во вторыхъ, что онъ не похожъ на языкъ ни тюрковъ, ни персовъ[3]). Для исторіи сохранились изъ ихъ языка имена правительственныхъ лицъ, какъ каганъ (хаканъ), хатунъ, илкъ и др., такъ и названія нѣкоторыхъ городовъ. Сторонники той и другой теоріи признаютъ, что первыя несомнѣнно тюркскія, но расходятся лишь въ объясненіи слова „Саркелъ", какъ назывался одинъ изъ хазарскихъ городовъ, объясняя его одни изъ языка тюркскаго[4]), другіе изъ чувашскаго[5]) или вогульскаго[6]). До насъ дошло также письмо одного изъ хазарскихъ кагановъ, Іосифа, въ которомъ онъ говоритъ о своей родословной. По однимъ, эта родословная указываетъ на тюркское[7]) происхожденіе хазаръ, по другимъ—на финское[8]). Средневѣковые писатели Византіи называютъ хазаръ турками[9]). Но, очевидно, они могли это дѣлать, имѣя въ виду господствовавшую у хазаръ династію. Въ подтвержденіе мнѣнія о смѣшанномъ составѣ хазарскаго народа имѣется и сообщеніе одного ученаго арабскаго географа XIII в., черпавшаго свои данныя изъ источниковъ болѣе давнихъ. „Хазары, говоритъ онъ, не походятъ на турокъ; у нихъ волосы черные, и они распадаются на два вида: одни, называемые Караджуръ, шатены и притомъ столь темнаго цвѣта, что онъ подходитъ къ черному; ихъ считаютъ индійской расой; другіе — бѣлы и очень красивы"[10]).

Границъ хазарской земли, въ собственномъ смыслѣ, указать нельзя. Съ большею или меньшею точностью можно говорить о гра-

---

[1]) Nouvelles Annales des voyages. 1848. v. IV. Etudes ethnographiques et historiques... par M. Vivien de S. Martin, pp. 284—285, 305; Григорьева, op. cit. стр. 74 и слѣд.; Nouvelles Annales des voyages 1851. v. II и III. Sur les Khazars, par Vivien de S. Martin; Memoires relatifs à l'Asie. 1828. v. I, Mémoires sur les Khazars, par Klaproth, p. 155; Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie sc. pol., v. I, livr. 6, p. 543. Что хазары были смѣшанной расы, признаетъ и D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 204.

[2]) Ибнъ-Гаукаль (Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 219).

[3]) Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Спб. 1878 года, стр. 61.

[4]) Wambéry, op. cit. s. 75—76.

[5]) Frähn. loco cit.

[6]) Klaproth, loco cit.

[7]) Wambery, op. cit. s. 76—77.

[8]) Vivien de S. Martin, Nouvelles Annales des voyages, „Sur les Khazars".

[9]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 549—550.

[10]) Géographie d'Aboulféda ed. par Reinaud. Paris. 1848. v. II, p. 303.

ницахъ хазарскаго государства. Въ эпоху самаго большаго развитія его могущества южная граница каганата переходила за Кавказскія горы и простиралась до рр. Куры и Аракса. Хазарскіе гарнизоны стояли по городамъ, расположеннымъ, какъ на Кавказѣ, такъ и въ Закавказьи [1]). Но, какъ мы увидимъ, ко второй половинѣ VIII в. хазары были вытѣснены арабами изъ Закавказья, и границей сдѣлались Кавказскія горы. На западѣ въ VIII в. они распространяютъ свою власть на часть Крымскаго полуострова и затѣмъ подчиняютъ своей власти русско-славянскія племена: полянъ, радимичей, вятичей, сѣверянъ. Подчиняютъ себѣ даже на нѣкоторое время Волжскую Болгарію. Изъ хазарскихъ городовъ намъ извѣстны: Итиль, Баланджаръ, Саркелъ или Бѣлая Вежа (м. б. онъ же назывался и Бейда [2]), Семендеръ, Камлидзэ и Саксинъ. Намъ болѣе или менѣе точно извѣстны лишь нѣкоторые изъ нихъ. Городъ Баланджаръ лежалъ гдѣ то недалеко отъ Кавказскихъ горъ по сю сторону отъ нихъ. Онъ былъ сначала столицей хазарскаго кагана [3]), но, послѣ потери закавказскихъ областей, резиденція кагановъ была перенесена въ городъ Семендеръ, лежавшій приблизительно тамъ, гдѣ городъ Тарху. Семендеръ былъ извѣстенъ по торговлѣ въ Азіи. Въ немъ жили христіане, мусульмане и евреи, и существовали церкви, мечети и синагоги. Населеніе занималось, главнымъ образомъ, садоводствомъ, особенно разведеніемъ винограда, такъ что въ Семендерѣ насчитывали до 4000 виноградныхъ лозъ [4]). Но, хотя этотъ городъ, оставался постоянно въ рукахъ хазаръ, однако столица была перенесена на устье Волги, въ городъ Итиль. Онъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Волги и дѣлился ею на двѣ части. Въ западной было мѣстопребываніе царицы со всѣмъ ея штатомъ; кромѣ того тутъ-же жили купцы—магометане, евреи, русскіе и славяне. Эта часть города называлась Казеранъ и была торговымъ центромъ, куда съѣзжались купцы и привозились товары изъ всѣхъ окрестныхъ странъ: изъ Азіи, Болгаріи, Руси. Въ восточной части помѣщался самъ каганъ съ своими вельможами и войсками. Но на одномъ изъ острововъ р. Волги былъ построенъ еще отдѣльный ка-

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 47; Извѣстія о хазарахъ восточн. историка Табари. Пер. Дорна. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 82, 84.

[2]) Сближеніе Саркела или Бѣлой Вежи съ Бейдой см. у Хвользона (Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 45).

[3]) О мѣстонахожденіи Баланджара приблизительно можно говорить на основаніи извѣстій о ходѣ борьбы между хазарами и арабами. См. также Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 52.

[4]) Ibidem, стр. 53, 62, 63; Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 220, 229 Извѣстія Табари. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 87.

ганскій дворецъ. Городъ былъ окруженъ стѣнами. Онъ имѣлъ бани, мечети и, какъ торговый центръ, нѣсколько рынковъ [1]). Намъ еще остается сказать объ одномъ хазарскомъ городѣ, Саркелѣ. Онъ былъ построенъ византійскими инженерами въ IX в. и лежалъ на томъ мѣстѣ р. Дона, гдѣ послѣдній сближается съ р. Волгой. Это было не только укрѣпленіе, но и торговый пунктъ, такъ какъ здѣсь суда, нагруженные товарами, должны были останавливаться и переноситься сухопутьемъ изъ одной рѣки въ другую. Саркелъ у нашихъ предковъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Бѣлой Вежи (башни), что составляетъ буквальный переводъ перваго имени. Бѣлымъ называли его и византійцы [2]). Объ одномъ изъ хазарскихъ торговыхъ городовъ мы уже говорили раньше. Это—Саксинъ, лежавшій на р. Уралѣ. О немъ говорятъ, какъ о большомъ торговомъ центрѣ, куда пріѣзжало много иностранныхъ купцовъ и путешественниковъ Главное же населеніе составляли магометане. Городъ имѣлъ мечети, много каналовъ, и изобиловалъ деревьями [3]).

Изъ этого краткаго описанія хазарскихъ городовъ мы получаемъ болѣе или менѣе полное представленіе объ огромныхъ торговыхъ связяхъ хазаръ, что̀ уже мы видѣли отчасти въ очеркѣ торговли волжскихъ болгаръ. Вся восточная торговля была въ рукахъ хазарскаго каганата. Кромѣ товаровъ, которые шли въ Хазарію по Волгѣ чрезъ Булгаръ, хазарамъ доставлялись также для передачи въ Азію отъ славянъ ковры [4]). Хазары едва-ли занимались сами обработывающей промышленностью. Все, что было имъ необходимо для жизни, доставлялось изъ сосѣднихъ странъ. Мѣновая торговля происходила также между хазарами и кочевымъ народомъ, печенѣгами. Непосредственныя сношенія были у Хазаріи съ Византіей, Крымомъ [5]) и Персіей. Хазары занимались ловлею рыбы, которая вмѣстѣ съ рисомъ составляла ихъ главную пищу, и скотоводствомъ [6]). Даже въ X в., при существованіи богатыхъ, прекрас-

---

[1]) Гаркави. Ibid. стр. 92, 191, 228, 282. Хвольсонъ, ibid. стр. 59, 60. Аль-Бекри, изд. Розена и Куника, стр. 60. Charmoy Relation de Mas'oudy. Mém. de l'Akad. de S. Pétersbourg., VI serie, sciences polit., v. II, livrs. IV et V, p. 317. Journal asiatique. 1865 v. V, serie VI. Le livre des routes et de provinces par Ibn-Khordadbeh, publ. par Barbier de Meynard, p. 514.

[2]) О мѣстонахожденіи Саркела см. „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ", стр. 75.

[3]) Хвольсонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 63.

[4]) Charmoy. Relations de Mos'oudy, p. 322.

[5]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 574; Гаркави, Сказанія евр. писателей, стр. 103—105.

[6]) Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 92 и Хвольсонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 45.

ныхъ городовъ, хазары остаются полукочевымъ народомъ. Хазарское населеніе оставалось въ городахъ только во время зимы. Съ наступленіемъ-же весны всѣ жители выселялись въ степь. „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, пишетъ хазарскій каганъ Іосифъ, мы выходимъ изъ города и каждый изъ насъ отправляется къ своимъ полямъ, садамъ и полевымъ работамъ, и каждое семейство, имѣющее вотчину, радостно и съ пѣніемъ отправляется туда и проводитъ здѣсь все лѣтнее время“ [1])... Занимались хазары разведеніемъ винограда и земледѣліемъ вообще. Лѣтомъ жители Итиля собирали жатву и перевозили хлѣбъ въ городъ на повозкахъ или лодкахъ [2]). Можетъ быть, у нихъ существовалъ и горный промыселъ [3]).

Населеніе хазарскаго каганата было, какъ мы видѣли, самое разнообразное. Тутъ сталкивались люди всѣхъ національностей и религій и жили тамъ постоянно, составляя большинство населенія городовъ. Въ числѣ ихъ было очень много евреевъ. Въ Крыму евреи поселились весьма давно, еще въ первыя вѣка христіанства въ Керчи (др. Пантикапеѣ) была еврейская синагога, а въ VII в. существовала тутъ еврейская община [4]). Особенный наплывъ этого народа начинается съ VII ст., когда на нихъ было поднято сильное гоненіе во всѣхъ областяхъ византійской имперіи. Это повторилось потомъ въ X вѣкѣ [5]). Въ первой половинѣ VIII столѣтія правительство хазаръ по политическимъ видамъ принуждено было принять исламъ, но, какъ видно, это обращеніе было чисто наружное, потому что почти въ то же время при каганѣ Буланѣ была принята вѣра іудейская, хотя утвердилась она тамъ окончательно лишь въ IX в. при каганѣ Овадіи. Юдаизмъ исповѣдывалъ однако не весь народъ, а лишь каганъ, его дворъ, высшее сословіе и только, можетъ быть, незначительная часть народа [6]). Остальная часть собственно хазарскаго населенія исповѣдывала исламъ или христіанскую религію, или продолжала держаться язычества. И христіанство и исламъ, конечно, могли въ Хазаріи распространиться, благодаря

---

[1]) Хвольсонъ, стр. 17 и 68

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 33.

[3]) Ibidem, p. 43.

[4]) Брунъ. Черноморье. Ч. II, стр. 310; Гаркави. Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ, стр. 142.

[5]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 36 и. Гаркави, ibidem.

[6]) Дорнъ. Извѣстія Табари. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 88; письмо кагана Іосифа къ раввину Хасдаи въ Испанію у Хвользона, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 57; см. также Григорьева, „Очеркъ политической исторіи хазаръ“ въ сборникѣ „Россія и Азія“, стр. 58, примѣч. 41.

именно постояннымъ связямъ съ мусульманскими и христіанскими странами, какъ торговымъ, такъ и политическимъ. О распространеніи ислама среди массы хазарскаго народа разсказывали въ XIII ст., что вскорѣ послѣ принятія высшими хазарскими классами юдаизма на хазаръ напали турки, и когда стѣсненная Хазарія обратилась въ среднюю Азію за помощью, то ховарезмійцы обѣщали помочь имъ подъ условіемъ принятія ислама; когда помощь была оказана, народъ за исключеніемъ кагана принялъ мусульманство [1]). Отличавшееся замѣчательною вѣротерпимостью и уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ, хазарское правительство, какъ видно, было осаждаемо со всѣхъ сторонъ исповѣдниками разныхъ религій и допускало между ними пренія [2]). Мало этого. Оно, очевидно, интересовалось вопросомъ: гдѣ истина? Этимъ объясняется отправленіе изъ Хазаріи пословъ къ византійскому императору съ просьбой прислать свѣдущихъ людей для преній съ мусульманскими и еврейскими проповѣдниками. Туда отправленъ былъ св. Кириллъ. Остановившись на нѣкоторое время въ Херсонесѣ, онъ изучилъ хазарскій языкъ и затѣмъ чрезъ Азовское море прибылъ въ Хазарію. Тутъ произошли пренія между проповѣдниками всѣхъ трехъ религій, результатомъ которыхъ явилось крещеніе до 200 человѣкъ и позволеніе со стороны хазарскаго правительства креститься всѣмъ, кому угодно [3]).

Едвали въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ на земномъ шарѣ существовалъ болѣе оригинальный политическій строй, чѣмъ въ Хазаріи. Во главѣ хазарскаго каганата стоялъ каганъ (хаканъ), котораго власть была наслѣдственная [4]). Фамиліи, къ которымъ принадлежали каганы, не пользовались ни силой, ни богатствомъ. Если прямая линія династіи прерывалась, то каганомъ становился ближайшій родственникъ, хотя бы до этого случая онъ былъ самымъ бѣднымъ человѣкомъ [5]). Каганъ пользовался безграничною властью; особа его считалась священной. Когда каганъ выѣзжалъ изъ своего дворца, что случалось весьма рѣдко, то за милю предъ нимъ ѣхала его гвардія; всѣ, встрѣчавшіеся на пути, падали ницъ и не смѣли

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 203.

[2]) Извѣстія Ал-Бекри, изд. Куника и Розена, стр. 61.

[3]) Кирилло Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865 г., стр. 15—17.

[4]) См. перечисленіе кагановъ въ письмѣ Іосифа; дѣлаемъ ссылку на изданіе его въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 6, отд. III, стр. 6.— Титулъ хаканъ употреблялся у тюркскихъ народовъ. Journal asiatique 1865. v. 5, serie VI. Le livre des routes et des provinces par Ibn-Khordadbeh, publ. par. B. de Meynard, p. 256.

[5]) Григорьевъ. „Россія и Азія“, стр. 70—71.

подняться, пока каганъ не скрывался изъ вида [1]). Проходя или проѣзжая даже мимо могилы кагана, каждый падалъ ницъ и затѣмъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, пока могила совершенно не исчезала изъ глазъ [2]). Однакоже, каганъ иногда самъ предводительствовалъ войскомъ, что́ происходило, какъ кажется въ крайнихъ обстоятельствахъ. Въ такомъ случаѣ онъ двигался въ колесницѣ, покрытой шелковымъ покрываломъ [3]). Доступъ къ кагану былъ почти невозможенъ. Въ его дворецъ могли входить только намѣстникъ его, хаканъ-бегъ, и два самыхъ высшихъ сановника, кендеръ-хаканъ и чаушіаръ. Всѣ падали ницъ и ожидали позволенія встать и говорить. Исключеніе дѣлалось лишь для намѣстника, который однако же являлся къ кагану не иначе какъ босымъ, затѣмъ зажигалъ кусокъ дерева и садился рядомъ съ каганомъ лишь тогда, когда кусокъ дерева сгоралъ [4]). Повиновеніе власти кагана было безгранично. Если ему нужно было отдѣлаться отъ кого нибудь даже изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, то онъ приказывалъ такому лицу самому лишить себя жизни, и тотъ безпрекословно исполнялъ приказаніе [5]). Считая личность кагана священною, хазары думали, что онъ посредникъ между народомъ и небомъ, и всѣ бѣдствія объясняли вліяніемъ его личности. Въ случаѣ какихъ нибудь продолжительныхъ несчастій, народъ обращался къ хаканъ-бегу и требовалъ смерти кагана, говоря: „этотъ хаканъ приноситъ намъ несчастіе“ [6]). Вообще, каганъ не могъ править болѣе 40 лѣтъ, такъ какъ по убѣжденію хазаръ умъ его тогда ослабѣвалъ и разсудокъ разстраивался [7]). Когда каганъ умиралъ, надъ рѣкой строили дворецъ съ 20 комнатами, въ каждой устраивали могилу, въ одной изъ которыхъ въ рѣку ставили гробницу кагана, затѣмъ всѣмъ погребавшимъ его отсѣкали головы [8]).

Управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ намѣстника, хаканъ-бега. Онъ распоряжался безотчетно всѣми дѣлами и командовалъ войсками. Когда онъ выступалъ въ походъ, то надъ нимъ устраивался родъ зонтика, который везъ всадникъ впереди его. За нимъ ѣхалъ хаканъ-бегъ, за которымъ слѣдовали войска, ни-

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 38.

[2]) Ibidem.

[3]) Дорнъ. Извѣстія Табари. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 83—4.

[4]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, 34, 35 и 36; Григорьевъ въ „Россія и Азія“, стр. 68.

[5]) Григорьевъ. Ibidem, стр. 69.

[6]) Ibidem, стр. 72.

[7]) Ibidem.

[8]) Ibidem, стр. 70.

когда не выпуская изъ вида этого зонтика [1]). Управленіе отдѣльными городами поручалось родственникамъ кагана, которые, какъ и онъ, исповѣдывали юдаизмъ. Такихъ правителей мы видимъ въ Баланджарѣ и Семендерѣ [2]). Во всѣхъ подвластныхъ хазарамъ городахъ стояли, какъ мы видѣли, хазарскіе гарнизоны.

Будучи принуждены вести постоянныя войны съ сосѣдями для защиты своихъ границъ и для выполненія своихъ политическихъ плановъ, хазары имѣли прекрасно вооруженное войско. Кромѣ гвардіи самаго кагана, въ распоряженіи правительства было всегда 10000 всадниковъ, снабженныхъ знаменами, бронями, копьями, луками и саблями [3]). Часть его состояла изъ постоянныхъ наемныхъ войскъ, получавшихъ жалованье отъ хаканъ-бега. Они состояли изъ мусульманъ Ховарезма называвшихся въ Хазаріи ларсіями, а также изъ руссовъ и славянъ [4]). Всѣ зажиточные и богатые люди, сообразно съ количествомъ своего имущества и успѣшностью промысловъ, должны были поставлять извѣстное количество всадниковъ. Это была государственная повинность [5]). Для перевозки тяжестей, можетъ быть, употреблялись верблюды [6]). Дисциплина въ хазарской арміи была очень велика. Воины, бѣжавшіе съ поля сраженія, наказывались смертною казнью. Хазарскіе генералы, въ случаѣ неисполненія своего долга, приводились къ своему государю, который въ присутствіи ихъ раздавалъ членовъ ихъ семьи всѣмъ кому угодно, а самихъ подвергалъ смертной казни [7]). Войска хазаръ бывали очень велики [8]), что можетъ объясняться присылкой вспомогательныхъ отрядовъ изъ подчиненныхъ земель. Добыча вся собиралась въ лагерь. Изъ нея сначала выбиралъ себѣ, что понравится, хаканъ-бегъ, а все остальное дѣлилось между воинами [9]). Командовалъ войсками обыкновенно хаканъ-бегъ, но иногда во главѣ ихъ становился и сынъ кагана; командованіе поручалось также и терханамъ, высшимъ сановникамъ государства [10]).

Доходы хазарскаго правительства состояли, главнымъ образомъ, изъ торговой пошлины съ привозившихся въ Хазарію товаровъ, а

---

[1]) Извѣстія Ибнъ-Даста, Хвользонъ, стр. 16, 17 и 19.

[2]) Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 220; Извѣстія Табари, Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 24.

[3]) Гаркави, ibidem, стр. 30 Хвользонъ, стр. 18—19 и 69; Ипат. лѣт., стр. 9.

[4]) Гаркави и Хвользонъ, ibidem и D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 36.

[5]) Хвользонъ, стр. 18.

[6]) Ibidem.

[7]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 38.

[8]) Извѣстія Табари, passim.

[9]) Хвользонъ, стр. 19.

[10]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 58; Табари, Ж. М. Н. Просв. ч. XLIII, отд. II, стр. 87.

также изъ дани, получавшейся въ видѣ мѣховъ и денегъ съ подчиненныхъ народовъ. Хазарское правительство, понимая всѣ выгоды обширныхъ торговыхъ связей, старалось обезопасить у себя права каждаго и устроило судъ самымъ цѣлесообразнымъ способомъ. Въ столицъ Хазаріи были 7 судей: двое для мусульманъ, двое для хазаръ, которые судили по законамъ Пятикнижія, двое для тамошнихъ христіанъ, которые судили по законамъ Евангелія, и одинъ для язычниковъ. Если встрѣчались дѣла, которыя были трудно разрѣшимы для судей, тогда они должны были обращаться къ судьямъ мусульманскимъ [1]), которые были, очевидно, государственными. При такомъ разнообразномъ населеніи, какое было въ Хазаріи, когда весьма возможно столкновеніе между людьми различныхъ религій, хазарское правительство должно было обладать большимъ тактомъ. Какъ видно, оно держалось принципа: „не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь“, и, можетъ быть, этимъ только предупреждало недоразумѣнія. Когда однажды мусульмане разорили храмы евреевъ, оно приказало разрушить главную мечеть въ Итилѣ и казнить муэдзиновъ [2]).

Первыя достовѣрныя извѣстія о хазарахъ восходятъ къ концу II в. по Р. Х. Съ этого времени начинаются ихъ столкновенія съ Персіей. Враждебныя отношенія между этими двумя народами были прерваны на нѣкоторое время нашествіемъ гунновъ, которые подчинили себѣ хазаръ, и Аттила далъ имъ въ правители своего сына. Съ паденіемъ гунскаго царства хазары стали быстро развивать свое могущество. Въ VI столѣтіи южныя границы ихъ составляли уже р. Кура и Араксъ [3]). Тогда опять возобновилась борьба съ Персіей. Въ VI ст. персидскій государь Нушірванъ Справедливый построилъ укрѣпленіе Дербентъ, оттѣснивъ хазаръ изъ Закавказья. Чтобы возвратить себѣ утерянныя области, хазары вошли въ союзъ съ византійскимъ императоромъ Ираклiемъ, прорвались черезъ Дербентъ и предали Персію разоренію. Императоръ обѣщалъ отдать свою дочь, Евдокію, за хаканъ-бега, и только смерть послѣдняго разстроила этотъ бракъ [4]). Въ VII ст. для хазаръ въ Азіи явился опасный врагъ, арабы. Проникнутые религіознымъ фанатизмомъ, они устремились на завоеванія и въ странахъ закавказскихъ столкнулись съ

---

[1]) Гаркави, стр. 129—130.

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 43.

[3]) Первоначальн. исторію хазаръ см. Nouvelles Annales des voyages 1851, vs II et III; Григорьева „Обзоръ политич. исторіи хазаръ, въ сборникѣ „Россія и Азія“ и D'Ohsson. Les peuples du Caucase.

[4]) D'Ohsonn. Les peuples du Caucase, p. 49. Stritter, Memoriae populorum, v. III, p. 549 и слѣд.

хазарами. Начинается цѣлый рядъ кровопролитныхъ войнъ, ведшихся съ перемѣннымъ счастіемъ. Войска обоихъ народовъ проникаютъ иногда далеко въ глубь непріятельскихъ владѣній; съ одной стороны хазары доходятъ до Моссула, съ другой—арабы берутъ хазарскіе города: Семендеръ, Баланджаръ [1]). Борьба заканчивается въ самомъ концѣ VIII ст. (799 г.). Хазары навсегда утратили закавказскія области. Понесши потери на югѣ, хазарскій каганатъ обратилъ свое вниманіе на западъ и сѣверо-западъ. Еще въ половинѣ VII в. хазары подчинили своей власти берега Азовскаго и Чернаго морей [2]). Въ началѣ VIII в. отношенія каганата къ Византіи становятся еще болѣе тѣсными. Согнанный съ престола Византіи Юстиніанъ Ринотметъ бѣжалъ въ Крымъ и затѣмъ выпросилъ у кагана позволеніе поселиться въ его владѣніяхъ въ Фанагоріи (на Таман. полу о-вѣ, потомъ рус. удѣльн. городъ Тмуторакань), гдѣ и женился на сестрѣ кагана, Ѳеодорѣ [3]). Спустя нѣкоторое время сынъ византійскаго императора Льва Исаврянина, Константинъ Копронимъ, женился на дочери кагана, принявшей при крещеніи имя Ирины, и въ 888 году хазары являются на помощь сыну ея, Льву, въ его борьбѣ съ Симеономъ Болгарскимъ [4]). Сохраняя дружественныя отношенія къ Византіи, каганатъ въ то же время поддерживаетъ въ таврическихъ городахъ людей, недовольныхъ византійскимъ правительствомъ, которые и находятъ себѣ убѣжище въ Хазаріи [5]). Византійцы сознавали силу каганата и старались поддерживать съ нимъ дружественныя связи. Грамоты, отправляемыя къ владыкѣ хазаръ, адресовались: „благороднѣйшему и славнѣйшему кагану Хазаріи“ и запечатывались золотою печатью въ три солида—честь, которой удостоивались отъ Византіи немногіе государи [6]).

Къ VIII же столѣтію, вѣроятно, относится и покореніе русскихъ славянъ. Какъ мы уже сказали, хазарамъ платили дань поляне, сѣверяне, радимичи и вятичи [7]). Это было время высшаго развитія могущества хазарскаго каганата. Съ IX в. онъ начинаетъ слабѣть. У него начинаются внутреннія неурядицы. Причинъ ихъ мы не знаемъ; извѣстно только, что побѣжденная сторона должна была удалиться изъ государства. Цѣлое колѣно кабаровъ, а за нимъ

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, pp. 49, 57, 60, 67.
[2]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 553.
[3]) Ibidem, p. 553—554.
[4]) Ibidem, p. 565, 570.
[5]) Ibidem, p. 559, 563.
[6]) Ibidem, p. 576.
[7]) Ипат. лѣт., стр. 11, 14.

еще какихъ-то семь колѣнъ покинули Хазарію и ушли къ венграмъ [1]). Это должно было сильно ослабить хазаръ. Въ это же время съ сѣвера каганатъ ведетъ борьбу съ кочевниками, печенѣгами, обитавшими между Волгой и Ураломъ. Хазарія не могла уже справиться съ этими врагами сама и вошла въ союзъ съ другимъ кочевымъ народомъ, торками, который жилъ за р. Ураломъ. Общими силами союзники вытѣснили печенѣговъ за Волгу, но все таки дѣла Хазаріи не измѣнились къ лучшему. Изъ союзниковъ торки обратились во враговъ, и въ X в. каганатъ принужденъ былъ вести съ ними упорную борьбу. Еще въ IX в. хазарское правительство нашло необходимымъ укрѣпить пунктъ сближенія Волги и Дона и при помощи византійскихъ инженеровъ выстроило здѣсь укрѣпленіе Бѣлую Вежу или Саркелъ. Въ X ст. оно служило къ удержанію отъ набѣговъ на Хазарію торковъ. Но и старые враги, печенѣги, остались въ степяхъ и продолжали дѣлать набѣги на Хазарію [2]). Съ X в. начинаютъ развиваться и силы русскаго государства. Еще въ концѣ IX в. (880 г.) какіе-то вольные русскіе люди, зная по торговымъ связямъ о богатствахъ востока, пробрались на Каспійское море и пограбили тамъ нѣкоторыя прибрежныя области. То же самое повторилось и въ 909 г. Въ 913 году руссы въ большомъ числѣ прибыли на судахъ къ Бѣлой Вежѣ по р. Дону и послали просить у кагана разрѣшенія пройти чрезъ Волгу въ Каспійское море, обѣщая по возвращеніи отдать половину добычи. Хазарское правительство согласилось на эти условія. Трудно объяснить это согласіе. Какимъ образомъ хазары, народъ до того времени оберегавшій торговлю востока, согласились пропустить грабителей и нанести этимъ ущербъ торговымъ сношеніямъ. Единственное предположеніе, какое можно сдѣлать, что Хазарія уже была на столько слаба въ данное время, что не могла быстро сосредоточить необходимыхъ силъ къ угрожаемому пункту для отраженія руссовъ. Походъ руссовъ былъ удаченъ. Съ большой добычей возвратились они къ устью Итиля (Волги) и отправили къ кагану условленную часть. Но мусульмане и христіане Итиля вытребовали у кагана разрѣшеніе наказать грабителей. Каганъ увѣдомилъ объ этомъ руссовъ. Въ кровопролитномъ сраженіи послѣдніе были разбиты и только въ числѣ 5000 ушли вверхъ по Волгѣ, потомъ хотѣли далѣе пробраться сухимъ путемъ, но были перебиты буртасами и болгарами [3]). Этотъ фактъ является совершенно слу-

[1]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 572.

[2]) См. „Печенѣги, Торки и Половцы“, гл. III.

[3]) Разсказъ Массуди у Гаркави, стр. 133. Вообще о походахъ руссовъ на Востокъ см. Дорна, „Каспій“ и Григорьева„ О древнихъ походахъ руссовъ на Востокъ“ въ сборникѣ „Россія и Азія“.

чайнымъ, но затѣмъ въ 968 году князь русскій, Святославъ, пробрался чрезъ Десну и Оку въ Волгу, ограбилъ мимоходомъ болгаръ и затѣмъ явился въ Хазаріи, страшно разорилъ ее, ограбилъ Итиль, Семендеръ. Часть жителей послѣдняго спаслась на острова Каспійскаго моря [1]). Историки объясняютъ этотъ походъ обычаемъ мести, господствовавшимъ у руссовъ: они должны были отомстить за смерть соотечественниковъ, избитыхъ въ Хазаріи въ 913—14 году. Но это объясненіе едвали можно считать удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что промежутокъ времени между обоими походами очень великъ. Никакъ мы не можемъ найти въ этомъ предпріятіи и какихъ-нибудь государственныхъ цѣлей.

Послѣ этого разгрома Хазарія уже не оправлялась. Правда, у нея оставались еще значительныя владѣнія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, но и ихъ она постепенно теряетъ. При Владимірѣ св. въ Тмуторакани (Фанагоріи) образуется русскій княжескій удѣлъ, куда Владиміръ сажаетъ своего сына Мстислава. Въ 1016 г. послѣдній, въ союзѣ съ византійскимъ императоромъ Василіемъ, приславшимъ греческій флотъ въ Азовское море, разбилъ хазарскаго кагана Георгія Тзулу и въ первомъ же сраженіи взялъ его въ плѣнъ [2]). Хазарія политически перестала существовать, но память о ней еще долго сохранялась: Каспійское море называлось хазарскимъ, а часть Крыма Газаріей. Въ XV в. еще слышалось это имя около Кафы, а далѣе все замираетъ [3]). Только лезгины и другіе народцы Кавказа до сихъ поръ еще называютъ евреевъ именемъ „хазаръ“ [4]).

Мы обозрѣли въ краткихъ чертахъ историческую и бытовую жизнь двухъ народовъ, бывшихъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи въ самыхъ тѣсныхъ и преимущественно дружественныхъ отношеніяхъ съ Русью. Одно изъ этихъ государствъ, Болгарія начинаетъ развиваться именно во время правленія св. Владиміра, и мы видимъ, какъ онъ старается, среди общихъ заботъ о своемъ государствѣ, закрѣпить дружественную торгово-промышленную связь между русскимъ и болгарскимъ народами, связь, которая могла принести Руси много пользы въ культурномъ отношеніи. Вообще послѣ принятія христіанства мы не видимъ у Владиміра св. никакихъ слѣдовъ безцѣльнаго богатырства а только стремленіе устроить свое

---

[1]) Гаркави, стр. 219—220.

[2]) Stritter. Memoriae populorum, III, p. 577.

[3]) Vivien de S. Martin. Sur les Khazars. Nouvelles Annales des voyages. 1851, v. III.

[4]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 212.

молодое государство внутри и внѣ, связавъ его узами дружбы съ сосѣдними народами.

Другое государство, Хазарія, въ эпоху Владиміра св. падаетъ. Владычество хазаръ надъ русско-славянскимъ племенами продолжалось около двухъ столѣтій. Зависимость нашихъ предковъ отъ Хазаріи выражалась, главнымъ отразомъ, лишь въ платежѣ дани мѣхами, можетъ быть, также деньгами и продуктами промышленности и торговли [1]). Можно предполагать также, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стояли у насъ хазарскіе гарнизоны, на что указываютъ сохранившіяся доселѣ городища, носящія названія хазарскихъ, но это могли быть также и торговыя хазарскія факторіи, гдѣ подъ охраной хазарскихъ отрядовъ жили восточные купцы. Хазары несомнѣнно жили и въ Кіевѣ [2]). Имѣя предъ собою факты замѣчательной религіозной и національной терпимости хазарскаго правительства, мы не можемъ предполагать, чтобы владычество хазаръ было тяжко для нашихъ предковъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на враждебныя отношенія русскихъ славянъ къ Хазаріи. Напротивъ, самое преданіе о присылкѣ пословъ отъ хазаръ для обращенія Владиміра въ юдаизмъ является отголоскомъ нѣкогда бывшихъ тѣсныхъ, дружественныхъ отношеній между Русью и Хазаріей. Культурное вліяніе хазаръ на первую должно было быть очень сильнымъ. Русь своимъ князьямъ даетъ титулъ, который носили государи Хазаріи, и современники Владиміра св. называютъ его каганомъ [3]). Не выражается ли въ этомъ можетъ быть совершенно случайно, идея передачи Руси миссіи Хазаріи—быть оплотомъ Европы противъ Азіи? Кромѣ цивилизующаго вліянія на русско-славянскія племена, кромѣ защиты восточной торговли, имѣвшей большое значеніе для всей Европы, Хазарія въ эпоху высшаго развитія своего могущества оказывала огромную услугу, являясь оплотомъ Европы съ востока противъ безчисленныхъ кочевыхъ массъ Азіи, а съ юга противъ завоевательныхъ стремленій арабовъ. На западѣ франкамъ удалось сдѣлать Пиренеи границей арабскихъ завоеваній, хазары на востокѣ положили имъ предѣлъ у кавказскихъ горъ. Паденіе Хазаріи открыло широкую дорогу въ Европу для кочевыхъ обитателей среднеазіатскихъ степей, передало всю тяжесть борьбы съ Азіей русскому народу, результатомъ чего явилось замедленіе въ культурномъ развитіи Руси во всѣхъ отношеніяхъ.

П. Голубовскій.

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 42 и 9.

[2]) Въ Кіевѣ существовала даже мѣстность „Козари“, гдѣ, очевидно, жили нѣкогда козары (хазары).

[3]) Такъ называетъ Владиміра св. митрополитъ Иларіонъ въ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати“. Аристовъ. Христоматія по русской исторіи, стр. 28.

КІЕВЛЯНЕ И БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

„Мій Кіевъ, я панъ и воевода кіевскій!“ властно, съ сознаніемъ своего права, объявилъ Хмельницкій польскимъ коммиссарамъ въ началѣ 1649 года при переговорахъ о мирѣ. И это не были слова, сказанныя гетманомъ подъ вліяніемъ увлеченія побѣдами. Напротивъ, они проникнуты истинно-правдивымъ, глубокимъ смысломъ и доказываютъ тѣсную нравственную связь между Хмельницкимъ и Кіевомъ, указываютъ на общую имъ обоимъ цѣль, на проникновеніе единымъ духомъ. Кіевляне, какъ бы подтверждая ихъ, отвѣчали выраженіемъ своей полной преданности самому герою и своего полнаго сочувствія его дѣятельности. Ерличъ свидѣтельствуетъ, что 17 декабря 1648 года[1]), когда Хмельницкій торжественно въѣзжалъ въ Кіевъ, то кіевляне радовались его пріѣзду и оказывали ему при встрѣчѣ почести вдвое, а можетъ быть и въ десять разъ, большія, чѣмъ когда-либо воеводамъ[2]). „При звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа“, какъ резюмируетъ Н. И. Костомаровъ слова южно-русскихъ лѣтописей[3]), „предводитель со всѣми старшинами въѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя Ярос-

[1]) Мы принимаемъ здѣсь дату М. А. Максимовича (Собр. сочин. т. I, стр. 414 и 415), переведшаго дату новаго стиля (у Ерлича) на дату стараго. Въ портфелѣ древнихъ актовъ, собранныхъ О. И. Левицкимъ и обязательно предоставленныхъ имъ въ наше пользованіе, мы встрѣтили универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный имъ „у Киеве, 1648, дек. 22“, какъ охранный листъ, одному шляхтичу. Этотъ универсалъ вполнѣ подтверждаетъ выводъ Максимовича.

[2]) Ерл., I, 72.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. II, 54.

вовы Золотыя ворота и у стѣнъ св. Софіи былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему латинскіе и украинскіе стихи". Изъ послѣднихъ (бурсаковъ) весьма многіе возсе не возвратились въ свою школу; побуждаемые любовью къ родинѣ, они стали въ ряды козачества, предводимаго богоданнымъ гетманомъ, и Кіево-могилянская коллегія опустѣла почти на 25 лѣтъ. Этотъ моментъ встрѣчи и увлеченія учащейся молодежи произвелъ на современниковъ столь глубокое впачатлѣніе, что память о немъ нашла себѣ выраженіе даже въ началѣ XVIII в. въ драмѣ славнаго кіевлянина Ѳеофана Прокоповича: „Милость Божія Украину, отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана-Зиновія Хмельницкаго, преславнаго войскъ запорозкихъ гетмана, свободившая" et c [1]).

Понять причину такого рода отношеній, между кіевлянами и Хмельницкимъ очень не трудно,—стоитъ лишь вспомнить главные моменты многовѣковой жизни Кіева, а умѣстнѣе всего вспомнить ихъ теперь, когда мы празднуемъ открытіе памятника народному вождю, памятника, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ, кто живетъ и жилъ „не о хлѣбѣ единомъ", памятника, на отсутствіе котораго у насъ постоянно слышались сѣтованія; это же воспоминаніе объяснитъ, почему такого, а не иного рода льготы дарованы были гетманомъ Кіеву въ универсалахъ, которыя печатаются нами ниже и обязательно сообщены проф. В. Б. Антоновичемъ, О. И. Левицкимъ и П. С. Калачевскимъ изъ своихъ портфелей.

Возникновеніе Кіева и его ростъ обусловились географическимъ положеніемъ; находясь въ мѣстности, гдѣ большія притоки Днѣпра уже слились въ одно русло, гдѣ начинался водораздѣлъ, по направленію къ западу, между рѣками, текущими на сѣверъ въ Балтійское море, и на югъ въ Черное онъ представлялъ большія естественныя удобства для переправы безпрестанно кочевавшихъ по территоріи южной Руси народовъ въ первыя вѣка нашей эры; недаромъ его основаніе приписывается перевощику Кію; положеніе Кіева на большой судоходной рѣкѣ,

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, 486–509.

долго служившей главнымъ путемъ „изъ варягъ въ греки“, содѣйствовало съ своей стороны раннему его торговому значенію: чрезъ Кіевъ народы двигались съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ и обратно; здѣсь перекрещивались дороги и необходимо долженъ былъ происходить обмѣнъ товаровъ между встрѣчавшимися племенами; то и другое сдѣлало Кіевъ главнымъ политическимъ центромъ, что способствовало впослѣдствіи, послѣ принятія крещенія Владиміромъ св., его значенію, какъ центра просвѣщенія и вѣры. Борьба и соперничество князей изъ-за княженія въ стольномъ городѣ Кіевѣ привело къ тому, что вокругъ „матери русскихъ городовъ“ возвысились другіе политическіе центры, Кіевъ же былъ униженъ и неоднократно разоряемъ врагами и своими и чужими; но неумиравшая сила вѣчевыхъ традицій помогала горожанамъ выносить всѣ тяжкіе удары судьбы и удержать первенствующее значеніе, какъ средоточіе русской народности. Унижаемый, подавляемый Кіевъ боролся подъ предводительствомъ своихъ послѣднихъ князей Владиміра Ольгердовича, Скиргайла, Свидригайла, Александра (Олелька) Владиміровича, его сыновей: Симеона и Михаила Львовича Глинскаго за свое политическое значеніе, за предковскую вѣру и обычаи противъ наступавшей все сильнѣе „лядской неволѣ“ но безуспѣшно; „очевидно“, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. В. Б. Антоновичъ [1]), „княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ: его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло.... Но въ нѣдрахъ Кіевской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ бо́льшимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху“. Этими силами были сословія: земянское, мѣщанское, боярское, крестьянское и, особенно, козачье, внесшія въ свою внутреннюю жизнь старые принципы вѣчеваго строя. Ко времени Хмельницкаго эти силы успѣли уже развиться настолько, что ожидали лишь вождя, который повелъ бы ихъ за собой; такимъ вождемъ

[1]) Монографіи, I, 244.

и былъ Хмельницкій; знаменемъ его было православіе и народность, и это знамя какъ бы воплощалось въ святыняхъ Кіева и въ преданности мѣщанъ русской народности; отсюда связь духовная между гетманомъ и его *„столечнымъ мѣстомъ“*.

Религіозное значеніе Кіева, поколебленнаго княжескими усобицами въ XIII вѣкѣ, съ XVI вѣка снова поднимается, благодаря учрежденію особой митрополіи; и по мѣрѣ того, какъ усиливалось гоненіе на русскую вѣру со стороны Польши, возрастало и значеніе Кіева. Съ этихъ поръ Кіевъ и становится страшенъ врагамъ, преимущественно какъ очагъ православія и просвѣщенія, съ чѣмъ неразрывно связывалась и идея національная; въ силу то этого еще до Хмельницкаго Кіевъ не разъ принималъ участіе въ козацкихъ возстаніяхъ, избивая, вмѣстѣ съ нападавшими козаками, приверженцевъ католицизма и полонизма; въ возбужденіи массы народа принимало нерѣдко участіе даже высшее мѣстное духовенство. Но вотъ раздался могучій призывъ Богдана благословеннаго на великое дѣло народнаго освобожденія отъ иновѣрнаго ига его предтечей, поборникомъ просвѣщенія, митрополитомъ Петромъ Могилой, и, какъ море, заволновалась южная Русь; волны возстанія подходили къ Кіеву все ближе и ближе; вокругъ него разгорался бунтъ крестьянъ; Кіевъ понялъ, что наступаетъ рѣшительное время, и также поднялся; послѣ корсунской побѣды мѣщане начали избивать шляхту и ксендзовъ. Въ декабрѣ 1648 года подходилъ къ Кіеву гетманъ; возбужденные его приближеніемъ, кіевляне подняли жесточайшее гоненіе на католиковъ и уніатовъ; они врывались въ дома, схватывали укрывавшихся и топили въ водахъ Днѣпра; многіе спасались въ стѣнахъ монастырей, особенно Печерскаго; преслѣдованія и убійства продолжались съ 11-го по 14 декабря, а 17-го, какъ мы уже сказали, кіевляне восторженно привѣтствовали избавителя; тутъ же ожидалъ Хмельницкаго іерусалимскій патріархъ Паисій. „Отъ лица всего православнаго міра на востокѣ“, скажемъ словами Н. И. Костомарова[1]), „онъ приносилъ ему поздравленія и побуждалъ на новую войну противъ папизма“.

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, 54, 55, 74.

Въ началѣ 1649 года, когда польскіе коммиссары въ Переяславѣ вели переговоры о мирѣ, когда Хмельницкій требовалъ для жителей Кіева, его школъ и монастырей неприкосновенности и свободы, горожане, вмѣстѣ съ набѣжавшими возставшими крестьянами, возобновили рѣзню, которая продолжалась до мая мѣсяца и прекратилась лишь потому, что жертвы ненависти были всѣ уничтожены.

Послѣ зборовской битвы гетманъ опять имѣлъ торжественную встрѣчу въ Кіевѣ. Здѣсь, по словамъ лѣтописца, „онъ, лежа ницъ предъ гробами святыхъ, заливался слезами благодарности и воздавалъ хвалу Всевышнему".

Въ 1650 г., когда польскіе коммиссары явились въ Кіевъ для новыхъ переговоровъ, имъ не было оказано никакихъ почестей, свойственныхъ сану; напротивъ, мѣщане обнаружили сильное раздраженіе и злобу.

Но съ 1651 года обстоятельства приняли неблагопріятный для запорожскаго войска оборотъ и Кіеву пришлось, вмѣстѣ съ нимъ, испытать превратность судьбы; въ августѣ козаки подъ Кіевомъ были разбиты польскими и литовскими войсками; послѣдніе заняли городъ, и 17 августа Кіевъ былъ преданъ огню и мечу; церкви не были пощажены; въ Успенской церкви сгорѣли городскія и земскія книги этотъ неоцѣненный матеріалъ для исторіи того времени; горожане просили пощады; но, само собою разумѣется, напрасно; поляки отомстили за гибель своихъ собратовъ; разоренье продолжалось до конца августа. Однако, успѣхи поляковъ были непродолжительны; батогская битва нанесла имъ рѣшительное пораженіе и окончательно опредѣлила намѣренія вождя. Истомленный Кіевъ откликнулся на побѣду еще разъ избіеніемъ шляхты въ началѣ іюня 1652 года. Съ этихъ поръ онъ, разоренный войной, ходатайствуетъ уже предъ гетманомъ о льготахъ, и 8 іюня 1652 года получаетъ универсалъ, въ которомъ Богданъ Хмельницкій запрещаетъ войсковымъ людямъ и козакамъ проходить черезъ Кіевъ и его перевозъ, предъявлять какія-либо убыточныя для мѣщанъ требованія о провіантѣ, фуражѣ, квартирахъ; въ то же время и лица, проѣзжающіе черезъ городъ оффиціально, не должны

требовать болѣе того, что означено въ выданной имъ бумагѣ; универсалъ этотъ выданъ Хмельницкимъ своему „мѣсту столечному“ въ виду „великого спустошеня мѣста Киева, которое од войска лядзького понесло“.

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Запорозскимъ.

Всѣмъ в обецъ и кождому з особна, кому о томъ вѣдати належитъ, меновите паномъ полковникомъ, асауломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству нашему войска Запорозского, за войском идучим и назад поворачаючим, до вѣдомости доносимъ, ижъ счо *видечи мы великое спустошене мѣста Киева, которое од войска лядзького понесло*, теды мы тому забегаючи, абы *мѣсто наше столечное* и церкви Божие при вѣрѣ нашой православной хрестиянской в цале зоставали, вышменованое мѣсто Киевъ беручи подъ оборону нашу, и тотъ универсалъ нашъ для вшелякое обороны онымъ даемъ, сурово приказуючи, абы се жаденъ не важилъ с товариства нашого, до войска идучи и назадъ поворочаючи, на перевозъ киевский и черезъ мѣсто Киевъ ити и жадныхъ становискъ, ночлеговъ, покосовъ, въ ономъ не отправовали; а хто бы з листом нашимъ хто-колвекъ посланый будет, теды не повиненъ нѣчого вымысляти, опроч того, счо оному од насъ в листе нашом доложоно будет; а ежели бы который колвекъ своеволникъ, лекце поважаючи сей унѣверсалъ нашъ, вымысли якие непотребные вымышляючи, кривды чинити в мѣсте мѣлъ, такового кождого своеволника полковникови киевскому, а въ небытности наказному, позволяемъ вибесекцею карати, росказуем, жебы того постерег, абы найменшое кривды мешчане киевские нѣодкого не поносили бы, иначей не чинечи. Данъ з табору, з-под Каменца Подолского, дня 8 июня, 1652 [1]).

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля П. С. Калачевскаго).

[1]) Приписка на оборотѣ: „Универсал его мл. п. гетмана войска Запорозского с. под Камеенца-Подолского, на помѣрное от збожа церкви соборной належачое од его мл. пна гетмана ясневелможного п. Богдана Хмелницкого данный року 1652, іюня 8 дня“

Спустя годъ онъ защищаетъ неприкосновенность городскихъ сѣнокосовъ и полей въ новомъ универсалѣ отъ 2 іюня 1652 г.:

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Запорозскимъ.

Ознаймуемъ сымъ нашимъ писанемъ обывателемъ преорскимъ и козакомъ, ижъ мещане киевъские, яко од давныхъ часовъ до майстрату киевъского кгрунта и сѣножати маютъ наданые и оные правами держатъ, и теперъ мѣти хочемъ, абы в оных жадное одмѣны (першею ласкою нашею упевнены) не мѣли, кривды, принагабаня найменшого ни од кого абы не терпѣли в оных сѣножатяхъ, такъ на Оболоню, яко и индей, где толко свои кгрунта мают и оных от давных часовъ заживают, жаденъ силомоцне, так з козаковъ, яко и поспулства, оные собѣ привлащаючи, косыти абы се не кусыл, сым писанем нашим сурове росказуемъ. А ежели бы который своеволникъ, спротивляючисе волѣ и сему выразному нашему писаню з обывателей преорских албо з козаков в надѣю козацьства мѣл бы якую найменшую кривду албо перешкоду въ оных сѣножатяхъ поменѣнымъ мѣщаномъ киевским чинити и оные неналежъне кусил се собѣ привлащати, таковых мы теды кождого томуж пану полковникови киевъскому сурове без холкгы карати росказуемъ, иначей не чинячи. Дат. з подъ Бару, іюня 2, року 1653.

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля проф. В. Б. Антоновича).

Въ универсалѣ отъ 4 августа 1654 года гетманъ поставленъ былъ въ необходимость охранять одно изъ важнѣйшихъ по своей доходности право мѣщанъ на винокуреніе и медо-и пивовареніе, право, изъ за котораго шли у города нескончаемыя тяжбы то съ монастырями, то съ козаками. Хмельницкій разрѣшаетъ ду-

---

Приписка эта не соотвѣтствуетъ содержанію акта и, въ виду несомнѣнности документа, мы объясняемъ ее тѣмъ, что канцеляристъ, подписывавшій, надо думать въ одно время нѣсколько универсаловъ и въ томъ числѣ мѣщанамъ кіевскимъ и соборной (конечно, Успенской на Подолѣ) церкви, по ошибкѣ написалъ содержаніе одного на другомъ.

ховенству варить медъ, но не по десяти или пятнадцати бочекъ, а только по двѣ, чтобы интересы мѣщанской пропинаціи не несли убытку:

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Его Царского Величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ тымъ писанем нашим кождому, кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ що есмы позволили капитуле киевской кануни сытити, теды и тепер того не одменяем; одно поменение свещенники меду не по десяти албо по петнадъцати кадей ситити, але, водлуг давного звычаю, по кадей двѣ ситити мают, а не болшей; з которых кануновъ воскъ на фалу Божую ити маетъ, иначей не чинечи. Данъ з табору, з-под Фастова, дня 4 августа, 1654[1]).

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля П. С. Калачевскаго).

Но какъ видно духовенство не соблюдало предписанія гетмана и продолжало нарушать городскіе интересы; чтобы пресѣчь возможность злоупотребленія и оградить кіевлянъ, Хмельницкій въ новомъ универсалѣ отъ 6-го апрѣля 1655 года подчиняетъ сыченіе меда духовенствомъ въ томъ же количествѣ двухъ кадей контролю горожанъ, обязавъ священниковъ сытить медъ только „в бровары месцъком ратушномъ“:

Богданъ Хмелницъкий, гетманъ,
з войском его Царского Величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ тым писанемъ нашим, ижъ що надалисьмо унѣверъсалъ свещеником капитулы киевъской на сыченіе кануновъ, теды, ведлугъ наданого унѣверсалу од насъ, свесченицы маютъ по двѣ кади медъ сытити, и то в бровары месцъком ратушном; а ежелибы который свесченикъ мѣлъ где индей канонъ

[1]) На оборотѣ приписка: „Що попомъ канонъ ситити, данный въ року 1654, августа 4 дня од Богдана Хмелницкого“.

сытити и болшъ, нѣжъ двѣ кади, теды од того наданя певне отпадутъ. Дан в Чигирыне, априля 6 дня, року 1655

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(По списку О. И. Левицкаго изъ бумагъ В. П. Горленка).

Въ универсалѣ 26 ноября 1655 года гетману снова пришлось защищать мѣщанъ отъ даванья „вшелякихъ непотребныхъ датковъ“: подводъ, сапогъ и чулокъ, при чемъ нарушитель этихъ льготъ, кто бы онъ ни былъ, прямо отдавался въ руки магистрата „на суровое каранье“.

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Его Царского Величества.

Паном полковником, асаулом, сотником, атаманом и всему товариству войска Его Царского Величества Запорозкому, старшинѣ и черни, в тягненю за войском идучим, яко и з войска назад поворачаючим, конъним и пѣшим, и на якой колвекъ услузе нашой будучим, вшелякое кондыци и людем и каждому, кому бы сіе наше писаніе показано было, доносим до ведомости, ижъ неподнокротъ од майстрату киевского доходит до нас скарга, же такъ од посланцовъ наших, яко и од инших розныхъ наѣздовъ, великие пренагабанъе и докуки поносят, чого мы, болшъ не хотячи слухати оный маестрат киевский и всѣх месчанъ тамошних, при ласцы нашой заховавши, од вшелякихъ непотребных датков и даваня подвод уволняемъ, сурово напоминаючи, абы се жаденъ з козаковъ товариста нашого и вшелякое кондиции людей, за оказанемъ сего листу нашого, на помененъных (мѣщанахъ) а ни подвод, а ни чобот и панчос и инших вымыслов вытягати не важил, и хочай бы хто и з листомъ нашим на якой колвекъ послузе нашой войсковой мѣл се знайдовати, теды и тот ничого вымышляти и подводъ жадныхъ вытягати у помененыхъ (мѣщанъ) не мают, одно того пильновати, счо бы му в листе нашом было доложено кгде инъде выехавши, с Киева на своих конях, подвод упоминати се; кгды того потреба была; которые бы, безъ писаня нашого, з перначами наехавъши вымыслы якие починити мѣли и тому суровому пи-

саню нашему были спротивъными, теды мы кождого такового, яко своеволника, тому жъ майстратови киевскому, и до насъ не отсылаючи, срокго карати позволяемъ, чего особливе панъ полковникъ нашъ киевский постерегати мает, якобы онымъ ни одъ кого найменьшая кривда не дѣялася, иначей не чинячи. Дат. в Паволочи, новембра 26, року 1655 [1]).

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля проф. В. Б. Антоновича).

Путешественникъ—современникъ (Павелъ Алепскій, архидіаконъ патріарха Макарія, сопутствовавшій послѣднему въ Москву въ 1653 году и описавшій эту поѣздку), умиленный зрѣлищемъ въ Кіевѣ всеобщаго сочувствія гетману восклицаетъ: „Что ты такое, о Ахмиль (искаженіе: Хмель, Хмельницкій)! Недавно ты еще носилъ холопскіе путы (по крайней мѣрѣ твои враги поляки говорятъ это о тебѣ), а теперь короли и королевы посылаютъ тебѣ посольства и предлагаютъ богатые дары. Слава единому Богу, который поднялъ тебя и унизилъ твоихъ противниковъ къ твоимъ ногамъ!“ [2]).

Но изъ присылавшихъ ему дары королей гетманъ избралъ „царя православнаго“, которому присягнулъ 8 января 1654 года, а 14 января присягнулъ и вѣрный Хмельницкому Кіевъ, устроивъ торжественную встрѣчу посламъ царя Алексѣя Михайловича.

И. Каманинъ.

---

[1]) Послѣдній документъ особенно важенъ по своему почерку; намъ кажется, что онъ отъ начала до конца писанъ собственноручно гетманомъ, судя по твердости пера, одинаковости чернилъ и начертанію многихъ отдѣльныхъ буквъ; написанъ онъ школьнымъ кіевскимъ почеркомъ и ясно доказываетъ, что Хмельницкій былъ воспитанникомъ кіево-могилянской коллегіи, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ даже польскіе историки.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева. Отд. II, стр. 74 (Изд. Кіев. Археогр. Коммиссіи).

ПЕРЕДВИЖЕНІЕ ЮЖНО-РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ЭПОХУ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Съ самого XIII в. ни одно изъ историческихъ событій не вызвало такого громаднаго передвиженія населенія на территоріи южной Руси, какъ эпоха Богдана Хмельницкаго. Это поистинѣ великое переселеніе народовъ въ упомянутой мѣстности произвело тройной переворотъ въ составѣ населенія южной Россіи; а именно: 1) масса народа передвинулась съ запада къ востоку (съ Волыни и Червонной Руси въ Днѣпровскую, Донскую и Бужскую Украину); 2) разнообразныя чужеродныя этнографическія примѣси, накопившіяся вѣками въ составѣ этого населенія, отчасти устранены, отчасти претворены, и такимъ образомъ установился вполнѣ цѣльный этнографическій составъ населенія; 3) польскія соціальныя различія въ составѣ населенія уничтожены вполнѣ. Въ настоящую минуту насъ интересуетъ только первое и отчасти второе послѣдствія переворота, вызваннаго Богданомъ Хмельницкимъ.

I. Судьба населенія Волыни въ 1648—57 г. [1]).

Войны Богдана Хмельницкаго и ожесточенныя нападенія польскихъ войскъ привели къ значительному уменьшенію населенія вообще въ южной Россіи; мало того, что двѣ славянскія націи—польская и русская, взаимно истребляли себя съ свирѣпою энергіею, но еще болѣе пагубно было вмѣшательство сосѣд-

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ присяжныхъ показаній при сборѣ подымнаго, хранящ. въ Кіев. Ц. Арх.: Кременец. ящ. № 49, 50, 51, 53, 54—55, Луцк. кн. №—2492, 2494, 2496, 2497, 2498 Владимір. кн. № 1018—1026 и друг.

нихъ народовъ—татаръ, турокъ и волоховъ. Дошедшія до насъ историческія данныя рисуютъ ужасающую картину запустѣнія въ западныхъ частяхъ южной Россіи. Но, для надлежащей оцѣнки этихъ данныхъ, нужно постоянно имѣть въ виду, что одновременно совершается приливъ населенія въ пустынныхъ мѣстахъ востока. Приведемъ сначала нѣсколько данныхъ о запустѣніи Волыни и ближайшихъ къ ней мѣстъ другихъ воеводствъ.

По присяжнымъ показаніямъ 1650—57 годовъ въ *кременецкомъ повѣтѣ* уменьшеніе населенія опредѣляется такими данными: гор. Кременецъ разрушенъ; въ Дубенскомъ предмѣстьѣ этого города изъ 85—осталось 19 домовъ. Городъ опустошенъ особенно во время берестецкаго похода. Въ мѣстечкѣ Ляховцахъ и 27 селахъ той же волости изъ 276 домовъ осталось 55, при чемъ въ 9 селахъ этой волости не осталось ни одного человѣка; волость разорена переходами коронныхъ войскъ и двоекратнымъ нападеніемъ козаковъ съ татарской ордой; много жителей попало въ татарскую неволю и уничтожено мечемъ, другіе погибли отъ голода и моровой язвы; оставшіяся хаты по большей части стоятъ пустыми. Въ имѣніи Чолганской—селахъ: Малыновцахъ, Бакотѣ и другихъ (всего въ 8 селахъ), послѣ перваго погрома 1648 г., осталось 29 домовъ, а въ 1653—54 г.—только 4. Особенному опустошенію подверглись имѣнія князей Вишневецкихъ; напр. въ с. Маневѣ не осталось ни одного дома, въ м. Новомъ Вишневцѣ—только два, но оба необитаемые; евреи этого мѣстечка всѣ перерѣзаны; въ мѣстечкѣ Маначинѣ и 22 селахъ, принадлежащихъ къ нему, владѣнія кн. Дм. Вишневецкаго, осталось всего 6 дымовъ (3 въ мѣстечкѣ и по 1 въ трехъ селахъ). Въ Бѣлой Криницѣ, Антоновцахъ, Еловицѣ, Стожкѣ, Тылявкѣ и Угорскомъ, принадлежавшихъ кн. Вишневецкимъ, не осталось ни одного подданнаго. Въ гор. Збаражѣ и волости его, состоявшей изъ 35 селъ, осталось только 19 домовъ, при чемъ въ 22 селахъ не осталось ни одного дыма, ни пустыхъ хатъ. Огромная волость Збаражская стала пустынею. Въ м. Ямполѣ (Познанскаго) не осталось ни одного еврейскаго дома; два еврея, оставшихся въ живыхъ, проживали въ домахъ христіанскихъ. Тоже въ м. Андреевкѣ. Въ м. Клевани (Юрія Чарторыйскаго) и его волости изъ 120 домовъ

уцѣлѣло только 32, при этомъ въ одномъ селѣ (Старосельцахъ) не осталось ни одного жителя. Въ 12 селахъ пановъ Фрикачовъ (Волицѣ, Татариновцахъ, Ясновцахъ и т. д.) не осталось ни одного жителя и ни одного дома. Ни одного дома не осталось также въ селахъ Клесовѣ, Подвысоцкомъ, Холонахъ, Людвищахъ, Лосятинѣ, Бублиновщинѣ, м. Козинѣ, с. Иванѣ, Люлинцахъ, Уляшиновцахъ, Соколовцахъ, Гришковцахъ, Плисцахъ, Буглавѣ, Печерномъ, Доманинѣ, Коростовѣ, Брухарщизнѣ, Кутищахъ, Подлисцахъ, Желобахъ, Сапоновѣ, Дунаевѣ, Млыновцахъ, Полянахъ, Голохвостахъ, Копіовцахъ, Кутахъ, Морозовцахъ, Ожоговцахъ, Кошлякахъ, Высшей Бѣлозоркѣ, Москалевкѣ, Ивановцахъ, Пальчинцахъ, Колесцахъ, Ялчинцахъ, Кошлячкѣ, Голодкахъ, Зарубечкѣ, Лазучинѣ, Корсовкѣ, Трѣскахъ, Гриненкахъ, Малыхъ Жеребкахъ, Чухолкахъ, Старыхъ Чухолкахъ, Куликовѣ, с. Глухомъ, Ивашкахъ, Завидовѣ, Берегѣ, м. Полонномъ, с. Янковцахъ, м. Олексинцѣ, м. Вышгородкѣ, Киковѣ, Грицовѣ, Забужинѣ, Новогородчичахъ, Курновавкѣ, Дмитровкѣ, Батковцахъ, Борщовкѣ, Устечкѣ, Столицѣ, Комаровкѣ, Богдановцахъ, Скрибовцѣ, Тихомлѣ, Кривоволкѣ, Михновкѣ, Вилчовкѣ, Коровьей, Курянкахъ, м. Корницѣ, с. Рудцѣ, Волковцѣ, Дедеркалахъ, Старожинцахъ, Вязовой, Коршиловкѣ, Грузской, Поляной, Контѣ, Куринцѣ, Ст. Збаражѣ, Половицѣ, Черниковцѣ, Охримовцѣ, Стрыевѣ, Ивановѣ, Плоской, Оженинѣ, Стадникахъ, Рыдомлѣ, Хотовицахъ, Мартыновцахъ, Мишковцѣ, Дорофіевцахъ, Писаровкѣ, Берецковцѣ, Красной Лукѣ, Голубицѣ, Курначовкѣ, Старикахъ, Барановкѣ, Михаловцѣ, Ситномъ и мн. др. За такія села присягали жители изъ сосѣднихъ селъ, за неимѣніемъ въ нихъ ни одной живой души. Иногда самое мѣсто бывшаго села было сравнено съ землею и означалось только грудою пепла.

Владимірскій и луцкій повѣты опустошены не менѣе кременецкаго. Прежде большой и богатый г. Владиміръ, по показанію райцевъ и мѣщанъ, въ 1650 г. имѣлъ уже только 55 домовъ, въ 1653 г. 33, въ 1654 году 15, въ 1658 году 2. Опустошеніе частныхъ владѣній внутри города и въ его предмѣстьяхъ изображается слѣдующими чертами: изъ 5 домовъ, принадлежащихъ церкви св. Пятницы во Владимірѣ, въ 1653 г. уцѣлѣлъ одинъ,

а въ 1658 ни одного; изъ 23, принадлежавшихъ плебаніи владимірской, къ 1653 г. осталось 11, а къ 1658—9; изъ 21 дома предмѣстья Владиміра—Завалья (п. Тесельскихъ) осталось 7; изъ 3 предмѣстья Залужа (п. Лыховскаго)—одинъ; изъ 7 домовъ п. Стемпковскаго предмѣстья Поѣздникъ осталось 3, изъ 4-хъ того же владѣльца предм. Подзамча—одинъ. На предмѣстьѣ Глинщизнѣ, кн. Юрія Вишневецкаго, въ 1658 г. осталось всего 20 домовъ. Въ предмѣстьѣ Козинщинѣ п. А. Фарлея въ 1658 г. оставалось только 5 домовъ. Въ г. Луцкѣ уже въ 1649 г. (въ іюнѣ) мѣщане показывали, что 137 усадебъ стоятъ пустыми; съ оставшихся подымнаго получено было тогда 364 злот. Въ 1650 г. мѣщане луцкіе, кромѣ шляхтичей и жидовъ, показывали у себя 182 дыма; тогда городъ послѣ козацкихъ погромовъ 1648 и 1649 г. былъ окончательно разрушенъ жолнерами во время походовъ и постоевъ ихъ. Въ 1653, по показаніямъ магистрата, изъ 133 домовъ осталось только 50. Въ 1658 г., по показанію выборнаго отъ бурмистровъ и радцевъ, въ Луцкѣ оставалось 14 дымовъ; дома были разрушены; люди или разбѣжались или вымерли отъ морового повѣтрія. Относительно прочихъ поселеній двухъ повѣтовъ находимъ, что въ нихъ по мѣстамъ опустошеніе было полное; такъ волость звягельская разорена окончательно; во многихъ мѣстахъ ни одного дыма; въ г. Берестечкѣ 750 чел. или замучены, или уведены въ неволю татарскую. Въ лабунской волости Юр. Любомирскаго м. Судилковъ сожжено до основанія, за исключеніемъ шпиталя; нѣсколько тысячъ людей убито или взято въ плѣнъ татарскій. Въ 22 поселеніяхъ гр. Опалинскаго изъ 1369 домовъ осталось 541; города, села и мѣстечки этого владѣнія разграблены и опустошены огнемъ и мечемъ. С. Сухая Воля сожжено до основанія, осталось 3 землянки. С. Кнегининъ и Перекалъ истреблены огнемъ до основанія, кромѣ 3-хъ халупъ; въ с. Жоравицахъ только „голые пляцы стоятъ“. Г. Тайкуръ сожженъ до основанія. С. Кораевичъ „сожжено все, однѣ печи съ трубами стоятъ“; такая же судьба постигла села Зличовку и Соколовку, Корытище, Правотинъ, Мухаревъ, Жеребиловку, Хиловку, Кошелевъ, гдѣ моровое повѣтріе не оставило ни одного дыма, Тихотинъ, Ляшки, Жуковцы, Невирково, Кобылье, Осташовку,

Богушовку, Рудную, Мощоное, Подлужъ, м. Красиловку, Любаши, Острополь, Быщу, м. Корчикъ съ приселками, Крытное, Хотинь, Рытково, Полоничную, Будища, Клембовецъ, Криволуки, Кіянку, Филиповичи, Княжу и еще 18 селъ звягельской волости; города Ст. и Нов. Заславъ въ 1655 г. вовсе лишены жителей; за эти города присягали мѣщане, живущіе въ Дубнѣ.

Вообще запустѣніе луцкаго и владимірскаго повѣтовъ можетъ быть представлено въ слѣдующихъ примѣрахъ.

ГОРОДА и СЕЛА.	До 1648.	1649.	1650.	1653.	1655 и т. д.
	ч и с л о		д ы м о в ъ.		
Ковель.	360	250	—	—	—
Ковельское староство. . .	1369	541	—	—	—
Берестечко	315	150	—	—	—
Н. Голятинъ	141	21	—	—	—
Соколь (Курчичъ)	224	120	—	—	—
Выжва	310	109	—	—	—
Н. Четвертня съ селомъ. .	407	246	201	—	88
Торчинъ	320	209	—	—	—
Коблинъ	213	—	107	—	—
Андреевъ	328	—	202	25	—
Тучинъ	854	—	558	—	—
Звягль съ волостью . . .	1932	—	542	156	—
Ст. и Нов. Острогъ и его вол..	1659	—	1097	246	205
Жорковка съ селами . . .	797	—	612	—	364
Березцовъ съ селами . . .	90	—	197	—	—
Заславъ и его села . . .	—	—	97	45	0
Н. Заславль и села . . .	—	—	204		
Г. Константиновъ и м. Козминъ	—	—	—	—	0
М. Деражня.	306	—	221	—	—
Г. Владимірецъ съ селами .	545	—	175	—	—
Трояновъ.	160	100	70	43	—
Колоковъ (Романовъ). . .	376	246	—	—	—
Гороховъ съ селами . . .	336	211	—	162	—
Миляновичи съ селами . .	1217	795	—	—	—
Кошовградъ съ селами . .	251	126	—	—	—
Радивиловъ	206	—	—	199	—

ГОРОДА и СЕЛА.	До 1648.	1649.	1650.	1651.	1653.	1658.
	число дымовъ.					
С. Шумбаръ и 17 селъ. . .	—	—	240	56	21	—
Ярмолинскаго г. Чарторыскъ съ селами	—	—	—	296	—	—
Г. Ровно.	—	—	—	394	322	—
Ст. и Нов. Корецъ съ 87 селами.	—	—	4731	3052	541	—
М. Нов. Малинъ и 11 селъ .	—	—	—	0	—	—
Г. Дубно и волость	—	—	520	577	395	255
М. Полонное и Любартовъ съ приселками	—	958	—	504	—	—
Г. Лабунь и его села . . .	—	—	698	469	—	—
М. Гоща и 6 селъ	—	—	272	109	100	—
М. Турискъ и села его . .	—	—	542	376	136	—
М. Птичь	—	—	139	51	—	—
С. Плужное и др. 30 селъ Ходкевичевой	—	879	—	567	—	—
М. Клевань Ник. Чарторыскаго и 26 селъ	—	—	970	—	480	—
М. Дорогобужъ и села . . .	—	—	411	—	291	—
С. Збужъ и 2 другихъ. . .	—	—	203	—	32	—
М. Нѣсухоѣжъ	—	—	227	—	183	119
М. Берескъ и села его. . .	—	—	195	—	141	—
Яновъ съ приселками . . .	—	—	—	269	158	—
М. Литовижъ съ приселками .	—	—	—	114	—	76
М. Киселинъ	93	—	50	—	—	—
М. Немиричовъ и села. . .	92	—	—	—	30	—

Причины уменьшенія населенія указываются присяжными показаніями различныя. Важнѣйшая изъ нихъ, конечно, есть война. Самая обыкновенная отмѣтка въ упомянутыхъ показаніяхъ такова: „непріятели коронные козаки съ татарами, соединившись, всѣ указанныя села (берестецкой волости) снесли огнемъ, такъ что ни одного дома въ нихъ не осталось. Въ г. Берестечкѣ нѣсколько домовъ осталось, но оба предмѣстья сожжены. Оставшіеся жители всѣ умерли съ голоду“, или: „подданные забраны въ Орду“. Примѣръ другой версіи этихъ показаній таковъ: „м.

Шумскъ разорено хоругвію кн. Іер. Вишневецкаго въ 1648 году; много жителей поранено и избито на смерть". Въ 1653 г. „Шумскъ и Куты, въ нихъ церковь и все имущество истреблены, такъ что не осталось ни одного дома, паномъ Стемпковскимъ, ротмистромъ хоругви кн. Іер. Вишневецкаго и татарскою хоругвію подъ его региментомъ". При этомъ обыкновенно прибавляется: „оставшіеся жители умерли отъ голоду и моровой язвы". или: „жители перебиты". Итакъ народонаселеніе гибло отъ истребленія оружіемъ, взятія въ плѣнъ, голода, эпидеміи.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что хотя большая часть показаній приписываетъ опустошенія татарамъ—союзникамъ козаковъ (какъ и слѣдовало ожидать), но и опустошенія хоругвями польскихъ войскъ (особенно кн. Дом. Заславскаго и Іер. Вишневецкаго) конкуррируютъ съ татарскими погромами. Такъ, при разореніи м. Новомалина и его селъ ротмистрами королевскихъ хоругвей (Сошицкимъ и Суховецкимъ), а также Цариною и Хоецкимъ, когда „крестьяне бѣжали въ лѣсъ, то жолнеры ихъ разыскивали и мучили; Мик. Зелинскаго убили кольями, другихъ ранили до смерти, а хлѣбъ весь и разное имущество разграбили". Такъ, въ кременецкомъ повѣтѣ села Жолобки и Сотыщи разорены жолнерами хоругви Казиміра Тарновскаго, при чемъ хаты разрушены и осталось одно только пустопорожнее мѣсто. „Предмѣстья гор. Кременца Запоточье и Липовицы опустошены (изъ 132 домовъ осталось 35) притѣсненіями жолнеровъ; люди вымерли, или разошлись". Такая же судьба постигла подгороднія села Дворецъ и Загорецъ, а также Башкевецъ, Подлисцы, Жолобокъ, Млыновецъ, Сапановъ, Дунаевъ („подданные, разогнанные жолнерами, прочь пошли, а другіе съ голоду вымерли; хаты разрушены; уцѣлѣвшія стоятъ пустыми"). Въ предмѣстьѣ Кременца—Дубенскомъ изъ 123 домовъ осталось 52; дома разобраны жолнерами, остальные пустуютъ; жители или умерли отъ голода или разошлись. Подобное же произошло въ слободѣ Кременецкой, въ селѣ Высшихъ Березцахъ, м. Ямполѣ съ приселками, гдѣ изъ 91 дома осталось 15, по причинѣ перехода жолнеровъ. Села Боложовка, Васковцы, Литовищи и Кутовъ разорены Статковскимъ, ротмистромъ хоругви кн. Іер. Вишневецкаго въ 1650 г.;

м. Почаевъ разрушено компаніею Орловскаго; села Солонеевъ и Пляшово—хоругвію кн. Заславскаго вмѣстѣ съ разною шляхтою польскою и волошскою; села Вилія, Шпиколосы, Писаровка, Цеціоновцы—хоругвію кн. Дим. и Юр. Вишневецкихъ. Села Губче, Москвитиновка, Латовка, Онышковцы, Грицово—компаніею Царины въ 1650 г.; с. Минковцы—ротмистромъ Севицкимъ. Села Ясковичи, Берега, Завидово, Бухарово, Ухолицы, Симоново, Букойма, Зузулинъ, Каменица, Туриновичи, Кножницы, Борисово, Кривинъ, Бильчинъ, Плужное, гор. Старый и Новый Острогъ, Б. и М. Боровицы, Добринь, Вельбойна, Головль, Нараевка, Улашиновичи, Глинники, Синица, Войтовцы, гор. Дубно, м. Могилевъ, Несолоное, Смолдыревъ, Кожушки, Закриниче, Островецъ, Немильна, Черницы, Бильскъ, Кильковцы и множество другихъ опустошены хоругвями кн. Заславскаго, с. Бородчичи—хоругвію Конецпольскаго. Подобными же опустошеніями ознаменовали себя хоругви кварцяныя кн. Дмитрія и Юрія Вишневецкихъ, Віельгорскаго, даже Адама Киселя, Стефана Немирича, Михаила Аксака и многихъ другихъ. Всего въ кременецкомъ повѣтѣ разорено жолнерами около 250 городовъ, мѣстечекъ и селъ.

Въ луцкомъ и владимірскомъ повѣтахъ опустошенія совершались не только коронными, но и литовскими войсками; такъ гор. Владимірецъ и его волость, послѣ козацкаго разоренія 1648 г., окончательно опустошены жолнерами войска литовскаго. Жолнеры же докончили запустѣніе г. Луцка (въ 1650 г., вторично въ 1653 и въ 3-й разъ въ 1655 г.); ими опустошенъ въ 1653 году г. Владиміръ, такъ что дома были сожжены или разобраны, а люди разбѣжались и потомъ вымерли отъ язвы; окончательно гор. разрушенъ ими въ 1658 г.; жолнеры же разорили волости володимірскую и кунечовскую, г. Кошовградъ и его волость, гор. Торчинъ, громадное имѣніе (22 насел. мѣста) гр. Опалинскаго; они были причиною запустѣнія с. Краснаго, с. Пясечна, Коростовой, Восневы, Шубкова, Речицы, Тумахова, Бабина, м. Полоннаго и Любартова съ приселками, с. Клочковичъ, м. Четвертни, Залюбеча, с. Гнидавы, Щуровецъ, Васковичъ, Жилинецъ, Разважа, Ставка, Бусы, Мокраго, Руды, м. Бережницы,

Немовичъ, Чуднова, Махоловца, Воли, Рылавицы, Загорецъ, Виткова, Подлисокъ, Острова, Жидичика, Клепачева, Боремца, Подгаецъ, Былича, Кудиновичъ, Молодкова, Княжей, м. Береска, Ст. Береска, Стырина, Кошовой Воли, Ворончина, одинадцати селъ Вацлава Гулевича (при чемъ дома разрушены, а люди погибли отъ голода и эпидеміи), м. Свинюхъ, м. Деражни, с. Ружина, г. Соколя, гор. Троянова, г. Острога, г. Каменя, с. Секуня, Печихвостъ, Смыкова, Навколысокъ, Милятина, м. Нов. Острова, (Вишенки), Мощонаго, с. Городища, с. Залисецъ, Краснодуба, с. Бытня, Сашницы, Ст. Колковъ, Рашникъ, Радова, гор. Тучина, с. Михлина, всѣхъ имѣній епископа владимірскаго Іосифа Мукосѣя-Баковецкаго, состоявшихъ изъ предмѣстья г. Владиміра и 33 селъ, также селъ: Бубнова, Блудова, Десятины и Пустомытъ, г. Колковъ (Романова), при чемъ дома были разрушены и сожжены, м. Берестечка, с. Шпакова, г. Кашовки и другихъ селъ ольцкой волости, состоявшей изъ 33 селъ кн. Радзивила, г. Дорогобужа съ селами, г. Ровна, м. Жарковни, селъ Жидичинскаго монастыря. Всего, по отмѣткамъ, которыя можно было собрать изъ неполныхъ и разрозненныхъ показаній при сборѣ подымнаго, въ луцкомъ и владимірскомъ повѣтахъ разрушено жолнерами около 370 поселеній. При этомъ обыкновенно дома сожигались или разбирались; люди, лишенные крова и имущества, бѣжали, вымирали голодною смертью, или дѣлались жертвами моровой язвы, или спасались въ козачину и на Украину.

Многимъ можетъ показаться, что все это не выходитъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ явленій междоусобныхъ войнъ; но едва ли государство, обладающее задатками дальнѣйшаго здоровья и жизни, можетъ позаимствоваться отъ возставшихъ ихъ же пріемами, опустошать части собственной территоріи или доканчивать неоконченный погромъ. Банды кн. Дом. Заславскаго, Іер. Вишнезецкаго, Чарнецкаго и всѣхъ другихъ были такими же бушующими толпами, какъ и козацкіе полки, они были столь же враждебны государству и его порядкамъ. Они продолжаютъ свое разрушительное дѣло и тогда, когда правительство заключало миръ съ козаками, надъ оставшимся мирнымъ населеніемъ. Впрочемъ правительство польское отнюдь не поощряло жолнеровъ къ

звѣрскимъ репрессаліямъ, обращалось къ нимъ съ увѣщаніями, а къ населенію съ совѣтами не давать имъ ничего сверхъ законнаго. Но дѣло именно въ томъ, что въ распоряженіи правительства были только „совѣты“ и „увѣщанія“; государство оказывалось безсильнымъ для исполненія самыхъ элементарныхъ задачъ своихъ.

Въ связи съ предыдущимъ не можемъ не отмѣтить одновременнаго усиленія одной изъ старыхъ причинъ запустѣнія страны. Не разъ въ промежутки многолѣтней взаимной рѣзни устанавливалось перемиріе, и даже мнимо-вѣчный миръ (Зборовскій и Бѣлоцерковскій трактаты). Тогда крестьяне и мѣщане возвращались въ свои разрушенныя поселенія, руководясь надеждою, что дальнѣйшая гражданская жизнь ихъ обезпечена; тщетная надежда. На другой же день мирные жители терпятъ новый жесточайшій погромъ отъ кого бы ожидать нельзя, именно отъ своихъ же мѣстныхъ пановъ, взаимно грабившихъ другъ друга. Отнюдь не умудренные опытомъ, они, напротивъ, получили новые поводы ко взаимнымъ распрямъ, такъ какъ въ эпоху смутъ границы владѣній уничтожены, документы утрачены или истреблены, суды, и прежде бездѣйствовавшіе, не существуютъ; массы бездомныхъ бродягъ всегда къ услугамъ наѣздника. И вотъ мирное гражданское населеніе, едва начавшее старую трудовую жизнь, подвергается разгрому не отъ разбойника—татарина, не отъ бродячаго козака или голоднаго жолнера, но отъ сосѣдняго крупнаго землевладѣльца, долженствующаго быть опорою и защитою государственнаго порядка. Было бы скучно и безполезно приводить многочисленные примѣры панскихъ наѣздовъ, совершавшихся среди разгара знаменитой Хмельнищины. Не будемъ останавливаться на другихъ причинахъ запустѣнія страны, которыя были прямыми послѣдствіями долговременной и жестокой войны, именно голодѣ и эпидеміи. Народъ, лишенный крова, рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и хлѣба, даже во время перемирій не могъ начать обработку земли; поля оставались незасѣянными нѣсколько лѣтъ сряду. Понятно, что цѣлые округи вымирали отъ голода и отъ необходимаго спутника его—эпидеміи.

Такъ гибли тысячи народа отъ меча, голода и моровой язвы. Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что большая часть исчезнувшаго народа погибла; напротивъ, громадное большинство его бѣжало, или, попавши въ плѣнъ татарамъ, впослѣдствіи возвращалось. Истреблено было преимущественно еврейское населеніе, если не успѣвало спасаться бѣгствомъ. Такъ „въ м. Корницѣ татары христіанъ забрали въ Орду, а жидовъ перебили". Часть бѣглецовъ скрывалась въ ближайшихъ мѣстахъ и потомъ возвращалась на старыя пепелища. Здѣсь они поселялись, за неимѣніемъ хатъ, въ погребахъ и землянкахъ (такъ напр. отмѣчено въ актахъ о жителяхъ м. Лановецъ, селъ Млыновецъ, Забужанъ, Орышковецъ, Новогородичъ и о всей мѣстности вокругъ гор. Кременца), или продолжали проживать въ шалашахъ внутри лѣсныхъ трущобъ. Но не всѣ могли вновь основаться на прежнихъ мѣстахъ, потому что средствъ для жизни уже не оставалось никакихъ; тогда наступала для нихъ или голодная смерть, или необходимость уходить въ отдаленныя мѣста за поисками средствъ жизни. Оставались на мѣстѣ поневолѣ только „хорые, нендзные и для голоду знендзялые" (въ м. Ожеговцѣ и его волости, влад. кн. Дм. Вишневецкаго). Вѣрнѣйшимъ средствомъ, конечно, было превратиться изъ состоянія жертвъ въ состояніе наѣздниковъ, т. е. примкнуть или къ козацкимъ полкамъ, или (рѣдко) къ польскимъ хоругвямъ. Множество народу потянулось на Украину. Такъ въ кременецкомъ повѣтѣ о селѣ Кушлинѣ показано, что изъ 27 домовъ этого села „крестьяне, по причинѣ голода, частію умерли, частію ушли на Украину". О селахъ Цеценовцѣ, Вилеѣ, Шпиколосѣ, Плясовой, м. Старомъ Вишневцѣ, Предмиркѣ, Волицѣ, Писаровкѣ, Тытыльковцѣ, Березянцѣ, Романинцахъ, Гнилорудкѣ, Номадовкѣ, Сенявкѣ, Заболотцахъ, Кусновицахъ, Жуковцахъ, Барсуковцахъ и Силиновцахъ отмѣчено, что жители ихъ одни умерли съ голоду, а другіе ушли на Украину. Изъ м. Андреева и 12 селъ, тянувшихъ къ нему, жители, за неимѣніемъ хлѣба для посѣвовъ и прокормленія, разошлись на Украину; осталось болѣе 50 пустыхъ хатъ. Въ м. Ямполѣ съ приселками (гдѣ изъ 91 дома осталось только 15) „часть подданныхъ умерла съ голоду, другіе ушли на Украину".

Изъ м. Вышгрода и 8 селъ Конецпольскаго, „часть крестьянъ, оставшаяся въ живыхъ, пошла на Украину"; три села ихъ числа этихъ восьми „до щенту знесены, одно только поле осталось". Изъ 19 селъ имѣнія Крист. Даниловичевой (урожд. кн. Вишневецкой) въ шести не осталось ни одной хаты; въ остальныхъ же селахъ все снесено огнемъ и мечемъ; крестьяне одни перебиты, другія съ женами и дѣтьми забраны въ Орду; оставшіеся по причинѣ голода разошлись на Украину. Изъ Лозовой, Шляхтинца и Курниковца, имѣній кн. Юр. Вишневецкаго, подданныхъ частію перебили, частію забрали въ плѣнъ татары; прочіе ушли на Украину. Жители селъ Пискова, Дидовичъ, и Богатаго, „потерпѣвъ разоренія отъ хоругви кн. Заславскаго, лишенные хлѣба и зерна для посѣвовъ, не будучи въ состояніи обработывать землю, разошлись на Украину, а хаты ихъ остались пустыми". Въ селѣ Лосятицѣ „мѣстце голое, также подданныхъ немашъ, а въ нихъ татарове выбрали, а другіе померли, а третіе на Украину поутекали". Изъ селъ: Обаранцы, Гродища, Дубовцы и Березовица жители разошлись на Украину для заработка. Крестьяне Ляндскоронской изъ селъ Тихомля, Воробьевки и другихъ девяти или погибли подъ мечемъ татаръ, или уведены въ Орду, или ушли въ Украину для заработковъ, или же вымерли отъ голода и моровой язвы. Изъ Рыдомля и Хотовицъ крестьяне разошлись на Украину. Подданные кн. Дм. Вишневецкаго изъ м. Маначина и его волости (состоявшей изъ 21 села), уцѣлѣвшіе отъ истребленія и татарскаго плѣна, разошлись на Украину для заработковъ. Изъ имѣнія Конецпольскаго м. Вышгородка и селъ его волости (11-ти) уже послѣ первыхъ погромовъ (1648, 1649) крестьяне разошлись на Украину.

Кромѣ отмѣченныхъ случаевъ бѣгства населенія именно въ Украину, сюда же могутъ быть отнесены почти всѣ глухія отмѣтки о томъ, что „жители разбѣжались", ибо кромѣ Украины некуда было бѣжать (какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ). А такія отмѣтки о бѣгствѣ сопровождаютъ показанія о разореніи всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ почти безъ изъятія. Въ луцкомъ повѣтѣ къ тѣмъ же причинамъ бѣгства на Украину (т. е. голоду и отсутствію безопасности) уже присоединяется другая,

именно активное стремленіе свергнуть съ себя панское иго. Такъ крестьяне Д. Балабана изъ с. Хорохорина, взбунтовавшись, ушли. Крестьяне луцкаго каѳедр. костела изъ селъ Садова, Высочна, Воли, Кошова, Вольки Кошовской, Горзвила, Жуковецъ и Городца частію уведены въ татарскую неволю, частію добровольно перешли къ козакамъ. Крестьяне с. Любатова со всѣмъ имуществомъ добровольно перешли къ козакамъ. Населеніе гор. Новой Четвертни и его волости уменьшилось почти на половину, потому что крестьяне частію замучены, частію, взбунтовавшись, пошли съ козаками. Жители гор. Мельницы и его селъ (102-хъ домовъ) добровольно ушли съ козаками и лишь частію погибли отъ моровой язвы. Точно также ушли съ козаками крестьяне с. Обура, гор. Колокова, иначе Романова, с. Луковой, Навоза, Загорова, Суска, Турычанъ, Ягодной, Витонина (жители котораго, уходя съ козаками, спалили свои халупы), с. Городища, Лаврова, м. Милятовичъ и его волости, состоявшей изъ 21 села („жители частію замучены, частію добровольно пошли козаковать"), с. Пожарокъ, Городичъ, Росоловки, Бѣлаювки, Ордынки, м. Берездова, Клопотина, и 11 селъ, принадлежащихъ къ нимъ, гор. Звягля и его волости (состоявшей изъ 17 поселеній), гор. Стар. и Новаго Острога и его волости (состоявшей изъ 44 поселеній), м. Кунева и его волости (6 селъ), г. Константинова и м. Козмина (откуда большая часть мѣщанъ ушла добровольно съ козаками), с. Серединецъ, Пашуновъ, Решневки, с. Вел. Деражни и др.

Вообще по мѣрѣ приближенія къ вольнымъ юго-восточнымъ степямъ, притягательная сила свободы дѣйствовала все настойчивѣе и увлекала населеніе къ центру новообразующагося свободнаго козачьяго общества. Но постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду, что лишь незначительная часть переселенцевъ руководилась идеею легкихъ промысловъ добычи и военнаго грабежа; главная масса искала себѣ возможности мирнаго и трудоваго существованія и, не находя на своей родинѣ безопасности для жизни и имущества, шла „отъ нестерпимаго, великаго голода *на заработки*". Мы увидимъ результаты этого въ населеніи Украины того же времени.

Кромѣ бѣглецовъ, спасшихся на Украину, другія тысячи населенія Волыни взятыя въ плѣнъ татарами, также не погибли. Эти тысячи не могли быть проданы на рынкахъ Кафы и Бахчисарая, но большею частью возвратились въ силу договоровъ съ Хмельницкимъ, но уже немногіе изъ нихъ возвратились въ свою опустошенную родину, а осѣли въ тѣхъ же степахъ украинскихъ.

Одновременно съ такимъ массовыми движеніемъ главнаго—русскаго населенія къ востоку, совершается, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, обратное *движеніе на западъ* иноплеменныхъ примѣсей населенія.

Еврейское племя, какъ мы видѣли, было истребляемо болѣе другихъ частей населенія; изъ присяжныхъ показаній убѣждаемся, что избіеніемъ евреевъ занимались преимущественно не козаки, а татары; послѣдніе почему то не брали евреевъ въ плѣнъ; обыкновенно отмѣчается, что въ извѣстномъ городѣ христіанское населеніе взято въ плѣнъ, или разбѣжалось, а евреи перебиты татарами. Тѣмъ не менѣе поголовному истребленію евреи подверглись лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ пунктахъ, близкихъ къ Украинѣ и застигнутыхъ войною врасплохъ; остальная главная часть успѣла бѣжать. Путь бѣгства его направлялся на западъ къ Вислѣ и за Вислу въ коренныя польскія земли. Какъ населеніе наиболѣе подвижное, евреи, при всякой временной перемѣнѣ военныхъ удачъ, опять возвращались, слѣдуя за успѣхами польскихъ войскъ, и, что особенно замѣчательно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также содѣйствовали опустошенію страны, участвуя вмѣстѣ съ жолнерами въ грабежѣ остальнаго имущества въ городахъ. Но вообще еврейское населеніе южной Россіи 1649—1657 годовъ уменьшилось приблизительно на 90%. Такъ въ гор. Кременцѣ изъ 169 евр. домовъ осталось 11; послѣ погрома, произведеннаго въ 1648 году и повтореннаго во время берестецкаго похода, евреевъ осталось тамъ лишь „нѣсколько человѣкъ“. При разгромѣ еврейскіе дома разбивали желѣзными ломами и все имущество, выброшенное на улицы, истреблено. Въ 1653 г. осталось только 5 домовъ. Въ м. Клевани, послѣ разоренія его жолнерами, а потомъ козаками не осталось ни

одного еврейскаго дома; оставшіеся два еврея живутъ въ домахъ христіанскихъ; въ м. Андреевѣ также не уцѣлѣлъ ни одинъ еврейскій домъ и двое евреевъ проживаютъ въ чужихъ домахъ. Въ м. Козинѣ, въ самый день Пасхи 1652 г. татары перерѣзали почти всѣхъ евреевъ; осталось однако два дома. Въ м. Нов. Вишневцѣ „евреи всѣ перерѣзаны и ихъ дома уничтожены“ весною 1653 г. при возвращеніи татаръ изъ-подъ Берестечка. Въ м. Базаліѣ „еврйскіе дома всѣ снесены огнемъ и ни однаго еврея не осталось“ при движеніи татарской орды въ 1651 г. Въ м. Корницѣ „татары христіанъ забрали въ Орду, а жидовъ перебили“. Въ м. Ямполѣ „осталось пустыхъ жидовскихъ хатъ 45“.

Въ гор. Луцкѣ въ 1648 г. было еврейскихъ раввинскихъ 84 дома, а въ 1649 и 1650 осталось 29; караимскихъ было 20, осталось 3. Въ гор. Владимірѣ въ 1649 г. осталось 39 еврейскихъ домовъ; въ 1650 г.—41 домъ; въ предм. Владиміра—Подзамчѣ изъ 7 къ 1655 осталось 4 дома. Въ гор. Киселинѣ до 1648 г. было евр. 37 дом., а въ 1649—20, въ 1650 г.—8. Въ Нов. Островѣ изъ 25 осталось 5. Въ Радзивиловѣ осталось 7, а въ 1650—4., въ 1653 г.—1; Въ Кашовгродѣ „9 халупъ жидовскихъ сгорѣло, а 24 разрушено“; въ 1650 г. осталось 5. Въ г. Олыкѣ изъ 30 осталось 20 дом., а въ 1653 г.—18 домовъ; халупы сожжены, хозяева убиты. Въ м. Гулевичевѣ въ 1649 изъ 20 ост. 8. Въ гор. Ковлѣ въ 1650 и 1653 гг. изъ 80 домовъ ост. 20,—дома стоятъ пустые, такъ какъ жиды одни убиты въ бѣгствѣ, другіе потоплены въ рѣкѣ, третьи съ дѣтьми и женами зарѣзаны. Въ гор. Колкахъ въ 1650 г. осталось 6 евр. домовъ. Въ м. Езеранахъ къ 1650 г. осталось 2 дома. Въ гор. Соколѣ тогда же 10, а въ 1653—4; въ Торчинѣ (изъ 21 дома) 8; въ м. Свинюхахъ—4 (а остальные дома сожжены); въ м. Бережинцахъ—5; въ гор. Дубнѣ оставалось въ 1650 г. 47 евр. домовъ; въ м. Муравицѣ въ 1653 г. осталось 10; въ гор. Ровнѣ—6, а въ 1655 г.—2; въ Александріи—4 и Жорковѣ—2; въ Корцѣ—10; въ Межиричѣ—8; въ м. Торговицѣ—7; въ м. Степани—20; въ Деражнѣ—12; въ м. Нов. Четвертнѣ—1, а въ г. Володимерцѣ ни одного; въ г. Чарторыскѣ—3; въ Несухоѣжѣ—4; въ м. Бережинцахъ—5; въ Тросяновѣ—3; въ гор. Острогѣ—5; въ

Новомъ Островѣ—2; Ляховцахъ—4; въ Мосорѣ—1; въ Тучилѣ—5; въ Стобухвѣ—3; Лешневѣ—5; въ Берестечкѣ—12; Кашовкѣ—5; въ гор. Красиловѣ—ни одного; въ Полонномъ—3; въ Ст. Заславѣ изъ 30 евр. домовъ къ 1655 г. не осталось ни одного и присягалъ въ томъ еврей, живущій въ г. Дубнѣ.

Что касается до отлива польскаго населенія, то мы для опредѣленія его не имѣемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, но въ безчисленномъ количествѣ протестацій, занесенныхъ въ актовыя книги шляхтичами о разореніи и утратѣ ими документовъ во время козацкихъ войнъ, вездѣ одинаково находимъ, что протестующій убѣгалъ въ Варшаву, Львовъ, Люблинъ и др. западные города, бросивъ и зарывши свое имущество и спасая жизнь свою. Безошибочно можно сказать, что до берестецкой битвы только въ составѣ военныхъ хоругвей можно было найти поляковъ на всей территоріи южной Руси. Все, исповѣдующее католическую вѣру, все говорящее по польски, исчезло. Мечъ, поднятый Богданомъ Хмельницкимъ, провелъ рѣзкую черту между двумя національностями, уничтоживъ тѣ межеумочные элементы, которые до того времени сами не знали, куда себя причислить. Это особенно нужно сказать о людяхъ русской національности, но примыкавшихъ къ панскимъ дворамъ и исповѣдывавшихъ уніатскую вѣру. Тогда силою жестокой необходимости приходилось мгновенно рѣшить, кто изъ нихъ принадлежитъ къ какому лагерю и политическому строю, какому Богу вѣруетъ. Многіе изъ такихъ предпочли русскую національность и козацкій строй, хотя были несомнѣнными шляхтичами и помазанными польской культурой. Въ числѣ ихъ были нѣкоторые изъ главныхъ сподвижниковъ Богдана, особенно Выговскій. При общихъ смутахъ, въ особенности въ кіевскомъ воеводствѣ, люди шляхетскаго происхожденія иногда изъ побужденій личныхъ собирали толпы вольныхъ людей—козаковъ, иногда же сознательно принимали начальство надъ шайками, раздѣлявшими вполнѣ цѣли возставшаго народа. Въ 1650 г. въ кіевскомъ воеводствѣ дворянинъ Бялецкій сталъ писаремъ у козаковъ. Кіевскій городничій Вигура собираетъ самъ козацкую дружину. Дворянинъ Цеклинскій предводительствуетъ вильскими козаками. Во главѣ козац-

кихъ толпъ становятся какъ дворяне, такъ и священники; подобными ватажками были бѣлоцерковскій староста Черный, дворянинъ Лесевичъ, двор. Лосицкій, двор. Яцковскій; въ 1651 году дворяне Бережецкій, Выговскій и Филиповскій дѣлаются козацкими сотниками; дворян. Родаковскій самъ составляетъ козацкую толпу [1]).

Однако внѣ всякаго сомнѣнія, на сторону козаковъ перешло самое незначительное меньшинство шляхетскаго населенія; остальныя потянулись къ западу; такъ все черниговское шляхетство испомѣщено во владимірскомъ повѣтѣ (послѣ того, какъ Волынь осталась за Польшею). Остальныя массы дворянъ скоплялись вокругъ Варшавы.

Приведя вышеуказанныя черты запустѣнія Волыни, считаемъ умѣстнымъ упомянуть, что эта страна довольно скоро заселилась потомъ вновь (несмотря на выгодныя обстоятельства возстановленныхъ здѣсь порядковъ Рѣчи Посполитой),—и заселилась по прежнему безпримѣсною южно-русскою расою.

II. Населеніе Украины во время присоединенія ея къ московскому государству.

Послѣдуемъ за главною, т. е. русскою массою, которая, какъ мы видѣли, бѣжала изъ западныхъ частей южной Руси на Украину, въ восточные предѣлы Кіевщины, въ Брацлавщину и на лѣвый берегъ Днѣпра. Одновременно съ уменьшеніемъ населенія Волыни, увеличивается населеніе здѣсь; заселяются и такіе предѣлы, которые искони вѣковъ были пустынями.

Въ какомъ же состояніи очутились здѣсь эти пришлецы? Много ли ихъ было? Какая этнографическая группа преобладала въ нихъ? Что получило московское правительство изъ рукъ Богдана? Полукочевыя ли толпы взволнованнаго народа, еще болѣе одичавшія въ шестилѣтній періодъ кровавыхъ битвъ? Сбродъ ли всякихъ удальцовъ въ родѣ искателей приключеній на крайнемъ западѣ Америки?

---

[1]) Кіев. центр. арх № 19 и 20.

По счастію, сохранились несомнѣнные и важные акты для рѣшенія этихъ вопросовъ, именно переписи населенія Малороссіи, совершенныя тотчасъ по присоединеніи, въ 1654 г. Онѣ опубликованы уже довольно давно, но, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не обратили на себя должнаго вниманія[1]). Здѣсь попытаемся сдѣлать нѣсколько выводовъ о положеніи страны, населенности ея и этнографическомъ составѣ населенія Украины, въ 1654 году.

Страна, составлявшая при польскомъ правительствѣ три воеводства кіевское, черниговское и брацлавское и соединенная при Богданѣ Хмельницкомъ въ одно цѣлое, нѣкогда (именно въ XIV и XV в. в.) составляла т. н. кіевскую землю и черниговское княжество (Волынь и Подолія не были освобождены Хмельницкимъ). Теперь страна эта, уничтоживъ всѣ прежнія, т. е. польскія черты государственнаго устройства, отнюдь не пришла въ хаотическое состояніе; въ ней установились порядки своеобразные, отчасти напоминающіе первобытное государственное устройство, когда гражданское общество складывалось по военному образцу,—но порядки твердые и стройные. Страна раздѣлялась на 17 полковъ, а именно по правой сторонѣ Днѣпра были слѣдующіе полки: 1) брацлавскій, 2) черкасскій (съ протяженіемъ и на лѣвый берегъ), 3) бѣлоцерковскій, 4) корсунскій, 5) кіевскій (съ протяженіемъ и на лѣвый берегъ), 6) каневскій, 7) уманскій, 8) винницкій, 9) паволочскій, 10) чигиринскій (съ протяженіемъ на лѣвый берегъ). На лѣвомъ берегу Днѣпра: 11) переяславскій, 12) нѣжинскій, 13) миргородскій, 14) черниговскій, 15) кропивенскій 16) полтавскій, 17) прилукскій. Въ спискѣ полковъ, представленномъ московскому правительству, (А. ю. и з. Р. IX, № 8, XVII) нѣтъ полка винницкаго, за то поименованъ калницкій (что одно и тоже). Въ исчисленіи полковъ за 1650 г., представленномъ Н. И. Костомаровымъ („Богданъ Хмельницкій“ ч. II гл. 1) именуются 16 полковъ; между ними нѣтъ паволочскаго полка, вѣроятно воз-

[1]) Разумѣемъ X-й томъ Актовъ южной и западной Россіи, изд. Петерб. Арх. Ком.

никшаго послѣ 1650 года. Впослѣдствіи, кромѣ исчисленныхъ полковъ образовался еще полкъ стародубскій (отдѣлившись отъ нѣжинскаго), полкъ гадячскій и нѣкоторые другіе. Полки отчасти соотвѣтствуютъ прежнимъ староствамъ; это можно сказать преимущественно о правой сторонѣ Днѣпра; здѣсь полки распредѣлены по 2 староствамъ брацлавскаго воеводства и 7 кіевскаго. На лѣвомъ же берегу въ нынѣшней Полтавщинѣ, новая административная организація устроилась на непочатой почвѣ и не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ прежнемъ польскомъ управленіи. Но и упомянутое соотвѣтствіе полковъ староствамъ есть чисто внѣшнее, географическое. Внутренній строй полка представляетъ явленіе оригинальное и весьма интересное въ историко-юридическомъ отношеніи. Сдѣлаемъ сначала общій обзоръ полковъ.

Полкъ *брацлавскій* заключалъ въ себѣ (по переписнымъ книгамъ 1654 г., составленнымъ чиновниками, приводившими къ присягѣ) 20 городовъ, 35 мѣстечекъ, одну слободку, да 10 селъ. По „росписи“, врученной посланнымъ для приведенія къ присягѣ, исчисляются слѣдующіе города: Бряславль, Тульчинъ, Тимоновка, Балановка, Сомовка, Тростянецъ, Клебаны, Ободовка, Жабокрицкое, Соколовка, Куничее, Демковка, Александровка, Мясковка пуста, Вербка, Сарапановка, Китай-городъ, Чачалникъ Тарковка, Хрестища, Равковъ, Каменка, Домострешкова (по перепп. кн.), Звенигородка, Калны-болото, Гуляй-поле, Вязовецъ, Мыглѣевъ, другой Мыглѣевъ, Беренковецъ (Деренковецъ?), Сахновка, Олшаная, Тарасовка, Капустина-Дупина, Водяники. Всѣ послѣдніе города, начиная съ Звенигородки, въ переписныхъ книгахъ отнесены къ полку корсунскому, что, кажется, и было въ дѣйствительности. Всѣхъ исчисленныхъ переписными книгами мѣстъ 34, а между тѣмъ въ „росписи“ итогъ подведенъ такъ: „19 мѣстъ“. Вообще, приводившіе къ присягѣ брацлавскій полкъ нашли, что въ дѣйствительности въ немъ многое не соотвѣтствуетъ показаніямъ данной имъ росписи: это нужно имѣть въ виду и для прочихъ полковъ: населеніе Украины расло не по днямъ, а по часамъ, а потому статистическія показанія одного года уже не годились для слѣдовавшаго за нимъ. Въ 1650 г. по показанію

Н. И. Костомарова, въ брацлавскомъ полку считалась 21 сотня, въ томъ числѣ города: Могилевъ, Ямполь, Мурахва, Браиловъ; въ 1654 г. этихъ городовъ въ составѣ полка уже нѣтъ. Впрочемъ и по переписнымъ книгамъ 1654 г. къ брацлавскому полку присоединены нѣкоторые города по Днѣстру, которые составили послѣ особый полкъ подольскій; а именно города Буша, мѣст. Яруга („и того гор. Яруги козаки живутъ въ гор. въ Бушѣ жъ"), мѣст. Косницы, м. Черновцы, м. Драницы, м. Шпиково, м. Вербицкое, с. Янкулово, г. Каменица Домострешкова, м. Хрустовая, м. Трикловское, м. Пищаное и м. Кобиля. Вообще искусственныя границы, проведенныя нѣкогда между Подоліею, принадлежавшею Польшѣ, и Брацлавщиною, т. е. частію Подоліи, принадлежавшею в. кн. литовскому, теперь сглажены и измѣнены.

Уманскій полкъ по переписнымъ книгамъ состоялъ изъ слѣдующихъ городовъ: Умань, Осевка, Боршевка, Верховка, Ладыжинъ, Соболевка, Кубличь, Вербичь, Манковка, Буки, Иванка, Бабани, Бузувка, Цимерхимановка, итого изъ 14 городовъ. Да сверхъ того тотъ же полкъ заключалъ въ себѣ мѣстечки: Киржевку, Манчюлку, Мшарову, Демовку, Пенковку, Бундуровку, Иваньково, Устье, Стражгородокъ, Степановку, Псаревку, Оредовку, Егубецъ, Сушковку, Хрестиполя, Коневую. Въ источникахъ не указано, включаются ли эти мѣстечки въ округи вышеисчисленныхъ городовъ, или нѣкоторыя изъ нихъ были мѣстами самостоятельнаго сотеннаго управленія. Въ 1650 году въ полку было 13 сотенъ.

Винницкій полкъ по переписнымъ книгамъ заключалъ въ себѣ города: Рахни, Дашевъ, Калникъ, Линцы, Жерновища, Немировъ, Комаревъ, Винницу, Зенковцы, острожекъ Соколевъ; да сверхъ того пустые города: Прилуки, Липовецъ, Чюзовъ, Чернявка, Чагуй, Бабинъ Урать.—Мѣстечекъ—8, селъ 33, деревень 3. Затѣмъ въ переписныхъ книгахъ подведенъ такой итогъ: „жилыхъ городовъ—3, острожковъ и мѣстечекъ, и селъ и деревень 46, да пустыхъ городовъ—6 и всѣхъ жилыхъ городовъ и острожковъ, и мѣстечекъ и селъ, и деревень и пустыхъ городовъ 62". Что называется здѣсь острожками въ отличіе отъ городовъ сказать трудно, по всей вѣроятности—одни укрѣпленныя мѣста

безъ поселеній (посадовъ). Въ 1650 г. здѣсь (въ кальницкомъ полку) было 18 сотенъ.

Черкасскій полкъ по росписи состоитъ изъ городовъ: Черкасы, Мошны, Домонтовъ, Пещаное, Золотоноша, итого 5 городовъ. Къ этому роспись присоединяетъ еще 9 поселеній, большая часть которыхъ въ переписныхъ книгахъ отнесена къ полку брацлавскому. Къ сожалѣнію въ переписныхъ книгахъ черкасскаго полка нѣтъ. Въ 1650 г., по Н. И. Костомарову, въ полку считалось 19 сотенъ.

Каневскій полкъ составляютъ 7 городовъ: Каневъ, Иржищевъ, Стайки, Межирѣчь, Михайловка, Бубновка, Конончъ. Переписныя книги присоединяютъ къ этому еще Терехтемировскую слободу (въ которой показанъ сотникъ). Въ 1650 г въ немъ было 15 сотенъ.

Корсунскій полкъ по росписи заключалъ въ себѣ только шесть городовъ (съ ихъ округами): Корсунь, Стеблевъ, Богуславль, Синица, Медвинъ, Лысянка. Но переписныя книги къ этому прибавляютъ города: Воденики (не указывая въ немъ сотника), Звенигородку, Кални-Болота (съ сотниками), Гуляй-поле, Капустину Долину (безъ сотниковъ), Тарасовку, Олшаную, Везовокъ, Новый Мыглѣевъ (съ сотниками), Старый Мыглѣевъ (безъ сотника), Дерянковцу и Сахновку (съ сотниками); это показаніе и слѣдуетъ принять. Въ 1650 г., по Н. И. Костомарову, въ этомъ полку было 19 сотенъ.

Бѣлоцерковскій полкъ состоитъ изъ 17 городовъ (съ ихъ округами, которые, впрочемъ, въ переписныхъ книгахъ не обозначены), а именно: Бѣлая Церковь, Ставища, Насташка, Лесевичи, Кофшеватая, Боярка, Каменной Бродъ, Олховецъ, Шавулиха, Черный Каменецъ, Рокитна, Ольшанка, Гирмановка, Фастовъ, Бышевъ, Трилѣсы (см. А. ю. и з. Р. т. X, прилож). Въ 1650 г. къ этому полку принадлежалъ Паволочь, отдѣлившійся со своимъ округомъ къ 1654 г. въ особый полкъ

Въ кіевскій полкъ включаются 22 города, а именно: Кіевъ, Васильковъ, Бѣлогородка, Триполе, Обуховъ, Мотовиловка, Макаровъ, Бородянка, Гостомля, Вышгородъ, Димеръ, Ходосовка, Лесники, Преварка, Чернобыль, Бровары, Рожовка, Остръ, Кар-

пиловка, Козелескъ, Бобровица, Заворичи. Итого 15 на правомъ берегу Днѣпра и 7 на лѣвомъ. По Костомарову, въ 1650 г. здѣсь было 17 сотенъ,—въ томъ числѣ овручская, которой теперь нѣтъ, потому что овручскій повѣтъ не вошелъ въ освобожденную Малороссію.

Паволочскій и *чигиринскій* полки не описаны ни въ росписи, ни въ изданномъ отрывкѣ переписныхъ книгъ. Въ 1650 г. въ чигиринскомъ полку было 18 сотенъ, въ томъ числѣ Кременчугъ, Крыловъ, Медвѣдовка, Смѣлая.

Переходимъ на лѣвый берегъ Днѣпра и начнемъ съ той части страны, которая обладала древнѣйшимъ и постояннымъ населеніемъ. Сѣверная часть Черниговщины была театромъ усиленной борьбы, а потому въ 1654 г. мы находимъ тутъ явные слѣды запустѣнія.

Черниговскій полкъ, весьма небольшой, состоитъ изъ городовъ Чернигова, Слабуна, Сѣднева, Любяча (пустого), Лоева (пустого). Въ переписныхъ книгахъ этого полка нѣтъ. По показанію Н. И. Костомарова, въ 1650 г. въ черниговскомъ полку было 6 сотенъ, что отчасти совпадаетъ съ показаніями нашихъ источниковъ. Но по словамъ Костомарова, въ то время къ этому полку относились Сосница, Борзна, Конотопъ съ ихъ округами, которые въ 1654 г. входятъ уже въ составъ нѣжинскаго полка. Невѣроятно, чтобы при такомъ составѣ полкъ заключалъ въ себѣ только 6 сотенъ.

Нѣжинскій полкъ описанъ въ нашихъ источникахъ съ особенною подробностію. По переписи онъ заключалъ въ себѣ слѣдующіе города: Нѣжинъ, Борзну, Батуринъ, Конотопъ, Глуховъ, Кролевецъ, Бахмачъ, Березную, Мѣну, Сосницу, Погаръ, Стародубъ, Почабъ (sic), Млынъ городъ, Носовку, Кобыщу, всего 16 городовъ. Но здѣсь упущены слѣдующіе города и мѣстечка (указанные въ переписныхъ книгахъ): Дѣвица Володкова, Иванъ-городокъ, Олшевка, Дѣвица Салтыкова, Сиволочъ (древній Всеволожъ), Олиновка, с. Волынь, с. Поныри, м. Рожествено, Новгородъ-Сѣверскъ, с. Синявское, с. Киселевское м. Татульское (Топольское?), м. Поногорское (Попогорское?), сотня села Бобовскаго, м. Дроковское, с. Шеповаловка, с. Подлипное, м. Новые-

Млины. Во всѣхъ послѣднихъ указаны сотники, и сверхъ того городокъ Козари и с. Колчанка (Колчинъ) безъ сотниковъ. Всего 35 мѣстъ сотеннаго управленія. Въ 1650 г. было 9 сотенъ и въ томъ числѣ три въ самомъ г. Нѣжинѣ. Къ югу отъ границъ нѣжинскаго полка идетъ страна, остававшаяся пустынею со временъ XIII в. и едва начавшая колонизоваться съ конца XVII в., т. е. за 50—60 лѣтъ до Хмельничины. Это—глубокое гнѣздо козачины; польскіе писатели любятъ рисовать его, какъ царство дикарей, среди которыхъ съ трудомъ могъ водворять насильственный порядокъ грозный бичъ князей Вишневецкихъ. Посмотримъ, въ какомъ положеніи очутилась она, когда этотъ бичъ выпалъ изъ рукъ знаменитаго Еремы и край попалъ въ безраздѣльную власть мнимо-дикихъ колонизаторовъ его—козаковъ.

Переяславскій полкъ заключалъ въ себѣ города: Переяславль, Гелмязовъ, Яготинъ, Быковъ, Березань, Басань, Барышовку, Борышполе, Воронковъ, Гоголевъ, Крукъ-поле, всего 11. Въ переписныхъ книгахъ этого полка нѣтъ. Въ 1650 году въ немъ было 18 сотенъ, въ томъ числѣ Остеръ, который по нашимъ источникамъ относится уже къ кіевскому полку.

Прилуцкій полкъ по переписнымъ книгамъ заключалъ въ себѣ города, Прилуки, Монастырище, Галицу (?), Ичню, Переволочну, Варву, Сребряное, Красный, Голянцы, Корибутово. Каждый изъ исчисленныхъ городовъ былъ мѣстомъ сотеннаго управленія. Въ 1650 г. въ полку было 19 сотенъ.

Миргородскій полкъ по росписи состоялъ изъ городовъ: Миргородъ, Лубны, Лохвица, Сенча, Комышная, Краснополе, Жигимонтовъ, Хороль, Глинской, Ромовъ, Смѣлое, Константиновъ; всего изъ 12 городовъ. Переписныя книги относятъ два послѣднія поселенія къ мѣстечкамъ (однако съ сотеннымъ управленіемъ); но сверхъ того—именуютъ мѣстечки Грески и Писки тоже съ сотеннымъ управленіемъ и два мѣстечка—Барановку и Хомутецъ безъ сотниковъ. Итого всѣхъ мѣстъ сотеннаго управленія—14. Въ 1650 г. показывается въ немъ 16 сотенъ.

Кропивенскій полкъ заключалъ въ себѣ 9 городовъ: Кропивну, Ирклѣй, Пирятинъ, Чернухи, Яблоновъ, Оржицу, Журавку, Куринку, Городище. Въ 1650 г. считалось въ немъ 11 сотенъ.

Полтавскій полкъ по переписи заключалъ въ себѣ города: Полтаву, Гадячее, Веприкъ, Зѣнковъ, Ряшавку, Лютенку, Борки, Боганку, Балаклыйку, Опушленское, Черкасскую, Куземинъ, Санжаровъ Старый, Кобылякъ, Лукомль; всего 15 городовъ и сверхъ того 6 слободъ: Бѣлоцерковцы, Бурки, Решетиловку, Котелву Заворскаго, Бѣлско, Санжаровъ Новый. По переписнымъ книгамъ узнаемъ, что сверхъ того въ полку были мѣстечко Ковалевка и „мѣсто" Подольскъ, первое безъ сотника, второе съ сотникомъ. Изъ прочихъ поименованныхъ поселеній сотниковъ не показано въ слободкѣ Бѣлоцерковцахъ, въ сл. Буркахъ, сл. Решетиловкѣ, г. Кобылякахъ, гор. Стар. Санжарахъ, сл. Новыхъ Санжарахъ, мѣстѣ Буркахъ, мѣстечкѣ Ковалевкѣ. Всего сотниковъ 15 человѣкъ. Сверхъ того въ г. Гадячѣ, кромѣ лицъ сотеннаго управленія, показаны судья и обозный (въ Полтавѣ не показаны эти чины полковаго управленія; потому слѣдуетъ думать, что полковое управленіе полтавскаго полка помѣщалось въ Гадячѣ). Въ 1650 г. въ полку считалось 17 сотенъ.

Таковъ внѣшній—географическій составъ новоприсоединяемой Малой Россіи. Здѣсь прежде всего поражаетъ огромное количество городскихъ поселеній. Для точности выводовъ о благоустройствѣ страны мы должны помнить, что городомъ называется не только укрѣпленіе, но укрѣпленное поселеніе, которое сверхъ укрѣпленія, заключаетъ въ себѣ жилища военныхъ и торговыхъ людей. Большею частію такія укрѣпленія располагаются на мѣстахъ древнѣйшихъ (удѣльно-вѣчевыхъ) городовъ; напр. „гор. Березовая (нѣжин. полка) стоитъ на старомъ „городищѣ". Въ с. Киселевскомъ „поставленъ острожекъ на старосвицкомъ городищѣ". Въ Глуховѣ „на старосвицкомъ городищѣ два вала земленыхъ" и т. д.

Величина площади, занимаемой собственно укрѣпленіями, весьма незначительна, даже въ самыхъ большихъ городахъ, напр. въ Кіевѣ и Нѣжинѣ; пригородокъ, сдѣланный въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ городовъ въ 1672 г. имѣлъ 37 саженъ въ окружности. Отношенія укрѣпленія къ поселенію весьма разнообразны; простѣйшая форма—это пустой острогъ (цитадель) и вокругъ его открытыя слободы. Напр. „въ гор. Березовой (Березнѣ) жилыхъ

дворовъ въ томъ острогѣ нѣтъ". Въ гор. Сиволочи „жилыхъ дворовъ въ томъ острогѣ нѣтъ". Въ гор. Борзнѣ „жилыхъ дворовъ въ томъ середнемъ городѣ нѣтъ". Въ г. Конотопѣ „въ томъ земленомъ городѣ и въ панскомъ дворѣ жилыхъ дворовъ нѣтъ, толко стоятъ въ томъ дворѣ панскіе хоромы". Внутри острога помѣщались въ такомъ случаѣ (но не всегда) церковь и склады оружія. Иногда укрѣпленный цвинтарь церкви и составлялъ укрѣпленіе; напр. въ с. Лохнинскомъ (Локнистомъ) „около церкви погостъ огороженъ въ заборъ бревеньемъ вмѣсто острога"; въ с. Стольномъ „погостъ огороженъ заборомъ дубовымъ бревеньемъ".

Вторая форма, кромѣ острога, заключала въ себѣ укрѣпленіе, обнимавшее посадъ—„мѣсто". Наконецъ, послѣдняя (довольно рѣдкая) форма—это та, когда не только посадъ, но и слободы окружены валомъ. Всѣ города, перечисляемые переписными книгами на лѣвой сторонѣ Днѣпра, пріурочиваются къ самымъ населеннымъ пунктамъ (за исключеніемъ немногихъ, временно запустѣвшихъ отъ войны, что будетъ указано ниже), или иначе: самыя значительныя поселенія (козаковъ и мѣщанъ) снабжены укрѣпленіями. Укрѣпленій, стоящихъ въ ненаселенномъ мѣстѣ, охраняемыхъ лишь стражею (гарнизономъ), здѣсь нѣтъ,—въ украинныхъ юго-западныхъ полкахъ такія укрѣпленія, вѣроятно, были; они то и носятъ названіе остроговъ или острожковъ. По крайней мѣрѣ въ переписныхъ книгахъ тѣхъ полковъ эти названія стоятъ рядомъ съ названіями городъ и мѣстечко и именно въ отличіе отъ нихъ.

Назначеніе всѣхъ этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ не ограничивается защитою лишь того населенія, гдѣ они находятся. Въ опасное военное время въ нихъ стекается все населеніе окрестныхъ открытыхъ селъ и мѣстечекъ. Еще въ 1669 г. гетманъ Многогрѣшный, извѣщая стародубскій полкъ о нашествіи татаръ, писалъ: „чтобы вы, безопасно не имѣючи по селамъ житія, городовъ держались...; старшина вышеписанная, чтобъ не лготя всенародію, въ крѣпости ихъ держали" (А. ю. и з. Р. IX, № 32).

Само собою разумѣется, что для этого необходимо, чтобы укрѣпленныя мѣста были отвсюду близки. Вотъ причина, почему число укрѣпленныхъ мѣстъ чрезвычайно велико. Извѣстно, что

въ старыя времена вездѣ, въ отличіе отъ нынѣшнихъ крѣпостей, защищающихъ государство на его границахъ, укрѣпленія защищали внутри государства по возможности каждое поселеніе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ доисторическое время въ земляхъ славянъ насчитываются тысячи городовъ.

Въ нашихъ источникахъ (изъ которыхъ, однако трудно, сдѣлать точные выводы по неполнотѣ ихъ) указывается слѣд. общее число городовъ въ 15 полкахъ (о двухъ вовсе не имѣемъ свѣдѣній):

въ брацлавскомъ. . . .	20	
„ бѣлоцерковскомъ. . .	17	
„ черкасскомъ	5	
„ корсунскомъ. . . .	17	
„ кіевскомъ.	22	
„ каневскомъ	7	
„ уманскомъ.	14	
„ винницкомъ	10	
„ переяславскомъ . . .	11	
„ нѣжинскомъ	16	(а по переписнымъ книгамъ 35).
„ миргородскомъ . . .	12	(а по переписнымъ книгамъ 14).
„ черниговскомъ . . .	5	
„ кропивенскомъ . . .	9	
„ полтавскомъ	15	
„ прилуцкомъ	10	
Всего. . . .	191	городовъ.

Итакъ, на неполномъ пространствѣ нынѣшнихъ четырехъ губерній (кіевской, подольской, черниговской и полтавской), гдѣ нынѣ находится около 50 городовъ, въ то время насчитывалось 190. На пространствѣ одной нынѣшней полтавской губ. находилось тогда до 60 городовъ.

Однако, эти числа далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительно бывшимъ. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія объ одномъ нѣжинскомъ полку, и въ немъ разница росписи съ переписными книгами доходитъ до того, что въ первыхъ показано 16 городовъ, а во вторыхъ 35, т. е. болѣе чѣмъ вдвое.

Но если бы мы, руководясь этимъ единичнымъ примѣромъ, увеличили представленный итогъ вдвое, то и тогда это не выра-

жало бы дѣйствительнаго числа укрѣпленныхъ мѣстъ, потому что большая часть поселеній, отнесенныхъ къ разряду мѣстечекъ и селъ, также снабжены укрѣпленіями (хотя и весьма первобытными). Для уясненія этого послѣдняго обстоятельства воспользуемся детальными цифрами нѣжинскаго полка (единственными находящимися въ нашихъ рукахъ).

Въ этомъ полку было слѣдующее отношеніе поселеній по сотнямъ.

	Городъ.	Мѣстечка и села. укрѣпл.	неукрѣпл.	Всего.
1. Дѣвицы Салтыковой . . .	1	—	3	4
2. Березенской.	1	3	2	6
3. Ивангородской.	1	—	5	6
4. Сиволочской	1	1	1	3
5. Нѣжинской	1	2	2	5
6. Борзенской	1	—	6	7
7. Новомѣсской (не обознач.)				
8. Кустовской (не обознач.)				
9. Шеповаловской.	—	—	6	6
10. Бахмачской.	1	—	3	4
11. Конотопской.	1	—	3	4
12. Подлипинской	—	—	1	1
13. Батуринской.	1	—	3	4
14. Новомлинской	—	—	4	4
15. Сосницкой	1	—	3	4
16. Мѣнской.	1	—	4	5
17. Сѣнявской	—	—	1	1
18. Киселевской.	—	1	—	1
19. Волынской	—	—	3	3
20. Понырской	—	—	9	9
21. Рожественской.	1	—	5	6
22. Кролевецкой	1	—	4	5
23. Глуховской	1	—	8	9
24. Новгородъ-Сѣверской . .	1	—	4	5
25. Шептаковской	—	—	1	1
26. Стародубской	1	1	3	5
27. Почепской	1	—	10	11

	Городъ.	Мѣстечка и села укрѣпл.	нѣукрѣпл.	Всего
28. Топольской	—	—	2	2
29. Попогорской.	—	—	1	1
30. Бобовской.	—	—	1	1
31. Дроковской	—	1	—	1
32. Мглинской[1])	—	1	—	1
Итого	17	10	98	124

Так. обр., почти на три открытыхъ поселенія приходится одно укрѣпленное. Въ другихъ полкахъ это отношеніе еще болѣе измѣняется въ пользу укрѣпленныхъ мѣстъ; такъ мы видѣли, что въ брацлавскомъ полку исчисляются 20 гор., 35 мѣстечекъ, да 10 селъ. Изъ мѣстечекъ б. ч. должны быть признаны тоже укрѣпленными пунктами. Здѣсь нерѣдко весь „уѣздъ“ города ограничивается самымъ городомъ, или въ его округѣ есть нѣсколько мѣстечекъ и ни одного села; напр. „гор. Мясковка, того жъ города мѣстечко Горятчковское, мѣстечко Волшенка“ и только. Или такъ: „гор. Тимоновка: мѣстечко Жабокричъ, село Марковки“. Въ винницкомъ полку, какъ показано выше, на 10 городовъ и 8 мѣстечекъ приходится 33 села и 3 деревни. Но и эти цифры не вполнѣ выражаютъ дѣло. Изъ переписныхъ книгъ очевидно, что переписчики далеко не были сами во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ; они собирали народъ для присяги изъ окрестныхъ селъ въ городъ и о селахъ сообщали свѣдѣнія очевидно по словамъ самихъ жителей, отмѣчая обыкновенно только въ нихъ церкви и имена служащихъ поповъ.

Къ городскимъ поселеніямъ не въ смыслѣ укрѣпленій должны быть также отнесены такія, которыя носятъ названія *мѣсто*, *мѣстечко*. Два эти названія различаются въ источникахъ; такъ напр., въ полтавскомъ полку указано *мѣсто* Подольскъ, *мѣсто* Бурки, *мѣсто* Куземинъ, *мѣсто* Котельва и рядомъ *мѣстечко* Ковалевка и др. Слѣдуетъ замѣтить, что это различіе отмѣчается только въ полтавскомъ полку. Какое основаніе для него—источники не рѣшаютъ; прежде подъ именемъ мѣста ра-

[1]) Объ остальныхъ сотняхъ свѣдѣній нѣтъ, а именно: Дѣвицы Володковой, Кобышевки (городъ), Козарей (городъ), Носовки (городъ), Олшевки (мѣст).

зумѣлось такое открытое поселеніе, которое, состоя изъ жителей свободнаго состоянія, пользовалось полными правами самоуправленія (магдебургскаго права); подъ именемъ же мѣстечка разумѣлось такое же поселеніе свободныхъ жителей, которое однако пользовалось неполными правами самоуправленія. Теперь же, можетъ быть, этими двумя названіями различалась лишь относительная величина поселеній. Во всякомъ случаѣ для мѣстъ и мѣстечекъ (безразлично) черта, отличавшая ихъ отъ селъ и деревень на основаніи польскаго и литовскаго права, т. е. самоуправленіе и полное или неполное освобожденіе отъ частной власти, во времена Хмельницкаго, разумѣется, перестала быть отличительною, такъ какъ свобода распространена и на села и на деревни.

Разрядъ поселеній съ названіями *слобода* и *слободка* сохраненъ изъ прежнихъ отношеній, когда новозаселяемое мѣсто получало отъ владѣльцевъ временную льготу. Отношеніе всѣхъ означенныхъ разрядовъ къ административному дѣленію довольно произвольно: полковое управленіе находится всегда въ городѣ, но сотенное управленіе можетъ находиться въ городѣ, мѣстечкѣ и селѣ.

Изъ большаго числа поселеній укрѣпленныхъ и неукрѣпленныхъ и ихъ состоянія мы уже въ правѣ сдѣлать нѣкоторые выводы; а именно: Украина не только не имѣетъ такого образа запустѣнія, какой представляетъ Волынь, но несомнѣнно становится болѣе населенною и благоустроенною, чѣмъ при польскомъ правительствѣ, несмотря на несмолкавшіе удары войны; несомнѣнно, что въ числѣ многочисленныхъ городовъ, особенно въ Полтавщинѣ, есть такіе, которые возникаютъ въ первый разъ въ эту эпоху. Внѣшніе элементы цивилизованной жизни, какъ то укрѣпленія, церкви, богадѣльни, даже панскіе дворы (замки) не только не разоряются, но нѣкоторые изъ нихъ получаютъ новое лучшее назначеніе (такъ панскіе дворы превращаются въ добавочныя укрѣпленія для защиты страны). Здѣсь не слышно ни о голодѣ, ни объ эпидеміи. Земля обрабатывается, промыслы не прекращены.

Эти выводы подкрѣпляются данными о населенности Украины въ 1654 году.

Числю населенія можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно. Хотя приводившіе къ присягѣ Малороссію исчисляли

и даже именовали всѣхъ присягавшихъ, а присягать приглашали всѣхъ взрослыхъ лицъ муж. пола, но далеко не всѣ дѣйствительно присягали. Многіе были въ отлучкѣ въ походѣ, многіе не явились къ присягѣ (изъ селъ и мѣстечекъ въ города) по разнымъ личнымъ причинамъ. Наконецъ, о двухъ полкахъ чигиринскомъ и черкасскомъ мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній.

Однако цифры, которыя мы сейчасъ приведемъ, тѣмъ не менѣе драгоцѣнны; на основаніи ихъ можно весьма близко подойти къ дѣйствительнымъ общимъ цифрамъ населенія.

Общее число приведенныхъ къ присягѣ во всѣхъ 17 полкахъ въ переписныхъ книгахъ показано *127,338* ч. (такая сумма выставлена въ началѣ акта; въ концѣ приведена другая съ нѣсколько иными низшими цифрами; но кажется, эта послѣдняя составляетъ итогъ лицъ, приведенныхъ къ присягѣ чиновниками, командированными въ сотни, за исключеніемъ тѣхъ, которые приведены къ присягѣ непосредственно самими послами Бутурлинымъ съ товарищами въ городахъ Переяславлѣ, Кіевѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ).

Въ частности по полкамъ:

Въ	каневскомъ полку	2577
„	корсунскомъ	6141
„	нѣжинскомъ	20566
„	полтавскомъ	5605 [1])
„	бѣлоцерковскомъ (со включеніемъ чигиринскихъ козаковъ, случившихся въ то время здѣсь) . .	6668
„	миргородскомъ	4798

Объ остальныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Принявъ во вниманіе отношеніе присягавшихъ къ неприсягавшимъ въ полтавскомъ полку (1 : $2^1/_2$), можно бы сдѣлать выводъ, что вообще къ присягѣ было приведено менѣе половины всѣхъ подлежавшихъ ей, т. е. взрослыхъ мужчинъ. Но быть можетъ, какія-либо особыя обстоятельства увеличили въ полтавскомъ полку цифру неприсягавшихъ, а потому, откидывая часть на

[1]) Да сверхъ того оставшихся неприведенными 7639; слѣд. всѣхъ 13,244 ч.

эту предполагаемую особенность, можемъ принять, что вообще для цѣлой Малороссіи приведенная цифра 127,338 ч. должна быть увеличена вдвое, именно до 250,000 чел. взрослыхъ мужчинъ. — Въ 1654 г. Б. Хмельницкій увѣрялъ въ Переяславѣ Бутурлина, что у него подъ Зборовымъ запорожскаго войска было 360,000 (А. ю и з. Р. IX, стр. 243). Это сходно съ тѣмъ, что говоритъ Костомаровъ („Богд. Хм.“, ч. II, гл. 1): „число вступившихъ въ непосредственное вѣдомство козацкаго начальства было довольно значительно и доходило до 300 т.“

А такъ какъ численность взрослыхъ мужчинъ къ общему числу народонаселенія должна относиться какъ 1: 4, то все народонаселеніе Малороссіи муж. и жен. пола можетъ быть принято въ количествѣ ок. 1 мил.

Изъ представленныхъ цифръ видно, что это число весьма неравномѣрно распредѣлялось по полкамъ, при чемъ изъ всѣхъ прочихъ особенно выдается величиною цифры (какъ и пространствомъ) полкъ нѣжинскій, а каневскій, напротивъ, незначительностію ея. Отбросивъ эти крайности, для остальныхъ 4-хъ полковъ получимъ среднюю цифру 5753 чел. присягавшаго населенія.

Эти цифры распредѣляются по сотнямъ еще неравномѣрнѣе; такъ въ бѣлоцерковскомъ полку:

въ	бѣлоцерковской сотнѣ	1149
„	ставищанской.	677
„	насташковской	273
„	синявской	527
„	лесевичской.	426
„	ковшеватской	483
„	боярской.	354
„	каменно-бродской	547
„	олховецкой.	316
„	шавулихской	196
„	черно-каменецкой	399
„	рокитенской	359
„	ольшанской	292
„	германовской	199
„	фастовской.	160

въ бышевской 65
„ трилѣсской 139

Любопытно распредѣленіе числа жителей по населеннымъ мѣстамъ. Интересно видѣть, каковы были по численности населенія тогдашніе города, мѣстечки и села.—Свѣдѣнія объ этомъ мы имѣемъ далеко не обо всѣхъ тогдашнихъ населенныхъ мѣстахъ Малороссіи; ограничимся примѣрными:

Приведено къ присягѣ:

въ Кіевѣ 1460
„ Нѣжинѣ 1944
„ Черниговѣ. 1105
„ Переяславлѣ 284

Такимъ обр., при нашемъ способѣ исчисленія, тогда должны имѣть:

Кіевъ 7800
Нѣжинъ 11,600
Черниговъ 6600
Переяславль 1700

Но эти цифры, быть можетъ, подлежатъ сокращенію: въ названные города, при приводѣ ихъ къ присягѣ Бутурлинымъ, стекалось не мало народу изъ окрестныхъ мѣстъ.—Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что самымъ значительнымъ городомъ Малороссіи по населенію былъ тогда Нѣжинъ.

О населенности прочихъ городовъ мы имѣемъ данныя только относительно нѣжинскаго полка. Отмѣтимъ болѣе значительные (цифры относятся къ однимъ присягавшимъ):

въ Иванъ-Городѣ. 262
„ Сиволочи 291
„ Борзнѣ 178
„ Бахмачѣ. 868
„ Конотопѣ 565
„ Батуринѣ 680
„ Сосницѣ. 558
„ Мѣнѣ 859
„ Кролевцѣ 267

„ Глуховѣ 382
„ Новгородѣ-Сѣвер. 470
„ Стародубѣ 460
„ Мглинѣ 339

Так. обр., самые населенные города нѣжин. полка были Бахмачъ, Мѣна, Батуринъ. Глуховъ, будущая столица Малороссіи, не могъ заключать въ себѣ болѣе 2300 жит. об. пола.

Судя по этимъ цифрамъ городскаго населенія, можно бы подумать, что населенность мѣстечекъ и селъ гораздо ниже; но оказывается не такъ:

въ с. Колчинѣ 174
„ Стольномъ . . . . . 130 (мѣщанъ)
„ Мищенкахъ 342
„ Синявкѣ 483
„ Киселевкѣ 253

Изъ переписи видно, что лишь нѣкоторыя (немногія) поселенія запустѣли отъ разгромовъ, произведенныхъ преимущественно польскими войсками. Пострадала Брацлавщина; именно, въ брацлавскомъ полку указано одно пустое поссленіе, въ винницкомъ поименовано 6 запустѣвшихъ городовъ, въ томъ числѣ Прилуки и Липовецъ. Запустѣніе также коснулось значительно черниговскаго полка, именно сѣверной его окраины: Любечъ и Лоевъ въ переписныхъ книгахъ именуются „пустыми“. Достойно замѣчанія, что это запустѣніе поразило окраины Малороссіи, примыкавшія или къ странамъ, оставшимся за Польшею, или къ Литовскому в. княжеству; населеніе тѣснится къ югу.

За указанными исключеніями страна представляется для того времени очень густо заселенною. Не забудемъ, что наши цифры относятся къ 1654 году; между тѣмъ въ слѣдующіе затѣмъ года (1654—1657) причины, выталкивавшія населеніе съ Волыни на Украину, продолжали дѣйствовать, а на самой Украинѣ водворилась относительная безопасность; слѣдовательно, населеніе здѣсь должно было еще увеличиться.

Но для насъ еще важнѣе убѣдиться, что это населеніе среди самаго разгара страшной борьбы отнюдь не все предано военному ремеслу, не живетъ исключительно надеждами воен-

ной добычи и грабежа. Переписи 1654 года показываютъ, что, за уничтоженіемъ прежнихъ сословныхъ различій, вся масса жителей дѣлится на два класса: козаковъ и мѣщанъ, со включеніемъ въ этотъ послѣдній разрядъ крестьянъ. Правда, рѣзкаго различія между этими двумя классами предположить нельзя: и мѣщане въ случаѣ надобности превращали рала въ мечи, и козакъ ходилъ за плугомъ и занимался ремесломъ и торговлею, особенно же рыболовствомъ и пчеловодствомъ.

Но въ обычномъ теченіи вещей различіе между ними было очевидное и твердое; иначе въ переписи не вносились бы опредѣленныя цифры того и другаго класса по каждой сотнѣ и поселенію. Оба эти класса распредѣляются довольно правильно, составляя около половины населенія каждой сотни и полка[1]). Оба эти класса не пріурочиваются къ двумъ разрядамъ поселеній; тѣ и другіе живутъ одинаково въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ. Достойно также замѣчанія, что численное равновѣсіе нарушается въ пользу преобладанія козаковъ не въ южныхъ полкахъ (этомъ исконномъ гнѣздѣ козачины), а въ полкахъ сѣверной Черниговщины, гдѣ прежде козачины вовсе не было. Наоборотъ, до Хмельницкаго въ черкасскомъ старостве (по люстраціи 1622 г.) существовала такая пропорція между мѣщанами и козаками: „въ городѣ Черкасахъ мѣщанъ послушныхъ 120...; домовъ козацкихъ непослушныхъ въ городѣ и по хуторамъ болѣе 1000. Мѣст. Арклій (Ирклѣевъ)—въ немъ домовъ послушныхъ 50, а непослушныхъ козацкихъ болѣе 400. Мѣст. Голтва—въ немъ домовъ послушныхъ 20, а козацкихъ непослушныхъ болѣе 200“. Въ Богушковой слободѣ первыхъ 3 дома,—вторыхъ 40. Какъ объяснить такое неожиданное уменьшеніе пропорціи военнаго населенія въ отношеніи къ населенію, преданному мирнымъ занятіямъ, среди обстоятельствъ, которыя во всякомъ случаѣ вызывали необходимость увеличенія военныхъ силъ, усиленія военной профессіи, а не наоборотъ? Очевидно, что прежде украинскіе колонисты не желали попасть въ сословіе мѣщанъ, т. е. подъ гнетъ старостинскаго управленія; съ освобожденіемъ

[1]) Не приводимъ детальныхъ цифръ, боясь утомить читателя.

же Украйны такая причина пала сама собою и так. обр. открылось свободное поприще для дѣйствія прямыхъ инстинктовъ народной массы, тянувшей къ мирнымъ гражданскимъ занятіямъ. Здѣсь на Украинѣ находимъ провѣрку тѣхъ заявленій, которыя встрѣчали на Волыни: измученное тамъ населеніе бѣжитъ сюда *на заработки*, а не для легкой добычи удалаго разбойника.

Народъ, населяющій всѣ полки, принадлежитъ почти исключительно одной національности. Ни одного поляка, ни одного еврея нѣтъ въ цѣлой огромной странѣ. Если между фамиліями шляхты (въ правобережныхъ полкахъ) встрѣчаются польскія и литовскія (Яблонскій, Шимановскій, Кочкилда и др.), то эта иноземная черта ихъ и состоитъ только въ звукахъ фамильныхъ именъ и ни въ чемъ больше.

Часто предполагаютъ въ составѣ южно-русской козачины смѣсь всякихъ восточныхъ и западныхъ этнографическихъ элементовъ (благодаря отождествленію Запорожья съ Малороссіею и благодаря предположенію о ненаціональности запорожскаго братства). Но изъ опубликованныхъ поименныхъ списковъ (къ сожалѣнію, напечатаны имена только одной бѣлоцерковской сотни) можно убѣдиться, что элементы этой національности почти совершенно чистые, однородные. Изъ 1149 именъ этого списка можно подыскать лишь десятокъ сомнительнаго иноземнаго происхожденія, напр. Савка Турченинъ, Яцко Добышъ, Петръ Гречукъ, Янко Волошинъ, Левко Леховенко, Сенко и Гришко Ляховцы, Васко Волошинъ, Андрюшка Джеджула, Митка Волошенъ, Алешка Турчинъ. Быть можетъ, большая часть такихъ иноземныхъ названій означаютъ только прозвища, не указывая на этнографическое происхожденіе лицъ, которымъ онѣ приписаны. Но мы нарочно выписываемъ ихъ всѣ, чтобы показать, что только 10 такихъ прозваній приходятся на 1149 всѣхъ именъ цѣлой сотни. Полагаемъ, что если бы были опубликованы именные списки всѣхъ прочихъ сотенъ всѣхъ полковъ, то процентъ иноземной примѣси остался бы такимъ же. Между именами мѣщанъ встрѣчаются рѣже прозвища, указывающія на иноземное происхожденіе, чѣмъ между именами козаковъ. Изъ списка именъ бѣлоцерковской сотни видно, что значительный процентъ прихо-

дится на долю москалей; а именно, мы здѣсь находимъ имена Яковъ Москаль, Ивашко Москаль, Савка и Иванъ Москаленко, Костка Москаль, Ивашко Москаль, Гришка Москаль, Москаль Думаненко, Васка Москаль, Володка Москаль. Какъ объяснить такое неожиданное присутствіе жителей московскаго государства въ такомъ относительно далекомъ полку, какъ бѣлоцерковскій? Принадлежали ли эти москали (или ихъ предки) къ числу плѣнныхъ, вывезенныхъ въ смутное время, испомѣщенныхъ въ качествѣ крестьянъ и потомъ попавшихъ въ козаки? Или это добровольные эмигранты изъ Москвы? Во всякомъ случаѣ фактъ остается весьма характернымъ для исторіи сближенія двухъ русскихъ племенъ въ эпоху Богдана Хмѣльницкаго.

Для населенія Малороссіи, въ смыслѣ національности, постоянно употребляется какъ въ польскихъ, такъ и въ русскихъ актахъ терминъ „Русь“. Тотъ народъ, который колонизовалъ извѣчныя пустыни, разширилъ тѣмъ предѣлы не Польши, а Руси. Ни одинъ изъ польскихъ писателей, приписывающихъ колонизацію украинныхъ степей Польшѣ, не будетъ утверждать, чтобы Украйна когда-либо именовалась Польшею. Сознаніе національности русской никогда не угасало среди украинскаго населенія, но съ особенною ясностью оно проявилось и выражено въ лицѣ лучшихъ представителей его именно въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Для выраженія отличія собственно южно-русскаго населенія (въ отношеніи къ московскому) постояннаго термина еще не подыскано. Въ московскомъ оффиціальномъ языкѣ усвоенъ терминъ—*черкасы* (см. рѣшеніе Земскаго Собора 1 окт. въ А. ю и з. Р. IX № 2), кромѣ термина „Войско Запорожское“. Тогда же входитъ въ общее употребленіе и терминъ „Малая Россія“. Такъ протопопъ въ рѣчи послу Бутурлину передъ въѣздомъ его въ Переяславль (А. ю и з. Р. IX № 4, стр. 206) говорилъ: „Господь Богъ пришествіемъ вашимъ усердное желаніе исполнилъ православія нашего, еже совокупитися во едино Малой и Великой Россіи подъ единою великодержавнаго благочестиваго царя восточнаго крѣпкою рукою“. Этотъ же терминъ употребилъ и Богданъ Хмельницкій въ своей рѣчи къ Переяс-

лавской радѣ: „А православный христ. великій государь царь восточный есть съ нами единаго благочестія греческаго закона, единого исповѣданія, едино есмы тѣло церкви православіемъ Великія Россіи.... Той великій государь христіанскій, зжалившися надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православныя церкви въ нашей Малой Россіи"... и т. д. Тотъ же терминъ употребляетъ и митрополитъ Сильвестръ Коссовъ въ грамотѣ царю 1654 г. 3 марта (А. ю и з. Р. IX, № 6, VIII и IX). Самъ митрополитъ титулуется „Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Малыя Россіи". Наконецъ тотъ же терминъ вошелъ въ титулъ московскихъ государей. Но эти термины образовались въ сношеніяхъ съ московскимъ государствомъ; въ отношеніи же къ Польшѣ Малороссія титулуетъ себя просто „Россіею"; такъ напр. сказано въ просительныхъ пунктахъ Богдана Хмельницкаго на счетъ правъ тѣхъ изъ шляхтичей, которые не ушли въ Польшу, а остались дома: „въ Россіи обрѣтаются".

Въ сношеніяхъ по поводу присоединенія къ Москвѣ указывается какъ на единовѣріе, такъ, хотя и рѣже, на единоплеменность. Сообразно съ этимъ старыя историческія воспоминанія изъ древняго времени, когда вся Русь управлялась однимъ родомъ Рюриковичей, оживаютъ вновь. Дѣятели эпохи Хмельницкаго связываютъ свою историческую роль съ общею исторіею цѣлаго русскаго народа.

Намеки на это историческоее основаніе національнаго единства исходятъ какъ отъ московскихъ чиновъ, такъ и отъ малороссійскихъ. Напр., въ жалованной грамотѣ Вас. Вас. Бутурлину этому боярину ставится въ заслугу то, что онъ „великія княжества Кіевское и Черниговское и всю Малую Русь подъ нашу государственную высокую руку приялъ" (А. ю. и з. Р. IX, № 4, X). Предъ Переяславскою радою 1654 г. гетманъ и писарь Иванъ Выговскій говорили: „милость де Божія надъ нами, якоже древне при великомъ князѣ Владимірѣ, такъ же и нынѣ, сродникъ ихъ вел. гос. и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ... призрилъ на свою государеву отчину Кіевъ и на всю Малую Русь милостью своею"... (ibid. стр. 216). Изъ малороссійскихъ чиновъ вспомнилъ эти историческія традиціи и митрополитъ

Сильвестръ Коссовъ (который, однако, далеко не былъ жаркимъ приверженцемъ присоединенія къ Москвѣ) въ рѣчи къ посламъ въ Кіевѣ: „внегда приходите отъ благочестиваго... царя..., желаніе имуще еже посѣтити благочестивое древнихъ великихъ князей русскихъ наслѣдіе..., внидите... яко да вашимъ пришествіемъ обновится яко орлу юность наслѣдіе благочестивыхъ великихъ князей русскихъ“ (ibid. стр. 252). Нерѣдко въ малороссійскихъ актахъ для обозначенія всей совокупности жителей къ словамъ „всему войску запорожскому“ прибавлялось: и „всему міру христіанскому“. Такимъ образомъ, опять прибѣгаютъ къ той формулѣ, которою въ древнее время (послѣ Владиміра св.) старались отличить русскую національность отъ невѣрныхъ и иновѣрныхъ (см. А. ю. и з. Р. IX, № 17). Такъ невольно въ умахъ тогдашнихъ дѣятелей, событія XVII в. связываются съ событіями X-го вѣка. Дѣло Богдана Хмельницкаго является продолженіемъ болѣе великихъ дѣлъ стараго Владиміра“. Христіанство въ первый разъ связало разрозненныя племена восточной Европы въ одинъ національный союзъ. Много вѣковъ спустя, дѣлу Владиміра, угрожалъ большой ущербъ: связь цѣлой половины Руси съ католическою Польшею готовилась порвать національный союзъ, установленный при Владимірѣ. Подвигомъ Богдана эта опасность устранена, что̀ одинаково важно и для Великой и для Малой Россіи.

Заключаемъ: ужасы борьбы, поднятой Богданомъ, привели къ торжеству цивилизаціи—заселенію пустынь и водворенію въ нихъ гражданскаго порядка, и еще важнѣе—къ подъему русскаго національнаго сознанія до высоты, свойственной великой исторической націи.

М. Владимірскій-Будановъ.

Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и въ мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра.

Среди многочисленныхъ предметовъ древности, найденныхъ въ чертѣ города Кіева и хранящихся въ университетскомъ музеѣ, мы относимъ къ эпохѣ великихъ князей кіевскихъ 3 группы предметовъ: 1) находки, время которыхъ можетъ быть точно опредѣлено по самому ихъ содержанію, т. е. такіе предметы, въ числѣ которыхъ встрѣтились монеты, дающія намъ право, хотя приблизительно, датировать находку; 2) предметы, найденные въ развалинахъ, фундаментахъ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ зданій, воздвигнутыхъ при великихъ князьяхъ кіевскихъ, около которыхъ сосредоточивалась жизнь и группировались духовные и гражданскіе интересы жителей древняго города; 3) наконецъ, предметы, которые по сличенію съ предыдущими принадлежатъ несомнѣнно къ одному съ ними времени, хотя не могутъ быть болѣе точно датированы и найдены были спорадически въ разныхъ частяхъ города, впрочемъ по большей части въ чертѣ Стараго Кіева.

Начнемъ нашъ перечень съ первой категоріи, т. е. съ предметовъ, время которыхъ можетъ быть довольно точно обозначено.

Древнѣйшій датированный памятникъ, найденный въ чертѣ города Кіева, это *оболонскій кладъ*. Въ 1876 году въ усадьбѣ Магурина на Оболони при закапываніи свай, рабочіе нашли кладъ на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, на границѣ культурнаго слоя почвы съ песчаною подпочвою, состоявшій изъ бронзовыхъ греко-

римскихъ монетъ числомъ, насколько можно судить по разсказамъ рабочихъ, болѣе 200; монеты эти были разобраны рабочими и лишь съ большимъ трудомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, удалось пріобрѣсти для мюнцъ-кабинета университета 57 экземпляровъ [1]). Монеты оболонскаго клада распадаются на 2 группы: первая, болѣе численная (45 экземпляровъ) состоитъ изъ колоніальныхъ римскихъ монетъ, чеканенныхъ для города Антіохіи въ Пизидіи въ III столѣтіи послѣ Рождества Христова, а именно: 4 монеты чеканены при императорѣ Гордіанѣ III (238—244), 3 при Филиппѣ Аравитянинѣ (244—249), 1 при Траянѣ Деціѣ (249—251), 35 при Волюзіанѣ (251—254) и 3 при Галліенѣ (253—568). Вторая группа, состоящая изъ 12 экземпляровъ, представляетъ римскія монеты IV столѣтія византійскаго чекана, а именно: 3 Константина Великаго (306—323), 8 Констанція II (323—361) и одна Прокопія (узурпатора при императорѣ Валенсѣ (365—366).

Всѣ эти монеты, найденныя въ общемъ кладѣ, составляли, вѣроятно, въ свое время имущество одного лица, зарывшаго ихъ въ землю; присутствіе этого клада на территоріи Кіева даетъ намъ возможность предполагать, что уже въ исходѣ IV столѣтія на устьи Почайны существовало торговое поселеніе, сношенія котораго были на столько развиты, что къ его жителямъ проникали монеты византійскія и малоазіатскія и скоплялись въ значительномъ количествѣ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ томъ же 1876 году въ усадьбѣ г. Марра по Кирилловской улицѣ, вблизи Іорданской церкви случайно открыта была языческая гробница; большинство вещей, найденныхъ въ ней, г. Марръ пожертвовалъ въ музей университетскій (№№ 2072—2087); въ числѣ этихъ предметовъ находится серебряный абассидскій диргемъ, къ которому впослѣдствіи придѣлано было ушко для того, чтобы онъ могъ служить привѣскою или дукачемъ; надпись на диргемѣ была прочитана казанскимъ оріента-

---

[1]) Монеты эти хранятся въ мюнцъ-кабинетѣ подъ №№ 10,548—10,565, 10,938—10,944, 11,523—11,544, 11,551 · 11,554, 11,830—11,835, 12,333 и 12,335.

листомъ І. Ѳ. Готвальдомъ—это монета халифа Абу-Джафара-аль Мансура, чеканенная въ Куфѣ въ 764 году. Благодаря присутствію этого диргема, мы можемъ всю могилу отнести къ концу VIII или къ IX столѣтію. Кромѣ этой монеты въ могилѣ найдены: большая фибула, служившая для застегиванія корзна; она состоитъ изъ двухъ серебряныхъ позолоченныхъ ажурныхъ овальной формы бляхъ, наложенныхъ другъ на друга и украшенныхъ весьма изящнымъ узоромъ; на вогнутой сторонѣ фибулы помѣщается мѣдная игла и такая же петля. Подобнаго рода фибулы употреблялись въ западной Европѣ и европейскіе археологи относятъ ихъ къ послѣднему періоду желѣзнаго вѣка (съ 700 года до половины XI ст.). Другой совершенно тождественный съ нашимъ экземпляръ этой фибулы найденъ былъ въ Упландіи въ Швеціи и изданъ Монтеліусомъ[1]). Кромѣ того въ могилѣ найдены 4 серебряныя и одна золотая серьги, состоящія изъ металлической проволоки, на которую надѣты по 1, 2 или 3 бусы изъ горнаго хрусталя, стекла или глинистыхъ композицій, затѣмъ 2 серебряные бляшки, вырѣзанныя въ формѣ крестиковъ съ расширенными концами и небольшой брусокъ изъ разноцвѣтнаго точильнаго камня съ просверленнымъ отверстіемъ для привѣшиванія.

Всѣ металлическіе предметы ясно свидѣтельствуютъ, что искусство спаивать металлы неизвѣстно было еще кіевлянамъ во время сооруженія могилы. Концы проволокъ въ серьгахъ или оставлены свободными, или скручены узлами; одна изъ крестообразныхъ бляшекъ сломана и исправлена такимъ образомъ, что на нее наложена полоска серебряной бляхи и прибита гвоздиками къ обоимъ обломкамъ сломаннаго предмета, точно такимъ же образомъ приложено ушко къ диргему. Эта подробность даетъ намъ весьма цѣнное руководство для опредѣленія времени происхожденія металлическихъ предметовъ, находимыхъ въ славянскихъ языческихъ гробницахъ: всѣ предметы, приготовленные безъ спаекъ, мы имѣемъ основаніе относить приблизительно ко времени до половины IX столѣтія.

---

[1]) Montelius. La Suède préhistorique, стр. 118 и его же Antiquités Suédoises, стр. 159, фиг. 556.

Въ 1862 году консерваторомъ музея древностей Я. Я. Волошинскимъ была разрыта такъ называемая *Батыева могила*, большой курганъ, возвышающійся на взгорьи, лежащемъ на правомъ берегу Лыбеди. Курганъ этотъ носитъ имя Батыева можетъ быть потому, что у него была ханская ставка во время осады Кіева Батыемъ, но самъ курганъ былъ насыпанъ въ гораздо болѣе древнее время и, какъ видно по найденнымъ въ немъ предметамъ, составлялъ погребальный памятникъ языческаго времени. Найденные въ немъ предметы поступили въ музей университета (№№ 1260—1272). Въ немъ найдена большая погребальная урна вышиною въ 8 вершковъ, формою похожая на кувшинъ—она до половины была наполнена жженными человѣческими костями, затѣмъ въ могилѣ найдены двѣ бусы—сердоликовая и костяная и 5 колечекъ,—одно серебряное и 4 бронзовыхъ—всѣ они не спаянные, подобно находкѣ въ усадьбѣ г. Марра.

Къ исторіи кіевской торговли въ X столѣтіи относятся два клада, хранящіеся въ мюнцъ-кабинетѣ подъ №№ 2204—2228 и 7042—7232; первый изъ нихъ, найденный въ Кіевѣ въ 1851 году и пожертвованный въ мюнцъ-кабинетъ И. И. Фундуклеемъ, содержитъ 25 экземпляровъ саманидскихъ диргеммъ; второй найденъ былъ въ 1863 году на кладбищѣ у Іорданской церкви и состоитъ изъ 191 экземпляра такихъ же диргеммъ. По надписямъ, уцѣлѣвшимъ на монетахъ, оказывается, что всѣ онѣ чеканены между 895 и 936 годами христіанской эры въ разныхъ городахъ Туркестани, входившихъ въ составъ Саманидскаго царства, а именно: въ Шашѣ, Самаркандѣ, Балхѣ, Нисабурѣ, Фарсѣ, Эндерабе и Мервѣ. Присутствіе обоихъ кладовъ въ Кіевѣ указываетъ на интенсивность торговыхъ сношеній этого города съ Левантомъ въ X столѣтіи.

Ко времени княженія Владиміра св. относятся слѣдующія монеты, хранящіяся въ мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра: золотой солидъ, на которомъ съ одной стороны помѣщено изображеніе Спасителя въ сіяніи, на другой же бюстъ в. к. Владиміра

въ діадемѣ, украшенной жемчугомъ; князь держитъ въ правой рукѣ длинный жезлъ, заканчивающійся вверху крестомъ; въ лѣво отъ него въ полѣ изображеніе хоругви съ двумя откосами, обращенное верхнею частью въ низъ. Кругомъ надпись: Владимиръ, а се его злто (злато)[1]).

Затѣмъ есть 20 монетъ серебряныхъ, носящихъ имя в. к. Владиміра; онѣ представляютъ три разновидности, отличающіяся другъ отъ друга второстепенными признаками изображенія и по классифиціи гр. Ив. Ив. Толстаго, представляютъ описанные имъ типы 2-й, 3-й и 4-й. Вообще на этихъ монетахъ на лицевой сторонѣ изображенъ во весь ростъ в. к. Владиміръ, сидящій на княжескомъ столѣ, въ вѣнцѣ; онъ держитъ въ правой рукѣ длинный жезлъ съ крестомъ на верху. Кругомъ изображенія князя надпись въ болѣе или менѣе сокращенномъ видѣ: „Володимиръ на столѣ“. Но оборотной сторонѣ монетъ изображена хоругвь съ двумя откосами и кругомъ надпись, также съ сокращеніями: „а се его сребро“ [2]).

Прямое продолженіе этой серіи монетъ Владиміра св. составляютъ въ коллекціи университетскаго мюнцъ-кабинета монеты ближайшихъ его преемниковъ, великихъ князей Святополка и Ярослава Владиміровичей. Съ именемъ Святополка хранится 6 монетъ и 2 монеты обозначены христіанскимъ именемъ в. к. Ярослава Мудраго. Изображенія какъ на лицевыхъ, такъ и на оборотныхъ сторонахъ этихъ монетъ совершенно похожи на изображенія монетъ Владиміра св., онѣ только разнятся надписями; надписи эти на монетахъ Святополка гласятъ: „Святополкъ на столѣ—а се его сребро“ и на монетахъ Ярослава на обѣихъ сторонахъ представляютъ лишь болѣе или менѣе сокращенное христіанское имя этого князя „Гюргии“ [3]).

---

[1]) Монета эта описана подробно въ сочиненіи Шодуара: Aperçu sur les monnaies Russes т. I, стр. 102—103; она хранится въ отдѣлѣ „Новой коллекціи“ мюнцъ кабинета подъ № 3.

[2]) Монеты эти подробно описаны въ сочиненіи гр. Ив. Ив. Толстаго—Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. С.-Петербургъ 1882, подъ номерами: 13, 14, 20, 22, 26, 31, 32, 36, 39, 42, 49, 50, 51, 55, 56, 63, 66, 71, 72 и 78.

[3]) Тамъ же №№ 87, 95, 96, 99, 100, 101, 103 и 104.

Въ 1873 г. въ с. Гвоздовѣ (въ 25 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева) одинъ изъ крестьянъ, распахивая поле, находившееся до того времени подъ лѣсомъ, нашелъ кладъ, состоявшій изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) семь серебряныхъ новгородскихъ гривенъ, отлитыхъ въ форму ладіи, и 3 отрубка такихъ же гривенъ; 2) шесть ордынскихъ монетъ, которыя были прочитаны извѣстнымъ оріенталистомъ, д-ромъ Блау (изъ Одессы) и оказались чеканенными при ханахъ Гайатъ-Эддиннѣ (1330 г.), Мухамедѣ (1359 г.) и Мюридѣ 1364 г.), наконецъ 3) двѣ серебряныя монеты, на которыхъ съ одной стороны находится изображеніе воротъ съ крестомъ на наружной ихъ сторонѣ, на оборотѣ же ханская тамга съ надписью кругомъ „*Володимиръ*“. Судя по характеру чекана и совмѣстному нахожденію съ монетами ордынскими 1330—1364 гг., монеты эти признаны монетами кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича (1362—1392 г.). Съ мнѣніемъ этимъ согласились гр. Э. Гуттенъ-Чапскій и гр. Ив. Ив. Толстой.— Весь Гвоздовскій кладъ былъ пріобрѣтенъ для мюнцъ-кабинета университета св. Владиміра и хранится въ немъ подъ номерами 7925—7942.

Изъ числа древнихъ зданій, существовавшихъ во время великихъ князей кіевскихъ, болѣе всего богаты памятниками древностей окрестности Десятинной церкви. Этотъ храмъ основанъ по свидѣтельству лѣтописи равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ 989 г. и оконченъ въ 996. Онъ находился въ центрѣ верхняго княжаго города, почти рядомъ съ княжескимъ теремомъ; вѣроятно, вблизи храма стояли дворы самыхъ знатныхъ и зажиточныхъ гражданъ. Церковь была разрушена, какъ извѣстно, во время монгольскаго погрома въ 1240 году и возстановлена только въ первой четверти текущаго столѣтія. Такимъ образомъ древняя Десятинная церковь просуществовала въ теченіи всего христіанскаго княжескаго періода жизни Кіева. Указанными обстоятельствами объясняется какъ характеръ, такъ и численность предметовъ древностей, найденныхъ какъ среди древнихъ фундаментовъ, такъ и въ ближайшей окрестности этой церкви.

Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ предметовъ, поступившіе въ музей древностей университета св. Владиміра:

Первую группу составляютъ обломки строительнаго матеріала и архитектурныхъ украшеній самаго зданія; это квадратные тонкіе кирпичи, связанные толстымъ слоемъ характеристическаго розоваго цемента, изъ которыхъ состояла кладка всѣхъ каменныхъ зданій княжеской эпохи (№№ 1, 6, 7); точно такіе же кирпичи собраны въ музеѣ и изъ развалинъ другихъ зданій того же времени: изъ Золотыхъ воротъ (№ 13, 18, 19), церквей: Трехсвятительской (№№ 126, 127), Ирининской (416), Михайловской (171) и т. п. Затѣмъ мраморныя разноцвѣтныя плитки, которыми выложена была половая мозаика въ древней Десятинной цекви (№№ 3, 539—540, 1295, 1601) и нѣсколько десятковъ зеренъ муссіи изъ мозаики, которою украшены были внутри стѣны этой церкви. Такія же зерна муссіи собраны въ музеѣ изъ мозаики церквей: Софійской (№ 1406), Михайловской (№ 1407) и Ирининской (№ 422—423).

Кромѣ этихъ остатковъ самаго зданія, при открытіи фундаментовъ древней церкви въ 1824 г. найдены были многочисленные предметы, составлявшіе украшеніе костюма того времени; сюда относятся три золотыя серьги (№№ 143, 448, 449), состоящія изъ толстой проволоки, на которой укрѣплены неподвижно на каждой по три золотыя бусы, покрытыя узорами или вырѣзанныя ажурно. Этотъ типъ серегъ признанъ характеристическимъ для княжескаго періода русской жизни и за нимъ утвердилось названіе „кіевской серьги“. Серьги эти, замѣтимъ, носились не въ ушахъ, а пришивались къ наушникамъ, бывшимъ на шапкѣ или другомъ головномъ уборѣ. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе большой золотой медальонъ (№ 450), на одной сторонѣ котораго изображены эмалью двѣ птицы съ женскими головами и съ нимбами вокругъ головъ, на другой двѣ меньшія птицы, окруженныя вѣтвями растеній.—Птицы съ женскими головами, по сличенію покойнаго профессора А. А. Котляревскаго, похожи на описаніе птицы „Сирены“, встрѣчающееся въ богумильскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ.—Далѣе, въ коллекціи хранятся два серебряные браслета, (№№ 444—447), состоящіе изъ двухъ тол-

стыхъ серебряныхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ, съ плоскими свободными концами въ видѣ треугольниковъ, украшенныхъ орнаментомъ изъ эмали.—Наконецъ, у развалинъ древней Десятинной церкви найдено было множество обломковъ браслетовъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго стекла; такіе браслеты составляютъ постоянную принадлежность княжеской эпохи во всѣхъ городахъ и городищахъ, населенныхъ въ то время; въ университетскомъ музеѣ они находятся въ большемъ количествѣ и были находимы какъ у Десятинной церкви (№ 1357), такъ и у церквей: Трехсвятительской (№№ 128—132), Михайловской (№№ 148, 168, 217), Іорданской (№ 1505), а также спорадически въ разныхъ мѣстностяхъ древняго Кіева; въ томъ числѣ на склонахъ Андреевской горы найдено было 20 экземпляровъ цѣльныхъ браслетовъ изъ стекла коричневаго цвѣта (№№ 758—777). Всѣ перечисленные предметы найдены были разновременно при закладкѣ фундаментовъ новой Десятинной церкви и пожертвованы въ университетскій музей ея строителемъ А. С. Анненковымъ.

Изъ кладовъ, найденныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ Десятинной церкви, два поступили въ музей университета; это клады, найденные въ усадьбахъ гг. Масютина и Лѣскова. — Первая усадьба помѣщалась на углу Владимірской улицы и Десятиннаго переулка, вторая находится по другую сторону этого переулка по Владимірской улицѣ. Въ усадьбѣ Масютина въ 1872 г. случайно найденъ былъ кладъ (№№ 1668—1708), содержащій 5 серебряныхъ кіевскихъ серегъ, серебряный разломанный браслетъ и ожерелье, состоящее изъ 32 полуцилиндровъ серебряныхъ; въ каждомъ изъ нихъ находится три поперечныя сквозныя отверстія, посредствомъ которыхъ они нанизывались на три нитки.

Самая богатая коллекція предметовъ княжеской эпохи найдена была въ усадьбѣ г. Лѣскова въ 1876 году и почти цѣликомъ поступила въ университетскій музей (№№ 2320—2336), въ составъ ее входятъ: золотая шейная цѣпь и висѣвшая на ней золотая, покрытая орнаментами звѣзда, ожерелье, состоящее изъ 7 крупныхъ золотыхъ бляхъ, сдѣланныхъ на подобіе цвѣта лиліи съ ушками для нанизыванья, и 7 раздѣлявшихъ ихъ золотыхъ бусъ; два большіе золотые медальона, на одной сторонѣ которыхъ

изображенъ эмалью человѣческій бюстъ въ широкой діадемѣ или шапкѣ, на другой двѣ птицы, раздѣленныя жезломъ; два золотые перстня съ площадками для печатей, на одномъ изъ нихъ можно ясно отличить изображеніе льва съ приподнятою переднею лапою, на другомъ изображеніе изгладилось; около сорока золотыхъ полуколецъ, изъ которыхъ 4 заканчиваются эмальированными площадками; полукольца эти нанизывались на толстый свертокъ полотна или войлока и составляли украшеніе женскаго головнаго убора, окаймляя его съ двухъ сторонъ: на челѣ и на шеѣ ниже затылка. Объясненіе это назначенія золотыхъ полуколецъ мы заимствуемъ изъ сличенія ихъ съ такими же полукольцами, найденными на скелетѣ въ курганѣ у села Зеленки (каневскаго уѣзда): послѣднія вынуты изъ могилы нанизанными на полотняный валекъ и были расположены на черепѣ въ указанномъ порядкѣ. Далѣе, въ кладѣ г. Лѣскова находятся три золотыя кіевскія серьги и двѣ серебряныя цѣпи, вѣсомъ въ $1^1/_2$ фунта, которыя князья и знатныя лица носили на шеѣ поверхъ одежды [1]). Всѣ перечисленные предметы были спрятаны въ мѣдномъ сосудѣ, съ весьма искустно придѣланною крышкою, очевидно запиравшеюся на замокъ.

Лѣтописи наши не сохранили точныхъ указаній относительно мѣстоположенія древняго княжескаго терема, но, сопоставляя нѣсколько лѣтописнымъ текстовъ, намъ кажется, что возможно опредѣлить двѣ противуположныя другъ другу окраины теремнаго двора. Подъ 980 годомъ лѣтопись, разсказывая о сооруженіи кн. Владиміромъ кумировъ, такъ опредѣляетъ мѣсто ихъ нахожденія: „и постави кумиры на холму, внѣ двора теремнаго“, затѣмъ, послѣ принятія св. крещенія, Владиміръ низвергъ кумиры „и постави церковь св. Василія на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунь и прочіи“ [2]). Такимъ образомъ церковь св. Василія (Трехсвятительская) построена была на Перуновомъ холмѣ, лежавшемъ внѣ теремной ограды. Съ другой стороны мы имѣемъ ука-

---

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ подъ 1147 годомъ: „Михаля же бьюще, отторгоша на немъ крестъ и *чепи* и гривну золота“.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись стр. 77 и 116.

заніе на то, что теремъ княжескій находился вблизи Десятинной церкви, отъ которой отдѣлялся небольшою площадью, такъ называемымъ „Бабинымъ торжкомъ". Въ разсказѣ объ убіеніи кіевлянами кн. Игоря Лаврентьевская лѣтопись (стр. 301) говоритъ, что кіевляне волокли тѣло полумертваго Игоря „сквозѣ Бабинъ торжекъ до святое Богородицы"; Ипатская же лѣтопись передаетъ тотъ же фактъ такъ: „и волокоша и́ сквозѣ Бабинъ торжекъ на княжъ дворъ" (стр. 249); изъ сопоставленія обоихъ варіантовъ намъ кажется возможнымъ предположеніе, что на Бабинъ торжекъ выходилъ съ одной стороны фасадъ церкви св. Богородицы (Десятинной), съ другой фасадъ княжаго терема или ограда его двора.—Такимъ образомъ княжій дворъ помѣщался въ мѣстности между Бабинымъ торжкомъ (площадь нынѣшней Владимірской улицы у ея конца) и Трехсвятительскою церковью, т. е. занималъ нынѣшнія усадьбы кн. Трубецкаго, г. Агѣева и можетъ быть площадь нынѣшней Трехсвятительской улицы и отчасти усадьбъ, расположенныхъ по лѣвую сторону этой улицы (считая отъ Андреевской церкви). Археологическія развѣдки въ данной мѣстности подтверждаютъ до нѣкоторой степени это предположеніе. Лѣтъ 50 тому назадъ нынѣшнія усадьбы кн. Трубецкаго и г. Агѣева принадлежа и одному владѣльцу—Климовичу; послѣдній при постройкѣ дома наткнулся на фундаменты какого-то древняго зданія и среди нихъ сталъ находить многіе цѣнные предметы древностей; впослѣдствіи, по соглашенію съ владѣльцемъ, существовавшій тогда комитетъ для изысканія древностей обнажилъ часть фундамента и нашелъ остатки стѣнъ значительнаго зданія, построеннаго повидимому въ видѣ многоугольника; къ несчастью, существовавшія уже тогда новыя строенія остановили изысканія комитета, который не имѣлъ возможности составить плана цѣлаго зданія.—Многіе предметы какъ найденные Климовичемъ, такъ въ послѣдствіи встрѣтившіеся при изслѣдованіяхъ членовъ комитета, поступили въ университетскій музей и составляютъ довольно богатую коллекцію древностей княжеской эпохи (№№ 145—161, 1235—1249). Въ ея составѣ мы находимъ обломки строительныхъ матеріаловъ и архитектурныхъ украшеній, квадратные кирпичи съ розовымъ цементомъ, зерна муссіи изъ мозаики,

обломки щекатурки съ слѣдами фресковой живописи, цѣнинные квадратики, окрашенные разными цвѣтами, которыми вымощенъ былъ полъ, и наконецъ, обломки досокъ изъ краснаго шиффера, матеріала, употреблявшагося для архитектурныхъ украшеній во всѣхъ кіевскихъ постройкахъ княжескаго времени. Кромѣ того около фундаментовъ зданій найдены слѣдующіе предметы: золотой медальонъ, съ прекраснымъ изображеніемъ Спасителя, сдѣланнымъ эмалью, маленькій золотой крестикъ, золотая ажурной работы буса, пять золотыхъ перстней, изъ которыхъ 3 имѣютъ въ гнѣздахъ разноцвѣтные камни, два же знаки печатей: на одномъ въ видѣ латинской буквы S, на другомъ сложный рисунокъ, состоящій изъ соединенія шести крестовъ и двухъ посоховъ; затѣмъ четыре золотыя серьги кіевскаго типа, серебряный медальонъ, окруженный ажурнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ на средней площадкѣ эмальированныхъ птицъ[1]), часть серебряной цѣпочки, обломки стекляныхъ браслетовъ и 3 двустворчатые бронзовые креста съ изображеніемъ святыхъ и съ небольшою полостью внутри, назначавшеюся для храненія частицъ мощей. Такіе кресты составляютъ характеристическую принадлежность находокъ княжескаго времени и были находимы въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ стараго Кіева: въ развалинахъ церкви св. Ирины (№№ 20, 21), у Трехсвятительской церкви (№ 135), вблизи церкви св. Георгія (№ 1353) и т. п.—Изъ бытовыхъ предметовъ въ усадьбѣ Климовича найдены двѣ серебряныя гривны кіевскаго типа, большая костяная игла, служившая, вѣроятно, для плетенія рыболовныхъ сѣтей, глиняный, покрытый глазурью шарикъ съ погремушкою внутри и т. п.—Впослѣдствіи часть усадьбы Климовича перешла во владѣніе г. Агѣева, который при рытьи фундаментовъ для дома въ 1882 г. встрѣтилъ также совершенно аналогическіе предметы: одну створку бронзоваго креста (№ 1637), двѣ гривны кіевскаго типа (кол. мюнцъ-кабинета №№ 12128, 12,129), обломки бронзовой рѣшетки (№ 2719—2722), фрагменты стекляныхъ браслетовъ и т. п.

---

[1]) Въ музеѣ есть 2 другіе точно такіе же медальона, найденные на склонахъ Андреевской горы (№№ 90, 91).

Въ 1833 году при планированіи Владимірской улицы пришлось срыть старый валъ, перегораживавшій эту улицу около зданія нынѣшней духовной консисторіи. Валъ этотъ былъ насыпанъ въ 1679 году въ то время, когда правительство, ожидая угрожавшаго Кіеву нападенія турокъ, разорившихъ Чигиринъ, приняло энергическія мѣры для того, чтобы привести городскія фортификаціи въ надежное оборонительное состояніе. При съемкѣ вала оказалось, что онъ покрывалъ собою фундаментъ и развалины обширнаго каменнаго церковнаго зданія,—это были остатки церкви св. Ирины, основанной в. к. Ярославомъ въ 1037 году. Многочисленные предметы древности, встрѣтившіеся среди развалинъ, были доставлены въ университетскій музей комитетомъ для изысканія древностей; изъ числа архитектурныхъ остатковъ зданія, кромѣ квадратныхъ кирпичей, цемента, многочисленныхъ плитокъ окрашенной цѣнины (№№ 23, 415) особенное вниманіе обращаютъ на себя толстыя, очень большія плиты краснаго шифера (№ 25), покрытыя красивыми рѣзными узорами; плиты эти весьма похожи на тѣ шиферныя плиты, которыя понынѣ служатъ перилами на хорахъ Кіево-Софійскаго собора; одна изъ нихъ, къ несчастью разбитая и не вполнѣ сохранившаяся, вмѣсто узора украшена рѣзьбою, представляющею воина, стоящаго на одномъ колѣнѣ съ мечомъ и щитомъ въ рукахъ, сражающагося со звѣремъ, котораго уцѣлѣли только переднія лапы.—Изъ другихъ предметовъ, кромѣ упомянутыхъ выше (кіевскихъ золотыхъ серегъ, створчатаго креста, серебряной гривны) въ университетскомъ музеѣ хранятся части бронзовыхъ подсвѣчниковъ (№ 27), фрагменты бронзовой рѣшетки, часть бронзоваго оклада отъ иконы, покрытаго мозаикою (№ 428), части бронзоваго паникадила (№ 424), бронзовый крестикъ и какое то орудіе въ видѣ острія съ поперечною длинною полосою, на которой помѣщено изображеніе пѣтуха (№ 27). Сверхъ того, въ числѣ вещей, найденныхъ у развалинъ церкви св. Ирины, укажемъ два предмета, весьма характеристическія для находокъ княжескаго времени: это пряслицы изъ краснаго шифера, бывшія во всеобщемъ употребленіи на Руси по меньшей мѣрѣ до исхода XIII столѣтія, и остродонныя амфоры (№№ 417 и 418). Пряслицы встрѣчаются

повсемѣстно на всей территоріи древней княжеской Руси, въ томъ числѣ и въ различныхъ мѣстностяхъ Стараго Кіева. Въ музеѣ хранятся экземпляры, найденные вблизи ограды Михайловскаго монастыря (№ 139), въ усадьбѣ Лѣскова, въ усадьбѣ Климовича, на Прорѣзной улицѣ (№ 1728—1740) и т. д. Относительно амфоръ, есть данныя, указывающія на то, что онѣ употреблялись для храненія жидкостей и сыпучихъ тѣлъ до начала XV столѣтія; онѣ имѣли форму остродонную и стѣнки весьма толстыя изъ хорошей, отлично обожженной глины, горло довольно широкое и короткое, края котораго соединялись съ выпуклою частью сосуда посредствомъ двухъ короткихъ толстыхъ ушей. Черепки такихъ амфоръ, а иногда, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, и цѣльные сосуды встрѣчаются повсемѣстно на территоріи древней княжеской Руси; изъ многочисленныхъ находокъ подобнаго рода, встрѣтившихся въ чертѣ Кіева, въ университетскомъ музеѣ особенно выдаются двѣ большія цѣльныя амфоры: одна, емкостью около двухъ ведеръ, была найдена въ 1875 г. на Прорѣзной улицѣ въ усадьбѣ г. Тарновскаго (№ 1757), другая, вмѣщавшая отъ 5—6 ведеръ, открыта была въ 1876 году въ усадьбѣ г. Лавровской по Житомирской улицѣ (№ 2272).

Въ университетскомъ музеѣ хранятся довольно численные предметы древности, найденные спорадически въ различныхъ мѣстностяхъ Кіева; чаще всего находки княжескаго времени встрѣчались въ Старомъ Кіевѣ и въ Плоской части вдоль по Кирилловской улицѣ. Всѣ эти предметы представляютъ повтореніе типовъ, описанныхъ раньше и потому мы не станемъ ихъ перечислять; болѣе другихъ интересна группа предметовъ, найденныхъ при планировкѣ площади для постройки нынѣшняго зданія присутственныхъ мѣстъ (№№ 1006—1017); въ числѣ ихъ мы находимъ двустворчатый бронзовый крестъ, три золотыя кіевскія серьги и бронзовый перстень, состоящій изъ двухъ бронзовыхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ.—Затѣмъ обратимъ вниманіе лишь на большой золотой браслетъ, также составленный изъ двухъ скрученныхъ проволокъ, найденный вблизи бывшаго Пустынно-Николаевскаго монастыря (№ 680).

Среди другихъ предметовъ древности княжескаго времени относительно рѣже встрѣчается оружіе, вѣроятно потому, что оно въ разсматриваемое время было исключительно желѣзное и потому въ немногихъ только случаяхъ сохранилось въ сколько-нибудь цѣльномъ видѣ; по большей части въ раскопкахъ встрѣчаются массы перержавленнаго желѣза, которыя ломаются подъ ударами кирки или заступа и добываются въ видѣ желѣзныхъ обломковъ и комковъ безформенной ржавчины, утерявшихъ совершенно свою первоначальную форму. Потому въ музеѣ университета среди большаго количества древностей архитектурныхъ, церковныхъ и бытовыхъ, сдѣланныхъ изъ камня, золота, серебра и бронзы, хранится только небольшая коллекція оружія княжеской эпохи; вотъ важнѣйшіе предметы, входящіе въ ея составъ:

Въ 1838 году на площади Стараго Города (мѣстность точно не опредѣлена) найдена была желѣзная кольчуга и цѣльный желѣзный шишакъ отъ шлема (№ 81); оба предмета входили въ составъ вооруженія въ княжеское время какъ до-христіанское, такъ и христіанское; особенно интересенъ шлемъ: онъ по формѣ совершенно тождественъ съ тѣми экземплярами, которые находимы были въ полянскихъ и сѣверянскихъ могилахъ языческаго времени (напримѣръ, въ черниговскомъ курганѣ, раскопанномъ г. Самоквасовымъ), а также совершенно похожъ на шлемъ в. к. Ярослава Ярославича (XIII ст.), хранящійся въ московской оружейной палатѣ и изданный въ „Древностяхъ Россійскаго государства“. Шлемъ этотъ представляетъ большой, конической формы шишакъ, заканчивающійся вверху небольшимъ тупымъ шпицемъ; отъ шишака спереди спускается внизъ длинная переносица; на нижнемъ краю шишака сохранились желѣзныя ушки, къ которымъ привѣшивалась кольчужная ткань, покрывавшая шею сзади и съ боковъ, а на переносицѣ рядъ отверстій, къ которымъ прикрѣплялись наличники. Но въ кіевскомъ экземплярѣ какъ кольчуга, такъ и наличники не сохранились.

Въ 1870 году въ усадьбѣ, принадлежащей кіевскому товариществу пивоваренаго завода, при планировкѣ мѣста у самаго подножія горы найдена была громадная коллективная могила,

вмѣщавшая до 4,000 скелетовъ; несмотря однако на огромное количество покойниковъ, среди костей найдено было ничтожное количество предметовъ: это были маленькіе мраморные крестики, обломки стеклянныхъ браслетовъ, черепки отъ остродонныхъ амфоръ, нѣсколько бронзовыхъ перстней и т. п. Впрочемъ, среди нихъ встрѣтились два экземпляра желѣзныхъ мечей; одинъ изъ нихъ, къ несчастью разломанный, хранится въ университетскомъ музеѣ (№ 1497). Мечъ этотъ длиною въ 20 вершковъ, широкій ($1^1/_4$ вершка), прямой, обоюдоострый съ тяжелою рукоятью (длина ея до 3 вершковъ), сохранилъ слѣды деревянныхъ ноженъ. Подобные мечи составляли постоянную принадлежность славянскаго вооруженія въ княжеское время; ихъ находили въ славянскихъ курганахъ языческаго времени на всей территоріи древней Руси въ княжествахъ: кіевскомъ, переяславскомъ, черниговскомъ, смоленскомъ, ростовскомъ. О мечахъ этихъ сохранились свѣдѣнія и въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ о вооруженіи, которымъ отличались славяне отъ кочевниковъ, носившихъ кривыя сабли. Такъ, въ лѣтописной легендѣ о первомъ столкновеніи полянъ съ хазарами, передается слѣдующій отзывъ хазарскихъ старцевъ о русскихъ мечахъ: „Мы доискахомся оружіемъ одиноя страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюдоостро, рѣкше мечи“. Потомъ въ разсказѣ объ осадѣ Кіева печенѣгами подъ 968 годомъ лѣтопись передаетъ, что сѣверянскій воевода Претичъ подарилъ печенѣжскому князю мечъ и получилъ отъ него въ замѣнъ въ подарокъ саблю [1]). Впрочемъ, эти широкіе, длинные, обоюдоострые мечи были принадлежностью вооруженія не только русскихъ славянъ; они въ средніе вѣка употреблялись въ западной Европѣ многими германскими народами: франками, алеманами, саксами, англами и скандинавами; мы встрѣтили рисунокъ меча, найденнаго въ Англіи совершенно тождественный съ кіевскимъ экземпляромъ [2]).

Оружіе, чаще всего находимое въ Кіевѣ, это наконечники желѣзныхъ стрѣлъ; нѣсколько экземпляровъ ихъ найдено при раскопкѣ вала у Золотыхъ воротъ (№№ 15—17), другіе при

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 9 и 43.

[2]) Specht—Geschichte der Waffen, т. I, стр. 349—351, таб. X, фиг. 31.

планировкѣ того же вала на Львовской плащади (№№ 1432—1433) и у развалинъ церкви св. Ирины (№ 430), а также въ разныхъ мѣстностяхъ Стараго Кіева. Всѣ наконечники стрѣлъ, различные по величинѣ, представляютъ безъ исключенія ромбическую форму, болѣе или менѣе съуженную и вытянутую; среди найденныхъ въ Кіевѣ экземпляровъ мы не встрѣтили ни одного, который бы уклонялся отъ формы ромба.

Наконецъ, въ коллекціи оружія княжеской эпохи въ университетскомъ музеѣ находимъ нѣсколько наконечниковъ копій и одинъ желѣзный боевой топоръ (№ 1723), найденный въ упомянутой выше усадьбѣ г. Агѣева.

В. Антоновичъ.

ДВА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТА КІЕВСКАГО ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ.

15 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при кіевской духовной академіи учрежденъ церковно-арх. музей. За такое сравнительно незначительное время онъ достигъ, можно сказать, цвѣтущаго состоянія. Разнообразныя коллекціи его заключаютъ массу предметовъ. О быстромъ ростѣ музея свидѣтельствуетъ, наприм., то обстоятельство, что указатель музея, составленный въ 1880 г., оказывается неудовлетворяющимъ своему назначенію, т. к. количество предметовъ съ того времени увеличилось слишкомъ въ два раза. Причина такого развитія музея обусловливается какъ дѣятельностью церковно-арх. общества, при которомъ состоитъ музей, такъ и тѣмъ сочувствіемъ публики, какимъ онъ пользуется.

Общество и музей учреждены для разработки церковной археологіи и сохраненія церковныхъ древностей, но т. к. въ Кіевѣ нѣтъ общественнаго музея, гдѣ бы сосредоточивались памятники мѣстной старины, то въ ц.-арх. музей начали стекаться кромѣ церковныхъ и разныя другія древности. Т. о. въ настоящее время въ музеѣ находится масса предметовъ, начиная съ каменнаго вѣка и кончая памятниками новѣйшихъ временъ. Но, конечно, церковный отдѣлъ самый богатый въ музеѣ. Въ этомъ отдѣлѣ большой интересъ представляетъ коллекція крестовъ и образковъ, относящихся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи. Тутъ находятся какъ маленькіе мраморные и бронзовые крестики—тѣльники, очень изящной и оригинальной формы, такъ и большіе бронзовые складные кресты—„энколпіоны“. Эти по-

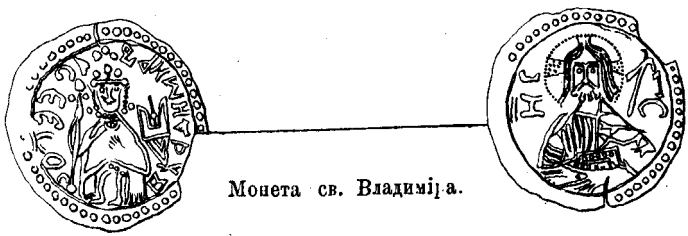
слѣдніе перешли къ намъ изъ Византіи. Они состоятъ изъ двухъ складывающихся половинокъ, между которыми помѣщались, вѣроятно, мощи или амулеты. Въ большинствѣ случаевъ на одной сторонѣ креста находится изображеніе распятія, а на другой Богоматерь. Очень многіе изъ этихъ крестовъ украшены эмалью.

Между образками замѣчательно составленная также изъ двухъ половинокъ очень древняя мѣдная панагія. Она найдена въ д. Феневичахъ радомысльск. у. кіевск. губ.

Изъ другихъ предметовъ, относящихся къ велико-княжеской эпохѣ, большой интересъ представляютъ, хранящіяся въ музеѣ, монета св. Владиміра и древняя висячая печать.

Серебряная монета св. Владиміра очень хорошей сохранности найдена въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими подобными монетами въ 1876 г. на Вознесенскомъ спускѣ въ усадьбѣ Кушнерова. Она пожертвована въ музей членомъ ц.-арх. общ. архитекторомъ Николаевымъ.—На лицевой сторонѣ ея въ ободкѣ изъ бусъ изображена фигура князя во весь ростъ, повидимому сидящаго. Верхняя часть тѣла его несоразмѣрно велика сравнительно съ нижнею. На голову князя надѣта діадема съ крестомъ на верху, отъ нея спускаются на плечи длинныя подвѣски. Князь одѣтъ въ плащъ, застегнутый большою круглою запоною, въ правой рукѣ онъ держитъ жезлъ съ крестомъ на верху, лѣвая рука покоится на груди. Съ лѣвой стороны князя находится неопредѣленная фигура. Вокругъ изображенія снизу на право идетъ надпись: В л а д и м и р ъ а с е е г о с (Владиміръ а се его сребро).

На оборотной сторонѣ монеты также въ ободкѣ изъ бусъ находится почти поясное изображеніе Спасителя. Голову окружаетъ вѣнчикъ изъ точекъ. Въ лѣвой рукѣ Спаситель держитъ евангеліе. По бокамъ головы монограммы: $\overline{\text{ис}}$ — $\overline{\text{хс}}$.

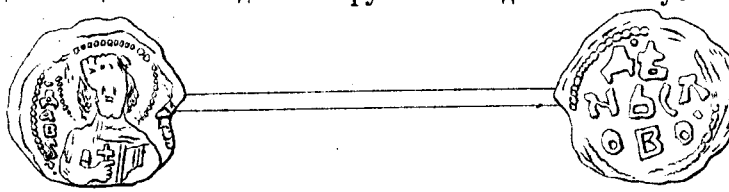


Монета св. Владиміра.

Другая замѣчательная вещь—это свинцовая вислая печать, найденная въ этомъ году въ г. Переяславѣ полт. губ. и пожертвованная музею мѣстнымъ жителемъ Шая Абрамовичемъ Найдисомъ.

Такого рода печати очень рѣдки и ихъ извѣстно только нѣсколько экземпляровъ. Въ настоящей печати на ободкѣ видны отверстія, въ которыя продѣвался шнурокъ для привѣшиванія къ грамотѣ.

На лицевой сторонѣ ея въ ободкѣ изъ бусъ находится погрудное изображеніе святаго, такъ какъ вокругъ головы идетъ кружекъ изъ мелкихъ бусъ. На голову, повидимому, надѣтъ вѣнецъ, по бокамъ ея видны пряди длинныхъ волосъ, святой въ правой рукѣ у груди держитъ четвероконечный крестъ. Съ правой стороны изображенія расположена вертикальная надпись: о д а в ъ (можетъ быть сокращенное Давидъ), причемъ буква ъ вышла наоборотъ. Съ лѣвой стороны также видны слѣды буквъ. На оборотѣ печати въ трехъ строкахъ находится надпись: д ѣ |н ь с л| о в о. Надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.



Переяславская вислая печать.

Если эту печать пріурочить Давиду Святославичу, княжившему по сосѣдству съ Переяславомъ въ Черниговѣ (отъ 1097 по 1123), то время ея опредѣлится началомъ XII столѣтія.

Н. Бѣляшевскій.

КЛАДЫ
великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ.

Въ исторіи Кіева періодъ X, XI и XII вѣковъ является блестящей эпохой. Въ то время въ Кіевѣ сосредоточивалась жизнь всей русской земли. Причина такого значенія Кіева заключается въ его выгодномъ географическомъ положеніи. Черезъ него проходилъ главный путь въ Константинополь изъ сѣверной и восточной Руси; въ Кіевъ же, ради торговыхъ цѣлей, являлись какъ хитрые византійцы, такъ и мудрые арабы. Слава о Кіевѣ, какъ о богатомъ и обширномъ городѣ, распространилась далеко на западъ и востокъ.

Какъ бы иллюстраціей того славнаго для Кіева времени служатъ богатые клады, находимые въ его почвѣ. Клады эти можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) клады монетные и 2) клады, состоящіе изъ разныхъ вещей, въ большинствѣ случаевъ украшеній. Что касается кладовъ перваго рода, то они представляютъ капиталы, иногда довольно большіе, ввѣренные землѣ, какъ самому надежному банку, гарантированному отъ всякихъ краховъ. Они очень интересны вслѣдствіе того, что, прежде всего, сами въ себѣ заключаютъ указанія на мѣсто своего происхожденія, затѣмъ даютъ точное обозначеніе времени, къ которому относятся.

Всѣ почти монетные клады, относящіеся къ данной эпохѣ, найденные до сихъ поръ въ Кіевѣ,—восточнаго происхожденія. Они состоятъ изъ т. н. куфическихъ монетъ или диргемовъ, привезенныхъ въ Россію изъ арабскихъ халифатовъ. Клады эти по-

падаются на окраинахъ города, тамъ, гдѣ, вѣроятно, въ старину находились дворы иностранныхъ гостей.

Мы знаемъ 5 кладовъ, состоящихъ изъ куфическихъ монетъ.

I. Въ 1706 г., во время постройки Мазепой печерской крѣпости, найдено 2380 монетъ. Изъ нихъ 10 штукъ было послано Петру I, находившемуся тогда въ походѣ. Кладъ этотъ въ послѣдствіи послужилъ основаніемъ нумизматическому кабинету азіатскаго музея Императорской академіи наукъ.

II. Въ 1845 г. возлѣ Кирилловскаго монастыря въ глиняномъ горшкѣ найдено до 200 штукъ мѣдныхъ восточныхъ монетъ. Древнѣйшая изъ нихъ выбита въ Бухарѣ въ 148 г. гиджры (=765 г. нашей эры), а самая новая 651 г. гиджры (=1253 г.) бита также въ Бухарѣ. Рядъ этихъ монетъ обнимаетъ т. о. почти пять столѣтій.

III. При устройствѣ новой крѣпости въ 1851 г. былъ найденъ кладъ также въ глиняномъ сосудѣ. Серебряныхъ куфическихъ монетъ было 2 и 3 тысячи; ихъ разобрали рабочіе, такъ что только 60 штукъ удалось достать нумизмату Савельеву. Онъ ихъ подарилъ музею Императорскаго археологическаго общества. Самая древняя изъ нихъ—154 г. (=771) бита въ Багдадѣ, а новѣйшія, битыя въ Самаркандѣ и Балхѣ, относятся къ 293 г. (=905 или 906 г.).

IV. Въ томъ же году на уступѣ горы, склоняющейся къ Днѣпру, найдено 25 серебряныхъ куфическихъ монетъ. Онѣ пожертвованы кіевскимъ губернаторомъ Фундуклеемъ въ мюнцъ-кабинетъ университета св. Владиміра.

V. 27 октября 1863 г. возлѣ Іорданской церкви (въ Плоской части) на горномъ кладбищѣ найденъ кладъ, состоявшій изъ сереб. куфическихъ монетъ, двухъ сереб. перстней, сереб. привѣски и куска сереб. проволоки. Кладъ находился на 2-хъ арш. глубинѣ въ глиняномъ сосудѣ. Одна монета изъ этого клада пріобрѣтена Имп. эрмитажемъ, а 191 университетомъ св. Владиміра. Крайніе годы этихъ монетъ—282 и 318 гиджры, что соотвѣтствуетъ 895 и 930 гг. нашей эры.

Страненъ тотъ фактъ, что, несмотря на наши частыя сношенія съ Византіей, сначала имѣвшія враждебный характеръ,

а послѣ принятія христіанства—мирный, въ Кіевѣ до сихъ поръ не найдено ни одного клада византійскихъ монетъ. Случались только находки единичныхъ экземпляровъ.

Особое мѣсто въ ряду другихъ монетныхъ кладовъ занимаетъ кладъ, найденный въ 1876 г. на Вознесенскомъ спускѣ въ усадьбѣ мѣщанина Кушнерова. Онъ состоялъ изъ серебряныхъ монетъ, приписываемыхъ св. Владиміру. Монеты эти т. н. кіевскаго типа, т. е. съ изображеніемъ на одной сторонѣ фигуры великаго князя, а на другой Спасителя. Онѣ были найдены при снесеніи горы подъ постройки, въ черноземѣ, на глубинѣ около двухъ аршинъ. Лежали онѣ прямо въ землѣ, завернутыя въ вышитое полотенце, истлѣвшіе куски котораго были вырыты вмѣстѣ съ монетами. Монеты были слиты въ одинъ комъ и попытки находчиковъ отдѣлить одну отъ другой кончились неудачей. При этихъ попыткахъ много монетъ было изломано и брошено. Только тогда удалось разъединить монеты, когда ихъ положили въ нашатырный спиртъ. Всѣхъ монетъ оказалось около 120 штукъ. Большинство изъ нихъ разбрелось по рукамъ любителей и только нѣсколько экземпляровъ находится въ нумизматическомъ кабинетѣ университета св. Владиміра и въ музеѣ при кіевской духовной академіи.

Переходя теперь къ кладамъ не монетнымъ, нужно замѣтить, что они попадаются исключительно на старо-кіевской возвышенности, тамъ, гдѣ собственно находился древній *городъ*. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна сѣверо-восточная часть Стараго Кіева, такъ какъ здѣсь находился княжескій дворецъ и главная святыня города—Десятинная церковь; здѣсь же, по всей вѣроятности, сосредоточивались жилища богатыхъ и знатныхъ людей города. Тутъ положительно съ каждымъ ударомъ лопаты появляются на свѣтъ Божій все новые и новые памятники глубокой старины. Не говоря уже о многочисленныхъ находкахъ различныхъ единичныхъ предметовъ, въ этой мѣстности найдено также нѣсколько кладовъ, отличающихся разнообразіемъ и цѣнностью вещей. Вотъ описаніе наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ кладовъ.

I[1]). 25 мая 1824 г. кіевскій мѣщанинъ Василій Харщевскій поднимался утромъ по тропинкѣ въ гору къ Михайловскому монастырю. Вблизи монастырской ограды онъ случайно наступилъ на выдавшійся изъ впадины красный кирпичъ. Кирпичъ разломился и подъ нимъ оказался конусообразный сосудъ изъ красной глины 9-ти вершковъ высоты, накрытый покрышкой. Въ сосудѣ сверху лежала истлѣвшая парчевая матерія, а подъ ней находились слѣд. золотыя и серебряныя вещи:

1) Серебряная чаша на низкой подножкѣ съ выпуклыми изображеніями по сторонамъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Іоанна Златоустаго. На ободкѣ чаши находится греческая надпись: „пійте отъ нея вси“ и т. д. На чашѣ сохранились слѣды позолоты. Вѣсу въ ней 68 золот.

2) Серебряный дискосъ безъ подножки, въ видѣ тарелки, $4^2/_3$ верш. въ поперечникѣ. По краямъ дискоса также находится греческая надпись: „ядите, сіе есть тѣло мое“ и т. д. Въ срединѣ изображеніе Божіей Матери. Вѣсу 25 золот.

3) Круглый золотой медальонъ въ родѣ архіерейской панагіи съ выпуклымъ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя. Медальонъ украшенъ 10 рубинами и бирюзами. По ободку его шла нитка жемчуга. Вѣсу $12^3/_4$ золот.

4) Другой такой же золотой медальонъ, немного поменьше. На немъ эмалью изображенъ ликъ неизвѣстнаго святаго или мученика съ четвероконечнымъ крестомъ и щитомъ. Вѣсу $9^1/_2$ зол.

5) Мраморный равносторонній крестикъ, величиной около 1 верш., съ золотыми эмальированными накладками по угламъ.

6) Двѣ круглыя серебряныя серьги или подвѣски, имѣющія 1 верш. въ поперечникѣ. Онѣ густо вызолочены, выпуклы на обѣ стороны и въ срединѣ пусты; къ каждой придѣлано кольцо для привѣшиванія. На выпуклыхъ сторонахъ ихъ разноцвѣтной эмалью изображены крылатые грифоны. По ободкамъ онѣ были украшены жемчугомъ, уже осыпавшимся. Вѣсу въ обѣихъ 14 золот.

---

[1]) Описанія этого клада помѣщены въ Зап. и Труд. Общ. Ист. и Древн. ч. III, кн. 1. 1826 г., стр. 152 и въ Ж. М. Н. П. 1836 г. ч. XII, стр. 275.

7) 8 золотыхъ полуколецъ сканной работы, украшенныхъ негранеными камнями. Онѣ составляли, можетъ быть головную повязку.

8) 25 золотыхъ привѣсокъ филигранной работы. Большинство ихъ разломано, цѣлыя же имѣютъ по угламъ грушевидныя подвѣсочки и украшены жемчугомъ и камнями.

9) Золотая треугольная пластинка съ пестрой эмалью.

10) 20 тонкихъ серебряныхъ ажурныхъ пластинокъ, съ одной стороны вызолоченныхъ. Онѣ, вѣроятно, были нашиты на матерію.

Всѣ эти вещи хранятся въ Имп. эрмитажѣ.

II [1]). Въ 1827 г. въ августѣ, на Старомъ Кіевѣ, по Львовской ул. возлѣ Срѣтенской церкви, при копаніи погреба въ усадьбѣ Августиновича, найдены въ мѣдномъ, проѣденномъ ржой, сосудѣ слѣд. вещи:

1) Четыре пары золотыхъ дутыхъ серегъ. Изъ нихъ двѣ цѣлыя, вѣсомъ $12^1/_2$ золот., а отъ двухъ другихъ обломки въ $3^1/_8$ золот. Золото 60 пробы.

2) Дутая золотая цѣпочка, въ видѣ мониста, состоящая изъ 23 звеньевъ, вѣсу $16^1/_8$ золот.; 60 пробы.

3) Кусочекъ тонкой цѣпочки въ $^1/_4$ золот. вѣсомъ; 74 пробы.

4) 11 золотыхъ крючковъ, $14^1/_4$ золот. вѣсомъ; 74 пробы. На днѣ складня нашлость также немного вывѣтрившагося жемчуга.

III. Возлѣ Десятинной церкви на углу Десятинной и Владимірской улицъ въ д. Масютина въ 1872 г. найденъ кладъ въ глиняномъ горшкѣ. Кладъ этотъ хранится въ музеѣ древностей университета св. Владиміра за №№ 1668—1725.

IV. Въ той же мѣстности, въ усадьбѣ Лѣскова на углу Большой Владимірской у. и Десятиннаго переулка, въ 1876 г., найдены вещи въ двухъ сосудахъ, мѣдномъ и глиняномъ. Глиняный былъ разбитъ рабочими, похитившими 14 сереб. шестиугольныхъ слитковъ т. н. кіевскихъ гривенъ. Мѣдный сосудъ въ видѣ ведерка, 4-хъ вершк. вышины, съ узкимъ цилиндрическимъ горлышкомъ. Кладъ этотъ вмѣстѣ съ сосудомъ поступилъ въ

[1]) Описаніе этого клада помѣщено въ Ж. М. Н. П. 1836 г., ч. XII, стр. 278.

музей древностей унив. св. Владиміра, гдѣ и хранится за №№ 2320—2335.

V. Въ 1885 г. на востокъ отъ Софійскаго собора, приблизительно въ 12 саж. отъ ограды, въ усадьбѣ М. С. Есикорскаго, находящейся въ Троицкомъ (Рыльскомъ) переулкѣ, 16 апрѣля, при очисткѣ мѣста для фундамента подъ домъ, рабочими найденъ кладъ. Кладъ находился въ глиняномъ горшкѣ обыкновенной формы, послѣдній былъ накрытъ другимъ, болѣе древняго вида. Въ кладѣ находилось 9 серебр. кіевскихъ гривенъ и слѣд. вещи:

1) Двѣ золотыя серьги, или подвѣски; онѣ состоятъ изъ двухъ выпуклыхъ пластинокъ въ 1 верш. діаметромъ. Вверху серегъ у замка—выемка. На одной изъ сторонъ разноцвѣтной эмалью изображены двѣ сирены, между которыми въ срединѣ кружекъ съ орнаментами; на другой сторонѣ, по срединѣ серьги, розетка въ видѣ креста съ загнутыми концами; по бокамъ—эмалевые орнаменты въ видѣ сегментовъ.

2) Пара серебряныхъ серегъ, похожихъ на первыя, ободки серегъ въ видѣ аркады, филигранной работы. На одной сторонѣ по срединѣ серьги въ отдѣльномъ медальонѣ находится изображеніе двухъ грифоновъ; на другой—орнаментъ изъ круглыхъ линій въ такомъ же медальонѣ.

3) 30 золотыхъ серегъ, каждая съ тремя шипами,

4) 30 такихъ же серебряныхъ серегъ.

5) 12 золотыхъ колецъ изъ проволоки безъ спайки.

6) 2 такихъ же серебряныхъ кольца.

7) Золотое кольцо съ круглымъ розовымъ стекломъ.

8) Золотое кольцо въ видѣ ленточки, безъ спайки.

9) Серебряный перстень съ изображеніемъ льва, идущаго направо, въ четыреугольникѣ, украшенномъ орнаментами.

10) Серебряный перстень, щитъ котораго, въ видѣ четыреугольника, поддерживается двумя рѣзными головками и 4 лапками; на щитѣ въ ромбѣ изображена фигура, состоящая изъ продольной прямой линіи, двухъ поперечныхъ, образующихъ на концахъ продольной линіи какъ бы два креста, и линіи въ видѣ буквы S, пересѣкающей продольную въ косомъ направленіи.

11) 5 серебряныхъ перстней съ изображеніями равносторонняго креста разнообразной формы.

12) 57 дутыхъ штампованныхъ продолговатыхъ палочекъ, составлявшихъ ожерелье; въ каждой находится по 3 отверстія, въ которыя продѣвались нитки.

13) Большая серебряная шейная гривна изъ витой толстои проволки, перевитой тонкой двойной серебряной ниткой; концы сплюснуты и оканчиваются завитками, служившими для скрѣпы.

14) Три серебряные витые браслета; концы ихъ имѣютъ видъ приплюснутыхъ змѣиныхъ головокъ, украшенныхъ чернью.

15) Два желѣзныхъ заржавленныхъ предмета въ родѣ замковъ.

16) Куски серебряныхъ украшеній, какъ бы отъ ноженъ маленькаго кинжала, восточной работы.

Вмѣстѣ съ вещами находились куски истлѣвшей ткани, затканной металлическими нитками; на нихъ замѣтны слѣды узоровъ; нашелся также кусочекъ съ признаками мѣха.

Всѣ вещи находятся въ Имп. эрмитажѣ.

VI. Осенью 1878 г. въ Михайловскомъ монастырѣ производились работы по устройству отопленія въ главной церкви. При этихъ работахъ былъ найденъ кладъ изъ различныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ. Кладъ былъ вынутъ вполнѣ цѣлымъ; онъ находился въ глиняномъ сосудѣ и заключался въ золотыхъ вещахъ, составлявшихъ головной уборъ женщины. Кромѣ вещей, уже встрѣчавшихся въ прежде найденныхъ кладахъ, какъ напр. двухъ подвѣсокъ съ эмалевыми изображеніями сиренъ и головной повязки изъ 20 золотыхъ дужекъ, въ немъ находилось также нѣсколько новыхъ предметовъ. Большой интересъ представляетъ кубикъ или ковчежецъ изъ золотыхъ пластинокъ высотой въ $4^1/_2$ сант. съ золотыми плетеными проволоками. Онъ могъ висѣть на груди или прикрѣплялся на головномъ уборѣ. Затѣмъ замѣчательны также два ряда золотыхъ пластинокъ съ эмалью—онѣ могли служить подвѣсками къ головной повязкѣ и ниспадали на плечи. Кладъ этотъ поступилъ въ Имп. эрмитажъ.

Изъ выше приведенныхъ описаній кладовъ видно, что они состояли изъ предметовъ постояннаго употребленія. Поэтому,

владѣльцы вынуждены были спрятать ихъ только въ виду явной опасности. Это могло быть какъ при нападеніяхъ на Кіевъ русскихъ князей, такъ въ особенности при нашествіи Батыя. Что касается происхожденія вещей, то вліяніе Византіи несомнѣнно; нѣкоторыя вещи можно назвать вполнѣ греческими. Но за то большинство другихъ по оригинальной формѣ, рисункамъ, на нихъ изображеннымъ, и по своему назначенію были результатомъ требованій древне-русскаго вкуса. Это потверждается также отсутствіемъ находокъ аналогичныхъ вещей въ самой Византіи. Сначала, конечно, производство этихъ предметовъ находилось въ рукахъ византійцевъ, но впослѣдствіи могло быть унаслѣдовано и русскими мастерами. Всѣ вещи отличаются изяществомъ формъ и художественной работой, что указываетъ на развитость вкуса. Вообще клады, найденные въ Кіевѣ, взятые въ совокупности, представляютъ обильный неразработанный еще матеріалъ для исторіи культуры нашихъ предковъ.

Н. Бѣляшевскій.

Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

Памятникъ Богдану Хмельницкому.

(Историческій очеркъ его сооруженія) [1]).

Мысль о сооруженіи памятника освободителю Малороссіи возникла почти одновременно съ возбужденіемъ вниманія къ южнорусской старинѣ въ кружкѣ кіевскихъ ученыхъ, виднымъ представителемъ котораго въ 40—50-хъ годахъ былъ профессоръ и первый ректоръ кіевскаго университета М. А. Максимовичъ. Въ дружеской перепискѣ его съ М. П. Погодинымъ о Богданѣ Хмельницкомъ, печатавшейся въ издаваемомъ имъ же въ 1859 г. альманахѣ „Украинецъ", находится слѣдующее мѣсто: „Когда въ виду московскаго Кремля любуюсь я великолѣпнымъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, то всегда говорю себѣ: зачѣмъ же и до сихъ поръ нѣтъ ни въ Кіевѣ, ни въ Переяславѣ подобнаго памятника Освободителю Малороссіи отъ того же самаго ига, тяготѣвшаго надъ нею еще болѣе и долѣе, чѣмъ надъ Москвою! И если уже не попеклись объ этомъ Разумовскіе, Завадовскіе, Безбородьки, Трощинскіе и другіе малороссіяне, то хоть бы вы, великороссіяне, вздумали наконецъ выплатить этотъ долгъ своей благодарной памяти славному гетману, руками котораго вся Малороссія, восточная и западная, оторвалась отъ Рѣчи Посполитой польской и примкнула къ Москвѣ, въ общій составъ русскаго міра".

Мысль эту Максимовичъ неоднократно повторялъ въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ исторіи Малороссіи. Ее вполнѣ раздѣ-

[1]) Очеркъ этотъ составленъ Комитетомъ по сооруженію памятника на основаніи имѣющихся у него документальныхъ свѣдѣній.—*Ред.*

лялъ ученый другъ его, бывшій тогда ректоромъ кіевской духовной академіи, Иннокентій (Борисовъ), впослѣдствіи архіепископъ херсонскій, и другіе ученые кіевляне, группировавшіеся въ новоучрежденной тогда въ Кіевѣ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Но мысль эта, по перемѣщеніи Иннокентія изъ Кіева въ Вологду и по выходѣ въ отставку Максимовича, замолкла и какъ бы угасла, пока новыя обстоятельства опять не разбудили ее.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ обнаружились польско-шляхетскія притязанія, которыя выразились и въ обвиненіяхъ противъ кіевской археографической коммиссіи, будто искажающей и поддѣлывающей въ своихъ интересахъ издаваемые ею историческіе акты, и въ жалобахъ на беззащитность поляковъ, лишенныхъ цензурой свободы изобличать эти поддѣлки. Чтобы дать отпоръ этимъ нападкамъ, предсѣдатель коммиссіи счелъ справедливымъ открыть всѣмъ желающимъ свободный доступъ въ центральный архивъ для повѣрки печатныхъ документовъ посредствомъ сличенія ихъ съ подлинниками въ актовыхъ книгахъ, чѣмъ нѣкоторые успѣли воспользоваться лишь для того, чтобы, всплеснувъ руками, воскликать въ изумленіи „Boże! tego ja nie myslіał!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ полякамъ свою помощь для борьбы съ цензурою и для печатанія ихъ статей въ русскихъ журналахъ, съ однимъ условіемъ—соблюдать въ нихъ внѣшнее приличіе. Кромѣ того, онъ самъ помѣстилъ двѣ статьи по русско-польскому вопросу съ своею подписью въ заграничной газетѣ „Le Nord“. Этихъ двухъ статей не могли перенести противники и заставили умнаго своего литератора М. Грабовскаго написать на нихъ возраженіе. Грабовскій не желалъ открытой полемики, но, уступая общему требованію, „à son corps défendant“, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, составилъ статью на французскомъ языкѣ, но въ такомъ смыслѣ, чтобы она никакъ не могла быть пропущена цензурой, и передалъ ее предсѣдателю коммиссіи для напечатанія по его усмотрѣнію, согласно данному имъ обѣщанію. Послѣдній нашелъ однакожъ путь провести ее мимо цензуры и исходатайствовать при этомъ Высочайшее разрѣшеніе не только напечатать эту статью безъ всякой перемѣны, но и предоставить полякамъ право печатно защищаться и вести полемику. Статья Грабовскаго была

напечатана въ московской газетѣ „День“ безъ всякихъ пропусковъ и перемѣнъ, въ самомъ точномъ и превосходномъ переводѣ, какъ признавалъ самъ авторъ. Въ ней онъ приравнялъ Богдана къ Пугачеву. Автору было замѣчено словесно, что такое приравниваніе его очень неудачно, такъ какъ русская царица держала Пугачева въ желѣзной клѣткѣ на показъ народу, а польскій король посылалъ къ Хмельницкому пословъ съ дарами. Въ печатномъ же ему отвѣтѣ предсѣдатель коммиссіи выразился такъ: „Нѣтъ, г. Грабовскій! Историческое мѣсто Хмельницкаго не то, которое вы ему указываете: его мѣсто—на Софійской площади Кіева, на бронзовомъ конѣ въ доспѣхахъ вождя народнаго, указывающаго мечомъ на востокъ и этимъ движеніемъ руки рѣшающаго судьбу Польши. Вы намъ напомнили про долгъ, оставшійся у Богдана за Россіею, и мы вамъ за это искренно благодарны“.

Такъ было пробудилась уснувшая мысль о памятникѣ народному южно-русскому герою.

Сооруженіе памятника осуществлялось медленно, но настойчиво. Началось оно съ того, что предсѣдатель коммиссіи, которой были ввѣрены интересы мѣстной исторіи, счелъ себя въ правѣ подготовить предварительно почву для этого патріотическаго дѣла и обратился непосредственно къ художнику Микѣшину, который въ то время занимался у насъ спеціально сооруженіемъ монументовъ, съ вопросомъ: не пожелаетъ ли онъ заняться изготовленіемъ проекта памятника Хмельницкому въ Кіевѣ, какъ освободителю русской вѣры и народности отъ чуждаго ига и какъ возстановителю единства русской земли? Г. Микѣшинъ не только принялъ на себя эту задачу, но и самъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ и набросалъ первоначальный эскизъ памятника, оставивъ этотъ рисунокъ на память г. Юзефовичу. Было условлено, чтобъ въ Петербургѣ художникъ занялся окончательной обработкой своего проекта въ большомъ размѣрѣ и постарался, если возможно, довести о своей работѣ до свѣдѣнія Государя, что и было имъ исполнено очень удачно, и въ 1869 г. проектъ г. Микѣшина былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія.

По полученіи о томъ извѣстія, кіевскій генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ испросилъ 16 янв. 1870 г. Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки на сооруженіе въ Кіевѣ памятника Б. Хмельницкому, и одновременно съ тѣмъ министромъ финансовъ сдѣлано было распоряженіе о пріемѣ всѣми губернскими и уѣздными казначействами поступающихъ пожертвованій и отсылкѣ ихъ въ главное госуд. казначейство для храненія.

По проекту г. Микѣшина, памятникъ имѣлъ бы слѣдующій видъ: „конная статуя гетмана (приводимъ подлинное описаніе самого автора проекта) изображена взлетѣвшею на верхъ необдѣланной гранитной скалы. Въ правой, высоко поднятой рукѣ его—булава, которою онъ указываетъ по направленію къ сѣверовостоку, т. е. къ Москвѣ. Лѣвой рукой онъ крѣпко осадилъ своего дикаго коня. Подъ копытами лошади распростертъ трупъ іезуита, покрытый изорваннымъ польскимъ знаменемъ; тутъ же и обрывки разорванныхъ цѣпей. На пути Хмельницкаго, за конемъ его, помѣщается сброшенная копытомъ коня, падающая со скалы фигура польскаго пана. Еще ниже—трупъ еврея—арендатора, руки котораго судорожно закостенѣли на просфорахъ, пасхахъ и награбленной имъ церковной утвари“. Эти три фигуры, по мысли автора проекта, должны были „наглядно изображать три недуга, противъ которыхъ боролся Хмельницкій на Украинѣ и которые послужили гибелью для политическаго существованія Польши“.—Гранитная скала эта, со всѣми названными фигурами, стоитъ на четырехъ-гранномъ конической формы пьедесталѣ изъ кіевскаго лабрадора, а ниже къ землѣ идутъ гранитныя ступени. На трехъ сторонахъ пьедестала—три бронзовыхъ барельефа: 1) Збаражская битва; 2) Переяславская рада и 3) торжественная встрѣча гетмана-освободителя въ Кіевѣ, у Софійскаго храма, духовенствомъ и народомъ. На переднемъ фасѣ памятника, ниже Хмельницкаго, имѣла быть помѣщена группа изъ пяти фигуръ: въ центрѣ ея, подъ навѣсомъ скалы, сидитъ малороссійскій „кобзарь“, поющій славу народному герою, а его задумчиво слушаютъ—съ одной стороны великороссъ и бѣлоруссъ, а съ другой—малороссъ и червонорусс. Надъ ними,

на скалѣ, ниже конной статуи, надпись: „Единая недѣлимая Россія гетману Богдану Хмельницкому“. Подъ фигурой же кобзаря на пьедесталѣ надпись изъ народной думы временъ Хмельницкаго:

„Та не буде лучше, та не буде краще,
Якъ у насъ на Вкраини—
Що немае жида, що немае ляха,
Не буде й уніи“!

Въ маѣ 1870 г при управленіи кіевскаго генералъ-губернатора былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ М. В. Юзефовича, особый комитетъ, въ составъ котораго первоначально вошли слѣдующія лица: М. А. Максимовичъ, протоіерей П. Г. Лебединцевъ, Н. А. Ригельманъ, А. Ѳ. Воронинъ, бывшій тогда директоръ 2-й гимназіи И. И. Слѣпушкинъ и инспекторъ—И. О. Самчевскій, проф. В. Б. Антоновичъ и дѣлопроизводитель археографической коммиссіи К. Е. Козловскій. Комитету было поручено: а) приглашать публику и отдѣльныя вѣдомства и учрежденія къ пожертвованіямъ на памятникъ; б) озаботиться составленіемъ исторической записки о значеніи Б. Хмельницкаго въ русской исторіи, и в) избрать въ Кіевѣ мѣсто для постановки памятника. Черезъ два мѣсяца была напечатана въ 50,000 экземпляровъ составленная предсѣдателемъ краткая записка о значеніи Хмельницкаго, съ воззваніемъ ко всему „русскому земству“ о пожертвованіяхъ на памятникъ „тому, кто возвратилъ русскому народу кіевскую святыню, кто спасъ, можетъ быть, православіе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всея Россіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ обратился циркулярно съ просьбою о содѣйствіи въ сборѣ пожертвованій къ епархіальнымъ архіереямъ, къ губернаторамъ, попечителямъ учебныхъ округовъ, къ предводителямъ дворянства, къ городскимъ головамъ, начальникамъ военныхъ округовъ, въ земскія управы, въ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и другія учрежденія, а также въ редакціи газетъ и журналовъ и ко многимъ отдѣльнымъ лицамъ, на участіе которыхъ можно было особенно разсчитывать [1]).

[1]) Вотъ краткія свѣдѣнія о денежныхъ сборахъ на сооруженіе памятника Хмельницкому. Подробный отчетъ по этому предмету Комитетъ опубликуетъ впослѣдствіи, по совершенномъ окончаніи памятника и по заключеніи всѣхъ разсчетовъ.

Въ сентябрѣ того же года рѣшенъ былъ и вопросъ о мѣстѣ постановки памятника. Вопросъ этотъ въ кіевскомъ обществѣ породилъ самыя разнообразныя мнѣнія, находившія выраженіе отчасти и въ мѣстныхъ газетахъ. Одни совѣтовали поставить памятникъ на площади противъ университета, другіе хотѣли видѣть его въ скверѣ у Золотыхъ воротъ или противъ театра; третьи—на Бессарабской площади, благодаря чему площадь эта слыла нѣкоторое время подъ именемъ „площади Б. Хмельницкаго". Комитетъ призналъ наиболѣе соотвѣтствующимъ мѣстомъ для памятника площадь передъ Софійскимъ соборомъ, руководствуясь историческимъ соображеніемъ, что у стѣнъ этого храма—хотя не въ этомъ именно мѣстѣ, а со стороны Золотыхъ воротъ—27 декабря 1648 г. происходила торжественная встрѣча Хмельницкаго кіевлянами,—а равно и тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что эта площадь наиболѣе посѣщается богомольцами, приходящими на поклоненіе святынямъ стараго города.

Лѣтомъ 1872 года получена была въ Кіевѣ изготовленная г. Микѣшинымъ бронзовая модель памятника и выставлена для публичнаго осмотра въ одной изъ дворцовыхъ залъ. При ближайшемъ и, такъ сказать, наглядномъ и непосредственномъ ознакомленіи членовъ комитета съ видомъ будущаго памятника многіе изъ нихъ остались не вполнѣ довольными проектомъ г. Микѣшина и высказывали желаніе измѣнить нѣкоторыя его детали. Особенно не понравились фигуры ксендза, растоптаннаго лошадью, пана, сброшеннаго ею верхъ ногами, и трупъ еврея. Одни находили эти фигуры по меньшей мѣрѣ излишними, безъ нужды лишь увеличивающими стоимость памятника на весьма значительную сумму; другіе же признавали ихъ совершенно неумѣстными, могущими вредить художественному впечатлѣнію монумента, и настаивали на ихъ удаленіи. Хотя мнѣніе это раздѣ-

---

Общее количество денежныхъ суммъ, собранныхъ на памятникъ какъ путемъ добровольныхъ пожертвованій, такъ равно и путемъ процентнаго ихъ приращенія, составляетъ сумму около 44-хъ тысячъ рублей; количество суммъ, израсходованныхъ на сооруженіе памятника, достигаетъ той же цыфры. Сверхъ того въ 1886 г. изъ государственныхъ источниковъ была отпущена сумма въ 12000 рублей, которая пока еще не вся израсходована.

лялъ и бывшій тогда генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, но такъ какъ проектъ памятника еще ранѣе удостоился Высочайшаго одобренія, то комитетъ былъ уже не въ правѣ проектировать въ немъ какія-либо существенныя измѣненія, тѣмъ болѣе, что на это рѣшительно не хотѣлъ согласиться авторъ проекта.

Между тѣмъ осенью того же года прибылъ въ Кіевъ художникъ Микѣшинъ и представилъ комитету составленную имъ смѣту стоимости художественныхъ и бронзовыхъ работъ по изготовленію памятника на сумму 145,200 рублей, не считая металла. Это колоссальная цыфра сильно озадачила членовъ комитета: такой значительной суммы они ни въ какомъ случаѣ не могли надѣяться собрать путемъ добровольныхъ пожертвованій. Въ виду этого г. Микѣшинъ заявилъ, что, „желая съ своей стороны содѣйствовать скорѣйшему осуществленію патріотическаго дѣла“, онъ рѣшается сдѣлать сбавку въ 49,500 рублей изъ смѣтной суммы и готовъ принять на себя изготовленіе всѣхъ художественныхъ и бронзовыхъ работъ за сумму въ 95,700 рублей, не включая стоимости металла и каменныхъ работъ. За это патріотическое пожертвованіе г. Микѣшинъ, по представленію генералъ-губернатора, награжденъ былъ впослѣдствіи земельнымъ участкомъ въ тысячу десятинъ въ екатериносл. губ.

Въ февралѣ 1873 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ складовъ морскаго вѣдомства 1600 пудовъ лома зеленой мѣди для отливки фигуръ къ памятнику Хмельницкаго [1]); въ то же время по справкѣ, полученной изъ главнаго госуд. казначейства, оказалось, что общая сумма сбора достигла къ тому времени до 25 тысячъ рублей. Въ виду этого признано было возможнымъ приступить къ изготовленію если не цѣлаго монумента, то по крайней мѣрѣ главной его части, т. е. конной статуи гетмана. Получивъ на то разрѣшеніе со стороны министра внутр. дѣлъ, комитетъ 4 іюля 1873 г. заключилъ съ г. Микѣшинымъ контрактъ на изготовленіе конной статуи памятника на

[1]) Къ сожалѣнію, этимъ металломъ комитетъ не могъ воспользоваться по причинамъ, зависѣвшимъ исключительно отъ г. Микѣшина.

слѣдующихъ условіяхъ: за художественную часть труда, т. е. лѣпку въ глинѣ, формовку, отливку и расчистку скульптурныхъ оригиналовъ въ гипсѣ г. Микѣшинъ имѣлъ получить—за конную статую 6000 рублей и за фигуру іезуита, лежащую подъ конемъ, 2000 р., да сверхъ того за отливку всей группы изъ отпущеннаго на то казеннаго металла 15000 р., а всего—23000 р. Срокомъ окончанія заказа назначено было 1 мая 1875 года.

Для руководства художнику данъ былъ хорошій портретъ Хмельницкаго, а извѣстный археологъ и знатокъ стариннаго южно-русскаго быта проф. В. Б. Антоновичъ снабдилъ его подробными указаніями относительно костюма и вооруженія гетмана. Въ томъ же году г. Микѣшинъ приступилъ къ работамъ въ мастерской адмиралтейства, гдѣ онъ въ то время исполнялъ художественные заказы для морскаго вѣдомства. Работы эти значительно подвинулись уже впередъ, когда въ августѣ 1874 г. послѣдовалъ со стороны временно-управляющаго морскимъ министерствомъ приказъ немедленно очистить помѣщеніе въ адмиралтействѣ. Тогда г. Микѣшинъ перенесъ свою мастерскую въ манежъ, принадлежащій вѣдомству путей сообщенія, но черезъ мѣсяцъ вынужденъ былъ оставить и это помѣщеніе и заняться постройкой собственной мастерской. Всѣ эти обстоятельства отчасти служили причиною значительнаго замедленія въ окончаніи заказа, такъ что гипсовые оригиналы статуи были сданы г. Микѣшинымъ на заводъ для отливки лишь весною 1878 года. 3-го мая состоялся Высочайшій осмотръ этихъ оригиналовъ, при чемъ послѣдовало повелѣніе Государя, чтобы лежащая подъ ногами лошади Хмельницкаго фигура іезуита была совершенно снята и уничтожена, вмѣстѣ съ покрывающимъ ее польскимъ знаменемъ, и чтобы памятникъ состоялъ только изъ одной конной статуи Хмельницкаго. Въ такомъ видѣ статуя была отлита въ Петербургѣ на заводѣ Дж. Берда, заключившаго о томъ контрактъ не съ г. Микѣшинымъ, а непосредственно съ комитетомъ, при чемъ ему было уплочено по 30 рублей съ пуда за отливку вмѣстѣ съ металломъ, тогда какъ въ контрактѣ съ г. Микѣшинымъ эта сумма была выговорена лишь за одну отливку. Въ августѣ 1880 г. статуя была отлита и доставлена въ Кіевъ. При этомъ за про-

возъ ея по Николаевской желѣзн. дорогѣ взята была плата лишь въ половинномъ размѣрѣ, а правленія обществъ московско-курской и курско-кіевской жел. дорогъ согласились на безплатную перевозку.

Теперь комитету предстояло рѣшить важный вопросъ: какъ поступить далѣе съ конной статуей памятника? Когда въ 1873 г. она была заказываема, то предполагалось, что по мѣрѣ поступленія новыхъ пожертвованій будутъ изготовляемы постепенно и остальныя фигуры и части памятника. Но случилось такъ, что съ 1875 г. поступленіе жертвованій значительно уменьшилось, а скоро и совсѣмъ почти прекратилось. Наступилъ за тѣмъ самарскій голодъ, герцоговинское и болгарское возстаніе, сербская война и, наконецъ, русско-турецкая война 1877—78 гг. Все это были такія событія, которыя исключительно приковывали къ себѣ вниманіе русскаго общества и безпрестанно требовали отъ него громадныхъ матеріальныхъ жертвъ. Не удивительно, что подписка на памятникъ Б. Хмельницкому была почти забыта въ это тревожное время, и комитетъ остался лишь при тѣхъ средствахъ, какія были собраны въ предшествовавшіе годы. А этихъ средствъ было достаточно лишь на изготовленіе верхней группы памятника, да еще, пожалуй, на устройство недорогаго постамента къ ней. Нельзя же было сдать ее куда-либо на храненіе впредь до того времени, пока новый сборъ пожертвованій составитъ сумму, достаточную для окончанія остальныхъ частей памятника. Да и кто могъ сказать, скоро ли наступятъ времена, благопріятныя для возобновленія подписки, въ виду начавшагося тогда въ Россіи экономическаго кризиса. Притомъ же, статуя, доставленная съ завода въ отдѣльныхъ частяхъ, могла быть окончательно собрана, спаяна и расчищена только на своемъ постоянномъ мѣстѣ; безъ того работа осталась бы неоконченною. Поэтому признано было необходимымъ поставить статую на опредѣленное ей мѣсто, т. е. на каменномъ постаментѣ, возведенномъ въ надлежащую высоту. Но такъ какъ оставить статую на голомъ каменномъ столбѣ было бы безобразно, то комитетъ пришелъ къ мысли временно устроить какой-либо недорогой постаментъ, который впослѣдствіи могъ бы быть замѣненъ настоящимъ, сообразно первоначальному плану.

Было предложено нѣсколько проектовъ подобнаго временнаго постамента. Первый проэктъ въ особенности заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности.—Предположено было обсыпать постаментъ памятника землею, облицевать дерномъ и придать ему такимъ образомъ видъ кургана, въ родѣ тѣхъ „высокихъ могилъ"—нѣмыхъ свидѣтелей подвиговъ и славы козацкой, какими въ изобиліи усѣяны поля Украины. Проектъ этотъ, удостоенный 7 марта 1880 г. одобренія со стороны покойнаго Государя, при ближайшемъ разсмотрѣніи техниками-спеціалистами, признанъ былъ, однако, неудобнымъ по своей непрочности, и взамѣнъ его составленъ былъ однимъ изъ членовъ комитета, академикомъ-архитекторомъ В. И. Сычуговымъ новый проектъ постамента въ видѣ кургана изъ нетесанныхъ камней. Но и этотъ проектъ былъ оставленъ—отчасти въ виду техническихъ трудностей его осуществленія, главнымъ же образомъ по недостаточности наличныхъ денежныхъ средствъ. Наконецъ, комитетъ остановился на проектѣ того же В. И. Сычугова, предложившаго устроить постаментъ въ видѣ четырехъ-гранной усѣченной пирамиды изъ гранитныхъ тесанныхъ плитъ. Такой постаментъ былъ вполнѣ по средствамъ комитета, тѣмъ болѣе, что незадолго предъ тѣмъ, по Высочайше утвержденному 19 сент. 1880 г. постановленію военнаго совѣта, въ распоряженіе комитета отпущено было кіевскимъ крѣпостнымъ инженернымъ управленіемъ до 30-ти кубич. сажней гранитнаго, наполовину тесаннаго камня, оставшагося еще отъ постройки цѣпнаго моста. Составивъ подробную смѣту и чертежъ проектированнаго постамента, комитетъ представилъ ихъ г. генералъ-губернатору для исходатайствованія Высочайшаго соизволенія на предположенныя измѣненія, а тѣмъ временемъ приступилъ къ производству подготовительныхъ работъ.

Между тѣмъ 28 апрѣля 1883 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы постаментъ къ памятнику Б. Хмельницкаго былъ устроенъ въ видѣ кургана изъ нетесанныхъ гра-

нитныхъ камней неправильнаго вида. Приступивъ къ исполненію Высочайшей воли, комитетъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія: съ одной стороны его денежныя средства совсѣмъ почти истощились, а съ другой—ни одинъ изъ мѣстныхъ архитекторовъ не соглашался принять на себя постройку требуемаго кургана, въ виду новости и трудности подобной задачи. Такъ прошелъ 1883-й и 1884-й годы, и лишь въ октябрѣ 1885 г. кіевскій городской архитекторъ В. Н. Николаевъ изъявилъ согласіе принять на себя руководство работами по сооруженію требуемаго постамента и составилъ подробный проектъ и смѣту въ 12000 р. Этотъ проектъ и смѣта были утверждены технически-строительнымъ комитетомъ при министерствѣ внутр. дѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ, согласно постановленію Государственнаго Совѣта, удостоенному 4 марта 1886 г. Высочайшаго утвержденія, на окончаніе памятника Хмельницкому отпущена была сумма въ 12000 рублей изъ государственнаго казначейства. Въ октябрѣ того же года г. Николаевъ приступилъ къ производству работъ, а въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ имѣетъ послѣдовать торжество открытія памятника.

Такимъ образомъ медленность сооруженія дала время и возможность самому Государю отнестись къ памятнику съ критической стороны и довести его до той величавой простоты, въ какой онъ теперь является достойнымъ своего назначенія и вполнѣ согласнымъ съ высокимъ завѣтомъ нашего великаго поэта, выраженномъ въ знаменитомъ его стихотвореніи на взятіе Варшавы въ 1830 году:

„Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ:

Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца".

Критика.

Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. Москва. 1887 г. Т. 1 и 2.

Несмотря на то, что нашъ замѣчательный памятникъ южнорусской поэзіи XII вѣка вотъ уже почти цѣлое столѣтіе подвергается всестороннему изслѣдованію, объясненію и многоразличному толкованію; несмотря на то, что о немъ написано чуть ли не болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ памятникѣ нашей старины,—онъ все же оставляетъ и до сихъ поръ обширное поле для новыхъ работъ и толкованій, что и засвидѣтельствовано въ минувшемъ году выходомъ въ свѣтъ новаго почтеннаго труда г. Барсова, не разъ уже выступавшаго въ литературѣ съ отдѣльными статьями о Словѣ о Полку Игоревѣ. Въ настоящемъ трудѣ авторъ не затрогиваетъ уже какого-нибудь одного вопроса, а представляетъ намъ, такъ сказать, сводъ всего, относящагося къ данному памятнику, какъ по части библіографической, такъ и по исторіи самаго памятника и его критической разработки со всѣми разнообразными толкованіями въ цѣломъ и въ частностяхъ; при чемъ значительная часть труда посвящена самостоятельной разработкѣ Слова авторомъ, много потрудившимся надъ изученіемъ этой—можно сказать—загадки для насъ въ древнерусскомъ поэтическомъ творчествѣ. Отсюда ясно, что трудъ г. Барсова, печатавшійся разновременно въ періодическихъ изданіяхъ и вышедшій теперь отдѣльно, представляетъ собой необходимую настольную книгу для всякаго словесника, который можетъ всегда въ этомъ трудѣ не только отыскать интересующую его справку, но во многихъ случаяхъ и воспользоваться весьма цѣнными толкованіями отдѣльныхъ мѣстъ. Не говоримъ уже о томъ, что эта обширная работа изложена такъ увлекательно, съ такой любовью къ дѣлу, что

читатель многіе отдѣлы въ ней прочтетъ безъ труда и усилія, не взирая на часто встрѣчающіеся мелкіе факты, освѣщающіе тотъ или другой вопросъ. Трудъ г. Барсова распадается на слѣдующіе отдѣлы.

1) *Библіографія Слова*, гдѣ указаны всѣ изданія, переводы, изслѣдованія и замѣтки, касающіяся Слова, какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на славянскихъ нарѣчіяхъ и иностранныхъ языкахъ; указатель этотъ доведенъ до 1882 года (дополненія, доведенныя до 1887 года, см. въ концѣ II тома). Говорить о значеніи такого указателя считаемъ излишнимъ: онъ говоритъ самъ за себя; вопросъ только въ томъ, насколько можно считать его полнымъ. Указатель этотъ составленъ въ 1875 г. и помѣщенъ былъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ 1876 г., но въ настоящемъ изслѣдованіи онъ дополненъ не только новыми изслѣдованіями (по 1882 г.), но и указаніемъ пропущенныхъ первоначально нѣкоторыхъ библіографическихъ данныхъ. Зная, какъ трудно составить совершенно полный библіографическій указатель по какому бы то ни было вопросу, мы не сомнѣваемся, что и въ трудѣ г. Барсова, имѣвшаго въ этой области такихъ предшественниковъ, какъ профессора Ждановъ и Смирновъ, найдутся пропуски, несмотря на всю тщательность выполненія работы съ его стороны. Не занимаясь никогда спеціально библіографическими розысканіями о „Словѣ“, мы совершенно случайно можемъ, напримѣръ, указать одинъ маленькій пропускъ въ трудѣ г. Барсова, а именно: въ „Молвѣ“ 1833 г. № 102 помѣщена небольшая „журнальная замѣтка“, подписанная В. П. (Черниговъ), съ нѣсколькими замѣчаніями на извѣстную статью Полеваго по поводу изданія „Слова“ Вельтманомъ. Замѣтка эта ни по объему, ни по содержанію не представляетъ особенной цѣнности, но считаемъ умѣстнымъ при случаѣ отмѣтить ее, чтобы она не исчезла безслѣдно и вошла въ видѣ пополненія обширнаго ряда статей по литературѣ „Слова“.

2) *Критическій очеркъ литературы Слова.* Въ этомъ отдѣлѣ, распадающемся на 5 главъ, авторъ вводитъ читателя въ подробную исторію открытія памятника, первыхъ извѣстій о немъ, перваго изданія его, первыхъ попытокъ скептиковъ подорвать довѣріе къ подлинности памятника и первыхъ поддѣлокъ его, а затѣмъ переходитъ къ самому сложному вопросу изъ всѣхъ, касающихся „Слова“: что это была за рукопись, въ которой помѣщено „Слово“, какимъ письмомъ была она писана, къ какому вѣку относилась и какъ пользовались ею первые издатели? Для рѣшенія этихъ вопросовъ г. Барсовъ обра-

щается не только къ мнѣніямъ лицъ, видѣвшихъ рукопись, но еще болѣе—къ мелкому анализу всѣхъ частностей рукописи, по которымъ можно догадываться о времени написанія ея, какъ-то: заглавіе рукописи, составъ статей, правописаніе ихъ, а особенно самого „Слова", при чемъ пришлось сличить московскую копію рукописи, редактированную Малиновскимъ, съ петербургской копіей, писанной Мусинымъ-Пушкинымъ (Екатерининскій списокъ), и съ выписками Карамзина изъ подлинной рукописи „Слова", а также съ черновыми бумагами Малиновскаго, изъ которыхъ видѣнъ процессъ чтенія и изученія имъ памятника. Это кропотливое сличеніе, осложненное сопоставленіями со многими другими памятниками, годъ написанія которыхъ датированъ, приводитъ изслѣдователя къ выводу, что рукопись „Слова" должна быть отнесена къ XVI в. и что многія темныя мѣста памятника зависятъ, съ одной стороны, отъ неправильнаго чтенія первыхъ издателей, а съ другой—отъ ошибокъ въ самой рукописи. Важность же опредѣленія вѣка рукописи опирается на томъ, что критическому изслѣдованію открывается, благодаря этому, новый путь къ объясненію темныхъ мѣстъ, путь аналогій съ подобными мѣстами въ другихъ рукописяхъ того же вѣка. Покончивъ съ этимъ многосложнымъ и труднымъ вопросомъ, авторъ обращается къ обзору изданій „Слова" и его изслѣдованій, при чемъ предъ глазами читателя проносится мѣтко очерченный рядъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга мнѣній и взглядовъ на этотъ памятникъ съ характеристикой и тѣхъ скептическихъ воззрѣній, которыя второй волной нахлынули въ 30-хъ годахъ. Заканчиваетъ авторъ этотъ обзоръ новѣйшими пріемами толкованій „Слова" въ трудѣ г. Потебни—позднѣйшими глоссами, т. е. приписками на поляхъ, поправками, вводившими переписчика въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить[1]). Вслѣдъ за обзоромъ научныхъ изданій и изслѣдованій, мы знакомимся съ поэтическими переложеніями „Слова", съ педагогическими и популярными изданіями его и наконецъ—съ переводами и объясненіями его на иностранныхъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Говоря о поэтическихъ переводахъ, авторъ сначала коснулся очень интереснаго вопроса, есть ли „Слово" произведеніе

[1]) Не можемъ здѣсь не замѣтить, что авторъ, вполнѣ основательно, по нашему мнѣнію, увлекаясь красотами „Слова" и становясь рьянымъ защитникомъ цѣльности и неиспорченности текста его, впадаетъ въ нѣкоторую крайность, обнаруживающуюся въ той горячности защиты, которая вредитъ серьезности научнаго изслѣдованія.

книжное, или народное? Приведши отвѣты на этотъ вопросъ предшественниковъ, г. Барсовъ высказываетъ и свое мнѣніе, что „Слово, несмотря на всѣ признаки литературныхъ на него воздѣйствій, является съ преобладаніемъ въ немъ народно-поэтическихъ мотивовъ"; иначе—пѣвецъ былъ человѣкъ книжный, но воспитавшій въ себѣ поэтическій даръ на почвѣ народнаго творчества. Перечисляя поэтическія переложенія „Слова" и указывая таковыя на малорусскомъ языкѣ, авторъ, между прочимъ, въ примѣчаніи упоминаетъ о рукописномъ малорусскомъ переводѣ А. С. Афанасьева, сдѣланномъ по порученію академика Срезневскаго. Если въ счету стоятъ рукописныя переложенія, то мы въ такомъ случаѣ прибавимъ еще одно, о которомъ гдѣ-то въ печати (не можемъ вспомнить теперь), кажется, упоминалось,—это переводъ г. Руданскаго, извѣстнаго въ малорусской письменности переводомъ Иліады, а также многими мелкими своими стихотвореніями. Переводъ этотъ мы имѣли въ рукахъ и считаемъ его довольно удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ, неизмѣримо лучшимъ, нежели совсѣмъ никуда негодный переводъ г. Кендзерскаго, изъ котораго г. Барсовъ даже дѣлаетъ выписки, ни словомъ не заикаясь о его полной безталанности.

3) Указавши ранѣе, что въ „Словѣ" отражаются двѣ струи—книжная и народная, авторъ въ слѣдующей главѣ „Слово, какъ выраженіе школы кіевской дружинной Руси" желаетъ болѣе точно установить характеръ этого смѣшаннаго стиля. И надо отдать полную справедливость тому талантливому пріему г. Барсова, при которомъ ему вполнѣ удается выяснить, на основаніи тщательнаго разбора переводной повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима, что въ дружинный вѣкъ выработался уже на Руси своей особый стиль, сложившійся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ греческой письменности, а съ другой—живаго народнаго языка. Важенъ же для автора этотъ разборъ повѣсти Флавія потому, что онъ находитъ въ „Словѣ о Полку Иг." множество выраженій, вполнѣ отвѣчающихъ по духу и по пріемамъ стилю этой повѣсти, что̀ даетъ ему полное право сдѣлать такой заключительный выводъ: „Слово носитъ на себѣ печать стиля той же литературно-повѣствовательной школы Кіевской Дружинной Руси, къ которой относится и переводъ Флавія" (т. I, стр. 272). Но этотъ выводъ не исключаетъ, однако, желанія читателя пойти еще дальше и попросить отвѣта на вопросъ, гдѣ же границы этихъ двухъ элементовъ въ стилѣ дружинной Руси—книжнаго и народнаго; но увы! отвѣта почти нѣтъ въ трудѣ г. Барсова,

т. к. въ началѣ этой главы онъ самъ признается, что „сдѣлать это, при существующей разработкѣ древне-русской письменности и нашей народной словесности, довольно затруднительно“ (т. I, стр. 213). На этомъ вопросѣ, впрочемъ, мы остановимся еще впереди.

4) Слѣдующая, сравнительно небольшая, глава „Слово, какъ историческая повѣсть“ представляетъ менѣе интереса, такъ какъ въ ней выясняется только, что авторъ „Слова“ былъ несомнѣнно дружинникъ черниговскаго князя, при чемъ, конечно, трудно доказывать это очень осязательными данными[1]), а затѣмъ устанавливается, на основаніи параллельныхъ характеристикъ изъ „Слова“ и кіевской лѣтописи, бытовая картинка приднѣпровской Руси XII вѣка, тоже не особенно яркая, хотя имѣющая свое значеніе въ трудѣ, носящемъ характеръ свода въ одно цѣлое всѣхъ чертъ, раскиданныхъ по разнымъ мѣстамъ памятника.

5) Третья глава труда г. Барсова, какъ мы видѣли, установила то положеніе, что „Слово“ принадлежитъ къ литературно-повѣствовательной школѣ кіевской дружинной Руси. Въ 5-ой главѣ „Слово, какъ пѣснь, подобная Бояновой“, авторъ долженъ былъ остановиться на вопросѣ: что же представляетъ изъ себя Бояново пѣснопѣніе и въ какомъ отношеніи къ нему находится „Слово“. Опредѣливъ, что ранѣе этой школы, приблизительно до Владиміра Мономаха, была особая школа писателей, прибѣгавшихъ всегда къ *украшеннымъ словесамъ*, г. Барсовъ относитъ къ этой послѣдней и Бояна, находя, что авторъ „Слова“ не отрекся совершенно отъ пріемовъ Боянова пѣснотворчества, а напротивъ, желая разсказывать „по былинамъ“, постоянно обращается за вдохновеніемъ къ своему литературному предшественнику. Все это, какъ извѣстно, давно уже стало обычнымъ при объясненіяхъ „Слова“ и вошло даже во всѣ учебники русской литературы; но въ послѣднее время всплыла опять гипотеза о византійско-болгарскомъ образцѣ для „Слова“ и между прочимъ о болгарскомъ происхожденіи Бояна, выраженія котораго пѣвецъ „Слова“ вставилъ въ свое произведеніе, не давая себѣ яснаго отчета въ нихъ. Взглядъ этотъ, высказанный Вс. Миллеромъ въ книгѣ „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ въ 1877 г., болѣе или менѣе рѣшительно поддержанъ былъ и другими учеными. Вотъ почему г. Барсову

---

[1]) Припоминаемъ, что этому вопросу былъ посвященъ лѣтъ 6—7 тому назадъ рефератъ г. Багалѣя, читанный въ Историч. Общ. Лѣтописца Нестора, гдѣ референтъ болѣе подробно доказывалъ ту же мысль.

пришлось теперь посвятить не мало мѣста, какъ опроверженіямъ этой гипотезы, такъ и обоснованію прежняго воззрѣнія, сильнымъ защитникомъ котораго состоитъ онъ самъ. Такъ какъ Вс. Миллеръ, ищучи аналогичныхъ „Слову“ оборотовъ въ книжной словесности, болѣе всего останавливается на повѣсти о Дигенисѣ, то и г. Барсовъ обращается къ ней, разбирая два вопроса: представляетъ ли извѣстный списокъ этой повѣсти непремѣнно болгарскій изводъ? и когда появился у насъ этотъ изводъ: до или послѣ написанія „Слова?“ Для рѣшенія перваго вопроса, авторъ дѣлаетъ анализъ стиля повѣсти и приходитъ, по нашему разумѣнію, къ весьма убѣдительному выводу, что стиль этотъ въ очень многомъ подходитъ къ стилю указанной выше литературно-повѣствовательной школы кіевской Руси,—слѣдовательно, болгарскій изводъ оказывается очень сомнительнымъ. Второй же вопросъ, о времени появленія у насъ повѣсти, рѣшается на основаніи немногихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что она могла появиться не раньше конца XII или начала XIII вѣка, слѣдовательно—послѣ появленія „Слова“. Отсюда выводъ г. Барсова—совершенно обратный выводу Вс. Миллера, т. е. „не передѣлка Византійской поэмы должна была вліять на „Слово“, а напротивъ—стиль „Слова“ вліять на передѣлку повѣсти“. Вслѣдъ за этимъ нетрудно г. Барсову возразить и противъ остальныхъ положеній Вс. Миллера, будто „никакого пѣснопѣвца Бояна на Руси не было; будто Боянъ не историческое лицо, а маска“; тутъ пришлось автору только нѣсколькими, очень мѣтко впрочемъ обрисованными, сопоставленіями показать, что естественнѣе и ближе искать Бояна среди русскихъ пѣвцовъ дружиннаго вѣка, нежели гдѣ-то въ Болгаріи рыскать за царевичемъ Бояномъ—*вѣдуномъ* и *кобникомъ*.

Естественно, что въ связи съ вопросомъ о Боянѣ ставитъ гипотеза Вс. Миллера и названія божествъ, упоминаемыхъ въ „Словѣ“. Но мы не будемъ слѣдить далѣе за возраженіями г. Барсова, т. к. споръ этотъ, вѣроятно, читанъ былъ въ свое время на страницахъ журналовъ, а укажемъ только, что и тутъ авторъ разбираемаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, остается побѣдителемъ, если не въ положительныхъ доказательствахъ, то въ весьма сильныхъ возраженіяхъ. Поэтому, не можемъ не согласиться съ заключительными словами автора: „если Слово въ такой полнотѣ изображаетъ предъ нами дружинно-кіевскую Русь, какъ мы видѣли; если языкъ его воплощаетъ въ себѣ даже всѣ картины русской природы, то не наивно ли думать, что авторъ „Слова“ лишь нѣсколько миѳическихъ выраженій взялъ изъ бол-

гарской книжки, чтобы прикрѣпить ихъ къ своимъ прекраснымъ картинамъ, не понимая ихъ значенія, и, не изучивъ этого миѳа по русскимъ даннымъ, для его объясненія предлагать византійско-болгарскій прототипъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ? (т. I, стр. 390).

6) Слѣдующій, шестой, отдѣлъ посвященъ разработкѣ вопроса: въ какомъ отношеніи находится „Слово" къ былевому эпосу. Авторъ, указавши вначалѣ на разныя теоріи, объясняющія происхожденіе былинъ, склоняется самъ къ мнѣнію, что главная черта въ былинѣ—фактъ, а не миѳъ, и именно—фактъ борьбы со степью, чѣмъ и обусловливается отношеніе былины къ главному сюжету „Слова". „Слово есть произведеніе чисто дружинное; былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ" (т. I, стр. 401),—иными словами: дружинно-кіевскую Русь очертилъ въ „Словѣ" боярин, въ былинѣ – мужикъ (стр. 426) И вотъ г. Барсовъ ведетъ вслѣдъ за этимъ рядъ аналогій въ изображеніи этихъ дружинныхъ чертъ по былинамъ и по „Слову".

Но такъ какъ былина, помимо историческаго факта, въ основѣ своей имѣетъ и миѳъ, то дальнѣйшая часть этой главы посвящена отысканію аналогій между чудеснымъ въ былинѣ и миѳологіей въ „Словѣ." Глава эта, по нашему мнѣнію, разработана не такъ обстоятельно, какъ можно было бы ждать, судя по той обширной литературѣ былеваго эпоса, которая распадается на нѣсколько школъ съ своеобразными воззрѣніями каждой на происхожденіе былинъ и освѣщеніе фактовъ въ нихъ.

7) Весьма любопытный вопросъ разсматривается авторомъ въ седьмой главѣ „Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ". Весьма любопытный—говоримъ—потому, что „Слово", появившись въ концѣ XII вѣка какъ бы для того, чтобъ доказать, какого высокохудожественнаго творчества достигла древне-русская поэзія, совершенно не оставляетъ послѣ себя наслѣдниковъ, хоть бы въ ничтожной долѣ напоминавшихъ намъ своего предка.

Г. Барсовъ главную причину этого явленія видитъ въ фактѣ паденія послѣ татарскаго погрома кіевской дружинной Руси, хотя въ то же время онъ признаетъ на нѣкоторое время остатки въ поэзіи ея воинскихъ преданій, и, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачно ищетъ въ дальнѣйшихъ повѣстяхъ отголосковъ того же художественнаго стиля, какимъ поражаетъ „Слово." Не совсѣмъ удачно—гово-

римъ—потому, что онъ въ этихъ повѣстяхъ обращаетъ вниманіе на отдѣльныя выраженія и думаетъ въ нихъ видѣть тѣ же дружинные образы, что и въ „Словѣ.“ Но незачѣмъ, намъ кажется, искать того чего нѣтъ. Можно найти отдѣльное слово, даже выраженіе; но не, найти въ этихъ повѣстяхъ того рѣзко выдающагося, своеобразнаго стиля, какимъ вѣетъ отъ „Слова“; каждая строка этихъ повѣстей, даже для непривычнаго уха, показываетъ вамъ, что иная взята тутъ основа, что существуютъ иные мотивы вдохновенія, иное поэтическое чутье. Вотъ почему такъ непріятно рѣжутъ ухо тѣ же самыя выраженія „Слова“, будучи повторены въ подражательныхъ „Задонщинахъ“; вы сразу чувствуете, что здѣсь сошлись два противоположные элемента, которые только мѣшаютъ другъ другу, нарушая цѣльность впечатлѣній. Однимъ словомъ, надо признать, что поэтическій стиль древней Руси покончилъ свое бытованіе вмѣстѣ съ „Словомъ“, что послѣ него начался періодъ колебанія, упадка этого стиля, новой формировки его подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ началъ, и этотъ новый стиль, съ своимъ особымъ отпечаткомъ, окончательно выработался нескоро—только въ новый періодъ русской письменности.

Гдѣ же причина этого паденія древняго поэтическаго стиля?

Кромѣ указанной раньше г. Барсовымъ причины—паденія кіевской дружинной Руси,—мы находимъ у него и еще двѣ, упомянутыя вскользь и неясно отмѣченныя, но, по нашему мнѣнію, первенствующія. На стр. 443-й читаемъ: „такъ-то образъ Бояна и его старыхъ словесъ, образъ столь живой и опредѣленный, столь высокій и поэтическій для *Кіевской* дружинной Руси, помрачился въ *Заокской сѣверной* Руси“; а на стр. 454-й встрѣчаемъ еще и такія строки: „начала Кіевской дружинной Руси—начала рыцарской чести и славы, развитыя въ „Словѣ“, были чужды Руси Московской; *здѣсь вступило въ силу и дѣйствовало уже начало вѣры.*“ Мы постараемся привести это къ одному знаменателю. Художественно-поэтическій стиль, поэтическіе образы и картины вырабатываются обыкновенно подъ вліяніемъ многихъ элементовъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени дѣйствующихъ на умы пишущей братіи; сюда входятъ и народно-бытовыя черты, и условія общественной формы жизни, и тотъ центръ, къ которому стремится, такъ сказать, душевная лирика общества въ данное время. Древне-русская художественная поэзія выработалась на основѣ народной поэзіи, съ тѣмъ естественнымъ совершенствованіемъ послѣдней, которое должны были внести въ нее современные культурники, не отрывавшіеся отъ народнаго на-

чала. Въ области поэзіи они жили тѣмъ народно-поэтическимъ чутьемъ, которое выработано было помимо началъ христіанства, и увлекались тѣми народными идеалами, которыми увлекались даже и не поэты (вспомнимъ увлеченіе лѣтописца, передающаго преданія о князьяхъ-язычникахъ Олегѣ, Ольгѣ и Святославѣ, поступавшихъ далеко не по-христіански). Вотъ эта-то близость въ области поэзіи началъ народнаго и культурнаго (книжнаго) и создала увлекающій насъ и понынѣ стиль дружинно-кіевскій, какъ выражается г. Барсовъ. Вотъ почему мы очень сожалѣемъ, что не видимъ въ трудѣ почтеннаго автора еще одной главы—объ отношеніи „Слова“ къ современной народной южно-русской поэзіи, а говорится объ этомъ очень немного по поводу труда г. Потебни на стр. 152-й, а въ этомъ отдѣлѣ можно бы очень много указать тѣхъ аналогій въ картинахъ и образахъ, которые сами напрашиваются на сопоставленія. Но это отступленіе,—и потому, продолжимъ нашу рѣчь далѣе. Что же сдѣлалось позже съ тѣми условіями, при которыхъ вырабатывался поэтическій стиль древней Руси? Нить южной письменности временно оборвалась, а культурный центръ началъ формироваться на сѣверѣ, гдѣ книжники-поэты оказались безъ традицій того поэтическаго творчества, которое такъ блистательно начато было на югѣ. Они очутились съ церковной письменностью въ рукахъ, съ религіозными идеалами въ мысли—и попробовали съ этими данными создавать *новую поэзію, но по старинной формѣ.* Естественно, что, не имѣя народно-поэтическаго начала въ основаніи и не успѣвъ выработать поэтическихъ пріемовъ на новыхъ христіанскихъ началахъ, они оказались весьма слабыми въ своемъ творчествѣ и должны были черпать матеріалъ творческій изъ старыхъ образцовъ. Что вышло изъ этого неестественнаго заимствованія народно-поэтическихъ основъ юга для сѣверной лиры и изъ смѣшенія внѣ христіанства стоящихъ образовъ съ религіозными идеалами,—прекрасно видно изъ многоразличныхъ безобразныхъ редакцій „Задонщины“.

Такъ мы хотимъ понимать мысль почтеннаго автора въ этой главѣ, но не можемъ не признать, что глава эта разработана гораздо слабѣе прочихъ, и потому основная мысль только какъ бы скользитъ по поверхности, не затрогивая глубины вопроса. Намъ кажется, что причина этого скрывается въ не совсѣмъ понятномъ для насъ стремленіи автора отрицать спеціальную южно-русскую стихію въ языкѣ „Слова,“ не скрывая южно-русскаго происхожденія самого памятника. Значительно раньше этой главы г. Барсовъ на стр. 212-й

высказался по этому поводу опредѣленно: „языкъ Кіевской дружинной Руси, изъ среды коей вышло „Слово," отнюдь не былъ какимъ-нибудь народнымъ нарѣчіемъ, но онъ былъ уже языкомъ образованнаго класса, языкомъ—такъ сказать—культивированнымъ, литературнымъ"; и далѣе: „самый языкъ ихъ не былъ нарѣчіемъ того или другаго народа, но возвышался надъ ихъ діалектическими особенностями и былъ языкомъ дружинно-боярскимъ, развившимся изъ историческихъ, политическихъ и культурныхъ взаимодѣйствій *Кіева и Новгорода*". Соглашаясь съ тѣмъ, что языкъ этотъ не былъ какимъ-нибудь народнымъ діалектомъ, а былъ языкомъ литературнымъ, мы въ то же время думаемъ, что художественно-поэтическій стиль древней Руси не могъ далеко уйти отъ діалекта той области, въ которой онъ зарождался и воспитывался. И самъ авторъ далѣе мимоходомъ признаетъ это, говоря: „Если предъидущіе примѣры указываютъ, какъ не отчетливы были списки „Слова" XV–XVII вв., то слѣдующія даютъ понимать, какъ далеко отстояла въ то время *книжность сѣверно-русскаго человѣка отъ Кіевской передовой образованности и въ частности дружинной поэзіи. Авторы Задонщины мало были знакомы съ живыми мѣстными говорами:* только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить замѣну выраженія—„о русская земле, уже за *шеломянемъ* еси!" такого рода оборотомъ: „земля еси русская! какъ еси была доселева за царемь за *Соломономъ*" (стр. 444). И это не единственное мѣсто! А вѣдь нужно повторить слова самаго же г. Барсова: „достойно вниманія, что наибольшая часть дошедшихъ до насъ Задонщинъ *Новгородскаго* происхожденія" (стр. 440), т. е. того самого Новгорода, который, какъ мы видѣли, признается авторомъ за одинъ изъ основныхъ элементовъ дружинно-кіевскаго стиля.

8) Маленькой 8-й главой „Слово въ новѣйшихъ произведеніяхъ искусства" авторъ заканчиваетъ 1-й томъ своего обширнаго изслѣдованія. Сѣтуя здѣсь на отсутствіе среди нашихъ художниковъ людей съ солиднымъ общимъ образованіемъ, г. Барсовъ видитъ въ этомъ и причину того, что въ области искусства нельзя указать ни одного замѣчательнаго произведенія, относящагося къ „Слову." Въ музыкѣ авторъ отмѣчаетъ только одну попытку г. Акатова. Мы можемъ прибавить еще двѣ музыкальныхъ піесы, относящихся къ „Слову,"—это музыкальныя воспроизведенія Плача Ярославны: одно принадлежитъ извѣстному малорусскому композитору Н. В. Лисенку, а другое—магистру классической филологіи, чеху по происхожденію, В. И. Петру.

Второй томъ изслѣдованія г. Барсова состоитъ изъ трехъ отдѣловъ съ дополненіями къ библіографіи „Слова“ академика А. Ѳ. Бычкова.

Первый отдѣлъ „Слово о Полку Игоревѣ въ его цѣломъ и частяхъ“ имѣетъ задачей, по словамъ автора, облегчить для читателя разумѣніе этого геніальнаго и глубокаго творческаго произведенія кіевской Руси. Разбивши все „Слово“ на части, авторъ объясняетъ мысль каждой изъ нихъ и затѣмъ приводитъ текстъ памятника, но не въ подлинникѣ, а въ переводѣ на современный русскій языкъ, что̀—можетъ быть—очень удобно для обыкновеннаго читателя, но мы думаемъ, что въ такомъ капитальномъ изслѣдованіи желательно было бы видѣть параллельный текстъ подлинника и перевода, подобно тому, какъ это сдѣлалъ г. Дубенскій.

Второй отдѣлъ „Новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту Слова“ въ бо̀льшихъ подробностяхъ разсматриваетъ тотъ же вопросъ, который разбирался авторомъ въ 1-мъ томѣ, въ критическомъ очеркѣ литературы „Слова.“ Изъ этого послѣдняго мы уже знаемъ, какъ относится г. Барсовъ къ попыткамъ ученыхъ вносить поправки въ текстъ „Слова“ на основаніи воображаемыхъ пропусковъ, перестановокъ переписчиковъ, переплетчиковъ и пр. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ вначалѣ возражаетъ основателю у насъ этого направленія въ разработкѣ „Слова,“ г. Потебнѣ, приводя тѣ поправки, перестановки и пропуски, которые, по его мнѣнію, совершенно ничѣмъ не оправдываются и безъ всякой нужды измѣняютъ дошедшій къ намъ текстъ памятника. Но особенный упрекъ ставитъ авторъ г. Потебнѣ за то, что его скептицизмъ породилъ такихъ подражателей этого направленія, какъ гг. Прозоровскій и Андреевскій, которые дошли до крайнихъ предѣловъ и стали искажать памятникъ въ самомъ его основаніи. Къ ихъ-то догадкамъ и обращается затѣмъ г. Барсовъ и совершенно основательно заканчиваетъ этотъ отдѣлъ словами: „при подобномъ направленіи дальнѣйшихъ работъ, литературѣ грозитъ опасность переполниться такимъ мусоромъ, котораго не въ силахъ будетъ расчистить ни одинъ изслѣдователь“ (стр. 119).

Третій, самый обширный, отдѣлъ во 2-мъ томѣ посвященъ „Палеографической критикѣ текста Слова.“ Указавъ вначалѣ на значеніе для уясненія неисправныхъ и темныхъ мѣстъ въ Словѣ критики исторической, филологической и эстетической, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что палеографія есть надежнѣйшій путь къ ихъ возстановленію и уясненію, и затѣмъ даетъ новый опытъ

объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, приводя тутъ же различные комментаріи другихъ изслѣдователей.

Не будемъ останавливаться на обзорѣ этихъ комментаріевъ, т. к. это заставило бы насъ значительно расширить нашу рецензію, а главная задача наша была обратить вниманіе читателей на эту почтенную работу г. Барсова, умолчать о которой нельзя „Кіевской Старинѣ", какъ въ виду того, что изслѣдованіе автора касается вопроса, имѣющаго ближайшее отношеніе не только къ журнальной, но и къ дѣйствительной кіевской старинѣ, такъ и потому, что самый сюжетъ работы освѣщаетъ намъ типичный памятникъ дружинно-кіевскаго періода, характернымъ представителемъ котораго является князь Владиміръ Святой, 900 лѣтъ назадъ положившій основы единенія старинныхъ преданій дружиннаго быта съ новыми началами христіанскаго братолюбія.

В. Науменко.

Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1887 г. 232 стр.

Трудъ г. Андріяшева распадается на слѣдующія части: 1) вступленіе, 2) источники, 3) страна, 4) населеніе, 5) географическій очеркъ, 6) историческій очеркъ.

„Уже давно высказано и теперь общепринято, говоритъ авторъ, то мнѣніе, что только изученіемъ и разработкой исторіи отдѣльныхъ частей, составлявшихъ древнюю Русь, возможно довести познаніе ея исторіи до должной высоты". Первая половина текущаго столѣтія ознаменована въ нашей наукѣ появленіемъ цѣлаго ряда капитальныхъ трудовъ, охватывающихъ историческую жизнь русскаго народа на всемъ ея протяженіи. Этотъ періодъ разработки русской исторіи заканчивается трудомъ С. М. Соловьева, представляющимъ замѣчательный примѣръ огромной эрудиціи въ области исторіи. „Исторія Россіи" г. Иловайскаго относится уже къ тому времени, когда у насъ устанавливается новое направленіе разработки нашей исторіи по областямъ, когда появился уже трудъ самаго автора „Исторіи Россіи" по областной исторіи, именно „Исторія Рязанскаго княжества", Корсакова" Меря и Ростовское княжество" и др. Несомнѣнно, что съ развитіемъ новаго направленія въ русской исторической наукѣ многія явленія древне-русской жизни получили новое болѣе правильное освѣ-

щеніе, пріобрѣли иное значеніе. И это вполнѣ естественно. Задавшись цѣлью представить полную картину прошедшей жизни народа, историкъ легко можетъ быть подавленъ массой фактовъ, подлежащихъ предварительному уясненію; многое можетъ ускользнуть отъ его вниманія, а иное будетъ принято имъ за явленіе мелкое, не стоющее особеннаго вниманія, и это будетъ величайшая ошибка съ его стороны. При новомъ направленіи въ нашей исторической наукѣ, историкъ, имѣя предъ собою меньшую сумму фактовъ, не развлекаясь ихъ безконечнымъ разнообразіемъ, имѣетъ возможность болѣе сосредоточиться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, глубже проникнуть въ смыслъ каждаго явленія жизни, подвергнувъ болѣе тщательному анализу свои источники и принявъ во вниманіе мѣстные факторы, оказывавшіе вліяніе на ходъ историческихъ событій. Если все сказанное вполнѣ примѣнимо къ исторіи каждаго народа вообще, то тѣмъ болѣе къ исторіи народа русскаго, жизнь котораго съ незапамятныхъ временъ развивалась при столь разнообразныхъ условіяхъ чисто мѣстнаго, областнаго характера. Эти отдѣльные труды по разработкѣ исторіи отдѣльныхъ областей служатъ, такимъ образомъ, болѣе правильному возсозданію всей прошедшей исторической жизни русскаго народа и установленію яснаго пониманія ея во всей совокупности ея проявленій. Слѣдовательно, эти труды заслуживаютъ особеннаго вниманія и строгаго къ себѣ отношенія критики. Размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ останавливаться на подробномъ разборѣ всѣхъ деталей труда г. Андріяшева и заставляютъ ограничиться общей оцѣнкой его.

Разсматриваемая книга распадается собственно на двѣ части: географо-этнографическій очеркъ волынской земли и очеркъ историческій. Намъ кажется, что весь матеріалъ, заключающійся въ первыхъ главахъ труда г. Андріяшева, могъ быть сгруппированъ въ одну, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ между собою неразрывную органическую связь. При томъ раздѣленіи на главы, которое мы находимъ въ „Исторіи Волынской земли“, авторъ долженъ иногда забѣгать впередъ и ставить положенія, которыя могутъ быть подкрѣплены лишь данными, сгруппированными въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Такъ совершенно необоснованнымъ является положеніе въ I главѣ, будто древнѣйшая лѣтопись застаетъ волынянъ разселенными по нынѣшнимъ уѣздамъ волынской губерніи: владимірскому, луцкому, каменецкому, дубенскому и прилежащимъ частямъ другихъ уѣздовъ волынской губерніи, Галиціи и люблинской губерніи. Древняя лѣтопись

совсѣмъ ничего такого не говоритъ, а знаетъ только, что къ словенскому языку принадлежатъ „Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне". Болѣе или менѣе это положеніе можетъ найти себѣ оправданіе въ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся авторомъ въ его „географическомъ очеркѣ" волынской земли, о чемъ мы скажемъ ниже. Вообще первая глава не чужда гипотезъ, которыя не могутъ имѣть за себя почти никакихъ доказательствъ. Не менѣе гипотетично пріуроченіе извѣстій Геродота о будинахъ, Ибнъ-Даста и Мукадесси объ островѣ, на которомъ живутъ русь, къ волынской землѣ. Разныя объясненія этихъ извѣстій дѣлались не разъ, обставлялись болѣе или менѣе остроумными соображеніями, но оставались все-таки болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами. Несомнѣнно, весьма интересна первая часть II главы, которая знакомитъ читателя съ данными, добытыми археологіей, о доисторическихъ временахъ русской земли, но намъ кажется, что автору слѣдовало сдѣлать нѣкоторыя оговорки, чтобы представить факты въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Самъ авторъ говоритъ: „въ нашемъ изложеніи мы вовсе опустили разсмотрѣніе всего того, что обыкновенно понимается подъ общимъ заглавіемъ „внутренняго состоянія страны", т. е. развитіе торговли, промышленности, образованности и проч.". Словомъ, прибавимъ отъ себя, всего того, что составляетъ бытъ народа, включая сюда его религію, семейныя и общественныя отношенія и т. д. Если для характеристики быта племени волынянъ у насъ мало, или почти нѣтъ данныхъ, а имѣются лишь общія, относящіяся къ быту русскаго славянства вообще, то тѣмъ болѣе для характеристики быта доисторическихъ автохтоновъ Волыни у насъ нѣтъ ничего спеціальнаго, а имѣются археологическіе матерьялы о бытѣ человѣка въ доисторическій періодъ въ Россіи, и, по нашему мнѣнію, пока еще нѣтъ возможности выдѣлить оригинальныхъ чертъ доисторическаго быта волынскаго населенія, если даже и сдѣлать предположеніе, что въ эти отдаленныя эпохи, какъ каменный вѣкъ, территорія Россіи была занята не одной расой. Поэтому, выпуская совершенно очеркъ быта племени волынянъ, авторъ не принесъ бы ущерба своему труду, если бы также прошелъ молчаніемъ бытъ автохтоновъ Волыни. По крайней мѣрѣ, необходимо было оговориться, что здѣсь берутся лишь общія данныя и примѣняются къ волынскому населенію, какъ такому, которое также переживало эти первобытныя эпохи или составляло часть какой-то великой расы, населявшей нѣкогда всю территоріи нынѣшней европейской Россіи.

Лучшими главами въ трудѣ г. Андріяшева несомнѣнно должны быть признаны III и IV, особенно первая изъ нихъ. Въ своемъ географическомъ очеркѣ авторъ слѣдуетъ строго обдуманному, вполнѣ вѣрному и удачно выполненному плану. Онъ послѣдовательно опредѣляетъ сначала границу этнографическую, затѣмъ политическую границу волынской земли; указавъ на составныя части послѣдней, авторъ старается, наконецъ, провести границы всѣхъ удѣловъ Волыни. По нашему мнѣнію, г. Андріяшевъ выполняетъ свою задачу весьма удачно. Имъ собрано много разнообразнаго матерьяла, и бо́льшая часть историческихъ мѣстностей опредѣляется довольно точно. Не нужно забывать, что наши источники даютъ весьма несовершенныя указанія, вслѣдствіе чего не трудно впасть въ ошибки и увлеченія. Вообще надо сказать, г. Андріяшевъ весьма осторожно пользуется своими матерьялами и если и допускаетъ гипотезы при опредѣленіи границъ или историческихъ мѣстностей, то обставляетъ ихъ болѣе или менѣе вѣскими соображеніями. Единственное слабо обставленное положеніе автора относится къ опредѣленію этнографической границы. Здѣсь авторъ уклоняется отъ обычной своей осторожности и выходитъ на путь метода, о слабости котораго онъ самъ говоритъ нѣсколькими строками выше. Историкъ можетъ сказать только вмѣстѣ съ лѣтописью: „сѣдоша по Бугу“, а подобныя топографическія названія, какъ Дулонбенъ, Божкевичи, Богуши, Богушовка, Бужки, Божонка, Божова, Бужаны, Бужскъ, Божскій не могутъ указывать никоимъ образомъ на районъ распространенія племени дулѣбовъ или бужанъ. Очевидно, нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ отъ „богъ“, другія отъ фамилій владѣльцевъ; Бужаны, Бужскъ, Божскій — отъ р. Буга. Авторъ приводитъ еще имя рѣкъ „Бугъ“ (западный и южный), но это уже совсѣмъ странно: вѣдь не эти рѣки назвались по бужанамъ, а бужане по имени этихъ рѣкъ. Остальныя топографическія названія относятся къ дулѣбамъ и не подтверждаютъ положенія автора о пространствѣ, которое занимало это племя. Но это единственное слабое мѣсто нисколько не отнимаетъ цѣны у всей главы и несомнѣнно авторъ принесъ значительную услугу разработкѣ нашей исторической географіи, по которой, не смотря на существующіе труды Барсова, Бѣляева, Погодина и др., сдѣлано все-таки еще очень мало. Послѣдняя глава разсматриваемаго сочиненія посвящена „Историческому очерку“. Несомнѣнно, при обработкѣ матерьяла этой главы автору значительно помогло то обстоятельство, что у него были предшественники на томъ же полѣ, какъ гг. Линниченко, Дашкевичъ,

Шараневичъ, на труды которыхъ авторъ во многихъ случаяхъ и опирается но это нисколько не уменьшаетъ заслуги г. Андріяшева, представившаго полную картину политическихъ судебъ Волыни до половины XIV столѣтія. Намъ кажется только, что историческій очеркъ выигралъ бы еще болѣе, если бы авторъ для объясненія нѣкоторыхъ политическихъ событій обратился къ тѣмъ чертамъ внутренняго быта, на которыя мы находимъ указанія въ лѣтописи. Такъ необходимо было, по нашему мнѣнію, яснѣе опредѣлить значеніе боярства волынской земли, дать читателю болѣе свѣдѣній о боярствѣ галицкомъ. Не указано совершенно значеніе вѣча Волыни, не разъяснено отношеніе его къ Даніилу въ Галичѣ. Если боярство является у автора еще нѣсколько живымъ, то вѣче вполнѣ безжизненно, а между тѣмъ несомнѣнно, что и оно должно было оказывать значительное вліяніе на ходъ политическихъ событій. Осторожность автора, воздерживающагося отъ всякихъ обобщеній и сосредоточивающаго все свое вниманіе исключительно на событіяхъ въ землѣ волынской, иногда заставляетъ его упускать изъ вида теченіе политической жизни всей Руси, явленія которой оказывали другъ на друга сильное взаимодѣйствіе. Этимъ обстоятельствомъ объясняется неполнота характеристики дѣятельности Романа Мстиславича, вслѣдствіе невыясненности его отношеній къ Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. А между тѣмъ интересны въ этомъ отношеніи извѣстія Лаврентьевской и Воскресенской лѣтописи[1]), не говоря уже о замѣчательномъ извѣстіи южной же Ипатьевской лѣтописи, объясняющемъ намъ истинную причину, по которой Романъ на время долженъ былъ оставить Галичъ въ покоѣ: „и сѣлъ Владимиръ Ярославичъ на столѣ дѣда своего и отца своего, на Спасовъ день, и послалъ къ Всеволоду, дядѣ своему, въ Суздаль, моляся ему: отче господине! удержи Галичъ подо мною, а я—Божій и твой со всѣмъ Галичемъ". Всеволодъ же Суздальскій прислалъ ко всѣмъ князьямъ и къ королю въ Ляхи и водилъ ихъ ко кресту не искать Галича никогда подъ его племянникомъ. Владимиръ утвердился въ Галичѣ, и съ тѣхъ поръ не было на него никого"[2]). Авторъ совершенно иначе и не совсѣмъ правильно толкуетъ дѣйствія Романа въ этомъ случаѣ. Размѣры рецензіи не допускаютъ насъ до болѣе подробнаго разсмотрѣнія историческаго очерка Андріяшева. Скажемъ въ заключеніе, что эта глава

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 109; Лавр. лѣтоп. стр. 397, изд. 1872 г.

[2]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 448—9, изд. 1871 г.

имѣетъ безусловныя достоинства. Прекрасная группировка фактовъ дѣлаетъ изложеніе весьма живымъ и интереснымъ. Иногда являются полныя жизни характеристики князей. Изъ нихъ особенно удались автору, по нашему мнѣнію, характеристики Мстислава Удалаго, князя рыцаря, воина, но плохаго политика, и Владиміра Василько-вича, идеальный типъ въ отношеніи всѣхъ временъ.

П. Голубовскій.

Завитневичъ. Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ. Кіевъ. 1888 г.

Безспорно, блестящее изложеніе, полнѣйшая доступность излагаемаго для всякаго читателя есть заслуга г. Завитневича, но едва ли можно согласиться вполнѣ какъ съ его выводами, такъ и съ нѣкоторыми объясненіями фактовъ, которыя мы находимъ въ разсматриваемомъ трудѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ положеніяхъ, самыхъ, какъ намъ кажется, главныхъ въ разбираемой брошюрѣ. Походъ 913 года руссовъ на востокъ, указывающій самъ по себѣ, что дорога въ этомъ направленіи была найдена еще до Святослава, оказывается не первымъ, такъ какъ раньше извѣстны походы въ 880 г. въ Абелунъ, въ 909 г. въ Табористанъ, т. е. за время княженія Олега [1]). Были ли это предпріятія великихъ князей кіевскихъ, или частные набѣги вольныхъ русскихъ людей,—этого мы не знаемъ, но для насъ важно одно, что стремленіе руссовъ на востокъ существовало задолго до Святослава. Затѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что угрскія племена меря и весь подверглись сильной славянской колонизаціи еще въ наши доисторическія времена, что племя мурома въ отдаленную эпоху уже ведетъ борьбу съ славянскими колонистами [2]), то мы никакъ не можемъ приписывать Святославу чести указанія, куда должна направляться русская колонизація. Нѣсколько преувеличеннымъ кажется намъ и взглядъ автора на роль Святослава въ политической жизни восточной Европы. Едва ли возможно разсматривать освобожденіе славянскихъ племенъ отъ дани, которую

[1]) Дорнъ. „Каспій". Спб. 1875 г., стр. 531.

[2]) Ославяненіе мери и веси въ сильной степени еще въ доисторическія времена видно изъ легенды о призваніи князей, а на доисторическую борьбу славянъ съ муромой указываетъ Житіе свв. Петра и Февроніи Муромскихъ (Памятники старинной русской литературы, т. I).

они платили хазарамъ, какъ значительное измѣненіе политическаго положенія на европейскомъ востокѣ. Хотя и подорванный въ своихъ силахъ, хазарскій каганатъ продолжаетъ тѣмъ не менѣе существовать, и въ началѣ XI в. противъ него, какъ извѣстно, понадобился союзъ Византіи и тмутараканскаго князя, сына Владиміра [1]). Еще менѣе, въ смыслѣ измѣненія политическаго положенія восточной Европы, имѣетъ значеніе набѣгъ на волжскую Болгарію въ 968 г. [2]) съ его чисто случайнымъ характеромъ. Болгарское царство процвѣтаетъ на Волгѣ по прежнему до самаго татарскаго нашествія. Владиміру св. пришлось опять вести борьбу съ болгарами, и безсиліе Руси предъ этимъ могущественнымъ народомъ выражено такъ вѣрно въ словахъ Добрыни: „всѣ они въ сапогахъ; пойдемъ поищемъ лучше лапотниковъ“ [3]). Военное могущество болгаръ продолжаетъ быть столь велико, что въ концѣ XI в. они захватываютъ Муромъ [4]); во все время XI—XIII вв. они продолжаютъ энергически бороться съ русскими князьями, и борьба остается нерѣшительной до самаго татарскаго нашествія. Мы не говоримъ уже о томъ культурномъ вліяніи, какое продолжалъ оказывать на Русь этотъ промышленный, развитой народъ. Несомнѣнно, молодое русское государство могло сгруппировать около себя славянскія племена, лишь освободивъ ихъ отъ власти иноземцевъ, но едва ли можно видѣть въ разгромѣ хазарскаго каганата величайшую заслугу Святослава предъ Европой вообще и предъ Русью въ частности. Власть хазаръ не влекла за собой никакой опасности для славянской культуры, благодаря величайшей религіозной и національной терпимости этого народа, а культурное вліяніе, которое чрезъ хазаръ распространялось съ Востока на русскихъ славянъ, не приносило послѣднимъ ничего кромѣ пользы. Мы не видимъ со стороны каганата никакихъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ Руси. Предположеніе, что крѣпость Саркелъ была построена противъ руссовъ, не можетъ быть доказано. Очевидно, авторъ разбираемой брошюры былъ введенъ въ заблужденіе однимъ мѣстомъ въ письмѣ хазарскаго царя Іосифа, который говоритъ между прочимъ: „я занимаю входъ въ рѣку Юзагъ и не позволяю, чтобы руссы, которые ходятъ на судахъ, проходили чрезъ нее, ни чтобы ихъ враги, которые ходятъ по землѣ, приходили въ страну рус-

[1]) Georgius Cedrenus. Bonnae. 1839. v. II, p. 464.

[2]) Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей“, стр. 218 219 и 223—224.

[3]) Лаврентьев. лѣт. 1872 г. Спб., стр. 82.

[4]) Ипатьев. лѣт., стр. 145, Лавр. лѣт., стр. 201.

совъ“ [1]). Даже и этотъ отрывокъ письма скорѣе указываетъ на заботу хазарскаго правительства о руссахъ, чѣмъ на враждебное къ нимъ отношеніе. Но эта крѣпость построена гораздо раньше, какъ видно изъ извѣстій византійцевъ, именно при императорѣ Ѳеофилѣ, т. е., въ 829—842 гг. [2]), а первое извѣстіе о походахъ руссовъ на востокъ относится къ 880 г. Эта крѣпость въ IX в., какъ ясно говоритъ объ этомъ Кедренъ, служила оплотомъ противъ печенѣговъ [3]). Относительно же назначенія Саркела въ X в. мы находимъ ясное указаніе у Массуди, который разсказываетъ, что при соединеніи двухъ рукавовъ хазарской рѣки (Донъ+Волга) хазары построили крѣпость, въ которой находится гарнизонъ для удержанія кочевыхъ народовъ, особенно узовъ (торковъ) [4]), которые, преимущественно зимой, переходя по льду, дѣлаютъ набѣги на области Хазаріи. Иногда царь хазарскій бываетъ принужденъ являться самъ на помощь своему укрѣпленію [5]). Слѣдовательно, сооруженіе его было первоначально направлено именно ко благу осѣдлаго русско-славянскаго населенія, и не вина хазарскаго правительства, что эти самые руссы объявились потомъ такими разбойниками. Нельзя поэтому не раздѣлять мнѣнія г. Куника, что съ паденіемъ хазарскаго каганата дикія печенѣжскія, а за ними половецкія орды могли свободно бродить по обширнымъ равнинамъ между низовьями Днѣпра и Волги, а съ ними было справиться труднѣе, чѣмъ съ нѣсколько уже цивилизованными хазарами [6]). Послѣдующія событія русской исторіи вполнѣ оправдываютъ этотъ взглядъ уважаемаго ученаго. Мы остановились на подвигахъ Святослава на востокѣ потому, что результаты ихъ вполнѣ ясны и не требуютъ никакихъ догадокъ и предположеній: ворота изъ Азіи въ Европу съ паденіемъ хазарскаго каганата были настежъ открыты для кочевыхъ массъ, и не Европа одержала тутъ побѣду надъ Азіей, а наоборотъ,—дана была возможность, хотя временной, побѣды Азіи надъ Европой въ лицѣ русскаго народа. Что касается подвиговъ Святослава въ дунайской Болгаріи, то и тутъ мы не

---

[1]) Nouvelles Annales des voyages. 1851 v. III, p. 13.

[2]) Krug. „Kritische Versuch zur Aufklärung der byzantischen Chronologie“, s. 325.

[3]) Georgius Cedrenus. Bonnae. 1839. v. II. p. 129—130.

[4]) См. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы“, гл. II.

[5]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase“, p. 117; Frähn. „Ibn-Foszland's und anderer Araber Berichte“. S. 60.

[6]) Дорнъ. „Каспій“, стр. 523.

имѣемъ никакихъ вѣскихъ данныхъ, никакихъ доказательствъ для утвержденія, что эти подвиги были предприняты съ ясно обдуманной цѣлью, и только можемъ строить гипотезы о пользѣ, какую они могли принести русской землѣ. Результатомъ дѣятельности Святослава явилось временное ослабленіе восточной торговли, которая мирно процвѣтала подъ покровительствомъ хазарскаго каганата, ослабленіе силъ русскаго государства и усиленіе на его границахъ опаснаго врага, печенѣговъ. Походы этого князя имѣютъ очень много общаго съ морскими предпріятіями готовъ у насъ на югѣ и норманновъ на сѣверѣ. Говоря все это, мы далеки отъ мысли установить окончательно взглядъ на историческое значеніе дѣятельности Святослава Игоревича, но, по нашему мнѣнію, едвали также возможно считать вѣрной ту оцѣнку ея, какую мы находимъ въ брошюрѣ г. Завитневича. Вообще, нельзя не сказать, что разсматриваемая работа грѣшитъ догматизмомъ изложенія и слабостью анализа источниковъ и самыхъ фактовъ.

П. Голубовскій.

Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы кіево-софійскаго собора. Спб. 1888

Русская наука въ послѣдніе годы обогатилась превосходными изслѣдованіями о византійскомъ искусствѣ и вліяніи его на древнерусское искусство. Въ этой области знаній сдѣланъ цѣлый рядъ блестящихъ завоеваній и пріобрѣтеній, главнымъ образомъ благодаря трудамъ Н. П. Кондакова, Ѳ. И. Буслаева, А. И. Кирпичникова, Н. В. Покровскаго спеціально по исторіи искусства, и общимъ изслѣдованіямъ по византійской исторіи г. Васильевскаго и г. Успенскаго. Изслѣдованія Ѳ. И. Буслаева о лицевомъ Апокалипсисѣ, Н. П. Кондакова о византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя, Н. В. Покровскаго объ изображеніяхъ Страшнаго суда, А. И. Кирпичникова объ иконописныхъ изображеніяхъ Пресвятой Дѣвы Маріи могутъ служить украшеніемъ русской научной литературы и даютъ ей почетное мѣсто въ научной литературѣ западно-европейскихъ народовъ.

Небольшая брошюра Н. П. Кондакова о фрескахъ лѣстницы кіево-софійскаго собора отличается обиліемъ драгоцѣнныхъ фактическихъ данныхъ, строгой системой въ ихъ распредѣленіи, яснымъ

и простымъ изложеніемъ. Авторъ вполнѣ овладѣлъ обширнымъ научнымъ матеріаломъ и пользуется имъ, какъ мастеръ своего дѣла, свободно и смѣло, давая каждой мелочи соотвѣтствующее ей мѣсто и надлежащее освѣщеніе.

Фрески, покрывающія стѣны и внутренніе столбы обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры кіево-софійскаго собора, представляются любопытнымъ памятникомъ русско-византійскаго искусства. Проф. Н. П. Кондаковъ, оставляя въ сторонѣ полное описаніе и истолкованіе всего памятника, заботится объ установкѣ извѣстнаго общаго взгляда на его содержаніе. Основное положеніе Н. П. Кондакова состоитъ въ томъ, что содержаніе лѣстничныхъ фресокъ кіево-софійскаго собора, какъ и ихъ стиль, взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямаго отношенія къ древне-русскому быту не имѣетъ. Положеніе это доказывается анализомъ главнѣйшихъ фресковыхъ сюжетовъ. Оказывается, что мы имѣемъ здѣсь рядъ изображеній византійскихъ цирковыхъ представленій съ варварами, затѣмъ зрѣлищъ константинопольскаго ипподрома, переданныхъ съ большими историческими реальными подробностями, наконецъ, изображенія воинскихъ игръ, различныя ряженія и византійскія коляды. Въ историко-бытовомъ и историко-литературномъ отношеніяхъ весьма любопытными представляются иллюстраціи древнѣйшихъ колядъ, разсѣянныя тамъ и сямъ по стѣнамъ и сводамъ лѣстницъ кіево-софійскаго собора, въ медальонахъ, клеймахъ и остаткахъ сценъ и фризовъ. „Врядъ ли когда-нибудь, замѣчаетъ Н. П. Кондаковъ, можно будетъ доказательно разъяснить тѣ мотивы, которые вызвали исполненіе фресокъ, было ли это дорогое для кіевскаго князя воспоминаніе о посѣщеніи имъ Цареграда, пріемахъ и празднествахъ, пирахъ и играхъ, которыми они сопровождались, или же искусный декораторъ, призванный въ Кіевъ, самъ озаботился расписать въ веселомъ и праздничномъ вкусѣ эти лѣстницы хоровъ кіево-софійскаго собора. Несомнѣнно, прежде всего, что роспись была въ духѣ времени и не въ одномъ Кіевѣ, какъ то доказываетъ живопись мавританскаго плафона Палатинской капеллы въ Палермо... Именно и тамъ мы видимъ охоты на медвѣдя и за козулями, и цѣлый рядъ играющихъ на зурнѣ и свирѣли рабынь, и пиръ царя и царицы въ восточной обстановкѣ, и нагихъ борющихся атлетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фантастическихъ грифоновъ, львовъ, павлиновъ и коршуновъ, уносящихъ козулю, и царственныхъ орловъ въ легендарныхъ сюжетахъ... Но въ то время, какъ сицилійскіе или, м. б.,

мавританскіе мастера брали цѣликомъ свои сюжеты изъ восточной живописи, кіевскій декораторъ зналъ только византійскій стиль иску ства, его содержаніе, а вмѣсто мавровъ, зналъ варяговъ, хазаръ". Далѣе, Н. П. Кондаковъ развиваетъ ту мысль, что византійскій стиль и константинопольская тема кіевскихъ фресковыхъ сюжетовъ основаніе имѣютъ азіатское, восточно-варварское. Византійская цивилизація воспринимала восточныя вліянія частью изъ Персіи, при чемъ иранское вліяніе шло черезъ Сирію и Малую Азію, частью изъ глубины Средней Азіи и отъ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей, при чемъ вліяніе это шло по пути колоссальныхъ народныхъ передвиженій съ востока на западъ во время великаго переселенія народовъ. Восточныя культурныя вліянія въ Византіи сливались въ цѣльный сплавъ, въ которомъ роль основнаго металла играло національное греческое искусство, и уже въ обработанномъ видѣ шли изъ Византіи на православную Русь и римско-католическій Западъ.

Статья Н. П. Кондакова о фрескахъ лѣстницъ кіево-софійскаго собора составляетъ отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Императорскаго Русскаго Археолог. Общ". т. III, стр. 287—306, гдѣ она помѣщена въ видѣ предисловія къ издаваемому Рус. Археол. Обществомъ атласу рисунковъ фресокъ и мозаикъ кіево-софійскаго собора.

Н. С.

Скиѳскія древности. Изслѣдованія А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1887.

Скиѳія и главный литературный источникъ для изученія ея—Геродотъ породили огромную ученую литературу на Западѣ и у насъ. Но изученіе быта народовъ, населявшихъ югъ Россіи въ „скиѳскую" эпоху, впервые поставлено на реальную почву въ текущемъ столѣтіи, благодаря археологическимъ раскопкамъ, давшимъ ничѣмъ незамѣнимый, богатый матеріалъ для провѣрки и пополненія данныхъ, оставленныхъ отцомъ исторіи. Съ характеромъ случайнымъ были производимы раскопки въ Новороссіи еще въ прошломъ вѣкѣ. Такъ, въ 1763 году генералъ-поручикъ Мельгуновъ разрылъ богатый курганъ въ урочищѣ Кучеровы Буераки на р. Тясминѣ. Въ началѣ текущаго столѣтія производили раскопки близъ Керчи и на Тамани Дюбрюксъ, Ашикъ и Корейша. Въ 1830 году наука обогатилась раскопкой знаменитой Кулъ-Обской могилы, въ 6 верстахъ отъ Керчи, раскопкой, давшей первую яркую иллюстрацію къ разсказу Геродота о похоро-

нахъ скиѳскихъ царей и открывшею для науки драгоцѣнную вазу съ барельефами, изображающими сцены изъ скиѳской жизни. Учрежденное въ 1839 году, съ пособіемъ отъ правительства, Одесское Общество Исторіи и Древностей въ дѣлѣ раскопокъ заявило себя мало, хотя ему и предоставлено было съ самаго начала право производить раскопки. Въ 50-хъ годахъ вниманіе археологовъ обращается на побережье Днѣпра. Въ 1852—1856 годахъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго, Терещенко и Люценко изслѣдовали Луговую могилу близь с. Александрополя екатеринославскаго уѣзда; въ 1856 г. Савельевъ, по его же порученію, раскопалъ близь того же села Долгую могилу. Учрежденная въ 1859 г. Археологическая Коммиссія энергически продолжала начатое дѣло. Не оставляя окрестностей Керчи и Таманскаго полуострова, она поручила производство раскопокъ въ екатеринославскомъ уѣздѣ своему члену Забѣлину, раскопавшему въ 1860—63 гг. толстую Краснокутскую могилу, Острую, двѣ Близницы, Каменную и толстую Чертомлыцкую и много другихъ безъименныхъ. Въ 1884 г. Самоквасовъ изслѣдовалъ на средства той же Коммиссіи значительное число могилъ въ александровскомъ уѣздѣ екатериносл. губ. Въ то же время не ослабѣвала и частная предпріимчивость. Такъ, землевладѣлецъ верхнеднѣпровскаго уѣзда А. Н. Поль много лѣтъ уже производитъ на свои средства раскопки въ названномъ и иныхъ уѣздахъ екатеринославской губ.; ближайшее отношеніе къ скиѳскимъ древностямъ имѣютъ раскопки г. Мазараки въ полтавской губ. и гр. Бобринскаго — въ кіевской. Слѣдуетъ однако замѣтить, что по части раскопокъ особенно посчастливилось лѣвобережной, восточной Новороссіи, тогда какъ западная почти совсѣмъ еще не изслѣдована и ждетъ изыскателей.

Такимъ образомъ, для изученія степнаго пространства юга Россіи, въ извѣстной мѣрѣ совпадающаго съ границами Геродотовой Скиѳіи, сдѣлано наукою довольно много, хотя несравненно больше остается работы на будущее время. Г. Лаппо-Данилевскій въ названной выше книгѣ дѣлаетъ первый опытъ подробнаго, кропотливаго и внимательнаго свода добытыхъ доселѣ археологическихъ данныхъ о Скиѳіи, сличая ихъ съ свѣдѣніями историковъ, главнымъ образомъ, разумѣется, Геродота. Правда, раньше его г. Забѣлинъ далъ обзоръ скиѳскихъ древностей въ главѣ „Скиѳія въ своихъ могилахъ“, въ I томѣ „Исторіи русской жизни“; г. Полевой, въ популярной „Русской исторіи въ памятникахъ быта“, посвящаетъ Скиѳіи также главу, въ

которой приняты во вниманіе и результаты новѣйшихъ раскопокъ. Но изслѣдованіе г-на Данилевскаго имѣетъ передъ ними преимущество въ полнотѣ, разносторонности и детальности. Разсмотрѣвъ въ первой главѣ вопросы о границахъ Геродотовой Скиѳіи и о народности скиѳовъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія по исторіи ихъ, обращая преимущественное вниманіе на ихъ торговлю съ югомъ Европы и съ Азіею; во второй главѣ онъ переходитъ къ изложенію свѣдѣній о матеріальномъ бытѣ скиѳовъ: объ ихъ занятіяхъ, пищѣ, жилищахъ, одеждѣ, вооруженіи и утвари; главы третья и четвертая посвящены изображенію быта духовнаго: обычаевъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, умственнаго и нравственнаго развитія скиѳовъ, ихъ письменности, искусствъ, знаній и религіи. Исходя изъ того положенія, что наименованіе *скиѳы* у Геродота и у другихъ древнихъ писателей не было терминомъ строго этнографическимъ для обозначенія одной цѣльной народности, а географическимъ, авторъ старается вездѣ прослѣдить различіе между западной и восточной половинами Скиѳіи, раздѣляемыми естественной границею—рѣкою Днѣпромъ. Восточная половина была занята населеніемъ кочевымъ и воинственнымъ, западная, напротивъ, земледѣльческимъ и мирнымъ; при этомъ послѣднее находилось въ зависимости отъ восточныхъ своихъ сосѣдей. Къ сожалѣнію, эта плодотворная мысль—подмѣтить областныя особенности въ древностяхъ Скиѳіи—выполнена г. Данилевскимъ неудовлетворительно, въ чемъ нельзя винить только автора; дѣло въ томъ, что Геродотъ останавливается съ большею подробностью на скиѳахъ—властителяхъ, т. е. восточныхъ, оставляя въ тѣни подвластныхъ имъ западныхъ скиѳовъ; мы упоминали уже, что западная Скиѳія мало изслѣдована, или почти вовсе не изслѣдована и археологами. Важно, впрочемъ, и то уже, что намѣченъ новый путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій и указанъ существенный пробѣлъ въ наукѣ.

Не можемъ не засвидѣтельствовать большой эрудиціи автора по избранному имъ предмету. Кромѣ главнаго письменнаго источника—Геродота, который по праву занялъ мѣсто во главѣ угла его изслѣдованія, г-мъ Данилевскимъ тщательно разсмотрѣны и сличены извѣстія, даже самыя мелкія, и другихъ древнихъ авторовъ; извѣстія письменныя поставлены въ связь со множествомъ археологическихъ данныхъ; добытое такимъ образомъ подвергнуто сличенію съ данными другихъ европейскихъ и азіатскихъ странъ; кое гдѣ подъисканы аналогіи у современныхъ варварскихъ и дикихъ народовъ,

хотя не вездѣ удачно и не съ подобающею точностью. Главный недостатокъ труда тотъ, что авторъ не выяснилъ, какіе именно археологическіе памятники и почему считаетъ онъ скиѳскими. Положимъ, совпаденіе разсказа Геродота о похоронахъ царей съ данными, добытыми раскопками большихъ, такъ называемыхъ—толстыхъ могилъ въ екатеринославской губерніи, такъ поразительны, а хронологическія указанія вещей, открытыхъ въ нихъ, такъ неоспоримы, что принадлежность этихъ могилъ скиѳамъ можетъ оставаться внѣ сомнѣнія; но г. Данилевскій насчитываетъ нѣсколько группъ скиѳскихъ могилъ, съ различными типами погребенія, относя эти группы къ разнымъ кланамъ скиѳскаго населенія; вотъ тутъ то и требовался тщательный анализъ источниковъ вещественныхъ, ибо письменные даютъ подробныя свѣдѣнія только о похоронахъ царскихъ, упоминая о похоронахъ простолюдиновъ въ общихъ чертахъ и при томъ такъ, что археологъ ничего здѣсь важнаго почерпнуть для себя не можетъ. Почему эти бѣдныя могилы, которыми усыпанъ югъ Россіи и въ которыхъ нерѣдко никакихъ предметовъ быта не находятъ,—почему онѣ принадлежатъ скиѳскому простонародью и почему нельзя отнести ихъ къ другой народности, жившей тутъ же раньше или позже скиѳовъ,—остается не выясненнымъ. Отъ этого у автора встрѣчаются рискованныя положенія. Къ таковымъ мы относимъ, напримѣръ, причисленіе къ скиѳскимъ могилъ по рр. Роси и Рассавѣ, съ трупосожженіемъ и со слѣдами совсѣмъ особой культуры (стр. 143). Положеніе памятника въ мѣстности, которая одно время (хотя бы и продолжительное) занимаема была скиѳами, не есть еще доказательство того, что онъ непремѣнно принадлежитъ скиѳамъ; степи южнорусскія по природѣ своей такъ открыты, а историческія судьбы ихъ столь давни, разнообразны и въ то же время темны, что вопросъ о народности безчисленныхъ могилъ ихъ—въ высшей степени трудный. Самъ авторъ какъ будто понимаетъ это, что̀ видно по колебаніямъ и сомнѣніямъ, выражаемымъ имъ не разъ по частнымъ вопросамъ о народности памятниковъ.

Пожалѣемъ еще и о невыработанности формы, особенно слога, которая нерѣдко затемняетъ смыслъ. Приведемъ примѣры: „Начиная съ внѣшней стороны насыпи этихъ могилъ, мы сталкиваемся прежде всего съ вопросомъ о томъ, находятся ли въ какомъ либо отношеніи (къ чему?) тѣ каменныя бабы, которыя встрѣчаются на нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (стр. 125). „Первые (западные скиѳы) употребляли для этого (для рыбной ловли) особаго рода приборъ—удочку

съ бронзовымъ крючкомъ, подобно древнимъ египтянамъ или даже современнымъ рыболовамъ, способъ, извѣстный лишь немногимъ дикимъ племенамъ, при чемъ (?) они пользуются не спеціально приготовленными для этого орудіями, а когтями птицъ или острыми раковинами" (стр. 155). „Этотъ обычай (обычай побратимства) съ незначительными измѣненіями *существуетъ* у весьма разнообразныхъ народностей, какъ то: Татаръ, *Лидянъ* и *Ассирійцевъ*, Армянъ и *Иверійцевъ*" и пр. (стр. 165). Иногда попадаются странныя или ошибочныя мысли; таково, напримѣръ, опредѣленіе слова культура: „этотъ духъ народный непосредственно выражается въ умственномъ и религіозно-нравственномъ развитіи народа, *т. е. культуръ*" (стр. 149)—и т. п.

В. Ястребовъ.

Solidy Bolesława z napisem słowiańskim. Studium numizmatyczne. K. Bolsunowskiego. Кіевъ 1887 г.

Эта небольшая (въ 40 страницъ), очень дорогая по цѣнѣ (1 р), но изящная брошюрка съ прекрасно выполненными чертежами 13 монетъ, затрогиваетъ весьма важный вопросъ въ исторіи славянства вообще и Польши въ частности: употреблялась ли въ послѣдней (т. е. Польшѣ) въ X—XI вв. кириллица и не стояло ли употребленіе ея въ связи съ исповѣданіемъ народомъ православія, хотя самъ князь принялъ уже католичество? Дѣло въ томъ, что существуетъ 13 монетъ (шеляговъ, solidus) съ именемъ Болеслава и патріаршимъ крестомъ; одни изъ нихъ, именно 7, съ славянской надписью имени; остальные 6 съ латинской; монеты съ славянской надписью найдены одна въ Пинчовѣ, одна въ Новомъ Дворѣ, три на остр. Борнгольмѣ и двѣ неизвѣстнаго происхожденія пріобрѣтены въ Кіевѣ; одна изъ послѣднихъ находится въ богатомъ нумизматическомъ музеѣ, принадлежащемъ автору. Всѣ семь монетъ съ славянской надписью сходны между собой въ изображеніи князя и расположеніи буквъ на лицевой сторонѣ, и въ изображеніи патріаршаго креста на оборотной. Разнятся онѣ лишь тѣмъ, что на одной, пинчовской, Болеславъ изображенъ молодымъ, а на другой, принадлежащей автору, есть незначительное отличіе въ одеждѣ. Все свое вниманіе авторъ посвящаетъ пинчовской монетѣ, потому что она одна можетъ помочь опредѣленію принадлежности ея тому или иному Болеславу; эту же

монету подробно изслѣдовалъ г. Строичинскій и призналъ ее за монету польскаго князя Болеслава Храбраго (992—1025), чеканенную для Руси въ Кіевѣ въ 1018 году, во время захвата имъ нашего города. Пинчовская монета найдена въ кладѣ среди англо-саксонскихъ, венгерскихъ, чешскихъ и друг. монетъ X—XI вѣка; многія изъ нихъ были поломаны, нѣкоторыя обращены въ слитки и лишь небольшая часть уцѣлѣла; по мнѣнію г. Строичинскаго этотъ кладъ относится къ концу XI-го вѣка и зарытъ, по неизвѣстной теперь причинѣ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ; но если кладъ, дѣйствительно, зарытъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ въ болѣе позднее, чѣмъ XI в., время, то онъ могъ переливать и ломать монету лишь вышедшую уже изъ употребленія; если же кладъ зарытъ купцомъ, не успѣвшимъ всей монеты обратить въ слитки, то онъ могъ имѣть лишь ходячую монету своего времени, и тогда кладъ. надо отнести къ XI-му вѣку; во всякомъ случаѣ, монету Болеслава нельзя отнести къ позднѣйшимъ вѣкамъ, но только къ XI-му вѣку, къ которому относятся всѣ другія монеты того же клада. Между тѣмъ авторъ, г. Болсуновскій, не представляя никакихъ основательныхъ возраженій г. Строичинскому, думаетъ, что монета Болеслава почему то принадлежитъ XIV вѣку и что самый кладъ зарытъ въ томъ же вѣкѣ. Но такъ какъ время зарытія клада опредѣлить невозможно, за отсутствіемъ какихъ либо болѣе прочныхъ основаній, то мы склоняемся къ весьма вѣроятному мнѣнію г. Строичинскаго, относящаго кладъ ко времени, ближайшему къ позднѣйшей монетѣ Спитекнева Гешскаго (1055—1061 гг). Далѣе, г. Болсуновскій пытается приписать болеславову монету кому-либо изъ русскихъ князей съ этимъ именемъ; такихъ князей онъ называетъ три: 1) неизвѣстнаго Болеслава, объ обращеніи котораго въ католичество ходатайствовалъ въ Римѣ Владиславъ Локотокъ въ 1327 году; но намъ кажется, объ оставленіи имъ монеты не можетъ быть и рѣчи, вслѣдствіе его неизвѣстности; 2) Болеслава Тройденовича (1337—1340), послѣдняго князя галицкой Руси; но и этотъ князь не могъ оставить монеты съ этимъ именемъ, ибо извѣстенъ болѣе подъ христіанскимъ именемъ Юрія и княжилъ слишкомъ не долго, чтобы оставить по себѣ значительное количество монеты съ именемъ Болеслава; и 3) Свидригайла-Болеслава, литовскаго князя (1430—1437 г); этотъ также никогда не писался именемъ Болеслава, но Швидригайла. Изъ этихъ трехъ князей авторъ облюбовалъ Болеслава Тройденовича и относитъ монету къ нему на томъ лишь слабомъ и шаткомъ основаніи, что не могла же Червоная Русь, будучи

страной торговой, не имѣть своей монеты. Если и правда, что въ Червонной Руси могла быть своя монета, то все-таки ей нельзя приписывать монету болеславову, по указанной выше причинѣ. Вообще авторъ не допускаетъ возможности, чтобы кто-либо изъ польскихъ князей чеканилъ монету съ славянской надписью.

Мы не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго автора и, напротивъ, думаемъ, что монеты съ славянскимъ именемъ Болеслава принадлежатъ именно польскому князю Болеславу Храброму (992—1025 гг.), чеканившему такую монету для самой Польши. Такое предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ фактахъ:

1) Употребленіе въ Польшѣ славянской азбуки (кириллицы) въ X—XIV вв. признается какъ польскими, такъ и русскими историками; поэтому нѣтъ основанія отрицать употребленіе ея Болеславомъ Храбрымъ.

2) Употребленіе латинскаго алфавита рядомъ съ кириллицей и въ Польшѣ и въ Литвѣ составляетъ обычное явленіе, которое мы видимъ въ грамотахъ королей и князей даже въ XVI вѣкѣ; поэтому возможно, что Болеславъ Храбрый чеканилъ, быть можетъ, свои монеты и съ латинской надписью.

3) Употребленіе патріаршаго креста свидѣтельствуетъ объ исповѣданіи народомъ (если и не княземъ) православія, которое распространено здѣсь славянскими первоучителями св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, просвѣтившими и русскаго князя Владиміра св., чему мы празднуемъ теперь девятсотъ-лѣтіе и въ чемъ должны были бы принять участіе и наши польскіе братья. Но хотя и извѣстно, что Болеславъ подчинялся вліянію Запада, то не слѣдуетъ забывать, что различіе между исповѣданіями восточнымъ и западнымъ не было еще очень рѣзко и разрыва между церквями не произошло, хотя онъ уже былъ близокъ; римскіе епископы могли стараться не столько объ искорененіи различія, сколько о подчиненіи вообще и, уступая поэтому народному желанію оставаться при прежнихъ формахъ славянскаго исповѣданія, допускали и кириллицу и патріаршій крестъ; даже одна монета (у г. Болсуновскаго № 10) съ латинской надписью Болеслава имѣетъ тотъ же патріаршій крестъ; что народъ дѣйствительно не былъ доволенъ римскимъ вліяніемъ, это видно изъ того реакціоннаго движенія противъ духовенства, которое обнаружилось при преемникахъ Болеслава и сдерживалось лишь силою послѣдняго при жизни: „и вьставша людье, и избиша епископы и попы и бояры

своя, и бысть мятежь въ нихъ", говоритъ о Польшѣ Ипатская лѣтопись подъ 1030 годомъ.

4) Мѣсто нахожденія большей части славянскихъ болеславовыхъ монетъ (пять изъ семи)—сѣверная половина польскихъ владѣній и ближайшаго къ ней острова Борнгольма.

5) Всѣ славянскія болеславовы монеты, какъ мы сказали раньше, сходны по наружному виду и лишь пинчовская изображаетъ князя юношей; но это не противорѣчитъ истинѣ, ибо мы знаемъ, что Болеславъ вступилъ на престолъ по смерти своего отца Мечислава въ въ 992 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду; остальныя такія же монеты изображаютъ Болеслава въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Итакъ, въ брошюрѣ г. Болсуновскаго мы находимъ лишь новое доказательство употребленія въ Польшѣ общеславянскаго кирилловскаго письма и исповѣданія вѣры по восточному обряду, этихъ двухъ важныхъ явленій, связывавшихъ Русь съ Польшей, о чемъ такъ умѣстно вспомнить теперь, когда мы возвращаемся въ памяти къ отдаленному отъ насъ на девять столѣтій времени и стараемся воскресить его въ своемъ воображеніи.

Тѣмъ не менѣе однако же, мы высказываемъ здѣсь лишь наше крайнее разумѣніе и желали бы, чтобы указанный въ началѣ весьма важный научный вопросъ былъ обстоятельнѣе разобранъ нашими нумизматиками-спеціалистами.

И. Каманинъ.

Юбилейныя изданія: а) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ профессоръ кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій. Изданіе с.-петербурскаго славянскаго благотворительнаго общества. Спб. 1888 г. b) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ протоіерей Г. С. Дебольскій. Спб. 1888 г. c) Е. Де-Витте. Равноапостольный князь Владиміръ Святый. Ковно. 1888 г.

а) Къ числу литературныхъ трудовъ, которыми долженъ быть отмѣченъ приближающійся юбилей 900-лѣтія крещенія Руси и должно быть запечатлѣно въ памяти народной великое событіе, относится трудъ уважаемаго профессора кіевской духовной академіи И. И. Малышевскаго: „Житіе святаго и равноапостольнаго князя Владиміра". По нашему мнѣнію, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ своему

назначенію—дать обществу всѣхъ слоевъ общедоступное, живое описаніе жизни великаго князя, великаго не только потому, что онъ былъ княземъ Кіева, „матери городовъ русскихъ", но и по великой заслугѣ его предъ русской землей, выдвинутой имъ на путь христіанскаго, т. е. общечеловѣческаго развитія. Указанная цѣль, говоримъ мы, вполнѣ достигается, ибо „Житіе", составленное И. И. Малышевскимъ, будетъ понятно и интересно не только для читателя вполнѣ интеллигентнаго, но и для всякаго грамотнаго человѣка. При составленіи „Житія" авторъ воспользовался всѣми русскими источниками, которые могли дать свѣдѣнія о жизни Владиміра св. Такъ, въ составъ „Житія" вошли извѣстія лѣтописей не только древнѣйшихъ, но и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, „Память и Похвала" Іакова Мниха, „Слово о законѣ и благодати" митрополита Иларіона, „Уставъ церковный" Владиміра св. и др. Въ „Житіи", конечно, не могло быть допущено никакой критики, никакого возстановленія фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ видѣ, такъ какъ этимъ самымъ уничтожилась бы его общедоступность. Избѣгая спорныхъ вопросовъ, авторъ держится хронологіи лѣтописи, не принимая совершенно во вниманіе показаній Іакова Мниха, которыя требуютъ еще весьма строгой критической провѣрки. Несомнѣнно, изъ источниковъ почерпнуто много данныхъ, достовѣрность которыхъ не вполнѣ еще установлена русской исторической наукой, хотя и существуетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ уже значительная литература. Къ числу такихъ сомнительныхъ извѣстій источниковъ, нерѣшенныхъ вопросовъ относятся разсказъ лѣтописи о поселеніи русскихъ славянъ на Дунаѣ, о посольствахъ съ предложеніемъ вѣры къ Владиміру св. отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ: болгаръ волжскихъ, хазаръ, нѣмцевъ и грековъ, и объ испытаніи вѣръ этихъ народовъ русскимъ княземъ чрезъ своихъ собственныхъ пословъ, о посылкѣ Владиміромъ св. послѣ его крещенія миссіонеровъ для распространенія христіанства у волжскихъ болгаръ, о крещеніи князей печенѣжскихъ; нерѣшеннымъ окончательно является еще вопросъ о племенномъ происхожденіи болгаръ и объ „Уставѣ церковномъ" Владиміра св. Послѣдній документъ, какъ извѣстно, одними признается за вполнѣ достовѣрный; другіе же не прочь отнести его происхожденіе къ болѣе позднему времени и, такимъ образомъ, готовы считать его подложнымъ. Но, какъ мы уже сказали, въ разсматриваемой брошюрѣ не было мѣста для изслѣдованія. Мало этого, мы думаемъ, что воспользоваться всѣми этими данными и другими леген-

дарными извѣстіями лѣтописи было безусловно обязательно. Житіе должно представить намъ личность князя Владиміра такъ, какъ его представлялъ себѣ народъ въ ближайшія послѣдующія по его смерти времена, а это представленіе народное о самомъ фактѣ крещенія Руси и о виновникѣ его св. князѣ именно и могло найти себѣ мѣсто лишь въ преданіяхъ и легендахъ о нихъ народа. Вотъ почему составитель „Житія“ не пользуется данными, находимыми въ источникахъ иностранныхъ, какъ хроника Титмара Мерзебургскаго, сага о св. Олавѣ и др.

Нельзя однако же сказать, что всѣ народныя сказанія о св. Владимірѣ, находимыя въ лѣтописи, вошли въ „Житіе“, хотя они могли бы внести нѣсколько живыхъ чертъ въ характеристику князя и, какъ намъ кажется, не противорѣчили бы характеру „Житія“, сдѣлавъ еще болѣе рельефнымъ перерожденіе, совершившееся съ Владиміромъ подъ вліяніемъ христіанства. Заканчивая нашъ отчетъ, считаемъ не лишнимъ указать содержаніе „Житія“ по главамъ, какъ это сдѣлано самимъ составителемъ: 1) „Русскіе славяне на пути къ христіанству.—Первые христіане въ Кіевѣ. Св. Ольга“. 2) „Князь Владиміръ до обращенія его къ христіанству“. 3) „Обращеніе князя Владиміра къ христіанству“. 4) „Крещеніе князя Владиміра въ Корсуни“. 5) „Крещеніе славяно-русскаго народа въ Кіевѣ и по всей землѣ Русской“. 6) „Христіанскія дѣла князя Владиміра“. 7) „Земскія дѣла и семейная жизнь князя Владиміра въ христіанствѣ“. 8) „Послѣдніе дни князя Владиміра, кончина его и священная въ церкви и народѣ память о немъ, какъ просвѣтителѣ земли Русской“ и 9) „Да будетъ во благо намъ священная память о святомъ просвѣтителѣ земли Русской“. Не можемъ въ заключеніе не обратить вниманія на превосходное изложеніе „Житія“. Его языкъ—безукоризненно литературный, но вмѣстѣ съ тѣмъ блещетъ народнымъ колоритомъ, приближаясь и къ языку мѣстному и былинному, и къ языку нашихъ житій древняго періода, по способу построенія рѣчи.

b) Извѣстно, что до насъ дошли очень многія житія въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Житія древнѣйшихъ редакцій отличаются живостью красокъ, своею художественностью и вмѣстѣ съ тѣмъ полной поэзіи простотой, богатствомъ бытовыхъ чертъ, близостью къ описываемой жизни; личности святыхъ тамъ являются передъ нами полными жизни, производящими глубокое впечатлѣніе, а не отвлеченными образами. Совсѣмъ другое мы видимъ въ редакціяхъ позд-

нѣйшихъ: сухость изложенія, отсутствіе какого бы то ни было отраженія эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ святой, скудость фактовъ, но за то высокопарныя, риторическія украшенія, не имѣющія никакой цѣны ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи, не могущія тронуть ни ума, ни сердца. Нужно сказать, что въ такомъ же отношеніи стоятъ наши древнѣйшія лѣтописи, Ипатская и Лаврентьевская, къ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сборникамъ московскаго періода. „Житіе", составленное о. Дебольскимъ, вполнѣ можетъ быть отнесено къ разряду позднѣйшихъ редакцій. Авторъ не повѣствуетъ намъ о всей жизни св. князя, а даетъ лишь немногіе факты изъ нея въ сжатомъ и весьма сухомъ видѣ. А мы увѣрены, что о. Дебольскій знакомъ съ житіемъ св. Ѳеодосія, написаннымъ препод. Несторомъ. Тамъ вся жизнь великаго подвижника проходитъ предъ нами и со всѣми бытовыми красками ея времени. Авторъ подъ вліяніемъ бывшихъ у него источниковъ увлекся пошибомъ писаній позднѣйшихъ житій, и бо́льшая часть его брошюрки наполнена риторическими выдержками изъ лѣтописей, притомъ именно позднѣйшихъ, изъ „Слова о благодати" митрополита Иларіона, изъ службы св. Владиміру. Для насъ положительно непонятно, почему о. Дебольскій не воспользовался нашими древнѣйшими лѣтописями, а лишь позднѣйшими лѣтописными сборниками. На Лаврентьевскую лѣтопись авторъ ссылается всего лишь одинъ разъ и то неудачно, будто князья Олегъ и Игорь были распространителями христіанства на Руси, чего ни въ Лаврентьевской, ни въ Ипатской лѣтописи положительно нѣтъ. А между тѣмъ древнѣйшія то лѣтописи и заключаютъ въ себѣ преданія людей болѣе близкаго къ Владиміру поколѣнія. Трудъ о. Дебольскаго скорѣе представляетъ собою проповѣдь, чѣмъ житіе, да и проповѣдь, которая едва ли можетъ произвесть глубокое впечатлѣніе на слушателей.

с) Брошюра Е. Де-Витте есть трудъ уже чисто историческій. Источники и пособія, хотя и немногочисленные, дали автору возможность вполнѣ удовлетворительно справиться съ своей задачей: дѣятельность Владиміра охвачена и обрисована съ достаточной полнотой. Трудъ де-Витте распадается на 8 главъ: 1) религія восточныхъ славянъ, 2) ихъ нравъ и культура, 3) развитіе и значеніе Кіева и распространеніе христіанства въ Руси до Владиміра св., 4) в. кн. Владиміръ, 5) крещеніе Руси, утвержденіе христіанства, 6) Владиміръ-христіанинъ, 7) состояніе западнаго славянства въ эпоху крещенія Руси и въ эпоху предшествующую, 8) всеславян-

ское значеніе Владиміра. Незнакомство со всѣми тѣми источниками первой руки, которые могутъ служить для исторіи Владиміра св., незнакомство съ нѣкоторыми спеціальными трудами по тому или иному вопросу, вводитъ иногда автора въ ошибки. Такъ Новгородъ В. у Е. де-Витте является при впаденіи въ оз. Ильмень р. Мсты, а не при истокахъ р. Волхова (18); Хвалынское море отдѣляется отъ Каспія (19); авторъ пишетъ „по Востри“ (45), очевидно, не зная, что это р. Остеръ, впадающая въ Десну. Ясно также, что авторъ не вчитался какъ слѣдуетъ въ наши древнія лѣтописи, ибо предполагаетъ у насъ сентябрскій годъ, а не мартовскій, какъ было въ дѣйствительности (34). При перечисленіи иноземцевъ, живших въ Кіевѣ, упущены болгары-мусульмане, а вмѣсто нихъ поставлены печенѣги-мусульмане, тогда какъ первое указаніе на попытку распространить у нихъ исламъ относится лишь къ 1009—1010 г.[1]). Кромѣ того, авторъ, находясь подъ польскимъ вліяніемъ, бывшихъ у него подъ руками пособій, ставитъ иногда положенія, которыя не отличаются прочною обоснованностью. Къ числу такихъ положеній относится напр. объясненіе всѣхъ междуусобій древняго періода нашей исторіи обычаемъ кровавой мѣсти, что указываетъ на слабое знакомство автора съ событіями удѣльно-вѣчеваго періода: сюда же надо отнести и разсужденіе г. де-Витте о защитѣ южныхъ границъ сѣвернымъ населеніемъ; отсюда же проистекаетъ и та путанница въ хронологіи, какую мы видимъ у автора на стр. 35. Несмотря на всѣ эти неточности, брошюру Е. де-Витте должно причислить къ числу лучшихъ компилятивныхъ, популярныхъ трудовъ по исторіи Владиміра св., которые могутъ представить интересъ для интеллигентнаго человѣка и дать ему довольно точныя и достаточно вѣрныя свѣдѣнія о жизни древней Руси въ эпоху св. Владиміра.

П. Голубовскій.

Разсказъ о святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. М. 1888.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ двухъ „житій“ св. Владиміра, одного очерка его жизни. Упомянемъ въ заключеніе еще объ одномъ юбилейномъ изданіи, заглавіе котораго мы выписали выше. Разсказъ несомнѣнно составленъ не по первоисточникамъ, а по пособіямъ и

[1]) Defrémery. Fragments des géographes, p. 15—16.

представляетъ изъ себя очень слабое произведеніе и въ историческомъ, и въ литературномъ отношеніи. Мы не найдемъ здѣсь фактической полноты, но за то къ удивленію своему узнаемъ, что „Владиміръ сильно любилъ свинину“ (стр. 6). Неизвѣстно также почему авторъ считаетъ г. Овручъ, который былъ данъ Олегу, лучшимъ надѣломъ, чѣмъ Новгородъ В., который принялъ къ себѣ Владиміра, а между тѣмъ о новгородской торговлѣ съ Западомъ и Востокомъ имѣются положительныя данныя, а объ Овручѣ мы не знаемъ ничего. Въ этой раздачѣ удѣловъ былъ совершенно другой смыслъ, котораго авторъ не понимаетъ. По старинному шаблону, не давая фактовъ, авторъ голословно говоритъ о грубости нравовъ русско-славянскихъ племенъ, не обращая вниманія на то, что этому противорѣчитъ масса фактовъ историческихъ и археологическихъ, съ которыми авторъ, какъ видно, не знакомъ. Мы не приводимъ еще другихъ фактовъ изъ произведенія неизвѣстнаго автора, фактовъ, указывающихъ на весьма малое знакомство автора съ древне-русской жизнью. Разсматривая „Разсказъ“ съ литературной точки зрѣнія, мы должны сказать, что языкъ его отличается неправильностью; самое изданіе сдѣлано небрежно; текстъ не чуждъ ошибокъ въ правописаніи, въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Вообще „Разсказъ“, даже украшенный изображеніемъ св. Владиміра, производитъ грустное впечатлѣніе.

П. Голубовскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Имѣя въ виду предстоящее торжество въ память крещенія Руси при Владимірѣ святомъ, редакція „Кіевской Старины“ находитъ умѣстнымъ дать краткіе очерки старинныхъ церквей г. Кіева, связанныхъ съ именемъ равноапостольнаго князя. Это: 1) церковь, св. Василія, 2) Десятинная и 3) св. Спаса на Берестовѣ. Хотя послѣдняя и не построена самимъ Владиміромъ, но она пробуждаетъ живыя воспоминанія о великомъ просвѣтителѣ Руси, такъ какъ стоитъ на томъ мѣстѣ, на которомъ нѣкогда стоялъ загородный дворецъ великаго князя, гдѣ любилъ онъ проводить часы досуга, гдѣ онъ и скончался въ 1015 году.

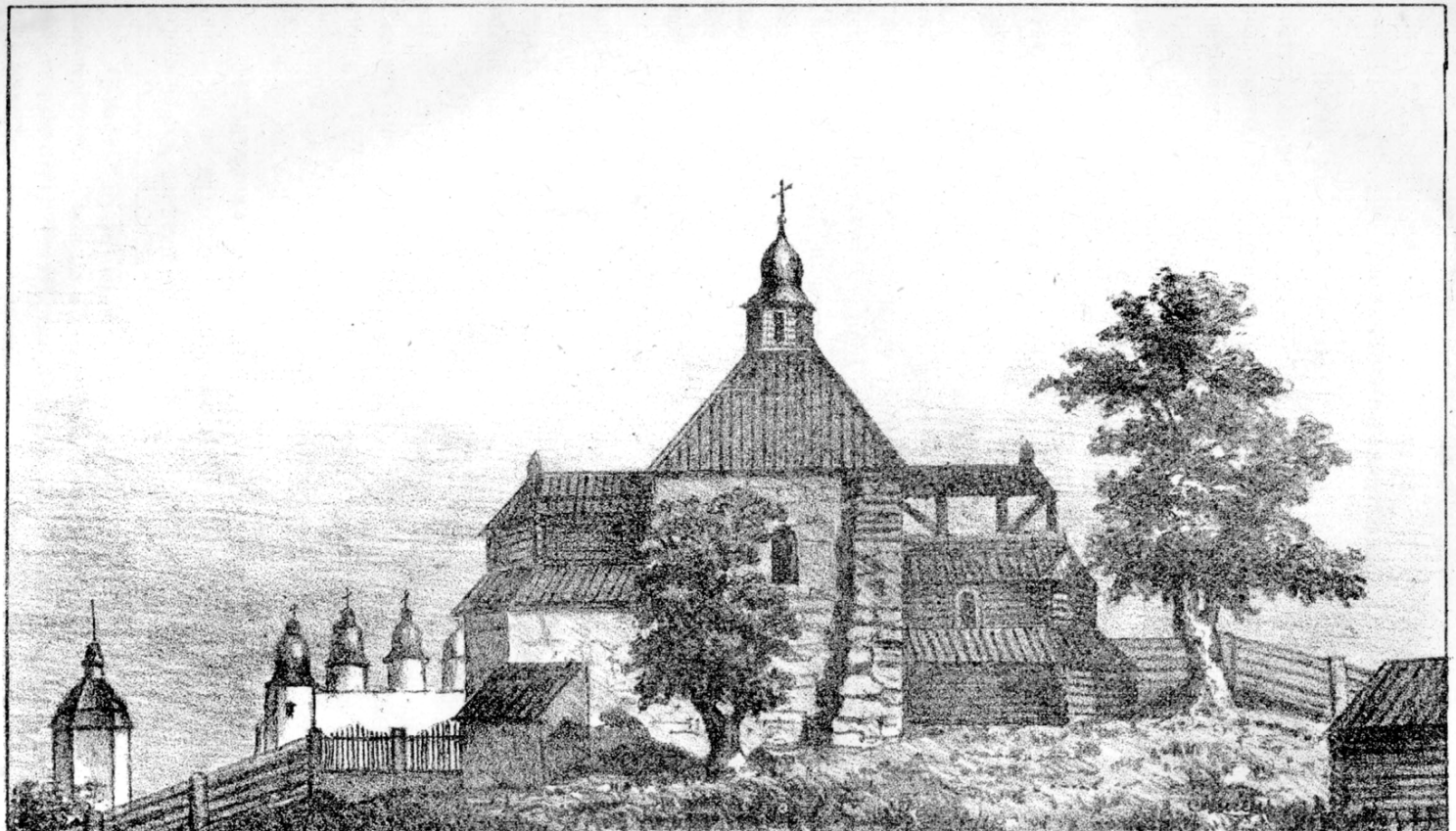
Ред.

Церковь св. Василія.

Церковь св. Василія находится въ старокіевскомъ участкѣ г. Кіева, между Михайловскимъ монастыремъ и Андреевскою церковью, на окраинѣ горной возвышенности, на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ главный идолъ Перунъ; между этою церковью и Михайловскимъ монастыремъ проходилъ *Боричевъ взвозъ*, по которому низвергнутаго идола влекли въ Днѣпръ, привязавъ къ конскому хвосту. Первую церковь поставилъ здѣсь св. Владиміръ по принятіи крещенія въ 988 году, когда повелѣлъ *рубити церкви*. Она была также срублена изъ дерева; спустя сто лѣтъ послѣ сего, вмѣсто этой деревянной, великій князь кіевскій Святославъ Всеволодовичъ создалъ небольшую каменную церковь, которую 1 янв. 1184 г. освящалъ митрополитъ кіевскій Никифоръ. Подлѣ этой церкви былъ *большой Ярославовъ дворъ;* здѣсь, вѣроятно, былъ *княжескій дворецъ и при*

св. Ольгѣ, такъ какъ она могла изъ него видѣть несеніе къ себѣ древлянскихъ пословъ на ладьяхъ по Боричеву. Нѣкоторые описатели Кіева полагали, будто отъ древней церкви св. Василія уцѣлѣлъ только кусокъ сѣверной стѣны съ щелеобразнымъ окномъ; но это совершенно невѣрно, потому что при починкѣ внѣшней и внутренней штукатурки этой церкви вездѣ въ стѣнахъ оказалась древняя кладка изъ тонкаго краснаго кирпича съ толстымъ слоемъ цемента изъ браиловской извести, смѣшанной съ толченымъ кирпичемъ, какъ во всѣхъ кіевскихъ зданіяхъ XI и XII вѣка. Не уцѣлѣлъ только куполъ древней церкви и ея сводъ; они складены въ началѣ XVIII вѣка. У Боплана, гдѣ говорится объ останкахъ церкви св. Василія съ гробами князей, нужно разумѣть развалины Десятинной церкви, такъ какъ изъ лѣтописей не видно, чтобы кто-нибудь изъ князей былъ погребенъ въ Васильевской церкви, а о Десятинной Бопланъ вовсе не упоминаетъ. Переживъ татарскій погромъ Кіева и запустѣніе его въ теченіи XV и XVI вѣковъ, церковь св. Василія въ 1638 г. по грамотѣ королевской перешла въ вѣдѣніе Кіево-Братскаго монастыря со всѣми своими землями, данными ей отъ великихъ князей, и переименована въ *Трехсвятительскую*. Въ 1651 г. 17 авг. она сгорѣла и, какъ запустѣлая, обращена была въ хлѣбный амбаръ для кіевскаго гарнизона московскихъ войскъ, при чемъ при ней были построены и деревянные магазины для той же цѣли числомъ 9. Въ 1691 году эту запустѣлую церковь испросилъ въ свое вѣдѣніе у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей митрополитъ кіевскій Варлаамъ Ясинскій, обновилъ и учредилъ при ней мужской монастырь. Въ 1787 г. монастырь Трехсвятительскій упраздненъ и церковь обращена въ приходскую. Въ прошломъ 1887 г. она обновлена извнутри и снаружи съ устройствомъ въ ней отопленія, а въ настоящемъ 1888 г. по постановленію консисторіи, съ утвержденія митрополита кіевскаго Платона, переименована по древнему въ церковь св. Василія, а пристроенный къ ней митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, придѣлъ Нерукотвореннаго образа переименованъ во имя св. Ольги.

П. Л.



Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Видъ церкви, устроенной изъ остатковъ древней Десятинной Митрополитомъ Петромъ Могилою.

Десятинная церковь.

Послѣ крещенія кіевлянъ св. Владиміръ, не довольствуясь постройкой деревянныхъ церквей, „помысли создати каменную церковь святыя Богородицы“ (Ип. 83). Для этой цѣли онъ пригласилъ греческихъ мастеровъ и художниковъ, и „придоша изъ Грекъ въ Кіевъ ко Володимеру каменосѣчцы и зиждателѣ палатъ каменныхъ“ (Ник. I. 103).

Мѣсто для церкви было выбрано вблизи княжаго двора, на сѣверо-западной сторонѣ тогдашняго Кіева,—то самое мѣсто, гдѣ такъ трагически кончили жизнь два варяга-христіанина, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ.

Въ 996 г. церковь была окончена и освящена. Св. Владиміръ „вдалъ“ въ новоустроенную церковь все, что вывезъ изъ Корсуня: главу св. Климента [1]) и мощи ученика его Фивы, церковные сосуды, иконы, кресты, книги и разную другую утварь; приставилъ къ церкви „попы корсунскіе“ и поручилъ ее Анастасу Корсунянину. На содержаніе церкви и клира онъ положилъ „десятину“ отъ своихъ доходовъ, которую во время освященія въ первый разъ и передалъ тому же Анастасу. Отсюда и церковь получила названіе Десятинной. Названіе это упоминается уже въ первоначальной лѣтописи.

Возлѣ церкви находилась торговая площадь, т. н. Бабинъ торжокъ; здѣсь св. Владиміромъ были поставлены два „мѣдянѣ капищи“ и четыре мѣдныхъ коня, вывезенные имъ изъ Корсуня. Они стояли и во время Нестора Лѣтописца. За церковью былъ дворъ деместиковъ (пѣвчихъ).

Церковь была построена изъ тонкаго квадратнаго кирпича, изъ какого строились всѣ зданія въ велико-княжескую эпоху, на особенномъ цементѣ, состоящемъ изъ смѣси извести и измельченнаго кирпича. На отдѣлку ея употреблены мраморъ, гранитъ и масса краснаго шифера, который привозился изъ теперешняго овручскаго уѣзда волынской губ.

О наружномъ и внутреннемъ видѣ Десятинной церкви у лѣтописца мы не находимъ свѣдѣній. Но все таки, на основаніи этихъ отрывочныхъ извѣстій и въ особенности благодаря даннымъ, добы-

[1]) Голова эта, по словамъ іер. Августина (замѣтка въ К. Сл. 88 г. № 386), была перенесена во Францію и пожертвована клунійскому аббатству въ августодунской епархіи (теперь Отёнъ), гдѣ она хранилась въ своемъ прежнемъ серебряномъ ковчегѣ.

тымъ при позднѣйшемъ изслѣдованіи развалинъ этой церкви, можно болѣе или менѣе правдоподобно возстановить древнѣйшій видъ ея и форму.

Длина церкви, какъ это обнаружено на остаткахъ фундамента, была около 24 саженей, ширина—16 саж. Толщина стѣнъ $1^1/_2$ арш. Съ восточной стороны находились три полукружія; изъ нихъ среднее, удлиненное, гдѣ было горнее мѣсто алтаря, выдавалось впередъ, два же другія были поменьше.

Воскр. лѣтопись говоритъ, что церковь была „о полутретьятцати вьрсѣхъ“ (Вос. 240).

Внутри церкви, на разстояніи 10 саж. отъ горняго мѣста, проходила стѣна, отдѣлявшая настоящую церковь отъ притвора. Въ фундаментѣ этой стѣны былъ устроенъ каналъ, служившій, вѣроятно, для отвода грунтовой воды.

Въ западной части обнаружены продольные и поперечные фундаменты, на которыхъ, вѣроятно, были уставлены колонны и арки, поддерживавшія хоры.

Внутренность церкви была расписана фресковой живописью. Полъ вокругъ престола состоялъ изъ мозаическихъ круглыхъ розетъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, яшмы и стекла. Мѣсто же самого престола устлано тесанными плитами. Полы сѣвернаго и южнаго отдѣленій алтаря, предназначавшихся для жертвенника и діаконика, покрыты цѣнинными плитками зеленаго цвѣта. Стѣны алтаря были украшены мозаикой.

Церковь, устроенная св. Владиміромъ, находясь на возвышенномъ мѣстѣ, отличаясь грандіозностью размѣровъ и богатствомъ украшеній, представляла величественное, невиданное еще кіевлянами, зрѣлище.

Въ 1007 г. перенесены въ Десятинную церковь святыя мощи или иконы, вѣроятно привезенныя изъ Греціи. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ Владиміръ перенесъ въ эту церковь и гробницу своей бабки, св. кн. Ольги и мощи перваго кіевскаго митрополита св. Михаила. Въ 1011 г. умерла супруга Владиміра греческая царевна Анна. Тѣло ея было положено въ каменную гробницу и поставлено въ Десятинной церкви. Рядомъ съ этой гробницей въ 1015 г. поставлена гробница самого равноапостольнаго Владиміра.

Въ 1017 г. случился большой пожаръ въ Кіевѣ. Пожаромъ этимъ повреждена и Десятинная церковь. Ярославъ Мудрый возобновилъ ее и въ 1039 г. она была вновь освящена митр. Ѳеопемптомъ. Онъ же

въ 1044 г. положилъ въ ней кости своихъ дядей-язычниковъ Ярополка и Олега, предварительно окрестивши ихъ.

Въ ней впослѣдствіи погребены в. кн. Изяславъ Ярославичъ—въ каменной ракѣ и Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Изяслава.

Въ теченіе послѣдующихъ ста лѣтъ Десятинная церковь не подвергалась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Но вотъ тутъ одна за другой начались бѣды какъ для всего Кіева, такъ въ томъ числѣ и для Десятинной церкви.

8 марта 1171 г. Андрей Боголюбскій съ союзными князьями взялъ Кіевъ, въ которомъ заперся Мстиславъ Изяславичъ. Впродолженіе двухъ дней весь городъ былъ разграбленъ. Была ограблена и Десятинная Богородица.

Въ 1203 г. Кіевъ подвергся новому еще большему опустошенію отъ Рюрика Ростиславича, добывавшаго вмѣстѣ съ половцами столицу, отнятую у него Романомъ Галицкимъ. Всѣ церкви были разграблены; вся церковная утварь—иконы, книги, оклады съ иконъ, кресты, одежды первыхъ князей, висѣвшія въ церквахъ, какъ память объ нихъ, все было растащено. Но эти бѣдствія были незначительны сравнительно съ тѣмъ, какое постигло Кіевъ въ 1240 г., при нашествіи Батыя. Во время геройской защиты Кіева, Десятинная церковь служила послѣднимъ оплотомъ для осажденныхъ. Когда татары пробили стѣны, то горожане въ ночь на 6 декабря устроили возлѣ этой церкви новыя укрѣпленія, на которыхъ утромъ произошла послѣдняя ожесточенная битва. Тогда же масса народа укрылась съ своимъ имуществомъ на церковныхъ комарахъ, т. е. на сводахъ церкви, но послѣдніе не выдержали тяжести и рухнули. Татары овладѣли городомъ. Отъ славной Десятинной церкви остался только юго-западный уголъ, да и тотъ былъ заваленъ мусоромъ отъ развалившихся стѣнъ.

Прошло 400 лѣтъ. Въ Кіевѣ митрополитомъ былъ знаменитый Петръ Могила. Онъ заботился о возстановленіи древнихъ церквей и обратилъ вниманіе также на развалины Десятинной церкви. Вотъ слова Сильвестра Коссова, современника Петра Могилы и впослѣдствіи преемника его на митрополичьей каѳедрѣ: „приказалъ онъ (Петръ Могила) Десятинную церковь пресв. Дѣвы, находящуюся у воротъ кіевскихъ, выкопать изъ мрака подземнаго и открыть дневному свѣту“ (Paterikon XLVI).

Въ 1635 г. къ оставшемуся юго-западному углу древней церкви были придѣланы алтарная и сѣверная стороны, впереди устроенъ

деревянный придѣлъ и такимъ образомъ составилась маленькая церковь. Въ это же время, при очисткѣ развалинъ, были найдены двѣ мраморные гробницы. Ихъ признали за гробницы св. Владиміра и супруги его Анны на основаніи подписей, находившихся будто бы на нихъ. Изъ первой гробницы Петръ Могила взялъ голову и кисть правой руки. Голову онъ положилъ сначала въ Преображенской церкви (Спасъ на Берестовѣ), а потомъ перенесъ въ великую лаврскую церковь, гдѣ она находится и въ настоящее время. Кисть же правой руки отдалъ въ Кіево-Софійскій соборъ. Послѣ этого гробницы были вновь зарыты въ землю.

Петру Могилѣ не удалось вполнѣ окончить начатую реставрацію Десятинной церкви, и онъ на окончательное устройство ея назначилъ въ завѣщаніи изъ своихъ денегъ тысячу злотыхъ.

Въ 1758 г. эту церковь, пришедшую въ ветхость, поправила монахиня Флоровскаго монастыря Нектарія, въ мірѣ княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. И при этомъ ремонтѣ найдены двѣ мраморныя надгробныя плиты. Онѣ также снова зарыты были въ землю.

Устроенная Петромъ Могилою церковь существовала до 1828 г. Въ ней было два этажа—нижній каменный и верхній деревянный. Въ нижнемъ находился престолъ въ честь Рождества пресв. Богородицы, а верхній былъ посвященъ св. апостоламъ Петру и Павлу. Въ верхнемъ же этажѣ была устроена и маленькая колокольня. Въ этой церкви издавна стоялъ древній образъ святителя Николая, отчего и сама церковь часто называлась Десятинной Николаевскою.

Остатки древней, первой на Руси каменной церкви могли бы просуществовать еще много лѣтъ, напоминая намъ о томъ великомъ событіи, которое случилось 9 вѣковъ назадъ, и о томъ великомъ князѣ, который былъ виновникомъ этого событія, но случилось иначе.

Въ 1820 г. пріѣхалъ въ Кіевъ отставной поручикъ курскій помѣщикъ А. С. Анненковъ. Думая найти въ развалинахъ Десятинной церкви скрытыя тамъ сокровища, онъ предложилъ выстроить новую церковь, если ему будетъ позволено обслѣдовать остатки древней церкви. Между тѣмъ дѣла отвлекли Анненкова изъ Кіева, а раскопками въ 1824 г. занялся ученый археологъ кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ. Вести раскопки онъ поручилъ священнику Десятинной церкви Михаилу Качаровскому и любителю древностей Кодрату Лохвицкому.

По снесеніи мусора обнаружился древній фундаментъ. При чемъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно, въ двухъ меньшихъ

алтарныхъ округлостяхъ и въ средней части сѣверной стѣны, онъ былъ вынутъ, вѣроятно, окрестными жителями, такъ что остались только рвы, засыпанные щебнемъ. Въ алтарной части древней церкви въ мусорѣ найдено много мелкой мозаики, а подъ этимъ мусоромъ устланное плитами мѣсто престола и вокругъ него мозаическій полъ. Посрединѣ церкви найдена масса обломковъ отъ различныхъ каменныхъ украшеній, а также куски фресковой живописи. Западная часть состояла изъ нѣсколькихъ пересѣкающихся фундаментовъ, между ними находились обломки мраморныхъ колоннъ, капителей и карнизовъ. Въ этой же западной части съ лѣвой стороны найдены три склепа, а съ правой мраморная гробовая крышка, переломанная на три части, съ высѣченными украшеніями. Подъ ней находился женскій остовъ, при которомъ былъ крестикъ и перстень. За выѣздомъ митрополита Евгенія раскопки остановились, и только въ 1826 г. ихъ началъ снова уже Анненковъ. Онѣ производились подъ руководствомъ назначеннаго изъ академіи художествъ архитектора Ефимова. Во время этихъ изысканій къ востоку отъ устроенной Петромъ Могилою церкви найдена гробница изъ шиферныхъ плитъ, соединенныхъ желѣзными скрѣпами, въ ней находился скелетъ безъ головы и правой руки. Гробницу эту признали принадлежащей св. Владиміру. Съ сѣверной стороны древней церкви, внѣ фундамента, открыта другая шиферная гробница съ высѣченными орнаментами. Въ ней найденъ полный скелетъ съ остатками парчеваго покрывала, женской одежи и башмаковъ. Кромѣ этихъ предметовъ въ щебнѣ найдено много кусковъ различныхъ архитектурныхъ украшеній, мозаики и фресокъ; между послѣдними замѣчательны фрагменты съ изображеніемъ головы и руки ангела.

Найдено также нѣсколько мелкихъ вещицъ: крестовъ, перстней, шестиугольныхъ кіевскихъ гривенъ и обломковъ различныхъ церковныхъ предметовъ.

Согласно своему обѣщанію, Анненковъ приступилъ къ постройкѣ новой церкви. Планъ былъ составленъ архитекторомъ Стасовымъ. По настоянію другихъ архитекторовъ древнія стѣны, уцѣлѣвшія впродолженіе 8 съ половиною вѣковъ были снесены и такимъ образомъ отъ церкви, устроенной св. Владиміромъ, не осталось ничего.

Новая церковь заложена 2 августа 1828 г. За ея постройкой наблюдалъ комитетъ изъ митрополита Евгенія, кіев. губернатора Катеринича и Анненкова.

16 іюля 1842 г. новоустроенная церковь была освящена кіев. митроп. Филаретомъ. Главный престолъ ея освященъ въ честь Рождества Пресв. Богородицы, а два придѣла посвящены: правый—св. равноапостольному кн. Владиміру, лѣвый—святителю Николаю.

Архитектура церкви не представляетъ ничего изящнаго и оригинальнаго: квадратный ящикъ, на которомъ водружены 5 главъ съ куполами луковицей. Внутренность церкви гораздо лучше ея наружнаго вида—она высока, свѣтла и просторна. Рѣзной иконостасъ украшенъ хорошей работы иконами; весь полъ сдѣланъ изъ шиферныхъ и мраморныхъ квадратовъ, вытесанныхъ изъ остатковъ древней церкви; помостъ возлѣ престола составляетъ мозаическій полъ въ томъ видѣ какъ онъ найденъ въ алтарѣ древней церкви. Въ придѣлѣ св. Владиміра возлѣ фундамента южной стѣны вдѣлана гробница, приписанная св. князю, и надъ ней устроено мраморное надгробіе. Для симметріи такое же надгробіе съ частицами св. мощей поставлено и у сѣверной стѣны. Снаружи въ южную стѣну храма надъ нижними окнами вставлены уцѣлѣвшія отъ греческой надписи буквы.

Въ церкви находится шкафъ, гдѣ хранятся различные предметы, найденные при раскопкахъ. Между ними обращаетъ на себя вниманіе небольшой древній колоколъ, найденный въ 1838 г. возлѣ Десятинной церкви. Онъ, по всей вѣроятности, былъ вывезенъ св. Владиміромъ изъ Корсуня.

Н. Б.

Спасъ на Берестовѣ.

Церковь Спаса на Берестовѣ находится у экономическихъ воротъ Кіево-Печерской лавры, въ углу крѣпостнаго вала. Берестовымъ называлась въ древности мѣстность этой церкви потому что она была покрыта берестовымъ лѣсомъ, среди котораго находился загородный дворецъ княжескій съ церковью св. Апостолъ. Это было любимое мѣстопребываніе св. Владиміра, Ярослава и Владиміра Мономаха; св. Владиміръ здѣсь и скончался 15 іюля 1015 г. Церковь св. Спаса съ монастыремъ при ней становится извѣстною съ конца XI вѣка подъ 1072, 1138, 1157, 1172, 1185 и 1230 годами. Изъ игуменовъ его извѣстны: Германъ, участвовавшій въ 1072 г. при перенесеніи мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба; Лука, поставленный въ 1185 г. во епископы г. Ростову и Володимірю, и Петръ Акеро-

вичъ, присутствовавшій въ 1231 г. при посвященіи въ св. Софіи кіевскаго игумена Кирилла во епископы Ростову. Въ церкви св. Спаса на Берестовѣ погребены: въ 1138 г. дочь Владиміра Мономаха Ефимія Владиміровна, въ 1157 г. сынъ его вел. князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій и въ 1172 г. внукъ Владиміра Мономаха князь Глѣбъ Юрьевичъ. Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ Печерской лавры въ своей книгѣ *Тератургима* и митрополитъ Петръ Могила въ надписи, сдѣланной славянскими буквами надъ входными дверьми извнутри церкви, созданіе церкви Спаса на Берестовѣ приписывали св. равноапостольному князю Владиміру. Но какъ объ этой церкви лѣтописи не упоминаютъ до 1072 года и о построеніи ея св. Владиміромъ не говорятъ, то мнѣніе это не можетъ быть признано вѣрнымъ. Гораздо вѣроятнѣе полагать, что церковь Спаса на Берестовѣ построена Владиміромъ Мономахомъ, такъ какъ она сдѣлалась усыпальницей его дочери, сына и внука. Къ началу 17 вѣка отъ древней Спасской церкви оставались лишь развалины, о которыхъ Кальнофойскій такъ говоритъ: по дорогѣ отъ Печерскаго монастыря къ сѣверу проходятъ мимо Спасскаго угла, т. е. мимо Спасской церкви, которую создалъ св. Владиміръ, но отъ нея уцѣлѣли лишь стѣны, развалины ея покрываютъ землю. На рисункѣ Кіева, приложенномъ къ книгѣ Кальнофойскаго, Спасская церковь изображена объ одномъ маленькомъ куполѣ, едва видномъ за передней, прямолинейной стѣной. Митрополитъ Петръ Могила (1632—1647 г.) возобновилъ Спасскую церковь и расписалъ ея стѣны перстами греческими греческихъ художниковъ, какъ гласитъ надпись надъ входомъ изъ притвора въ церковь, сдѣланная греческою вязью. По точнѣйшемъ изслѣдованіи зданія этой церкви въ настоящемъ ея видѣ оказывается, что отъ древней церкви уцѣлѣла только западная часть съ двумя придѣлами съ боковъ, изъ которыхъ въ южномъ помѣщалась лѣстница, которая шла вокругъ каменнаго столба и вела въ башню, въ другомъ—сѣверномъ была крестильня или ризница. Основаніе столба, вокругъ котораго шла лѣстница, уцѣлѣло подъ поломъ. Митрополитъ Петръ Могила къ уцѣлѣвшей западной части пристроилъ изъ древнихъ кирпичей три алтаря со сводами и средній алтарь во имя Преображенія Господня расписалъ греческою живописью, обновивъ и уцѣлѣвшія фрески въ коробовомъ сводѣ древней части. Что древняя фресковая живопись была здѣсь, доказательствомъ сего служитъ уцѣлѣвшій подъ крышею фрескъ ангела на обломкѣ стѣны южнаго придѣла. Боковые алтари Петръ Могила посвятилъ св. Космѣ и Да-

міану (южный) и св. князю Владиміру (сѣверный). Въ 1814 г. къ реставрированной Петромъ могилой Спасской церкви пристроена каменная колокольня и небольшой Могилинскій притворъ замѣненъ большимъ, составивъ значительное дополненіе къ самой церкви; но при этомъ перемазана вся могилинская и древняя фресковая живопись грубымъ малярствомъ съ чернымъ фономъ. Такъ какъ высокимъ иконостасомъ, плотно прилегавшимъ къ самому своду алтаря, прегражденъ былъ и доступъ свѣта изъ оконъ алтаря, а въ средней части храма не было оконъ, то церковь эта представляла какой-то темный подвалъ, въ которомъ нужно было стоять и днемъ съ огнемъ. Въ такомъ видѣ засталъ ее въ 1862 г. поступившій въ семъ году новый настоятель, пр. П. Л. сначала освѣтилъ этотъ храмъ, снявъ одинъ изъ 2-хъ верхнихъ ярусовъ иконостаса, а потомъ исходатайствовалъ чрезъ г. кіев. воен. и подольскаго генералъ-губернатора отпускъ 4.500 рублей изъ суммъ министерства внутр. дѣлъ на реставрированіе замѣчательной иконописи этого храма, которое и произведено въ 1863—65 гг. комитетомъ, состоявшимъ подъ его предсѣдательствомъ изъ церковнаго старосты, помѣщика Степана Ивановича Лашкевича и священника Іосифа Жолтоножскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и производителемъ иконописныхъ работъ. При этомъ на сумму до 1500 рублей, пожертвованную Ст. Ив. Лашкевичемъ, устроенъ новый одноярусный иконостасъ, сдѣланы новыя дубовыя двери во всѣ придѣлы и уложенъ новый полъ въ средней части, составляющей Преображенскую церковь, вмѣсто пола изъ желѣзныхъ плитъ, уложенныхъ въ притворѣ. Тогда же, при пониженіи пола всей церкви до древняго уровня, нѣсколько пониженъ каменный престолъ Спасскаго алтаря чрезъ снятіе на $^1/_4$ арш. верхней части кирпичной кладки. При снятіи кладки, подъ серебряной напрестольной доской оказалась доска мраморная, полированная, а подъ ней небольшая краснаго шифера плита, вложенная въ верхній слой, съ небольшимъ углубленіемъ, въ которомъ находились въ серебряномъ ящичкѣ св. мощи, залитыя воскомастикой. На верхней дощечкѣ этого ящичка вычеканенъ крестъ и слова 1643 г. Все это оставлено опять, какъ было, на своемъ мѣстѣ. При освидѣтельствованіи почвы внутри фундаментовъ оказались: 1) у сѣверной и южной стѣнъ, сзади клиросовъ—два гроба, въ которыхъ еще цѣлы были куски одежды, въ первомъ изъ шолковой красной матеріи, а въ послѣднемъ церковной изъ парчи; 2) въ сѣверной половинѣ древняго престола—у западной стѣны деревянные гробы одинъ на другомъ,

и въ южной половинѣ засыпанная землей съ щебнемъ яма во всю ширину притвора; подъ аркой на срединѣ церкви, на глубинѣ $1^1/_2$ сажени 2 скелета, на головы которыхъ надѣты круглые клобучки изъ бѣлаго войлока; 3) у сѣверной стѣны—сѣвернаго, Владимірскаго придѣла, подъ нишей, высокій склепъ или пещерный ходъ, изъ котораго можно было доставать щипцами только черную пыль или туфъ; 4) подъ поломъ круглаго, Космодаміановскаго придѣла, открыто, какъ сказано выше, основаніе круглаго столба древней кладки.

Въ Спасской церкви сохраняются: 1) серебряный осмиконечный крестъ съ литымъ распятіемъ на немъ и съ чеканнымъ на оборотной сторонѣ изображеніемъ крещенія Господня, подъ которымъ гербъ м. Петра Могилы и буквы: П. М. М. К. А. П., т. е. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, архимандритъ печерскій. Внизу надпись: „сей крестъ сотворити повели смиренный Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ кіевскій во славу распятаго Христа и даде его въ храмъ Преображенія Его на Берестову его же самъ разоренный обнови въ 1640 въ ное. 1-го дня". 2) Евангеліе напрестольное, печатанное въ Львовѣ 1636 г., оправленное въ зеленый бархатъ и серебряныя бляхи, съ гербомъ Петра Могилы на верхней круглой серебр. бляхѣ и съ слѣдующею надписью на нижней бляхѣ: „Въ славу Христа Бога, въ память себѣ и родителей своихъ Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ кіевскій, въ лѣто 1641". 3) Бархатная священническая риза съ оплечьемъ, на которомъ вышиты золотомъ Іисусъ Христосъ съ предстоящими Божіею Матерью и св. Іоанномъ Предтечей и 10 апостоловъ, по 5 на каждой сторонѣ, епитрахиль къ этой ризѣ малиноваго бархату, по которому вышиты 2 херувима и 8 святыхъ ликовъ, по два въ рядъ. Внизу подпись: „сей епитрахиль созданъ 1653 года". **П. Л.**

Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Помѣщаемый здѣсь универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго сохранился лишь въ копіи, снятой съ подлинника, по удостовѣренію извѣстнаго составителя „Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества" Аѳанасія Филимоновича Шафонскаго, владѣльцемъ с. Липоваго Рога, подъ г. Нѣжиномъ, коллежскимъ совѣтникомъ Николаемъ Николаевичемъ Мотонисомъ, въ бытность Ша-

фонскаго въ с. Липовомъ Рогѣ 20-го ноября 1784 года, въ его присутствіи. Подлинникъ, представлявшій собою, по словамъ Шафонскаго, автографъ Хмельницкаго, принадлежалъ Мотонису. Рукопись эта найдена нами въ числѣ другихъ бумагъ Дмитрія Николаевича Бантыша-Каменскаго въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина [1]).

„Богданъ Хмелницкій, гетманъ Войска Его К. М. Запорозкого. Пану Шумейкови, будучому полковникови Нѣжинскому, тымъ писаннемъ нашимъ ганимъ, ижъ не ведлугъ рады и постановенія нашого за Орсклом выправуетъ войска на Черкасы, а приѣхавши до полку нѣжинского неслушные поступки ваши, чегосмы и въ радѣ не споминали, яко бы я самъ гетманъ мѣвъ казать заразъ Ляховъ и урядниковъ, шляхту, такъ на Украинѣ, яко и у Сѣверу выбивать. Естемъ казалъ, абы все товариство, яко звычай войсковый, на кождый часъ въ дѣлахъ рыцерскихъ, такъ въ оружью, конехъ, живности готовыми были, а жебы не были такъ отъ Ляховъ, яко ни откуль безпечными, а зарывки жаднои ни с кимъ не казалисмо чинить. Волно уже въ миру и шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ приѣзжать, а меновите того его м. пана Лаврентія Лысковского, посланного от его м. пана Краковского (каштеляна), яко гетмана великого коронного, пилновать напоминаемъ и сурово росказуемъ, абысте такъ ему самому, яко и иншимъ жаднои кривды и перешкоды въ пожиткахъ панскихъ чинить не важилися, с чого бы покой не могъ быть разрушоный. Кождый нехай изъ свого ся тѣшитъ: козакъ нехай свого глядитъ и своихъ волностей постерегаетъ, а до тыхъ, котори не суть приняты до реестру нашого, абы дали покой, и въ засѣвкахъ которие на ланахъ панскихъ збоже лѣта военного позасѣвали, знявши збоже теперъ, нивы поотдавали; а которые збоже по примирью сего лѣта на ланѣхъ панскихъ сѣяли ярину, абы десятую копу дали; бо уже по примирью не годылося того чинить, досыть бы тѣшитися ласкою божіею и войсковою, що до волностей своихъ принялисмо, а жебы толко при своемъ добромъ зоставались, иначей абы не чинили, подъ срогимъ каранемъ войсковымъ. А ты, пане Шумейку, скоро сіе писанне наше васъ дойдетъ, абы заразъ до насъ, до Переяславля ставився, або где насъ знайдешъ. Пану Богу васъ при томъ поручаемъ. Данъ з Ирклѣя, дня 31 іюля 1650 року. Богданъ Хмелницкій рукою власною“.

[1]) Исторія составленія „Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго. Кіев. Университ. Извѣстія 1886 г.

Какъ видимъ, приведенный здѣсь универсалъ Богдана Хмельницкаго имѣетъ большой историческій интересъ. Въ эпоху Богдана Хмельницкаго всѣ прежніе поземельные акты, по выраженію того времени, были *козацкою шаблею скасованы* и земля становится войсковою. Гетманъ, будучи представителемъ войска, могъ раздавать войсковую землю старшинѣ и рядовому товариству за ихъ „войсковую“ службу. Хмельницкій раздачу земель началъ подтвержденіемъ прежнихъ поземельныхъ правъ монастырямъ; затѣмъ, онъ утвердилъ поземельныя права тѣхъ изъ прежнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые помогали ему въ войнѣ за освобожденіе, и, наконецъ, щедрою рукою сталъ раздавать земли за войсковыя заслуги [1]). Приводимымъ здѣсь универсаломъ Богданъ Хмельницкій выдѣляетъ изъ общей безсословной массы населенія козаковъ, записанныхъ въ реестръ, а невнесеннымъ въ реестръ приказываетъ, по снятіи, посѣяннаго на захваченныхъ владѣльческихъ земляхъ, хлѣба, выдать возвращавшимся владѣльцамъ десятую копу хлѣба за пользованіе ихъ землею, а затѣмъ возвратить земли въ ихъ владѣніе. Въ этомъ же универсалѣ мы читаемъ и разрѣшеніе Хмельницкаго „шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ пріѣзжать“. Такимъ образомъ, несмотря на то, что земля въ лѣвобережной Украинѣ и была признана войсковою собственностью съ правомъ гетмана на раздачу кому бы то ни было по заслугамъ, все таки, какъ видимъ, Хмельницкій признавалъ права собственности прежнихъ землевладѣльцевъ, преимущественно польскаго происхожденія, и подтверждалъ ихъ своими универсалами [2]).

О нѣжинскомъ полковникѣ Прокофіѣ Шумейкѣ сохранилось мало извѣстій. Въ 8 т. Актовъ ю. и з. Р. (Дополненія, № 71) помѣщено письмо его къ брянскому воеводѣ о возвращеніи награбленныхъ московскимъ человѣкомъ товаровъ нѣжинскаго мѣщанина Корнѣя Ананіевича, помѣченное 21 іюля 1649 года.

Великимъ коронным гетманомъ и краковскимъ каштеляномъ въ 1650 году былъ Николай Потоцкій, преемникъ Станислава Конецпольскаго, умершаго въ 1646 году.

Н. Стороженко.

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне. Черниговъ. 1866.

[2]) Универсалъ этотъ былъ прямымъ послѣдствіемъ Зборовскаго договора, по 3-й статьѣ котораго Хмельницкій, вопреки общественному мнѣнію народа, обязался сохранить маетности бывшимъ ихъ владѣльцамъ. (Kochowski. Annales, climacter I, стр. 151). *Ред.*

Два памятника изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

I. Универсалъ Хмельницкаго, возбуждающій черни къ войнѣ.

Bohdan Chmielnicki, wieliki hetman woyska Zaporowskiego y całoie woysko Boże Zaporowskie.

Богданъ Хмельницкій, великій гетманъ войска Запорозского, и все Войско Божее (sic) Запорожское.

Wiadomo czynię a mianowicie ludziom duchownym: władykom, archimandrytom, protopopom, humenom, popom y inszym sługom domow Bozych, także y ludziom przełożonym, bedącym wiary greckiey: woytom, burmistrzom, raycom y na iakim kolwiek urzędzie bedącym wiary greckiey: iz maiąc nie mało szkod, krzywd, łamania praw naszych y zniewagę woyska naszego Zaporowskiego przes lachow y pp. roznych, przes co by Ukraina nasza y sława y domy Boze zaginąc musiały, y mieysca swietę y swietych ciała, ktore do tego czasu za wolą Bozą na pewnych mieyscach są y leżą, sławy by iuz żadney nie miały y my z nich pociechy zadney, do tego krwie srogie rozłanie oycow naszych, matek, braci, siostr, oycow duchownych, dziatek niewinnych, na ktorych sroga szabla wisiała Lachow y teraz sie wywarła, owo zgoła płacze, krzyki, łamania rąk, szarpanie włosow, matka dziecięcia, oyciec syna, syn oyca — wszystkiey Ukrainy ten lament głosami niebo przebiia, prosząc pomsty od Pana Boga, — chcę szablą znosic tego nieprzyiaciela, przebieraiąc się ku Wisle za nimi. — Upraszam tedy łask waszych dla miłosierdzia Panskiego, aby, ied-

Вѣдомо чиню а меновите: людемъ духовнымъ: владыкамъ, архимандритамъ, протопопамъ, игуменамъ, священникамъ и иншимъ слугамъ домовъ Божихъ, также и людемъ преложонымъ (начальствующимъ), будучимъ вѣры греческои: войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ и на якомъ-колвекъ урядѣ будучимъ вѣры греческои: ижъ маючи не мало шкодъ, кривдъ, ламанья правъ нашихъ и зневагу войска нашего Запорозского отъ ляховъ и пановъ розныхъ, черезъ що бы Украина наша и слава и домы Божии загинути мусили, и мѣстца святыи и святыхъ тѣла, которыи до того часу за волею Божою на певныхъ мѣстцахъ суть, славы бы южъ жаднои не мѣли и мы зъ нихъ потѣхи жаднои, до того крови срогое розлянье отцовъ нашихъ, матокъ, братьи, сестръ, людей духовныхъ, дѣтокъ невинныхъ, на которыхъ срогая шабля ляховъ висѣла и теперъ ся вывърла (обрушилась), ово згола (вообще) плачи, крики, ламанья рукъ, шарпанья влосовъ матки по дитятку, отца по сыну, сына по отцу, всеи Украины той ляментъ голосами въ небо сягае (niebo przebije), благаючи помсты отъ Пана Бога, — хочу шаблею зносити того неприятеля,

nego Boga y iedney wiary krwie ludzmi będący, gdy się daliey was z woyskami przyblizac bede, mieli orężę swoię, strzelbę, szable, kolbaki, konie, strzały, kosy y insze żelaza do obrony wiary starozytney greckiey; a gdzie mogli iakimi siłami, sposobami, sposobiaycie się na tych nieprzyiacioł naszych y wiary starozytney naszey, lachow, niechętnych przeciwko narodowi naszemu: tak swoich pp. y sług ich, jako y żydow, wybiiaycie, scinaycie, wytracaycie dla czystosci ziemie naszey, ktorą za błogosławieną bydz obiecuiemy; a w prochy naybardziey y ołow pieniądze sposobiaycie się dla pewnych przyczyn, o ktorych dam wam znac potym, czego się trzymac będziecie; a iezli co wiecie albo słyszycie od przeiezdzaiących y od przechodzących o woyskach iakich narodow cudzoziemskich, zaciągnionych przeciwko nam od krola, dawaycie znac y przestrzegaycie nas; co się ma rozumiec y w ziemi lackiey, iezli tez woysko iakie iest y potęga, przes tego, ktorego do was posylam, oznaymicie nam, prosimy. Za tę waszę dobroczynnosc y zyczliwosc obiecuię wam łaskę moię y woyska mego Zaporowskiego; ktorym wszystkim moię powołnosc do łask powtore oddaię. Działo się w Czechrynie.

прибираючись за нимъ ку Вислѣ. Прошу теды ласкъ вашихъ для (ради) милосердя Божого, абы вы, одного Бога и однои вѣры и крови людьми будучи, коли ся далѣй до васъ зъ войскомъ приближати буду, мѣли на поготовѣ зброю свою: стрельбу, шабли, кульбаки, кони, стрѣлы, косы и иншую зброю до обороны вѣры старожитнои греческои, а где могли якими силами и способами, способляйтесь на тыхъ неприятель нашихъ и вѣры старожитнои нашои, ляховъ, неприхильныхъ противко народови нашому: такъ своихъ пановъ и слугъ ихъ, якъ и жидовъ, выбивайте, стинайте, вытрачайте для чистости земли нашои, которую за благословенную быти обѣцуемъ; а въ порохъ найбарзѣй и олово и пенези способляйтесь для певныхъ причинъ, о которыхъ дамъ вамъ знати потымъ, чого ся тримати будете; а коли що знаете або слышите отъ переѣзжаючихъ и отъ переходячихъ про войска якие чужоземские, затягненные противко насъ одъ короля, давайте знати и пересторегайте насъ; такъ тежъ и въ земли лядской, если войско якое есть и потуга, черезъ того, которого до васъ посылаю, ознаймуйте насъ, прошу. За ту вашу доброчинность и зычливость обѣцую вамъ ласку мою и войска Запорозского; всимъ вамъ мою поволность ознаймивши, до ласкъ вашихъ повторе ся отдаю. Дѣялося въ Чегринѣ.

Примѣч. Универсалъ этотъ, въ польскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Uniwersał Chmielnickiego, do pobudki czerni na woynę

wydany", находится въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Императ. публ. библіотекѣ (IV, F., 129). Мы помѣщаемъ его въ переводѣ на языкъ подлинныхъ универсаловъ Б. Хмельницкаго, что гораздо болѣе приближаетъ его къ той эпохѣ, нежели переводъ на современный русскій языкъ. Трудно, конечно, утверждать рѣшительно, что это есть списокъ съ подлиннаго универсала 1648 года; но во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть къ нему гораздо ближе, чѣмъ тотъ знаменитый бѣлоцерковскій универсалъ, который помѣщенъ въ лѣтописи Величка и въ Актахъ ю и з. Россіи и подлинность котораго справедливо была давно уже заподозрѣна покойнымъ Н. И. Костомаровымъ.

О. Л.

II. Пасквиль по поводу заключенія мира съ козаками.

Coniunctae Simulationes między niektoremi pp. chrzesciańskimi. P. kanclerz do kr. jego m-ci mowi, gdy iuz stanely pacta między kr.. jego m-cią, chanem y Chmielnickim: „Ecce, quam bonum et quam iucundum habitare in unum!" Na to kr. jego mość: „nos quidem coniunxit unicus amor tibique vere servatae patriae debetur honor". Odpowie pan kanclerz, obaczywszy Kisiela: „Ecce, salvator et redemptor patriae!" natychmiast cum prece devota zawoła go: „Veni, dilecte noster, propera dulcedo cordis mei, coronaberis!" Wtym metropolit Kiiowski rzekł: „Tu—gloria Hierusalem, tu—laetitia schismaticorum, tu—honorificentia sedis meae et exaltator!" Na to Kisiel odpowiedzial: „Hoc verum, et tu sedebis supra numerum duodecem episcoporum regni". Zatym p. Gremboszewski(?), wyskoczywszy, na skrzypiczkach wygrawa y spiewa: „Haec dies,

Взаимное притворство нѣкоторыхъ христіанскихъ господъ. Панъ Канцлеръ говоритъ королю его милости, когда уже состоялись мирныя условія между его королевскою милостью, ханомъ и Хмельницкимъ: „Се, что добро или что красно, еже жити вкупѣ!" На это отвѣчаетъ его милость король: „Да, насъ соединила одна лишь любовь, и тебѣ принадлежитъ честь спасенія отечества". Панъ канцлеръ, увидѣвши Киселя, замѣчаетъ: „Вотъ спаситель нашъ и искупитель отечества!" и вмѣстѣ съ тѣмъ взываетъ къ нему съ мольбой: „Гряди, возлюбленный нашъ, спѣши, сладость сердца моего, да возложиши вѣнецъ на главу свою!" Тутъ кіевскій митрополитъ изрекъ: „Ты—слава Іерусалима, ты — радость схизматиковъ, ты—честь и возношеніе престола моего!" На это Кисель отвѣтилъ: „Истинно сіе, и ты сядеши превыше двунадесяти

quam fecit Dominus, exultemur et laetamur in ea!“ Potym pan kanclerz rzek: „Pro hoc accipe mercedem praemii, quam mecirstî(?) o care filî“—y podał mu przywiley na starostwo Urzendowskie, naco Kisiel rzekl: dignum et iustum est, poniewasz nostrae fortunae frater“, y tu, mile salve sobie dawszy, roziechali się. A ‘wtym kanclerz rzecze: „O quam sidera applaudent nobis na co mu ieden z cnotliwych rzekl: „Vobis, non nobis“. Co usłyszawszy, pan kanclerz: „A tak, tak. nón dum finis!“ Ow cnotliwy rzekł: „Perversa nón crescunt; ale iescze credo videre bona patriae in terra viventium, quae tu nón videbis“. Co ucłyszawszy, pan kanclerz wołà swego y pyta: „Podobno ten fraus pana woyewody Ruskiego?“ naco odpowiedzial: „to pewne y tak; dato silentio in astucia cordis“, mowę zamkuął.

A ow odiezdaiac: „wale, si valere potes, tu, quidem gressus nostros dinumerasti, nos vero te emendare, cupimus“ [1]).

епископовъ королевства“. Тутъ панъ Грембошевскій, выскочивши, играетъ на скрыпочкахъ и поетъ: „Сей день, его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онь!“ Тогда п. канцлеръ реклъ: „За сіе, любезный сынъ, прійми воздаяніе, которое ты заслужилъ“—и подалъ ему привилей на староство урженловское, на что Кисель замѣтилъ: „Достойно и праведно, понеже онъ есть собратъ нашъ“ (нашего поля ягода?), и затѣмъ они оба, любезно простившись, разъѣхались. Между тѣмъ канцлеръ говоритъ: „О, какъ же звѣзды рукоплещутъ намъ!“ на что одинъ изъ честныхъ людей ему замѣтилъ: „вамъ, а не намъ!“ Услышавъ это, п. канцлеръ: „а такъ, такъ, еще не конецъ!“ А честный человѣкъ продолжалъ: „что вывернуто съ корнемъ, то не ростетъ болѣе; но я еще надѣюсь видѣть такія блага отечества на землѣ живущихъ, какихъ ты не увидишь“. Услышавъ это, панъ канцлеръ зоветъ своего клеврета и спрашиваетъ: „Ужъ не изъ партіи ли воеводы русскаго этотъ франтъ (плутъ)?“ а тотъ ему: „да, это вѣрно“—и хитро умолкъ.

А онъ (честный человѣкъ?), уѣзжая, сказалъ: „будь здоровъ, если можешь быть здоровымъ; ты...

Рукопись Императ. Публ. Библіотеки, IV, F., № 129, л. 422—423.

Примѣч. Очевидно, это—пасквиль по поводу заключенія Зборовскаго мира, условія котораго очень не понравились полякамъ.

[1]) Возстановить правильное правописаніе и исправить ошибки въ универ. салѣ и пасквилѣ, за отсутствіемъ подъ руками оригиналовъ ихъ, хранящихся въ Императ. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, было весьма затруднительно

Канцлеръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,—это Юрій Оссолинскій; *Кисель*—это извѣстный воевода Кіевскій, Адамъ, сенаторъ православнаго исповѣданія, главный посредникъ въ сношеніяхъ короля съ Хмельницкимъ. *Митрополитъ*—кіевскій правосл. митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, которому по статьямъ Зборовскимъ было выговорено мѣсто въ сенатѣ польскомъ. Личность п. *Грембошевскаго,* о которомъ упоминается въ пасквилѣ, неизвѣстна. **О. Л.**

Новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ.

Представляемые нами вниманію читателей новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ всѣ касаются его отношеній къ московскому государю. Какъ извѣстно, Москва наканунѣ войнъ Хмельницкаго находилась въ мирѣ съ Польшей, и въ случаѣ опасности для послѣдней, могла подать ей руку помощи. Гетманъ, какъ искусный дипломатъ, не могъ не предвидѣть опасности для себя; поэтому, онъ тотчасъ же послѣ первыхъ своихъ успѣховъ въ борьбѣ съ поляками заводитъ переговоры съ московскими воеводами и царемъ, стараясь склонить ихъ на свою сторону; но въ первомъ письмѣ своемъ къ Алексѣю Михайловичу, въ 1648 году, Хмельницкій высказываетъ лишь неопредѣленно желаніе имѣть въ южной Руси государя самодержца, подобнаго московскому; точно также и московское правительство, посылая Хмельницкому подарки, не выражало опредѣленно своихъ намѣреній. Въ маѣ 1649 года, когда ожидалось начало новыхъ военныхъ дѣйствій, когда поляки старались удержать татаръ отъ союза съ козаками, Хмельницкій пишетъ царю: „а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ Ваше Царское Величество, правдивый и православный государь, былъ надъ нами царемъ и самодержцемъ". Московское посольство въ Польшѣ, отправленное туда вслѣдъ за этимъ, искало какъ бы повода къ разрыву съ Рѣчью Посполитой, чтобы начать войну въ союзѣ съ козаками. Несмотря на всѣ придирки московскихъ пословъ, польскіе паны старались всевозможными уступками успокоить государя и исполнить его требованія. Это было въ 1650 г.; полякамъ удалось тогда предупредить войну съ Москвой; началась дипломатическая переписка пановъ съ козаками; Хмельницкій искалъ покровительства и союзника въ Турціи; переговоры не привели къ желанному результату; въ 1651 году открылись

военныя дѣйствія, но они были весьма неблагопріятны для Хмельницкаго и закончились невыгоднымъ для Малороссіи бѣлоцерковскимъ договоромъ; само собою разумѣется, созданное этимъ договоромъ положеніе дѣлъ долго продержаться не могло; Украина начала волноваться; весною 1652 года, выступая въ походъ противъ Польши, Хмельницкій опять отправилъ посольство къ царю, умоляя его о покровительствѣ и разрѣшеніи переселиться на его территорію; въ то же время онъ искалъ поддержки и среди бояръ, посылая имъ письма; одно изъ нихъ, именно къ стародубскому воеводѣ князю Хилкову мы и печатаемъ ниже; въ этомъ письмѣ Хмельницкій указываетъ на поводы своего похода противъ поляковъ и проситъ ходатайства воеводы предъ государемъ о помощи, обѣщая вѣрную службу. Письмо отправлено имъ на пути къ Батогу (мѣсто оказалось невозможнымъ разобрать въ оригиналѣ), гдѣ козакамъ досталась блестящая побѣда надъ своими врагами. Но какъ ни рѣшительны были эти побѣды, тѣмъ не менѣе соперничество сосѣдей вынуждало Хмельницкаго къ рѣшительному шагу въ его отношеніяхъ, который и былъ имъ сдѣланъ въ январѣ 1654 года.

По присоединеніи Кіева и Малороссіи къ московскому государству, царскія войска ведутъ совмѣстно съ козаками борьбу противъ Польши. Послѣдняя въ 1656 году оказалась окруженною врагами со всѣхъ сторонъ; поляки ищутъ теперь защиты у царя и гетмана; они отправляютъ посольство къ тому и другому; Москва, прельщаемая возможностью мирнаго присоединенія Польши путемъ избранія Алексѣя Михайловича польскимъ королемъ, склоняется на сторону Рѣчи Посполитой. Въ Украинѣ умы были въ волненіи, вслѣдствіе ходившихъ слуховъ, будто царь отдастъ козаковъ обратно Польшѣ. Козацкіе послы, недопущенные до переговоровъ Польши съ Москвой, вопили: „Погибло войско Запорожское! Нѣтъ намъ помощи ни откуда! Негдѣ головы преклонить!“ Хмельницкій при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ старается предупредить договоръ царя съ панами и посылаетъ печатаемое ниже письмо отъ 20 іюня 1656 года къ ближнему боярину Борису Ивановичу Морозову „о ляцкихъ хитростяхъ“, предостерегая, что поляки помирятся на время, что они въ то же время собираютъ союзниковъ и противъ сѣверной и противъ южной Руси, что они переговариваются и съ венграми и со шведами. Хмельницкій, по заключеніи договора, предупредилъ въ письмѣ и самого царя, но его писемъ не принимали въ резонъ. Между тѣмъ дѣла Польши поправились; она стала грозить козакамъ. Послѣдніе

соединились съ седмиградскимъ княземъ Ракочіемъ и разорили Польшу. Но Ракочій долженъ былъ скоро возвратиться въ свое княжество, которому угрожалъ Леопольдъ, венгерскій король; въ то же время Турція, подговариваемая Польшей, обѣщала двинуться въ южную Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ король Янъ-Казимиръ доносилъ царю, что Хмельницкій заключаетъ договоры съ Швеціей и Ракочіемъ, чтобы напасть на московскія владѣнія и, однако же, самъ велъ переговоры съ Хмельницкимъ, ища сближенія съ нимъ; посломъ отъ короля явился къ Хмельницкому хитрый и ловкій дипломатъ того времени волынскій каштелянъ Станиславъ Бенёвскій; тѣмъ не менѣе „ляцкая хитрость“ не укрылась отъ Хмельницкаго; онъ зналъ Бенёвскаго, зналъ о его цѣляхъ и намѣреніяхъ, зналъ и его программу, выработанную гетманами для „козацкой погибели“. Эту программу, которая имѣла въ виду прельстить и привлечь козацкую старшину на сторону Польши, поссорить чернь съ старшиною, разорвать союзъ гетмана съ царемъ, чтобы, воспользовавшись всѣмъ этимъ, подчинить опять себѣ южную Русь, Хмельницкій опять посылаетъ въ Москву, какъ бы предупреждая, что словамъ поляковъ не слѣдовало бы вѣрить; тогда же онъ долженъ былъ оправдываться и предъ послами московскаго государя за союзъ съ Ракочіемъ. Событія какъ будто подтверждаютъ статьи договора, приводимаго нами ниже, „о козацкой погибели“. Посолъ къ козакамъ (хитрый Бенёвскій), какъ мы видѣли, былъ посланъ съ льстивыми обѣщаніями; король своими сообщеніями въ Москву хочетъ, дѣйствительно, возбудить ссору между царемъ и Хмельницкимъ; проявилась также рознь между козаками и чернью (бунтъ козаковъ противъ полковника Адама Ждановича во время похода ихъ на помощь Ракочію), а по смерти Хмельницкаго ходили даже слухи объ отравленіи его.

И. Каманинъ.

1.

Письмо гетмана Богдана Хмельницкаго къ окольничему и воеводѣ стародубскому князю Ѳеодору Андреевичу Хилкову, съ просьбой ходатайствовать предъ царемъ о пособіи козакамъ, 17-го мая 1652 года.

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царского величества околничему и воеводѣ князю Ѳедору Ондрѣевичу Хилкову стародуб-

скому Богданъ Хмелницкий, гетманъ войска Запорожского, доброго здоровья и щасливого повоженья въ долъгий вѣкъ отъ Господа Бога жычимъ и поклонъ нашъ отдаемъ.

Писать ваша милость рачилъ ко намъ и путивлица Максима Плешивого съ товарищами прислать для провединю задержаныхъ въ Варшаве пословъ его царского величества, до сейму пришлого, который сеймъ отложили на далшый часъ, ажъ до августа мѣсяца, ляхи и пословъ его царского величества ради дѣлъ каковыхъ держатъ и поки задержатъ, невѣдаемъ; однакъ ляхи, неприятели наши, хрестияномъ бѣду великую чинятъ и на два обозы войска збираютъ, зачимъ и мы рушилисмося зъ войскомъ, а просимъ рачь ваша милость причинится до его царского величества, жебы его царское величество насъ отъ милостивое ласки своей не откидалъ и руку помощи намъ давалъ противко неприятелемъ нашимъ, а мы служить готовысмо его царскому величеству прямо и вѣрне. При семъ буди здравъ и Богомъ хранимъ а къ намъ другголюб...

Данъ съ табору отъ... совъки 17 дня мѣсяца мая, року 1652 г.

Вашей милости всего доброго жычливый приятель и слуга Богданъ Хмельницкий, гетманъ войска Запорозского.

Надтпись на оборотѣ: Божиею милостию великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царского величества околничему и воеводѣ князю Ѳедору Ондрѣевичу Хилкову стародубскому, приятелеви нашему великому отдати.

Архивъ М. И. Д.; подлинныя малороссійскія грамоты за 1652 г., по рег. № 44.

2.

Письмо гетмана Богдана Хмельницкаго къ боярину Борису Ивановичу Морозову „о ляцкихъ хитростяхъ“, 26 іюня 1656 года.

Списокъ з белоруского писма, что писалъ къ боярину къ Борису Івановичю Морозову войска Запорожского гетманъ Богданъ Хмелницкой съ столникомъ съ Васильемъ Кикинымъ въ нынешнемъ во 164 (1656) году, июня въ 26 день:

Божиею милостию великого государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца и инымъ многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя его царского величества Богданъ Хмельницкиі, гетманъ съ войскомъ его царского величества Запорожскимъ, ближнему боярину і воеводе дворовому Борису Ивановичю Морозову доброго отъ Господа Бога во многие лѣта желаемъ здоровья.

Велми утѣшаемся и премногую и неищетную его царского величества къ намъ, вѣрнымъ подданнымъ и слугамъ его царского величества, милость познаваемъ, что его царское величество милостивый государской свой указъ намъ со всѣмъ своего царского величества войскомъ Запорожскимъ прислати и о всѣхъ дѣлахъ, православной вѣре и государствамъ его царское величества полезныхъ, милостивно известити изволилъ, за что мы его царскому величеству со всѣмъ войскомъ его царского величества Запорожскимъ ниско, до лица земли упадаючи, челомъ бьемъ. Ныне тебе господина и ближнаго боярина велми просимъ, чтобъ ты, господинъ, его царскому величеству о хитростяхъ ляцкихъ известилъ, которые что иные дѣлаетъ, еще иные насъ и о государствахъ его царского величества промышляютъ, какъ о томъ пространно изустно столникъ Василей Петровичь Кикинъ тебѣ, господину, о томъ известитъ, и что мы тому жъ столнику до его царского величества изустно говорить вручили. И тебѣбъ, господину, въ тѣхъ дѣлехъ заступникомъ и помощию намъ у его царского величества быти и старатися, чтобъ его царское величество ляхомъ ни въ чемъ не вѣрилъ, бо они ляхи ныне на время помиритися хотятъ, а потомъ всѣ земли на православную вѣру и на государство его царского величества побужати будутъ; а ныне со многими землями не задирать, но толко ляховъ воевать, но и мы до князя семиградцкого и до господаревъ волоского и мултянского послали, чтобъ ляхомъ помочи не давали и ни въ чемъ не помогали. А мы всегда однолично на всѣхъ неприятелей вѣры православные и его царского величества наступовати за помощию Божиею и за указомъ его царского ве-

личества, сколко намъ Богъ всемогущий поможетъ, при томъ милостивой приязни твоей милости отдаемся. Данъ въ 1656 году.

Также тебѣ, господину, вѣдомо чинимъ, что изъ Венгръ вѣсти пришли вновь, что ляхи розныхъ земель собираютъ на насъ, а съ королемъ шведцкимъ помиритися хотятъ, а тѣмъ временемъ съѣздомъ продолжити хотятъ.

Вашей милости всего добра желателный приятель и слуга Богданъ Хмелницкиі, гетманъ съ войскомъ его царского величества Запорозскимъ.

Москов. Архивъ М. Ю.; дѣла за 1656 г. Опись малороссійскаю приказа, л. 284, № 9128—93.

3.

Переводъ со статей договора, состоявшаюся между польскими гетманами о „козацкой погибели“, 24-го іюля 1657 года.

„Переводъ съ полского писма, съ статей; переведены въ нынешнемъ во 166 (т. е. въ 1658) году, февраля въ 1 день:

Лѣта 1657 года, дня 24 мѣсяца іюля, по постановленномъ покою съ Ракоцею и по побѣде была дума межъ ихъ милостями паны гетманы на то время: съ его милостью паномъ Станиславомъ Пототцкимъ а съ его милостью паномъ Юрьемъ Любомирскимъ и съ его милостью паномъ Чарнецкимъ и съ его милостью паномъ Яномъ Сапѣгою, обознымъ коруннымъ, и съ другими полковники, на то время будучими противъ Юрья Ракоцы князя Седмиградцкого, тѣми ниже описанными 4 статьями о козацкой погибели:

1-я статья.

Посылать такова посла до казаковъ, чтобъ имъ обещалъ всякую его королевской милости милость и чести, имянно: гетману запорожскому удѣлное княжество, полковникомъ староства, другимъ казакомъ шляхетство і всякие волности по ихъ воле, на что какъ изволятъ присягу учинить, а потомъ какъ учиня вѣру, подождавъ годъ и или другой, а самимъ опочиня на Москву итти; а какъ не похотятъ, тогда самихъ воевать, а случитца на ту войну съ татары.

2-я статья.

А буде то не учинитца, тогда промышлять о томъ, чтобъ чернь ссорить на старшину, указуя имъ, что болшие терпятъ обиды отъ казаковъ, нежели отъ ляховъ, въ откупахъ, въ податехъ, въ пашне і въ иныхъ докукахъ; а какъ то здѣлаетца, тогда мочно къ своему прійти.

3-я статья.

Потщатца всякими мѣрами, чтобъ союзъ казацкій розорвать съ Москвою, показуя имъ, что пану своему природному изменили, а царю крестъ целовали и, не додержавъ, Ракоце служили, съ шведомъ перемѣрье чинятъ, съ Волохъ и съ Мултянъ людей призываютъ; а тѣмъ самѣмъ какъ ссоримъ ихъ, тогда удобнее мочно межъ ими, какъ въ отчаяніяхъ, своего поискать.

4-я статья.

Естли и то не пригодитца, въ конецъ порадѣть, чтобъ смѣлыхъ послать передовщиковъ, которые моглибъ началнѣйшихъ головъ какъ межъ казаками, такъ и въ Москвѣ, тайно отравить; а тѣмъ обычаемъ мочно своего достать, какъ головъ разумныхъ изведутъ.

Архивъ М. И. Д.; дѣла польскія за 1657 г., св. 115, л. 188 на об., № 20.

Для справокъ.

Двадцати-пятилѣтіе Высочайшаго указа 30 іюля 1863 г. 30 іюля 1888 года исполнится двадцати-пятилѣтіе Высочайшему указу 30 іюля 1863 г., установившему прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ ю.-з. краѣ, съ учрежденіемъ тогда же въ г. Кіевѣ временной коммиссіи для исполнительныхъ дѣйствій по приведенію этого указа въ исполненіе.

Временная коммиссія, состоя подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ Н. Н. Анненкова, изъ вице-предсѣдателя Г. П. Галагана и членовъ: въ началѣ А. Ѳ. Воронина, Ф. И. Сабанѣева, а потомъ прибавленныхъ П. А. Скуратова и Н. А. Ригельмана и просуществовавъ немного болѣе года (8 янв. 1864 г.—26 февр. 1865 г.), оказалась вполнѣ на высотѣ той задачи, къ какой она была призвана Высочайшею волею Царя-Освободителя. Работая надъ

опредѣленіемъ количества надѣла и размѣра выкупной ссуды за земли, подлежащія выкупу, коммиссія проектировала опредѣленіе инвентарнаго надѣла не исключительно по показанію инвентарей, въ свое время составленныхъ одною только заинтересованною стороною и никѣмъ не провѣренныхъ, а по границамъ ея, розысканнымъ и опредѣленнымъ всякій разъ на мѣстѣ мировыми съѣздами. Далѣе, коммиссія проектировала выкупъ крестьянскихъ садовъ и левадъ, о которыхъ въ инвентаряхъ часто умалчивалось, а въ мѣстномъ положеніи не было ничего опредѣленнаго. Затѣмъ, стремясь къ тому, чтобы временно-обязанные крестьяне, перейдя въ разрядъ собственниковъ, не были стѣснены въ пользованіи своею собственною землею, коммиссія проектировала воздержаться отъ обязательныхъ разверстаній, предоставивъ его, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ добровольному соглашенію между владѣльцами и крестьянами, а также приведеніе въ извѣстность и предоставленіе къ выкупу всѣхъ тѣхъ сервитутовъ, въ томъ числѣ и выпаса скота на общихъ толокахъ, въ лѣсахъ и т. п., какими искони пользовались крестьяне. Наконецъ, имѣя въ виду, что многіе владѣльцы, измѣнивъ составъ инвентарнаго крестьянскаго надѣла вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили хозяйство въ своихъ имѣніяхъ настолько, что возвращеніе крестьянамъ инвентарнаго надѣла въ его границахъ уничтожало бы ихъ хозяйство,—коммиссія проектировала и въ этихъ случаяхъ способы удовлетворенія крестьянъ за потерянный ими инвентарный надѣлъ, равно какъ и въ случаяхъ заключенныхъ выкупныхъ договоровъ до 30 іюля 1863 г.—Въ вопросѣ о пониженіи выкупныхъ платежей коммиссія проектировала размѣръ платежей, обусловленный не только качествомъ выкупаемаго надѣла, но и состоятельностью плательщиковъ, что составляло для правительства необходимую гарантію при выдачѣ имъ выкупныхъ ссудъ. Всѣ эти проекты, съ самыми незначительными въ нихъ измѣненіями, удостоены черезъ главный комитетъ Высочайшаго утвержденія.—Независимо отъ этого подробною и обстоятельно составленною инструкціею крестьянскимъ мировымъ учрежденіямъ коммиссія преподала имъ цѣлую систему правильной повѣрки уставныхъ грамотъ прежде обращенія ихъ въ выкупные акты, инструкціею настолько подробною и вмѣстѣ съ тѣмъ приноровленною къ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго быта, что при обязательномъ руководствѣ ею крестьянскія учрежденія обязательно не обходили ни одного изъ вопросовъ, относившихся до обезпеченія быта крестьянъ.—Къ работамъ этого рода коммиссіи должны быть отнесены всѣ тѣ мелкія, но существенныя для дѣла, постановленія ея разъяснявшія примѣненіе мѣстн. полож. 19 фев. 1861 г. при разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ, возникавшихъ при повѣркахъ уставныхъ грамотъ, какъ то о рыбныхъ ловляхъ, водопояхъ, правѣ на отдѣльно растущія деревья и пр. и пр.

Наконецъ коммиссія старалась ближе стать къ вновь образованнымъ въ силу указа 30 іюля 1863 г. крестьянскимъ учрежденіямъ, ознакомить составъ ихъ съ краемъ, въ большой части до того имъ незнакомымъ, съ условіями его экономическаго быта, согласить ихъ во взглядахъ на предстоявшую имъ дѣятельность, чтобы провести ее съ необходимымъ для успѣха дѣла однообразіемъ....

Много было положено коммиссіею, особенно въ лицѣ вице-предсѣдателя ея Г. П. Галагана и члена отъ министерства финансовъ А. Ѳ. Воронина, энергіи и труда для выполненія всего вышесказаннаго, много было и недовольныхъ въ свое время ея дѣятельностью.... Наше же дѣло, какъ мѣстнаго историческаго органа,

вспомнить во время благотворную для юго-западнаго края дѣятельность коммиссіи Высочайше учрежденной для исполнительныхъ дѣйствій по указу 30 іюля 1863 г., и выразить надежду, что наше воспоминаніе о ней вызоветъ среди лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу крестьянской реформы, болѣе подробныя воспоминанія и о дѣятельности коммиссіи вообще и мировыхъ учрежденій въ частности, чему мы съ охотою дадимъ мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Ред.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1888 г.

	стр.
I. Святой Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій. **П. Л.**	1—15
II. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. **Хр. Ящуржинскаго** . .	16—25
III. Болгары и хазары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ св. **П. Голубовскаго.**	26—68
IV. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. **И. Каманина.**	69—78
V. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. **М. Владимірскаго-Буданова.** . .	79—116
VI. Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей въ мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра. **В. Антоновича** . .	117—132
VII. Два замѣчательные предмета кіевскаго церковно-археологическаго музея. **Н. Бѣляшевскаго.**	133—135
VIII. Клады великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ. **Н. Бѣляшевскаго.**	136—144
IX. Памятникъ Богдану Хмельницкому	145—156
X. Критика. Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. **В. Науменка.** Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. **П. Голубовскаго.** Завитневичъ. Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ. **П. Голубовскаго.** Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго со-	

стр.

бора. **Н. С.** Скиѳскія древности. Изслѣдованія А. Лаппо-Данилевскаго. **В. Ястребова.** Solidy Bolesława z napisem sławiańskim. Studium numizmatyczne. K. Bolsunowskiego. **И. Каманина.** Юбилейныя изданія: a) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ профессоръ кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій. Изданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. b) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ протоіерей Г. С. Дебольскій. c) Е. Де-Витте. Равноапостольный князь Владиміръ святый. **П. Голубовскаго.** Разсказъ о святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. **П. Голубовскаго** . . . . . 1—34

XI. Документы, извѣстія и замѣтки. Церковь св. Василія. **П. Л.** Десятинная церковь. **Н. Б.** Спасъ на Берестовѣ. **П. Л.** Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. **Н. Стороженка.** Два памятника Богдана Хмельницкаго. **О. Л.** Новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ. **И. Каманина.** . . . . . 1—24

XII. Для справокъ . . . . . 24—26

Приложенія: 1) Слово Ѳеофана Прокоповича.

2) Дума о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ.

3) Изображеніе св. Владиміра, по рис. Васнецова.

4) Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ, по рис. В. Н. Николаева.

5) Видъ Десятинной церкви, построенной П. Могилою.

6) Ноты къ думѣ о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ Н. В. Лисенка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ

БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО,

Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Рус. Муз. Общества

въ КІЕВѢ, Крещатикъ, № 35, въ ОДЕССѢ, Дерибасовская, противъ городскаго сада.

Продаются всѣ музыкальныя сочиненія

М. ЛИСЕНКА.

1) Для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано:

Різдвяна ничъ. Комико-Лирична опера въ чотырехъ діяхъ (Тема по Гоголю). Текстъ М. Старицкаго. Цѣна 10 руб.

Чорноморци. Оперетта у 3 діяхъ. Текстъ по Кухаренку склавъ М. Старицкій. Ц. 2 р.

Збирныкъ украинськыхъ писѐнь. I. выпускъ, (40 писѐнь) цѣна 2 р. 50 к.

Збирныкъ украинськыхъ писѐнь. IV. выпускъ, (40 писѐнь) цѣна 3 р.

Збирныкъ народныхъ украинськыхъ писѐнь для хору. Перший десятокъ ц. 50 к. Другый десятокъ ц. 50 коп.

Молодощи. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы веснянi, дитячи, дивочи, жиночи и мишани; цѣна 1 р. 20 к.

Плачъ Ярославны. Частына зъ поэмы „Слово о плъку Игоревѣ". Цѣна 50 коп.

До Хортыци. Слова Щоголева. До дня 25 роковынъ смерты Т. Шевченка, съ портретомъ, цѣна 50 коп.

Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. Спивы про жоночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки такъ и гуртови:

Серія перша[1]).

1. Ой, одна я, якъ былыночька въ поли (про сопрана), 30 к.
2. Туманъ, туманъ долыною (про сопрана), 30 к.
3. На городи коло броду (про сопрана), 30 к.
4. Садокъ вышневый коло хаты (про сопрана або тенора), 30 к.
5. Ой, чого ты почорнило, зеленое поле (про баритона), 30 к.
6. На що мини чорни бровы (про сопрано або тенора), 40 к.
7. Ой, люли, люли (про сопрано), 30 к.
8. Якъ бы мени, мамо, намысто (про сопрана), 40 к.
9. Надъ днипровою сагою (про контральто), 50 к.
10. Сонце заходыть (Тріо, про 2 сопрана та тенора), 80 к.
11. Полюбылася я (про меццо-сопрано або альто), 20 к.
12. Закувала зозуленька, 20 к.
13. Утоптала стежечку, 30 к.

(№ 1—13 въ идному зшытку 2 р.).

Серія друга[2]).

14. Мынають дни (про баритона) 40 к.
15. Огни горятъ (про топора) 20 к.
16. тежъ (про баритона) 20 к.
17. „Ой Днипре мій, Днипре“. Спивъ Яремы зъ Гайдамакивъ (про баритона), 30 к.
18. „Гетьманы, гетьманы“ ...Свято въ Чыгрыни, зъ Гайдамакивъ (про баритона), 30 к.
19. Не женыся на багатій. Думка (про баритона), 20 к.
20. Зацвила въ долыни червона калына. Дуетъ про сопр. та тенора, 50 к.
21. Не тополю высокую вытеръ нагынае (сопрано), 20 к.
22. За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ, сопрано, альтъ, теноръ, басъ), 60 к.
23. Ой по гори роменъ цвите. (Теноръ), 30 к.
24. Якъ бы мени черевыки, 30 к.
25. Бьютъ пороги ...Кантата про одиноки голосы чоловичи, мишаный гуртъ зъ проводомъ оркестра. Фортепьян. укладъ (Klavierauszug) авт. 1 р. 30 к.

(№ 14—26 въ идному зшытку 2 р.).

---

[1]) Власность выдавци.

[2]) Власность автора.

Для фортепіано въ 2 руки.

Op. 2. **Сюита** in G. на малороссійскія пѣсни: № 1. Preluda (Хлопче молодче) 60 к. № 2. Couranta (По малу братику грай), 45 к. № 3. Toccata (Пишла маты на село), 45 к. № 4. Sarabanda (Сонце нызенько), 30 к. № 5. Govotte (Ой чыя ты дивчино), 45 к. № 6. Scherzo (Та казала мени Солоха прыйды), 45 к. Всѣ въ одной тетради 1 р. 80 к.

Op. 5. **Grand Polonaise** en As. 1 р. 50 к.

Op. 6. **Valse brillante**, 1 р. 20 к.

Op. 7. **Polonaise de Concert** en. G. 1 р. 50 к.

Op. 8. **Rhapsodie** sur des thémes de l'Ukraïne. Grand morceau de Concert, 1 р. 50 к.

Op. 10. **Deux chants sans paroles**, по 75 к.

Op. 12. **Le Réve** „Ну солодкимъ меду", мрія, 50 к.

Op. 15. **Barcarolle**. 75 к.

Op. 17. **Valse mélancolique**, 75 к.

Op. 18. **2-me Rhapsodie de l'Ukraïne**, 90 к.

Op. 19. **Nocturne** Cis moll, 90 к.

Для фортепіано въ 4 руки:

Увертюра изъ оперы „Різдвяна Ничъ" Ouverture „La nuit de Noël", opera lyrique, 1 р. 50 к.

Op. 4. **Украньскый козакъ—шумка**. Danse nationale de l'Ukraïne. Scherzo pour le grand Orchestre, arrangé pour le piano à 4 mains par l'Auteur, 1 р. 65 к.

Подробный каталогъ высылается безплатно.

Адресъ: въ Кіевъ или въ Одессу, книгопрод. Болеславу Корейво.

ИЗЪ МЕНЗЕЛИНСКА (УФИМСК. ГУБ.)

отъ Каллиника Васильевича Шейковскаго можно выписывать

ТОЛКОВАНІЕ СЛОВА „РУССЪ"

К. В. Шейковскаго

(ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ).

30 К. Цѣна съ пересылкою **К. 30**

5

Вышла въ свѣтъ и продается въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина** и др. новая книга:

„СЛАВЯНСКАЯ БЕСѢДА“

литературное изданіе Кіевскаго Славянскаго Общества (юбилейное изданіе). Состави-

ЦѢНА 1 р. — вилъ А. СТЕПОВИЧЪ. — **ЦѢНА 1 р.**

Приложеніе къ № 7 „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

СЛОВО

ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

ВЪ ДЕНЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО

КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

и

ДУМА

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ,

СЪ МОТИВОМЪ.

КІЕВЪ
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

Отъ Кіевскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 24 Іюня 1888 года.
Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Въ замѣнъ „Наказовъ“ помѣщаемъ въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины“ въ видѣ приложеній: „Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра“, написанное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ то время, когда онъ былъ еще простымъ іеромонахомъ въ Кіевѣ, и одну изъ думъ о Богданѣ Хмельницкомъ, съ мотивомъ. При выборѣ матеріала мы имѣли въ виду общій составъ выходящей въ свѣтъ книги.

Ред.

Было бы любопытно сдѣлать сводъ мнѣній о Владимірѣ святомъ, высказанныхъ южно-русскими писателями въ XVII и XVIII в. „Слово“ Ѳеофана Прокоповича представляетъ интересъ въ этомъ отношеніи, какъ отраженіе лѣтописнаго Владиміра въ сознаніи знаменитаго проповѣдника, который называетъ его не только княземъ, но и царемъ, совмѣстившимъ въ себѣ всѣ добродѣтели идеальнаго царя.

Печатаемъ „Слово“ по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ кіевской духовной академіи, подъ № 0, 4º, 8. Это громадный сборникъ разнообразныхъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича (908 страницъ). Въ немъ помѣщены, между прочимъ, списки съ писемъ его къ разнымъ лицамъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Всѣхъ писемъ 47: три изъ нихъ—одно на латинскомъ и два на русскомъ языкѣ—писаны собственною рукою автора. Весь сборникъ написанъ однимъ почеркомъ: на послѣднемъ листѣ его рукою переписчика сдѣлана приписка: „*Іюня 30 дарилъ Іерей Мойсей Лѣщевскій 1751 года*“. Почеркъ мелкій,

но разборчивый. Удареній и титлъ сравнительно мало: надъ строку выносятся только нѣкоторыя буквы и слоги, напр: *в, от, мъ.* Правописаніе во всей рукописи малорусское первой половины XVIII вѣка: буква *ѣ* пишется по-малорусски—для обозначенія звука *і,* какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ; замѣтно также рѣзкое смѣшеы съ *и,* при чемъ очень часто *и* употребляется вмѣсто *ы;* обратныхъ случаевъ почти нѣтъ. Точно такое же правописаніе мы видимъ въ одномъ изъ раннихъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича, которое напечатано было въ 1709 году въ типографіи кіево-печерской лавры, подъ заглавіемъ: „Панегѵ́рїкосъ и҆лѝ сло́во похва́лное ѡ҆ пресла́вной на̑ во́йсками свѣ́йскими побѣ́дѣ“ [1]). Безъ сомнѣнія, брошюра эта напечатана была подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора и, полагать надобно, съ его подлинной рукописи. Если такъ, то мы можемъ приблизительно судить о томъ, какимъ стилемъ писалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ. Для болѣе подробныхъ соображеній объ этомъ, представляемъ въ скобкахъ разночтенія и добавленія по печатному изданію сочиненій Ѳеофана Прокоповича, вышедшему спустя 29 лѣтъ послѣ его смерти—въ 1765 году, въ Петербургѣ. Кѣмъ сдѣланы позднѣйшія поправки въ правописаніи и даже въ языкѣ подлинника, самимъ ли авторомъ въ его собственномъ автографѣ, или же издателями его сочиненій, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Слова и выраженія, которыхъ недостаетъ въ петербургскомъ изданіи, печатаемъ курсивомъ.

П. Ж.

---

[1]) Это рѣдкое изданіе хранится въ библіотекѣ кіевской духовной семинаріи подъ № 65.

Слово въ день святаго равноапостола (равноапостолнаго) великаго князя владимїра (Владиміра), *проповѣданное честнѣйшимъ їеромонахомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.*

Сынове Сїони возрадуются о царѣ своемъ. [1])

Вѣдомо всѣмъ есть, яко симъ псаломническимъ гласомъ, аки торжественною трубою всѣхъ обще православнихъ христіянъ (православныхъ христіанъ) ко (къ) духовной радости возбуждаетъ духъ святый: Сїономъ бо нарицается церковь святая, в (въ) нейже царь Хрїстосъ есть, сынове же Сіони, людіе благочестивіи, имже самъ той царь даде власть чады божіими быти вѣрующымъ во имя его. Обаче возирающе (взирающе) мы на самихъ себе, православнїи сынове Россійстїи, и разсуждающе, паче инѣхъ (иныхъ) изящнѣйшую излїянную *на насъ* благодать божію, познаемъ яко кромѣ того, яко сынове церковнїи, еще и того ради, яко (и) сынове есмы Россійстіи, приличная намъ веселая сїя вѣсть есть, и опрочь (кромѣ) посполитой (общїя) радости, особливое намъ утѣшеніе возвѣщаетъ: *сынове Сїони возрадуются о царѣ своемъ.* Кому бо нѣсть явно, яко богоспасаемый градъ сей Кїевъ, мати градовомъ, и всея земли нашея пространная слава и великое украшеніе, отъ всѣхъ христіанъ вторый Іерусалимъ (и) новый Сїонъ единогласно нарицается, и тако вся наша, начало свое отсюду пріемшая, православнороссійская церковь, обрѣтающеся въ соборной и по всемъ (всему) мїрѣ (міру) разсѣянной церквѣ (церкви), аки драгоцѣнный бисеръ въ перстенѣ (перстнѣ), Сїонъ въ Сїоновѣ (Сіонѣ), Іерусалимъ во Іерусалимѣ именоватися можетъ. А се (сїе) вѣдуще, вѣмъ, яко кождый (кійждо) отъ васъ, истиннїи сынове Сіона сего! вѣсть несумѣнно (несомнѣнно): кто есть Сїона нашего царь, о немже радоватися намъ велитъ духъ святый? воистинну именуется зде (здѣ) празнуемый (празднуемый) нынѣ святый равноапостолный Князь владиміръ (Владиміръ) основатель духовнаго въ земли нашой (нашей) Сїона, царь чувственно и духовно, Царь словомъ и дѣломъ, Царь вещію и именемъ. Мною бо, яко не безъ смотренія божія и в (во) святомъ кре-

[1]) Псалт. 149, (ст. 2).

щенїи царскимъ именемъ нареченъ бысть: Василій. И се видимъ, слыш. православн: (слышателіе православніи), яко намъ удвояется блаженство. Дважды сынове Сіони есмы: и яко родъ православный, и яко родъ россійскїй. Дважды и радоватися намъ подобаетъ: и яко сыномъ церкви, о Царѣ *своемъ Христѣ*, *и яко сыномъ россійскимъ о царѣ своемъ* святомъ равноапостолномъ Князѣ владимїрѣ (Владимірѣ), и сего ради, что давидъ (Давидъ) святый о таинственномъ нѣкоемъ глаголѣ Божїемъ дивно изрече: *единою глагола Богъ двоя сія слышахъ* [1]), тожде мы рещи можемъ о словесахъ (словесѣхъ) помянутыхъ: *сынове Сіона возрадуются о царѣ своемъ*. Единою (едино) се глагола Богъ усты псаломническими, мы же дважды се слышимъ, и обще, и свойственно и аки бы днесь глаголалъ ко (къ) намъ. Тако намъ свойствуютъ словеса Павла святаго дважды ко (къ) радости возивающїя (взивающе): [2]) *радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку радуйтеся*. До которой (къ сей) радости возивающу (взывающе) васъ, Православ. Слыш: (православніи слышателіе), Духу святому, не потребно бы было уже слово мое, но понеже яко скорбь великая нѣма есть, такъ (тако) великая радость отъ естества своего есть многоглаголива и не терпитъ молчанія, того ради помощію божїею показати хощу: кїя вины веселія (великїя радости) обрѣтаются въ празднуемомъ Царѣ нашемъ владимїрѣ (Владимірѣ)? Аще достоинъ есть, да о немъ радуемся? васъ же, слышателіе православнїи! смиренно молю о радостное (радостномъ) и нестужаемое (нестужаемомъ) слышаніе (слышаніи).

Двоихъ ради винъ найпаче достойни бываютъ Царіе, да о нихъ радуются людіе, имъ подчиненнїи. Первая есть: аще враговъ державы своея побѣждаютъ, вторая: аще добро творятъ подданнымъ своимъ, храняще правду, на честь возводяще достойныхъ, недостойныхъ же низлагающе, тихостію, кротостію и любовію повелѣвающе, и словомъ рещи: аще такъ (тако) царствуютъ, да царствія ихъ ради блаженную жизнь имутъ людіе. Уважмо жъ (разсудимъ же), право-

---

[1]) Псал. 61, (ст. 12).

[2]) Филип. гл. 4, (ст. 4).

славнїи сл. (слышателіе), чи знайдуются (обрѣтаются ли) радостнїи сїи (тѣ) добродѣтели в (въ) царѣ нашемъ святомъ владимірѣ (Владимірѣ)? и першъ (первѣе) о побѣдахъ его кратко разсмотрѣмъ (разсмотримъ).

Подобно (можетъ быть) ктось (кто) разумѣетъ, же (что) я побѣды Святаго владимїра (Владиміра) надъ врагами тѣлесными хощу оповѣдати. Великій онъ воистинну и в (въ) такой славѣ былъ не безъ силы; единовластителство во всѣхъ странахъ россійскихъ въ руцѣ свои принялъ не безъ крѣпости; дружбы и сродства царей греческихъ достигъ (достиглъ) не безъ мужества; самое имя россійское страшное и громогласное всѣмъ инородным учинилъ, латво, (легко и) скоро и въ маломъ числѣ, яко молнїйна стрѣла многія страны облетѣвши, всюди (всюду) разсѣявъ (разсѣялъ) язвы, одержалъ побѣды, отвсюди (отвсюду) приведе плѣнники, принесе користи (корысти), всюду значнїи (знатныя) слѣди (слѣды) храбрости своей (своея) водрузивъ (водрузилъ) во Радимичахъ, во Вятичахъ, в (во) Угрехъ (Угрѣхъ), в (въ) Болгарехъ (Болгарѣхъ), въ царствующей тогда странѣ гречестѣй; а що (что) дивнѣйшое (дивнѣйшее) есть, родъ печенѣзкїй (Печенѣжскій) такъ тогда крѣпкїй и силный былъ, же (что) Константинъ Полскїй (sic) (Багрянородный) в (въ) книзѣ своей, в (въ) которой сыну своему подаетъ правила добраго царствованїя, совѣтуетъ и велитъ ему мирнїй (мирный) завѣтъ имѣти с (съ) Печенѣгами, яко родомъ страшнимъ (страшнымъ) и непобѣдимимъ (непобѣдимымъ) и который бы былъ яко щитъ царству его, всѣмъ инороднымъ (противу всѣхъ инородныхъ); отъ такъ страшнаго и силнаго рода не толко (токмо) владимїръ (Владиміръ) святый защищенія державѣ своей не потребовалъ (требовалъ), але (но) еще часто зъ (со) онимъ (онымъ) воюющи (воюя), побѣдною рукою покорилъ его подъ ноги свои (своя). Такъ силный и страшнїй (страшный) былъ и въ мірскихъ бранехъ! Але (но) я не отъ сихъ его побѣдъ и ему славы, и намъ радости взискую (взыскую). Есть брань духовная, противъ (противу) якой (которыя) всѣ мірскія войны единимъ отрочищнимъ (отрочищнымъ) игралищемъ Златоустый святый называетъ. Во бранехъ духовнихъ (духовныхъ) ими же непре-

станно востаютъ на насъ, три неукротиміи и зѣло лютіи супостати: міръ, плоть и діяволъ, сихъ всѣхъ толь (столь) ратно (крѣпко) и мужественно порази владиміръ (Владиміръ) святый, яко аще бы нѣкій живописецъ духовную сію брань шарами чувственними (чувственными) изобразити хотѣлъ, владиміра (Владиміра) святаго, яко воина возбранна при самомъ боку вожда своего Хріста, долженъ бы былъ написати. То самое, же (что) отвергши идолослужителство (ідолослуженіе) вѣру Хрїстову воспріялъ, не есть ли изобилно (изобилное) свидѣтелство побѣды его надъ мїромъ [1])? *Сія есть побѣда побѣждающая (побѣждшая) мїръ вѣра ната* православная, мовитъ (глаголетъ) апостолъ святый. А якимже (какимъ же) еще способомъ пріялъ вѣру? Водхнувшу (вдохнувшу) в (въ) сердце его Духу святому попеченіе спасенія и живота вѣчнаго, заразъ (абіе) самъ посилаетъ (посылаетъ) избранныхъ мужей на западъ и востокъ увѣдати, гдѣ есть вѣра добрая? гдѣ церковь, в (въ) ней же бы имѣлъ надежду спасенія? Ибо уже и западная церковь в (въ) то время со иними (иными) погибелними (погибелными) соборищами отъ тѣлесе Хрїстова отдрала себе бяше (отторгнулась). Понеже убо мїръ сѣниною своею славою и гордостію на души человѣческія ратуетъ, кому тутъ не явно, яко сїю мїрскую силу сломи владиміръ (Владиміръ) святый, яко славолюбіемъ не побѣдися, яко духъ гордини (гордый) преславнимъ своимъ дѣломъ испразднi. Чи не приносилъ до сердца (не наносилъ ли сердцу) его бѣсъ горделивый высокого (высокаго) помышленія: отъ кого вѣры учитися имаши владиміре (Владиміре)? отъ Хрїстїянъ (Христіанъ) ли, иже имени твоего ужасаются, и множицею тобою суще (были) побѣжденни (побѣждены)? Побѣдителіе (побѣдители) даютъ законъ прїяти отъ побѣжденнихъ? Толикій владика (Владыка) рода твоего, отъ инороднихъ (отъ инородныхъ) ученія просиши. Господь отечества твоего, отъ страннихъ (странныхъ), наслѣдникъ князей россійскихъ, отъ пришелецъ? Еще же и во (въ) возрастѣ совершенномъ? Посмѣются тебѣ велможи твои, и кто не речетъ: яко еще (аще) нынѣ учишися? Убо отъ млада доселѣ безуменъ былъ еси. Къ

[1]) Іоан. л. 1 (Іоан. гл. 5, ст. 4).

тому и отъ безумныхъ отецъ и праотецъ рожденъ наречешися. Явѣ бо сотвориши, яко весь родъ твой чтуще боги своя, невѣдяше истинны (истины) и слѣпъ и невѣжда бяше. Не буди тако. Чи не наводилъ (не наводилъ ли), мовлю (сказую), такого высокоумія духъ гордини (гордыни)? Обаче не преклонился на совѣтъ его владимїръ (Владиміръ) святый. Посла по странахъ (странамъ) вѣры испытовати, пускаючи (пуская) и славу (слухъ) по себѣ, яко невѣжа (невѣжда) есть, яко неимать истинны (истины), яко отъ иныхъ помощи требуетъ. Кто сему смиренїю не удивится? Нїкодимъ святый Князь сый жидовскій ко (къ) самому владицѣ (владыцѣ) своему Хрїсту не смѣяше прійти во дни, но *сей* нощїю прїйде (пріиде) ко Іисусу: владимїръ (Владиміръ) же святый ясно и явно во всемъ мїрѣ Хрістова ученія искати не стыдился (устыдился). Кто, и когда, и въ коемъ народѣ слыша подобное дѣло? Который Царь, который Князь самъ посилаше (посылаше) *для* испытанія Хрїстова? Великая добродѣтель бяше, аще кто готовой проповѣди послуша, а владимїръ (Владиміръ) святый самъ посылаетъ по Апостоловъ. И что о Хрїстѣ слыша, еже по толикомъ (толикому) увѣренію божества его сердце княжеское подвигнуло? Яко сынъ тектоновъ бѣ, нищій, странній (странный), неимѣющій гдѣ главы преклонити (приклонити) таже яко злодѣй со злодѣями повѣшенный (повѣшенъ) на древѣ сему подобаше кланятися, сего Бога нарицати, сего рабомъ нарицатися. О тяжко (о тяжестное) слышаніе княжескому сердцу! Сїе найпаче отъ проповѣди евангелской древнихъ Філософовъ и Царей отвращало. Сїе Павелъ *святый* свидѣтелствуетъ [1]): *слово*, рече, *крестное погибающимъ юродство есть*. Распятому яко Богу служити и кланятися? Поклонися смиренно, и въ работу себе распятому вдаде, толикаго Благородїя (благородія) сынъ, толикихъ странъ обладатель, владимїръ (Владиміръ) святый. Крестивыйся же во Хрїста онъ воистинну, по словеси (слову) апостолскому, во Хрїста онъ воистинну облечеся. Кая бо добродѣтель Хрїстоподобна человѣка творитъ, аще не смиреномудріе и кротость? [2]) *Научѣтеся* (научитеся), рече, *отъ мене яко кротокъ*

[1]) (1 Коріне. гл. 1. Ст. 18).

[2]) (Матѳ. гл. 14. Ст. 29).

есмь и смиренъ сердцемъ. Святый убо владимїръ (Владиміръ), иже первѣе толь звѣрскаго (полузвѣрскаго) и жестокаго сердца бяше, яко и брата своего, аки вторый каинъ (Каїнъ) лютѣ уби, *а* облекшися в (во) Хрїста на крещеніи святомъ всѣмъ бысть приступенъ, любовенъ и милосердъ. Храбрый той побѣдитель побѣждаше любовію ближняго. Крѣпкій и силный той воинъ не можаше терпѣти нужды, нищихъ, страннихъ (странныхъ), голоднихъ (голодныхъ), немощнихъ (немощныхъ), по свидѣтелству святаго Нестора Печерскаго, всегда весь домъ царскій, вся палаты пространнія (пространныя) всегда полни (полны) бяху убогихъ и страннихъ (странныхъ), и яко не вси можаху входити въ домъ княжій недугомъ или иними (иными) нуждами удержани (удержанніи) по всѣмъ градомъ изобилнія (изобильныя) обѣды и иная (иныя) угодія посилахуся (посылахуся). Сія вся плоды суть смиренномудрїя, и аки побѣднїя (побѣдныя) знаменія низложенной гордини (гордыни). И сія есть побѣда, ею же побѣди владимїръ (Владиміръ) святый перваго супостата гордаго и славолюбнаго мїра (гордый и славолюбивый міръ).

Силу же его и мужество, ими же (имже) втораго врага плоть сластолюбную испроверже, кто достойно исповѣсти можетъ? воистинну не можно не дивитися, якъ (яко) того, который отъ дѣтства во всѣхъ сластехъ плотскихъ погруженній (погруженный) валялся, не устрашило новое ученіе Хрїстіанское, повелѣвающее в (въ) великомъ трезвеніи (трезвѣніи) животъ исправляти! А что есть найболшая (найболшее), толь необузданнимъ (необузданнымъ) устремленіемъ за похотьми (похотми) плотскими течаше, и тако раздизашеся (раздирашеся) отъ огненнаго блуднаго бѣса, яко по свидѣтелству Нестора святаго, кромѣ [1]) шести женъ, пять сотъ ктому (къ тому) наложницъ имѣяше. Якая (какая) же тутъ война на сердце его наступила, когда отъ евангелскаго ученія сказоваша (казоваше) ему, яко и возрѣти (воззрѣти) на жену со (съ) похотїю, воеже вожделѣти ея есть скверное прелюбодѣяніе, есть грѣхъ смертелный (смертный), есть

---

[1]) Выноска рукою переписчика: „*в трагедо-комедіи три ста женъ воспоминаетъ*“.

дѣло, за которое правда Божія вѣчнимъ (вѣчнымъ) огнемъ казнити будетъ. О трудное ученіе на сластолюбивихъ (сластолюбивыхъ) и плотскихъ!

Мнѣ видится, же (что) владимїръ (Владиміръ) имѣючи въ себѣ сердце, пять сотъ (пятію сотными) пристрастіями обложенное, нѣчимъ (ни чемъ) не рознился отъ онаго бѣсноватого (бѣсноватаго) Евангелскаго, в (въ) которомъ бысть (былъ) легеонъ, сіесть (сіе есть) множество бѣсовъ. Изринути убо вся сія отъ сердца, чи малая (малая ли) кому мнится (быти) побѣда? Такъ разумѣти подобаетъ, яко болшая крѣпость и сила была владимїра (Владиміра) святаго, отторгнутися отъ всего полчища женскаго, нежели вся тія (тыя) народи (народы) побѣдити, съ которыми брань ему бываше. Скажу слово великое и дивное, но истинное: колико женъ отверглъ отъ себе владимїръ (Владиміръ) святый, толико пламенныхъ стрѣлъ діяволскихъ (діаволскихъ) сломи (сломилъ); толико *огненнихъ* столповъ демонскихъ опроверже; толико сѣтей хищнаго душъ ловителя растерза; толико рукъ страшному бойцу адскому отсѣче; толико погуби огнедушнихъ (огнедышущихъ) змѣевъ пекелнихъ (адскихъ). О чудеси (чудесе) страшнаго! Едина (единая) жена Адама, Сампсона, Давида, Соломона отъ благочестія низрине (низрину), а владимїра (Владиміра) святаго пять сотъ женъ и шесть въ злочестіи не удержаша! Кая се сила и крѣпость! коликая побѣда надъ плотїю!

Третая (третія) побѣда надъ діяволомъ (діаволомъ) явная всѣмъ есть: богомерзкія (богомерзкіи) и бездушнїя (бездушныи) идоли (ідолы) опроверже. Что иное (симъ) сотворилъ, *еже ли* не самаго (ли) в нихъ почитаемаго побѣди діявола (діавола)? И да не речетъ кто, яво латво (удобно) и не трудно идоли (ідолы) бездушнїя (бездушныи) и нечувственнїя (нечувственныи) разбивати. Тому толко (токмо) латво (удобно), кто силою Хрїстовою вооруженъ, можетъ попрати и самихъ демоновъ по свидѣтелству внѣшнихъ историковъ (Историковъ). Попущеніемъ божїимъ многїя казни наносили діяволи (діаволы) на своихъ идолослужителей (ідолослужителей), отъ которыхъ имъ было нѣкое озлобленіе. Между иними (иными) повѣствуютъ, же (что) коли (когда) Камвизисъ (Камвісъ) король (царь перскій)

з (съ) войскомъ ишолъ (шелъ) на разграбленіе якогось (нѣкоего) капища славного бога апполина (Аполлина) все воинство его якъ (какъ) дивное якое (нѣкакое) волненіе пѣски (пески) въ дорозѣ (въ дорогѣ) зсипали (засыпали). Како можетъ кто внійти (внити) в (въ) домъ крѣпкаго сосуди (сосуды) его расхитити, аще не первѣе свяжетъ крѣпкаго и тогда домъ его расхититъ, самъ Хрїстосъ глаголетъ. Аще убо владимїръ (Владиміръ) святый разоривъ (разорилъ) доми (домы) діяволскїя (діаволскія), расхитилъ сосуди (сосуды) ихъ и кумири (куміры) бездушнія (бездушныя), кому не явѣ есть, яко связа крѣпкаго, побѣди, поверже, попра торжественно самаго діявола (діавола)? Сію побѣду несумнѣнно (несомнѣнно) вси вѣдуще, разсмотрѣмъ (разсмотримъ) еще во кратцѣ: що (что) за добро за (во время) царствованія своего учинилъ намъ владимїръ (Владиміръ) святый? Приведѣмъ (приведемъ) себѣ на мысль (память) нещасливыя (несчастливая) и погибелнїя (погибельная) времена преждніи (прежняя), когда еще свѣтомъ евангелскимъ непросвѣщеннный родъ нашъ в (въ) глубокой тмѣ и сѣнѣ (сѣни) смѣртнѣй долго сидѣлъ. Що за (какое) ослѣпленіе було (было) глинянымъ, срѣбрянымъ (сребрянымъ), древянымъ кланятися богомъ (богамъ) и отъ онихъ (нихъ) помощи просити? Що за (коликая) погибель не вѣдати, на якій (какій) конецъ и отъ кого рожденъ бысть (былъ) человѣкъ? не знати и не надѣятися живота вѣчнаго? Вси тіи великородніи Князи, вси хоробрыи (храбріи) воини, вси всякого чина людіе, кто по долгомъ, кто по короткомъ (краткомъ) житіи пошли[1] въ огнь вѣчній (вѣчный), и тамъ заблужденіе познали свое, где уже (идѣже) поправы (исправленія) нѣ (ни) откуду (отъ куду) немашь (нѣсть) и не будетъ. Кто еще безъ плача воспомянути можетъ до (въ) якого (какое) свирѣпства (свирѣпство) и безчеловѣчія (безчеловѣчіе) пришелъ былъ (было) родъ россійскій (и) ослѣпъ угождати хотячи (хотяй) діяволу (діаволу). Довлѣетъ на тое (сіе) едину привести повѣсть отъ святаго Нестора еще непросвѣщенного (непросвѣщеннаго) лѣтописца. Уже за (при) державы (державѣ) владимїра (Владиміра) страшное и самому естеству противное дѣло видѣлъ Кіевъ.

[1]) Мат. 3. (Матв. гл. 12, Ст. 29).

Собравшися великое множество народа на якуюсь (нѣкуюсь) службу богомерзскую (и) наущеніемъ діяволскимъ (діаволскимъ) неслыханнаго безумія учинили (учинивши) раду (совѣтъ), крикнули вси единогласно: на кого з (изъ) людей жребій падеть (падетъ), того убити на жертву богомъ нашимъ. О злобы діяволскія (діаволскія)! не довлѣло тебѣ, супостате Божій, воловъ (волами), козловъ (козлами) и звѣрей (звѣрями) дикихъ (дикими) в (въ) мерзкихъ (мерзскихъ) жертовникахъ (жертвенникахъ) насыщатися? Жаждеши уже крови (крове) человѣческія. Велиши убити на жертву себѣ человѣка, надъ которымъ ты жаднои (никакои) власти не имаши (не имѣеши), (котораго) самому себѣ жерти убійствомъ не велитъ Богъ, всего созданія Господь! вѣрити не хощется, жебы (чтобы) такъ безбожная (безбожный) рада (совѣтъ) людемъ подобалася (угоденъ былъ), а вси на тое пристали. У якогось (нѣкоего) человѣка рода варяжскаго единаго тогда хрїстїанина былъ сынъ единородный юнъ зѣло возрастомъ и лицемъ красенъ; на того жребій упалъ (палъ). Прибѣжитъ (прибѣгаетъ) безчисленное звѣрей дикихъ, а не людей множество, ознаймуетъ (возвѣщаетъ) о волѣ боговъ своихъ отцу того младенца, которая вѣсть якимъ (каковымъ) жалемъ (жалѣніемъ) сердце отеческое уязвила, слова (словомъ) мнѣ равнаго немашь (неможно) до изреченія (изобразити). Досить (доволно) змовити (рещи): отецъ и хрїстіянинъ (христіанинъ) сына своего единаго юнака (юна) краснаго на смерть толь безчестную дати понуждается. Укрѣпився болѣзнію и ревностію великою, всѣмъ ясно отповѣдалъ (отвѣщалъ): на толь (тотъ) беззаконный позоръ (соборъ) гляцѣти (взирати) не буду, и не видаетъ (выдаетъ) сына, чимъ безчисленныхъ тихъ (тѣхъ) людей до такой (толикои) подвигъ ярости, же (что) звѣрскимъ свирѣпствомъ устремившися, весь его домъ заграбили (разграбили), а тѣлеса святыхъ мучениковъ невѣдомо где (гдѣ) подѣлися. Що (что) се за диво такое! *Чи* сее (сіе) в (въ) Русѣ (Руси или) в (во) иншомъ (иномъ) родѣ было? Кто бувъ (былъ) такъ обезумивъ (обезумилъ) родъ нашъ? Откуду сіе піянство (піанство)? Откуду такое ума погубленіе? Родъ отъ славы названній (названный) славенскій якимъ (какимъ) безчестіемъ осквернилъ славу свою. Коли (когда) о такихъ его жертвахъ

вѣсть проносилася? Коли (когда) хто (кто) кого пяного (піанаго) отведеть (отведетъ) отъ такого (таковаго) дѣла, которого (о которомъ онъ) на по тимъ (послѣ) жаловалъ (жалѣть будетъ), як (какъ) тому дякуетъ (благодаритъ) протверезившися (протрезвившися): то якое (какое) благодѣяніе намъ учинивъ (учинилъ той), кто родъ нашъ отъ того (таковаго) отвѣвъ (отвелъ) безумія, отъ такихъ (таковыхъ) скверны очистивъ (очистилъ). О едина похвала наша, святый равноапостолный Княже владимірe (Владиміре)! Кое благодареніе равное благодѣяніямъ твоимъ воздати можемъ? Тебѣ благодарственнія (благодарственная) восписуемъ, яко отъ толь темной тмы ко великому Евангелія свѣту воспрянухомъ; тебѣ восписуемъ, яко отъ невѣрія ко (къ) вѣрѣ, отъ отчаянія ко (къ) надеждѣ живота вѣчнаго пріидохомъ. Тебѣ восписуемъ, яко величавія (величавыи) демоны: Перуны, Волосы, Подзвизды, Лады, Купалы и малымъ у насъ дѣтемъ (дѣтямъ) единъ (единымъ) поруганіе и смѣхъ (смѣхомъ) зостали (остались). Тебѣ восписуемъ, яко на самую повѣсть мерзкихъ (мерзскихъ) преждних жертвъ рода нашего плюемъ и гнушаемся. Кто жъ (же) уже изрещи можетъ, яко (како) Россія (Россіа) отъ святаго владимірa (Владиміра) просвѣщенна (просвѣщенная) процвѣла въ добродѣтели! Коликими чудесами прославилася! Коликихъ угодниковъ Божіихъ породила и раждаетъ! а тому всему, яко зданію нѣкоему, основаніе положилъ владиміръ (Владиміръ). Хощетъ (ли) кто совершенно вся благодѣянія его исчислити, нехай (да) изочтетъ всѣхъ в (въ) Россіи просіявшихъ чудотворцевъ, преподобнихъ (преподобныхъ), мучениковъ, архіереовъ, учителей. Нехай (да) злѣчить (исчислитъ) въ семъ градѣ видѣнная и во всей державѣ Россійской безчисленная чудеса, нехай (да) обидетъ (обыдетъ) умомъ многонародное и пространное Монархы (монарха) нашего царство, коль многія обители (храмы) *Церковнія*, палати (палаты), престоли (престолы) архіерейскія (архіерейскіи, церковныи) сосуды, орудія, украшенія, пѣнія, книги евангелскія! Чи не собываются (не собываются ли) дни предреченніи Андрея Первозваннаго, предрекшаго о имущемъ просіяти в (въ) земли нашой (нашей) благочестію (благочестіи) и многимъ церквамъ божіимъ воздвигнутися? А всему тому начало, при-

чина и поводъ владимїръ (Владиміръ) святый. Подобное чтось (нѣчто) ключилося владимїру (Владиміру) со святымъ андреемъ (Андреемъ), яко иногда соломону (Соломону) со давидомъ (Давідомъ): давидъ (Давідъ) святый предъ смертїю своею давъ (далъ) сыновѣ (сыну) своему соломону (Соломону) вся описанїя церкви, которую мавъ (имѣлъ) создати соломонъ Соломонъ), где (гдѣ) были описанни (описаны) вся (вси) притворы, коморы (камеры), горницы, полагалища внутренняя, и иная (иныя) части церковнія (церковныя), и ведлугъ (по) того (оному) абрису (образу) соломонъ (Соломонъ) устроивъ (устроилъ было) потомъ домъ божій. Подобнимъ (подобнымъ) смотреніемъ и духовное зданіе Православнороссійскія нашея Церкве воздвиже Богъ. Андрей святый, же (что) ему не случилося судбами божіими мысленнаго сего храма устроити, подавъ (подалъ) описаніе в (въ) пророчествіи своемъ всѣхъ духовнихъ (духовныхъ) украшеній Церкви нашей: *Здѣ*, рече, *возсіяти имать слава божія.* Аки бы реклъ: проліются крови мученическія, процвѣтутъ цвѣты дѣвственническія (дѣвственническіи), примутъ крѣпость догматы православнія (православныи), вся потребная ко славѣ божой (Божіей) не оскудѣютъ. Тако преднаписа андрей (Андрей) святый. Святый же владиміръ (Владиміръ) яко соломонъ (Соломонъ) премудрый все тое преднаписанное дѣломъ соверши. О великаго благополучія землѣ (земли) нашой (нашей)! Коей странѣ уступитъ в (въ) похвалахъ своихъ? отъ коихъ мѣстъ славою будетъ побѣжденна (побѣждена)?

Не довлѣютъ ли сїя, слышателю (слышателіе) православный (православніи), ко (къ) духовной радости, ею же радоватися намъ подобаетъ о Царѣ нашемъ великомъ владимірѣ (Владимірѣ)? Слышахомъ о его побѣдахъ, познахомъ благодѣяніе его ко (къ) намъ. Сынове Сіони радуйтеся о толицѣмъ царѣ своемъ. Аще давиду (Давіду) великая похвала бяше нарицанну (нарицаему) быти побѣдителемъ десяти тысящъ, и сіе (съ) великимъ кликомъ (ликомъ) дѣвы и жены израилскія (ізраилскія) воспѣваху: [1]) *побьди Саулъ со (съ) тысящами, а давидъ (Давідъ) со (съ) тмами,* колми паче достоинъ радости нашей (нашея) и торжества царь

[1]) (I. Царст. Гл. 18. ст. 8).

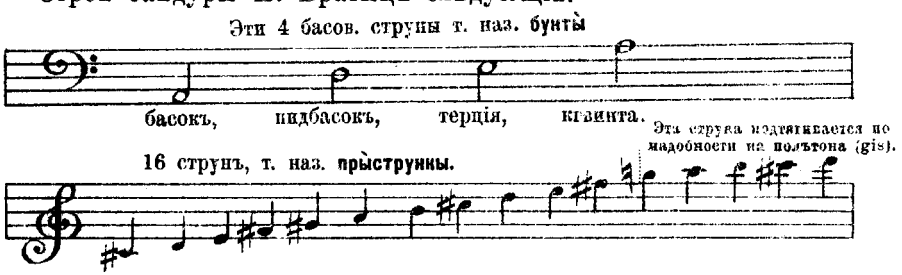
нашъ владимїръ (Владиміръ) святый, не тмы, но тмами темъ побѣдитель, и не тѣлесныхъ, но невидимыхъ враговъ духовнихъ (духовныхъ). Трехъ тилко (токмо) супостатовъ воспомянухомъ, но тіи вожди (вожды) суть безчисленнія (безчисленная) полчища имущім. Многія суть прелести мїрскїя, многія (многая) подвизанія похотей плотскихъ, многая (многіи) навѣти (навѣты), козни и искушенія діяволская (діаволская). О колико радоватися намъ подобаетъ о побѣдившемъ сія вся царѣ нашемъ владимірѣ (Владимірѣ)! Благодѣянія же его ко (къ) намъ коего сердца не подвигнутъ ко (къ) веселію? взійдѣмъ (взидемъ) умомъ на небо: что разумѣти подобаетъ яко самое небо радуется о царѣ нашемъ; аще бо по словеси Господню великая на небеси радость о единомъ бываетъ грѣшницѣ кающемся, кая радость имать быти о святомъ владимїрѣ (Владимірѣ), иже со (съ) собою не единаго грѣшника, но безчисленнія (безчисленныя) роди (роды) державы своея обрати ко Господу! Вѣмъ несумѣнно (несомнѣнно), яко вси угодници (угодницы) божіи в (въ) нашей земли просіявшіи великія ему похвалы и благодаренія радостніи (радостно) воздаютъ. О Сынове Сіони, Сынове Россійстіи! Чи радостно (не радостно ли) вамъ есть, яко отъ сыновъ гнѣва божія сыны бысте благодати его? *Чи радостно вамъ есть, яко сынове Сіони, а не вавилонстіи?* Чи радостно (не радостно ли) вамъ есть, яко надеждитеся (надѣетеся) быти сынами горняго Сіона оного (онаго?) Сею убо всею радостію радуйтеся о ходатаю (ходатаѣ) радости вашея, основателю (основателѣ) новаго израиля (Ісраиля), о великомъ царѣ нашемъ владимїрѣ (Владимірѣ) святомъ, торжественно благодаряще прославившему его Господу нашему Іисусу Хрїсту со безначалнимъ (безначальнымъ) его отцемъ, и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

ДУМА О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Настоящая дума записана мною въ началѣ 70-хъ годовъ въ г. Нѣжинѣ отъ кобзаря *Павла Братыци*.

Репертуаръ кобзы П. Братыци, въ сравненіи съ репертуаромъ кобзаря О. Вересая, гораздо бѣднѣе, ограниченнѣе по всѣмъ отдѣламъ творчества. Объ исполненіи и говорить нечего: той драматизаціи въ выраженіи историческихъ думъ, высокаго, героическаго паѳоса, замѣчательнаго разнообразія въ интерпретаціи, способствующей удерживать даже интеллигентнаго слушателя въ сильномъ напряженіи при исполненіи многихъ сотенъ стиховъ думы на одинъ и тотъ же монотонный мотивъ,—ничего подобнаго у Братыци я не нашелъ. Видимое дѣло, что, кромѣ личной одаренности пѣвца, у Вересая и школа была несравненно выше и гораздо старѣе (Братыця по лѣтамъ много моложе Вересая).—Это обстоятельство неотразимо сказалось на богатствѣ его репертуара, не вывѣтрившагося еще изъ памяти его учителей-рапсодовъ, и на его въ высшей степени выразительномъ исполненіи.

Строй бандуры П. Братыци слѣдующій:



(Сравн. со строемъ бандуры О. Вересая, въ 1-мъ т. Записокъ Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ., 1873 года).

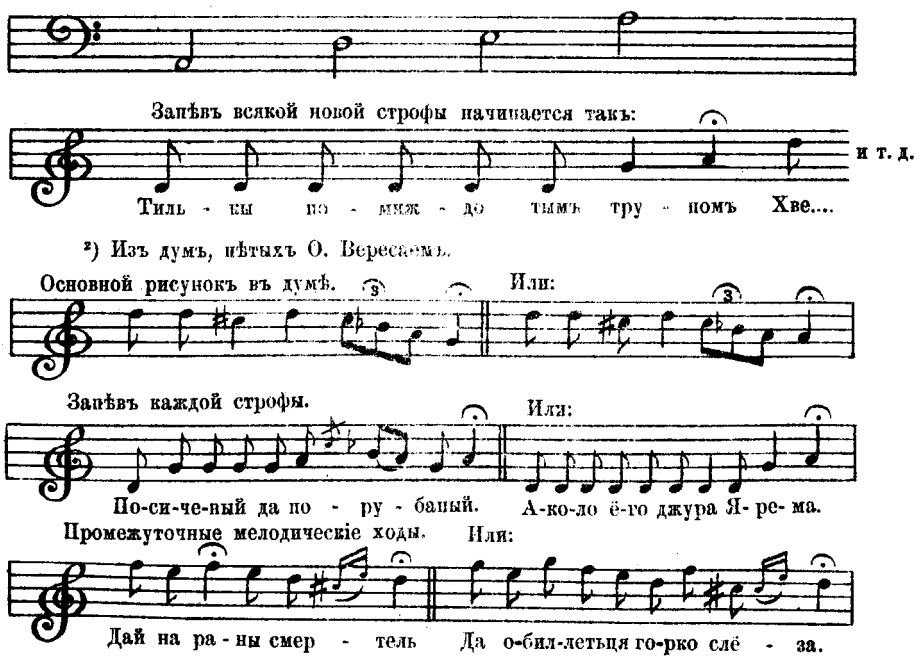
Сравнивая музыку этой думы съ музыкою думъ, пѣтыхъ Вересаемъ, мы тотчасъ замѣтимъ въ этихъ послѣднихъ признаки архаичности мелодическаго рисунка. Если исключить въ этомъ рисункѣ запѣвъ каждой новой строфы, начинающійся обыкновенно съ нижней октавы [1]), то весь онъ вмѣщается въ предѣлѣ

[1]) Запѣвъ этотъ укладывается въ строѣ бунтовыхъ струнъ бандуры, и кобзарь неуклонно держится этого пріема въ теченіи всей думы.

кварты—квинты съ типичною каждый разъ фигурой на квинтѣ строя для цезуры. Есть въ этомъ мотивѣ подъемы на сексту и на септиму даже; но эти ходы не составляютъ содержанія мотива: они служатъ къ освѣженію монотоннаго, скуднаго мелодіей речитатива; они рисуютъ драматизмъ положенія въ текстѣ думы; наконецъ, возбуждаютъ и притягиваютъ ослабѣвающее вниманіе слушателей [2]).

Чѣмъ древнѣе мотивъ, тѣмъ ограниченнѣе его тесситура. Это легко провѣрить на бытовыхъ даже пѣсняхъ, въ особенности на обрядовыхъ, принадлежащихъ въ основѣ своей эпохѣ дохристіанской.—Музыкальныя мысли думъ изъ репертуара Вересая ограничиваются въ основѣ своей 4—5 нотами; это и есть свидѣтельство относительной ихъ древности.

Дума про Хмельницкаго изъ репертуара Братыци сохраняетъ въ мелодическомъ своемъ теченіи также весь характеръ думы. Это тотъ же мелодическій речитативъ, типично повторяющійся въ своемъ незамысловатомъ рисункѣ; но онъ ближе къ намъ по времени созданія; отъ него вѣетъ складомъ пѣсни; въ мотивѣ думы больше лирической мягкости; въ немъ отсутствуетъ ригоризмъ древняго безстрастнаго речитатива. Въ техникѣ тоже



[2]) Изъ думъ, пѣтыхъ О. Вересаемъ.

значительныя отличія: цезура на квинтѣ строя отсутствуетъ; каждая музыкальная фраза, отвѣчающая словесному періоду текста, заключается всякій разъ ферматой на основномъ тонѣ гаммы, тогда какъ въ думахъ, пѣтыхъ Вересаемъ, такое паденіе на тонику или,—примѣнительнѣе къ ладамъ, въ которыхъ созданы старыя историческія думы,—паденіе на первую ступень основнаго тетрахорда совершается лишь въ самомъ концѣ думы. *Ею* обыкновенно оканчивается дума. Типическаго, присущаго старой козацкой думѣ, запѣва, расположеннаго въ строѣ 4-хъ основныхъ басовыхъ струнъ бандуры (такъ называемыхъ, бунтовъ), здѣсь, въ нашей думѣ, нѣтъ; строгій діатонизмъ древнихъ церковныхъ ладовъ какъ бы сдѣлалъ здѣсь уступку времени, окружающимъ историческимъ обстоятельствамъ, этнологическимъ комбинаціямъ, преобразившись въ современный европейскій миноръ съ вводнымъ тономъ (gis).

Музыка настоящей думы отличается отъ музыкальнаго типа старой думы болѣе широкимъ мотивомъ, болѣе свободнымъ, незамкнутымъ складомъ мелодіи: все это приближаетъ ее къ типу историческихъ пѣсенъ козацкихъ и даже чумацкихъ, которыя въ музыкальномъ построеніи своемъ не мало заимствовали у думы строгихъ красотъ своихъ.

Тѣмъ не менѣе, глубоко оригинальный, самобытный складъ старой думы, отличающій ее во всей славянщинѣ, строго замкнутая, неизмѣнная форма речитатива—характера восточнаго, меланхолическаго, сильныя душевныя движенія, ярко обрисовываемыя отдѣльными музыкальными фразами, наконецъ, древніе лады, служившіе звуковымъ матерьяломъ для созданія думъ,—всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, создавшія монументальный типъ исторической украинской думы, служили и будутъ по преимуществу служить для истинныхъ цѣнителей народнаго творчества предметомъ высокаго интереса и изученія.

Чтобы сдѣлать болѣе доступнымъ знакомство съ музыкой настоящей думы, я позволилъ себѣ придѣлать къ строчкѣ пѣнія фортепьянное сопровожденіе, придерживаясь въ фактурѣ пріемовъ по возможности близкихъ гармонизаціи и фигураціи у кобзарей.

Н. Лисенко.

Текстъ думы.

Якъ зъ день-годыны счынылысь велыки войны на Украини.
То тогди-то не могъ нихто обибратьця за виру хрыстыянську одностайне статы,
Тилькы обибрався Барабашъ, та Хмельныцькій та Клыша Билоцеркивськiй.
Оттоди воны одъ своихъ рукъ лысты пысалы, до короля Радыслава посылалы.
Тогди-то король Радыславъ лысты прымае, чытае, а въ лыстахъ пропысуе, назадъ одсылае,
У городи Черкаському Барабашá гетьманомъ настановляе:
„Будь же ты, Барабашъ, у городи Черкаському гетьманомъ.
А ты, Клыша, у городи Билий Церкви полковнычымъ,
А ты, Хмельныцькій, у городи Чыгрыни пысаремъ вийсковымъ“.
Тогди жъ то небагато Барабашъ, гетьманъ молодый, гетьмановавъ,—тилькы пивтора года.
Тогди жъ то Хмельныцькій добре дбавъ, кумомъ до себе гетьмана молодого Барабаша зазывавъ,
А ще дорогымы напыткамы витавъ и стыха до ёго словамы промовлявъ:
„Эй куме, каже, куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!
Чы не моглы бъ мы зъ тобою у-двохъ королевськыхъ лыстивъ прочытаты,
Чы не моглы бъ мы козакамъ козацькыхъ порядкивъ подаваты.
Чы не моглы бъ мы за виру хрыстыянську достойно, праведно статы“?
То вже тогди Барбашъ, гетьманъ молодый, нехороши собi мысли мавъ,
До свого кума стыха словамы промовлявъ:
„Ой куме, куме, каже, пане Хмельныцькій, пане писару вийсковый!
На що намъ зъ тобою у-двохъ королевськи лысты чытаты,
На що намъ козакамъ козацьки порядкы даваты.

На що намъ за виру хрыстыяньску достойно, праведно стояты?
Лучче намъ изъ ляхамы, зъ мостывымы панамы, хлибъ-силь
зъ упокоемъ вичный часъ ужываты."
Тогди жъ то панъ Хмельныцькій одъ свого кума си слова
зачувае,
То ще й лучче ёго дорогымы напыткамы витае.
То вже тогди Барабашъ, гетьманъ молодый, у свого кума
дорогого напытку напывся,
То тогди въ ёго доми и спать повалывся.
Оттогди-то Хмельныцькій добри соби мысли мавъ:
У свого кума изъ ливои кышени ключы выныимавъ,
А зъ-пидъ пояса шовковый платокъ высмыкавъ,
Зъ правои рукы, зъ мызынного пальця, щырозлатный перстень
изнымавъ.
На слугу свого повириого добре клыкавъ-поклыкáвъ:
„Эй ты, слуго, каже, мій вирный, велю тоби оци значкы одъ
моихъ рукъ забраты,
Самому на доброго коня сидаты,
До города Черкаського скорымъ времьемъ, пилною годыною
прыбуваты.
Барабашевій паніи нызькый поклонъ послаты,
Сіи значкы добре до ии рукъ оддаты,
А королевськи лысты одъ неи прыняты".
Тогди-то слуга тіи значкы до своихъ рукъ забравъ,
Самъ на доброго коня сидавъ
И до города Черкаського скорымъ времьемъ, пилною годыною
прыбувавъ,
До пани Барабашевои у двиръ уизджавъ;
Въ синечкы ввійшовъ—нызькый поклонъ пославъ,
Барабашевій паніи значкы на столи покладавъ,
А ще стыха словамы промовлявъ:
„Эй пани, каже, ты, пани Барабашева, гетьманьшо молодая!
Уже жъ теперъ твій панъ Барабашъ, гетьманъ молодый, зъ Хмель-
ныцькымъ на славній Украини велыки бенкеты счынають;

Велилы воны тоби сіи значкы до рукъ прыйматы, а мыни королевськи лысты оддаты,—
Чы не моглы бъ воны зъ кумомъ своимъ Хмельныцькымъ удвохъ прочытаты,
Чи не моглы бъ воны козакамъ козацьки порядкы подаваты,
Чи не моглы бъ воны за виру хрыстыянську достойно, праведно статы"?
Тогди жъ то пани Барабашева, гетьманша молодая,
Якъ ударытця да объ полы рукамы, обиллетця гарячымы слезамы, промовыть стыха словамы:
„Эй не зъ гора-биды мойму пану Барабашу схотилося на славній Украини
Зъ кумомъ своимъ Хмельныцькимъ велыки бенкеты счынаты!
На що бъ имъ королевськи лысты чытаты, на що бъ имъ козакамъ козацьки порядкы даваты?
Лучче бъ же имъ зъ ляхамы, зъ мостывымы пананы, хлибъ-силь зъ упокоемъ вишный часъ ужываты.
А теперъ нехай не зарикаетця Барабашъ, гетьманъ молодый,
На славній Украини огнивъ да тернивъ изгашаты,
На степи своимъ панськымъ тиломъ комаривъ годоваты.
Велю жъ я тоби, служителю, до воритъ одхождаты, королевськи лысты у шкатули зъ земли выйматы,
На доброго коня сидаты и до города Чыгрына скорымъ времьемъ, пылною годыною прыбуваты".
Тогди то служытель Хмельныцького до воритъ одхождавъ, шкатулу зъ земли выныймавъ,
Самъ на доброго коня сидавъ и до города Чыгрына скорымъ времьемъ, пылною годыною прыбувавъ,
Да своему пану Хмельныцькому шкатулку зъ королевськымы лыстамы до рукъ оддавъ.
То вже тогди Барабашъ, гетьманъ молодый, одъ сна проспався
И ставъ у свого кума Хмельныцького королевськи лысты въ рукахъ заглядаты,
То не ставъ й дорогого напытку пидпываты.

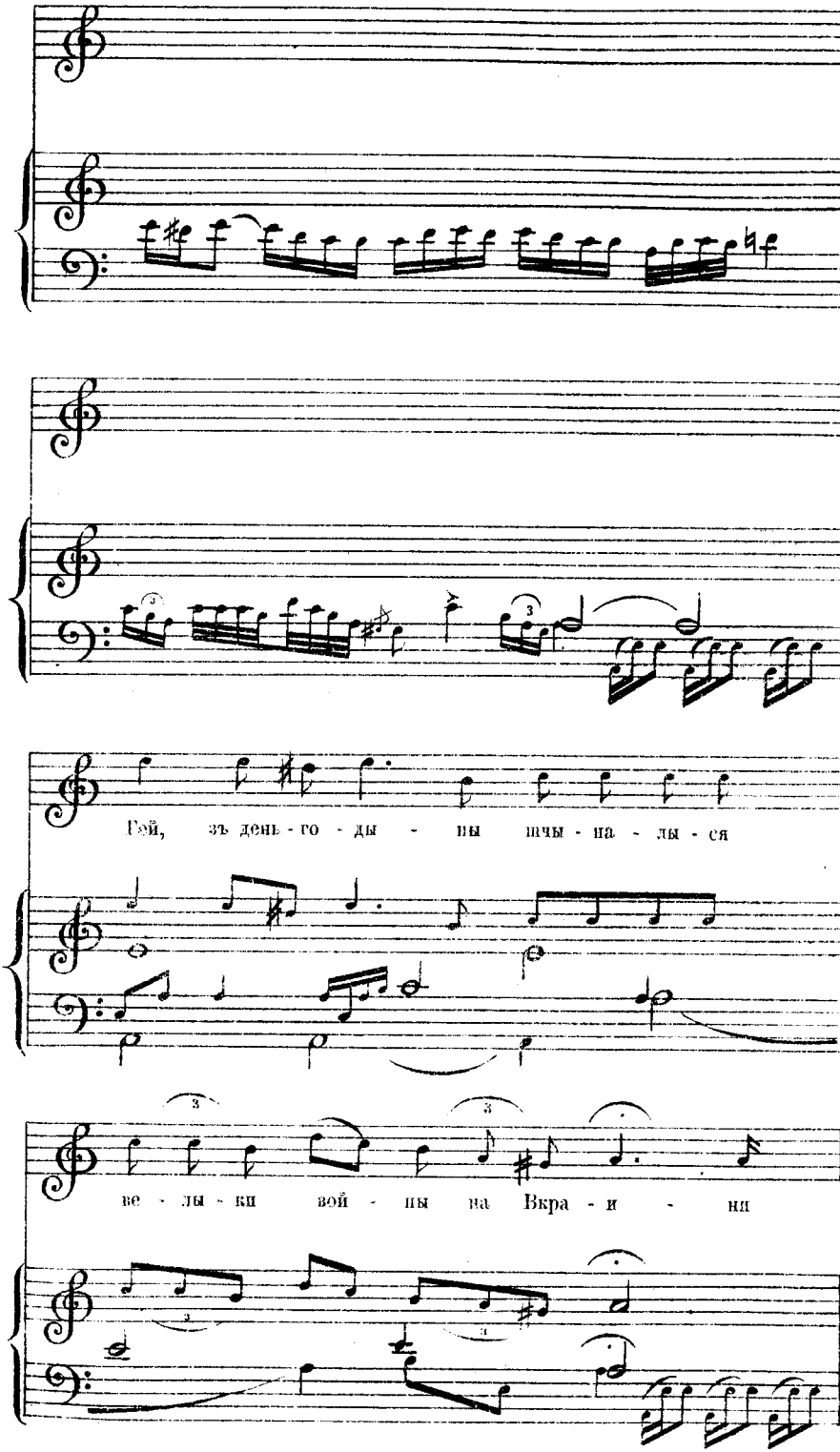
Да ставъ до свого кума стыха словамы промовляты:
„Эй куме, каже, куме, пане Хмельныцькій, пане писару войськовый!
На що бъ намъ королевськи лысты чытаты, на що бъ намъ козакамъ козацьки порядкы даваты?
Лучче бъ намъ изъ ляхамы, зъ мостывымы панамы, хлибъ-силь зъ упокоемъ вишный часъ ужываты".
Тогди то панъ Хмельныцькій до свого кума згóрда словамы промовляе:
„Эй куме, куме, каже, якъ будешъ ты мини симы словамы досаждаты,
То не зарикаюсь я тоби зъ пличъ голову, якъ галку, зняты,
А жену твою зъ дитьмы жывцемъ забраты, турському салтану въ подарунку одислаты".
То вже тогди Барабашъ, молодый гетьманъ, якъ одъ свого кума си слова зачувае,
Стыха изъ двора его изъизджае, да на свого старосту Крачевського кличе—поклыкае:
„Эй старосто, каже, ты, мій старосто Крачевській!
Чы не моглы бъ мы кума мого Хмельныцького жывцемъ забраты, Ляхамъ, мостывымъ панамъ, до рукъ податы?
То ще бъ насъ ляхы, мостывыи паны, за билозоривъ почыталы".
Тогди поихавъ Барабашъ, молодый гетьманъ, путемъ-дорогою,
А панъ Хмельныцькій лугомъ по-за лугомъ (Базавлукомъ),
Случилось ёму зъ правои рукы чотыри полковныкы:
Одынъ полковныкъ Максымъ Ольшанській,
Другый полковныкъ Мартынъ Полтавській,
Трейтій полковныкъ—Иванъ Богунъ,
А четвертый—Матвій Бороховичъ.
Оттоди-то воны на славну Украину прыбувалы,
Королевськи лысты чыталы, козакамъ козацьки порядкы давалы.
Тогди-то у святый божественный день у вівторокъ Хмельныцькій козакивъ до сходъ сонця пробуждае
И стыха словамы промовляе:

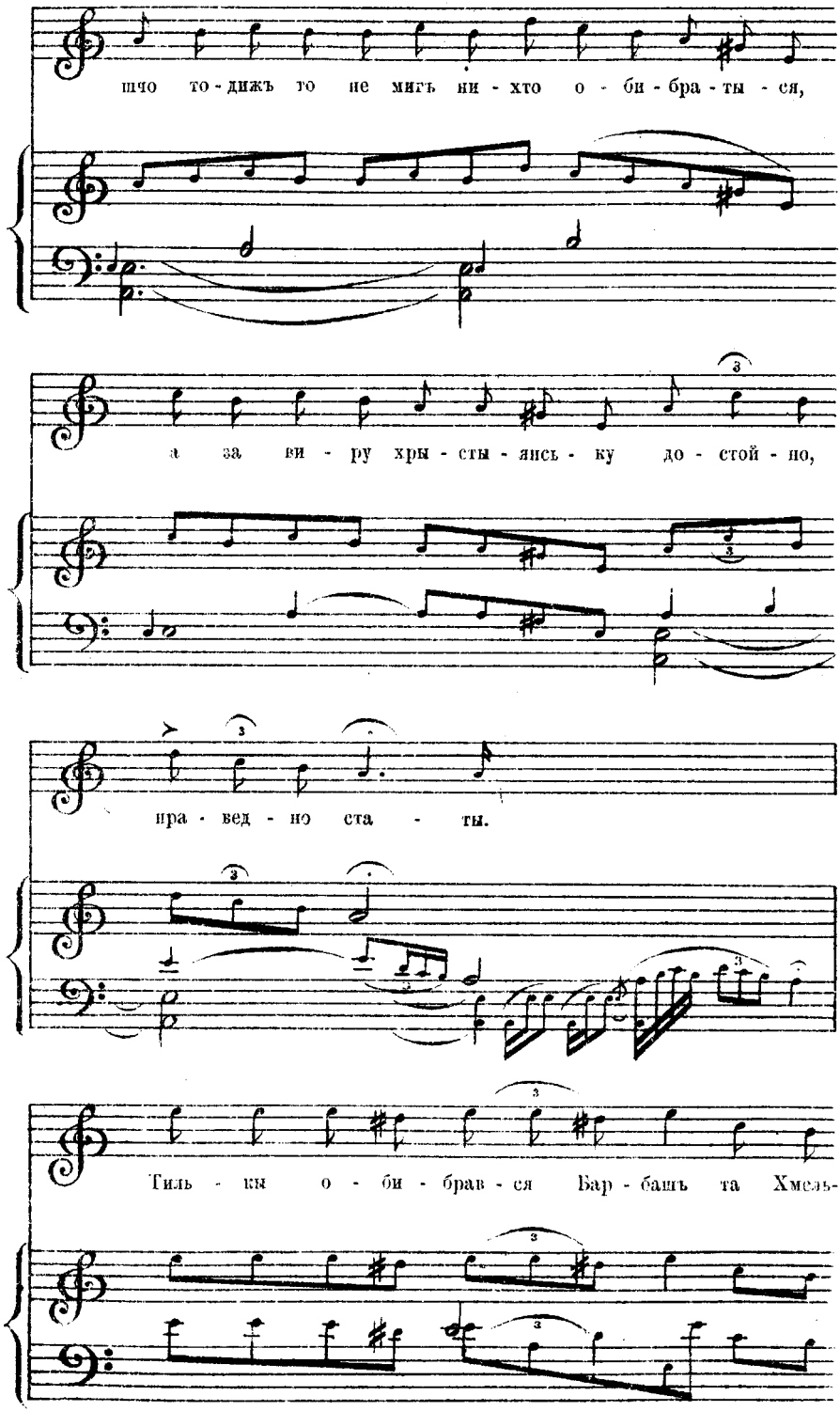
„Эй козакы, диты, друзи, молодци, добре дбайте.
Одъ сна уставайте, руський Оченашъ чытайте.
На лядськи табуры наизджайте, лядськи табуры на три часты розбывайте,
Ляхивъ, мостывыхъ панивъ, у пень рубайте, кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте,
Виры своеи хрыстыянськои на поталу въ вишный часъ же не подайте".
Оттогди жъ то козакы, друзи, молодци добре дбалы,
Одъ сна уставалы, руський Оченашъ чыталы,
На лядськи табуры наизджалы, лядськи табуры на три часты розбывалы,
Ляхивъ, мостывыхъ панивъ, у пень рубалы, кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишалы,
А виры своеи хрыстыянськои на поталу въ вишный часъ же не подалы.
Оттогди-то Барабашъ, гетьманъ молодый, конемъ пидъизджае,
Плаче—рыдае и стыха словамы промовляе:
„Эй куме, каже, пане Хмельныцькій, пане писару військовый,
На що бъ тоби королевськи лысты у пани Барабашевои було вызволяти,
На що бъ тоби козакамъ козацьки порядкы даваты?
Лучче бъ тоби зъ намы изъ ляхамы, зъ мостывымы панамы хлибъ-силь зъ упокоемъ вишный часъ ужываты".
Оттогди-то Хмельныцькій стыха словамы промовляе:
„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!
Якъ будешъ ты мини симы словамы досаждаты,
Не зарикаюсь я тоби самому зъ пличъ голову, якъ галку, зняты
Жену твою и дитей у полонъ жывцемъ забраты,
Турському салтану въ подарунку одиславы".
Оттогди то Хмельныцькій якъ сіи слова зговорывъ, дакъ барзе-добре й учынывъ:
Свойму куму Барабашеви, гетьману молодому, зъ пличъ голову, знявъ,

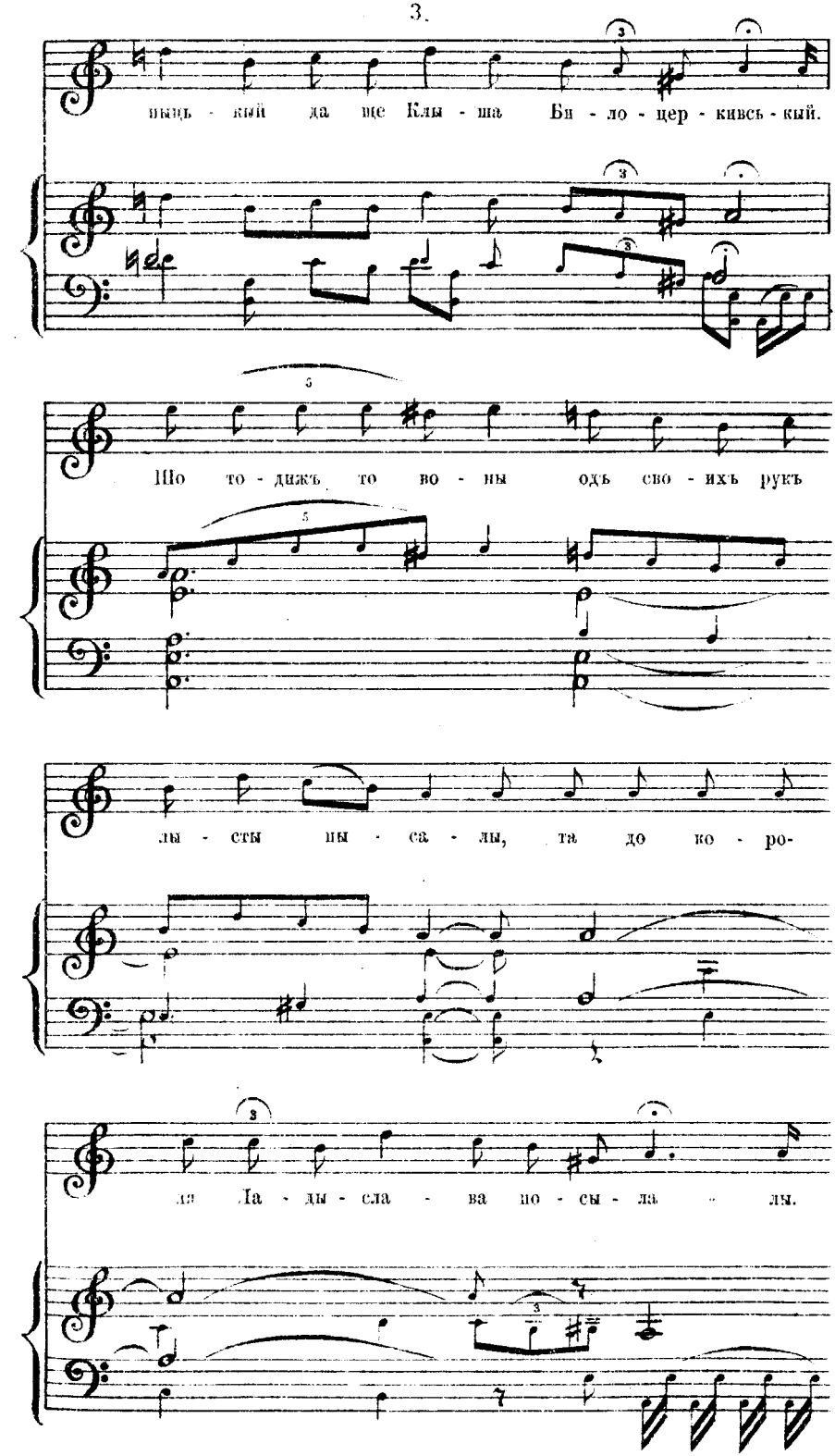
Жену ёго зъ дитьмы жывцемъ забравъ, турському салтану въ
подарунокъ одиславъ,—
То тогди жъ то панъ Хмельницькій гетьмановать ставъ.
Оттогди жъ то козаки—диты, друзи, молодци, стыха сло-
вамы промовлялы:
„Эй пане, пане Хмельницькій, Богдане Зиновій, нашъ бать-
гетьмане чыгрынській!
Дай, Господы, щобъ мы за твоеи головы пылы и гулялы
И нéприятеля пидъ ногы топталы,
А виры хрыстыянськои на поталу въ вишный часъ же не подалы!“
То тогди воны померлы, а ихъ слава не помре й не поляже
Утверды, Господы, люду царського, императорського
И всимъ слушающимъ, всимъ православнымъ хрыстыянамъ.
Пошлы, Боже, много литъ до конця вика!

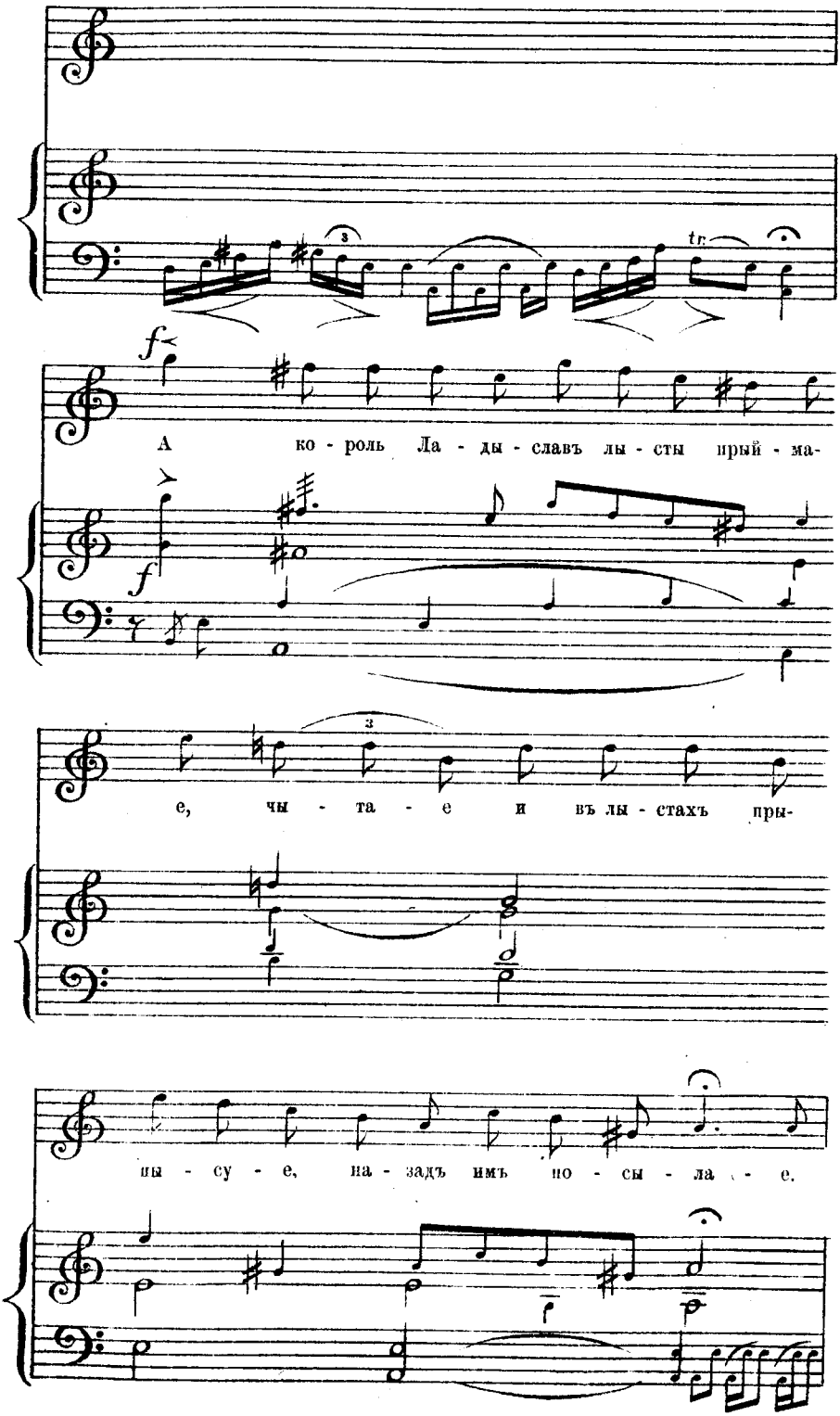
ДУМА ПРО ХМЕЛЬНЫЦЬКОГО ТА БАРБАША.

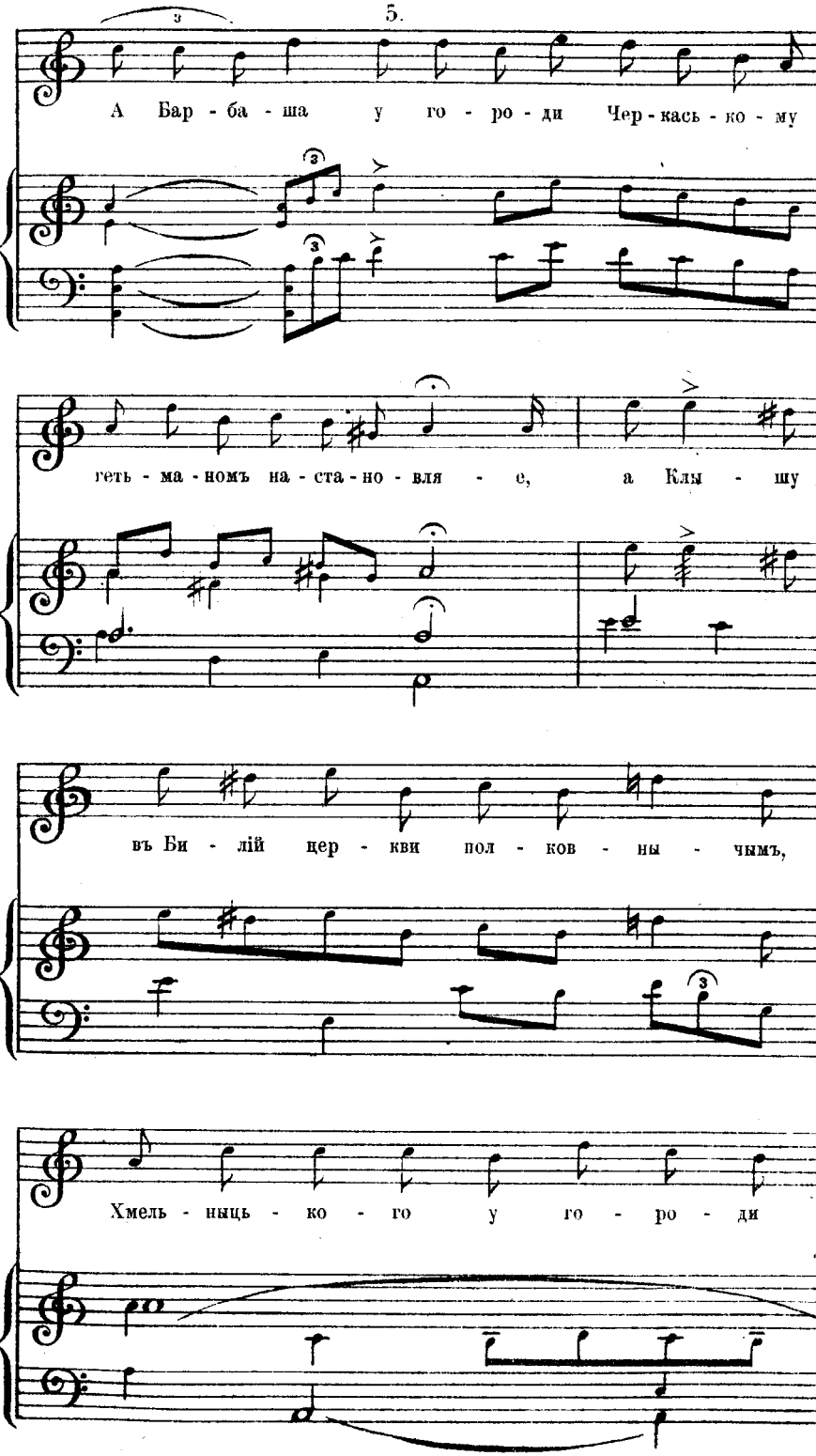
одъ Кобзаря Павла Братыци, у Нижыни, спысавъ М. Лисенко.

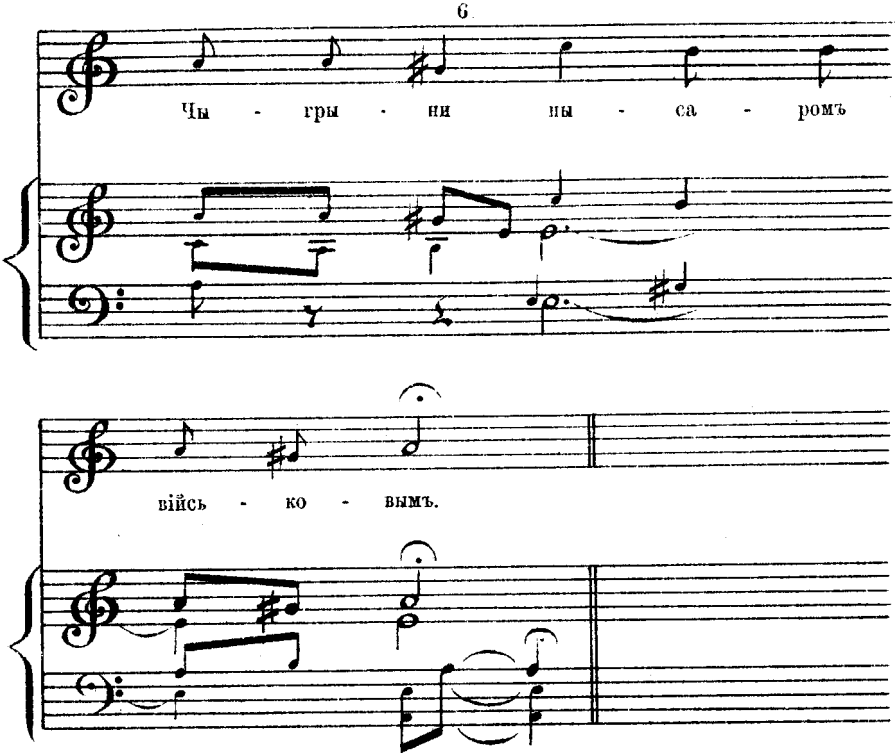

Гэй, зъ день - го - ды - ны шчы - на - лы - ся
ве - лы - ки вой - ны на Вкра - и - ни


що то-дижъ то не мигъ ни-хто о-би-бра-ты-ся,
а за ви-ру хры-сты-янсь-ку до-стой-но,
ира-вед-но ста-ты.
Гиль-ки о-би-брав-ся Бар-башъ та Хмель-


ныць - кий да ще Клы - ша Би - ло - цер - кивсь - кый.
Шо то - дижъ то во - ны одъ сво - ихъ рукъ
лы - сты ны - са - лы, та до ко - ро-
ля Па - ды - сла - ва по - сы - ла - лы.


tr
f
А ко - роль Ла - ды - славъ лы - сты прый - ма-
f
3
е, чы - та - е и въ лы - стахъ пры-
ны - су - е, на - задъ имъ по - сы - ла - е.


А Бар - ба - ша у го - ро - ди Чер - кась - ко - му
геть - ма - номъ на - ста - но - вля - е, а Клы - шу
въ Би - лій цер - кви пол - ков - ны - чымъ,
Хмель - ниць - ко - го у го - ро - ди


Чы - гры - ни ны - са - ромъ
війсь - ко - вымъ.

Въ вышедшихъ 1—7 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**—Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**—Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.,**—Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ Б. Хмельницкому.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., И. М. Каманина, Мирона, Михаленко-Юрковскаго, Н. В. Молчановскаго, И. М., Ц. Г. Неймана, И. П. Новицкаго, Ѳ. Н., А. А. Русова, Н. С., В. Ястребова.

Въ отдѣлѣ „Документы, извѣстія и замѣтки“ помѣщены сообщенія: В. Б. Антоновича, Н. Н. Бакая, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. П. Горленка, В. С. Иконникова, А. И. Залѣсскаго, И. М. Каманина, П. А. Китицына, М. О. Комарова, И. Л—аго. А. Л., П. Л., И. И. Манджуры, Н. М., Ѳ. М., Д. И. Петровскаго, Н. В. Стороженка, Н. Ѳ. Сумцова, И. В. Теличенка, В. Н. Чеважевскаго, Х. Н. Ящуржинскаго.

Обозрѣніе журн. и газетъ. Библіографич. указатель новыхъ книгъ.

Библіографическій указатель къ „Кіевск. Стар.“ за 1882—1887 гг.

Въ приложеніяхъ: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., видъ Запорожскаго храма, портретъ А. А. Перовскаго. Слово Ѳеоф. Прокоповичу, дума о Б. Хмельницкомъ и БарабаПѣ съ нотами Н. В. Лисенка, Изображеніе св. Владиміра, по рис. худ. Васнецова, Памятникъ Б. Хмельницкому по рис. В. Н. Николаева, видъ Десятинной церкви, постр. П. Могилою.